

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра новой и новейшей истории

И.К. Калимонов

ОСНОВЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ)

Практикум

(Тексты для самостоятельного изучения)

Казань
2006

Введение.

Практика работы со студентами показывает, что многие студенты-историки не владеют в достаточной мере системой методологических и методических знаний, необходимых для самостоятельного написания научного сочинения по зарубежной истории. Сказываются слабое знание современного состояния западноевропейской социальной философии и философии истории, ограниченный доступ к литературе и источникам по зарубежной истории.

Осложняет дело и то, что в отечественной науке слабо разработаны логико-гносеологические процедуры исторических исследований. Преподавание истории во многих университетах России часто ведётся в отрыве от рассмотрения гносеологии и логики истории, т.е. тех познавательных процедур и логических средств, которые используются в исторической науке и отличают её от других наук.

К. В. Хвостова (известный историк-византист, руководитель центра теоретических проблем исторического познания ИВИ РАН) пишет: «в основе исторических исследований лежит огромный труд. При этом его результат зависит не только от анализа исторических источников, о чём знает каждый историк-профессионал, но и от так называемого **«предзнания»** и его **интерпретации**¹ исследователем. Эта последняя зависит от мировоззренческого, социологического и культурологического контекста того времени, в котором живет и работает данный историк»²

Без знания об этих аспектах исследовательской деятельности историка трудно рассчитывать на успех.

Кроме того, распространены два прямо противоположных заблуждения. Одно состоит в том, что история вообще не рассматривается как наука. Она будто бы представляет собой нечто среднее между искусством и наукой. Поэтому в историческом сочинении главное – это литературная форма изложения материала, образный язык, но бессмысленно требовать от такого сочинения точности и адекватности понимания прошлого, согласованности историков в их интерпретации источников, т.е. всего того, что называется в науке объективностью. Другое заблуждение заключается в том, что историю рассматривают как науку, близкую к точному знанию, и сравнивают, например с физикой.

¹ Интерпретация, интерпретации, ж. [латин. interpretatio] (книжн.). 1. Толкование, объяснение, раскрытие смысла чего-н. Интерпретация законов. Интерпретация текста. 2. Основанное на собственном толковании творческое исполнение какого-н. музыкального, литературного произведения или драматической роли. Артист дал новую интерпретацию роли Хлестакова. Интерпретация – толкование, попытка сделать непонятное понятным. В наше время интерпретация рассматривается феноменологической герменевтикой как средство для улавливания формирования смысла в человеке. Интерпретация – толкование, попытка сделать непонятное понятным. В наше время интерпретация рассматривается феноменологической герменевтикой как средство для улавливания формирования смысла в человеке.

² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Наука, 1995. С. 3.

История не может соответствовать идеалу математического или естественнонаучного знания. У истории – другой объект изучения. Человек и человеческое общество не знают такой повторяемости, которая позволяет говорить о возможности точного прогноза. Человек – существо, наделённое воображением, то есть обладающее свободой выбора. Поэтому нельзя точно предсказать его поведение. Можно лишь установить границы, которые ограничивают его воображение, установить возможные направления общественного развития в тех или иных условиях. Границы, в которых возможны альтернативы, устанавливаются исходя из опыта приобретённого человечеством к тому моменту, когда за работу берётся историк. Историк исходит из потребностей общества, в котором он сам живёт: он применяет теоретические представления об обществе и человеке своего времени к прошлому для того, чтобы решать современные ему проблемы. Он не может вывести эти теории из прошлого: историк берёт их из современной ему системы представлений об обществе. Они то и могут быть проверены на практике.

Изучение исторического прошлого означает **реконструкцию событий**, процессов, отношений, ценностных установок, институтов, постижение их исторического содержания и оценку этих явлений с точки зрения современного знания.

Историк – такой же человек, как и те, кого он изучает. Историк не может не быть субъективным. Потому он никогда не приблизится к той степени объективности знания, которая присуща математике или физике. Но субъективность субъективности рознь. Проверить историка можно эпистемологически. Выдающийся французский философ П. Рикёр писал по этому поводу: **«Объективность должна браться здесь в строго эпистемологическом смысле: объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что, в конечном счёте, оно делает понятным. Это истинно для физических и биологических наук, это истинно также и для истории. Следовательно, мы ждём от истории, что она найдёт доступ к прошлому человеческих обществ, обладающему таким достоинством объективности. Это не означает, что её объективность та же, что у физики или биологии: существует столько уровней объективности, сколько существует методических подходов. Стало быть, мы ожидаем, что история прибавит новую область к меняющей свои границы империи объективности»**¹.

Проверка историка на «хорошую» субъективность осуществляется по принципу соответствия применяемых им приёмов и методов требованиям научной программы, в рамках которой он осуществляет исследование.

В любом случае историк должен помнить, что его труд основан на двух принципах². Первый принцип – **«возвратное вопрошание»**. Историк не может поставить эксперимент с прошлым человечества. Он вынужден пользоваться следами, которые остались от прошлого. Поэтому в исторической дисциплине

¹ Рикёр П. История и истина / Пер. с франц. – СПб.: Алетейя, 2002. С. 35 – 36.

² См.: Поль Рикёр. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998.

на первом месте стоит теория, а на втором месте – конкретные исследования. Связано это со спецификой исторического знания: историческую теорию можно разработать только на основе современного исторического опыта, здесь мы в состоянии наблюдать и проверять действенность теории. Данная теория приспособляется затем для изучения прошлого в зависимости от того, какие следы оставила изучаемая историком эпоха и в зависимости от предмета изучения. Второй принцип – **«единичное причиновменение»**. Этот принцип основан на утверждении, что история как наука имеет смысл только в том случае, если позволяет создавать цельное, связное представление о прошлом. Только в таком виде она может исполнять свою дидактическую и социальную функции как способ рационализации исторической памяти. Однако создать цельный рассказ можно только при наличии единого сюжета. Эта черта сближает историю и литературу. В зависимости от выбора сюжета (жанра) историк будет излагать историю определённым образом, отражая при этом интересы определённой социальной группы. Принимая этот факт в расчёт можно чётко определять направленность исторического сочинения, его обусловленность историческим контекстом, что позволяет говорить о вариативности исторического познания в определённых границах, называемых в историографии историографическими школами. Следовательно, ни один историк не может быть свободен от мироощущения своего времени. Подсознательно или осознанно он ориентируется на достижения своего времени как в сфере теоретического, так и в сфере практического опыта, не забывая при этом об опасности модернизации прошлого, которая подстерегает историка на каждом шагу. Избежать этой опасности помогает только жёсткое соблюдение привил предписанных теоретической моделью исследования. Таким образом, историк проверяется на возможность искажения исторических фактов в первую очередь с точки зрения соблюдения им правил познания и методов исследования, присущих современному ему уровню развития философии, родственных исторической науке гуманитарных и социальных дисциплин, принадлежностью к той или иной группе интересов в обществе. Следовательно, прежде чем заниматься историей, желательно иметь представление о теориях, объясняющих современное общество, иметь представление о направленности его развития, иметь представление о развитии современного философского и научного знания.

К.В. Хвостова выделяет в данном случае два уровня, по которым можно судить о качестве проделанной историком работы. «Первый из... уровней исследования предполагает реконструкцию изучаемых явлений прошлого путем вхождения исследователя в знаковую ситуацию изучаемой эпохи, т.е. благодаря восстановлению свойственного этой эпохе понятийно-категориального аппарата (в зарубежной историографии этот процесс обозначается как понимание). Второй связан с выявлением исторической роли изучаемых феноменов, их места в системе других явлений с учётом исторической перспективы, неизвестной современникам, но определяющей их оценку с точки зрения последующей истории. Оценка осуществляется с помощью высказываний, в которых используются категории и понятия науки,

современной авторам исторических исследований (в историографии этот метод назывался по-разному. Мы определим его как системный)».¹

Собственно говоря, мы имеем два конкурирующих подхода к объяснению и рационализации исторического опыта человечества: онтологический и гносеологический (**объяснение** или **понимание**). Разобраться в этих подходах, осмыслить их – одна из приоритетных целей для студента-историка.

По выражению историка-германиста И.Я. Биска, студент должен уяснить кажущуюся на первый взгляд парадоксальной формулу: **образование – это то, что остаётся, когда выученное забыто**. Остаться же должен, прежде всего (наряду с базовыми вопросами) метод изучения, дающий возможность студенту расти самостоятельно и всегда быть на уровне современных требований науки².

Сделать это без самостоятельной научно-исследовательской работы невозможно. Поэтому сейчас на первый план в подготовке специалистов выдвигается задача усиления компонента самостоятельной работы в общей учебной нагрузке. Данная работа призвана ознакомить студентов с базовыми принципами самостоятельного научного поиска и написания научного сочинения, нацелить на освоение методов исторического исследования, применяемых в западноевропейской и отечественной науке, изучающей историю стран Запада в новое и новейшее время.

Спецкурс «Основы научных исследований», рассчитанный на 34 часа изучения состоит из 3 частей. Данное учебно-методическое пособие представляет собой парафраз или прямое изложение текстов различных работ по теории и методологии истории, систематизированных по темам изучения. Это позволяет составить общее представление о предмете изучения и облегчает дальнейшее освоение литературы. Желая ознакомиться с той или иной темой подробно могут обратиться к первоисточникам, указываемым в сносках. Первая часть непосредственно связана с курсом философии: данные тексты раскрывают принципы философии и методологии науки, необходимые для наработки навыков научно – исследовательской деятельности студентов. Вторая часть знакомит с правилами поиска информации, обоснования цели и задач, научного анализа, систематизации и обобщения данных, знакомит с основными действиями в ходе проведения исследования на основе обобщения опыта западноевропейской историографии XX века. Третья часть предоставляет возможность ознакомиться с правилами оформления научного сочинения, требованиями, предъявляемыми к постановке цели научной работы, введению и основному содержанию научной работы. Здесь же даётся представление о логико-методологических требованиях к обоснованию результатов научной работы.

В силу того, что полученные выводы надо аргументировано изложить, а затем отстаивать свою точку зрения, пособие завершается изложением правил подготовки устного выступления, его обсуждения и последующей защиты.

¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 6 – 7.

² Биск И. Я. Мой XX век: Записки историка. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – С. 232.

СОВРЕМЕННОЕ НАУКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА.

Ключевые слова

Индукция и дедукция, анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, идеализация, аналогия, описание, объяснение, предсказание, обоснование, гипотеза, подтверждение и опровержение, систематизированность, обоснованность, доказательность, проверяемость, идеал научной рациональности. Теоретические методы. Аксиоматический метод. Конструктивистский метод. Гипотетико-дедуктивный метод. Прагматический метод. Номотетический и идеографический подходы. Необходимое и случайное в истории. Научные революции, парадигмы и сообщества. Мировоззренческий, социологический и культурологический контекст. Исторический контекст. Предзнание и интерпретация. Конкуренция научно-исследовательских программ.

Вопросы для обсуждения

1. Что такое наука?
2. Как возникла наука?
3. Основные характеристики «большой науки» XX века.
4. Эмпирический и теоретический уровни научного познания.
5. Особенности процесса научного познания.
6. Научные революции, парадигмы и сообщества.
7. Традиции и новации в развитии науки.
8. Теоретические методы. Аксиоматический метод, конструктивистский метод, гипотетико-дедуктивный метод, прагматический метод.
9. Можно ли всё-таки считать гуманитарные науки науками в полном смысле слова?
10. Чем отличаются собственно гуманитарные науки от социальных наук?
11. Почему парадигма истории – это, прежде всего, парадигма историографии?
12. Почему историк проверяется на объективность эпистемологически?
13. Нагружено ли эмпирическое знание теоретическим?
14. Каковы характерные черты прагматического метода?
15. Почему историческая наука не может сравняться по результативности с естественнонаучными дисциплинами?
16. Можно ли считать гуманитарные науки науками в полном смысле слова?
17. Кризисы общества и кризисы исторической науки. Почему происходит смена парадигм?

При изучении этой темы рекомендуется обратиться к учебнику В.А. Канке¹. Желая составить более глубокое представление о предмете методологии науки могут воспользоваться книгой «Философия и методология науки»², а также другими произведениями³.

Прежде всего, надо определиться с понятиями и терминологией. В противном случае будет трудно понять, о чём идёт речь.

Наука – это деятельность человека по выработке, систематизации и проверке знаний.

В упрощённом виде, на уровне бытового сознания, люди пользуются научными методами бессознательно. Мы рассматриваем объект, мысленно делим его на части, соотносим с определённой классификацией, устанавливаем назначение частей и существенные связи между ними, на практике проверяем достоверность наших представлений. В науке используются, по сути дела, обычные приёмы рассуждений, которые характерны для любого рода человеческой деятельности и широко применяются людьми в обыденной жизни.

Что мы имеем в виду, когда говорим о приёмах научного исследования? Речь идёт об индукции и дедукции, анализе и синтезе, абстрагировании и обобщении, идеализации, аналогии, описании, объяснении, предсказании, обосновании, гипотезе, подтверждении и опровержении.

Задача студента: овладеть этими приёмами, научиться применять их в своей учебной деятельности, самостоятельно решать научные проблемы, отличать необходимое от случайного, выделять общее и особенное, выявлять тенденции развития общественных явлений.

Какие качества характеризуют научное знание?

Систематизированность, обоснованность, доказательность, проверяемость, стремление к идеалу научной рациональности – принципы науки, которые сложились исторически в процессе развития научного знания. Несоблюдение их ведёт к ошибочным выводам и заблуждениям. Соблюдение этих принципов – залог эффективности исследовательской работы.

¹ Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки / Итоги XX столетия: Учебное пособие... М.: Логос, 2000.-319 с.

² Философия и методология науки. В 2 частях. М., 1994.

³ См.: Бургин М.С., Кузнецов В.И. Введение в современную точную методологию науки: Структуры систем знания: Пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 1994; Кузнецов И.Н. Научное исследование: Методика проведения и оформление. М., 2004. – 432 с.; Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.; Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.; Про, Антуан. Двенадцать уроков по истории: Пер. с франц. / Рос. гос. гум. ун-т. – М., 2000. – 334 с.; Рикёр Поль. История и истина. / Пер. с франц. И.С. Вдовиной и А.И. Мачульской. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.; Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки: Учебное пособие для вузов. – М.: Наука, 1995. – 176с.; Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997.

Как возникла наука?

Наука зародилась в древности в разных регионах мира. Для Европы начало научного знания связано с именами древнегреческих мыслителей Аристотеля, Архимеда, Пифагора, Евклида. Наука становится достоянием большинства образованных людей в 16 – 17 веках. Она стала одним из главных факторов индустриальной революции в странах Западной Европы в Новое время. В наши дни наука имеет весьма разветвлённую структуру, в которую входят философские, логико-математические, естественнонаучные и гуманитарные науки¹.

Существуют разные взгляды на историю возникновения науки. Первая точка зрения связывает возникновение науки с практической и познавательной деятельностью человека: вся наша цивилизация развилась из материальной техники и социальных институтов далёкого прошлого, другими словами, из ремёсел и обычаев наших предков. Вторая точка зрения связывает рождение естествознания, а стало быть, и современной науки, с появлением эмпирического (опытного) знания в 16 – 17 веках. Соответственно, в этом случае развитие современного типа научного мышления следует начинать с Ф.Бэкона и Р.Декарта, Г.Галилея и И.Ньютона. Однако до 19 века наука была уделом любителей, только после реформ Берлинского университета под руководством знаменитого естествоиспытателя В.Гумбольдта появился новый тип учёного: исследователя – профессионала, а университеты стали одновременно базой для проведения исследований и местом подготовки научных кадров. Действительно с появлением новой модели образования связана индустриальная революция коренным образом преобразившая весь мир.

В 20 веке наука стала одним из главных факторов развития человечества. Человек создал «вторую природу» – искусственную, которая для его жизни не менее значима, чем первая. Соответственно растёт роль учёных в жизни общества.

Основные характеристики «большой науки» XX века:

Резко возросшее количество учёных.

Число учёных в мире, человек.

На рубеже 18 – 19 веков	около 1000
В середине 19 века	10000
В 1900 году	100000
Конец 20 столетия	5000000

¹ См.: Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки / Итоги XX столетия: Учебное пособие... М.: Логос, 2000.-319 с.

Рост научной информации.

Если в 1900 году было около 10000 научных журналов, то в настоящее время их уже несколько сот тысяч. Ситуация такова, что ни в одной отрасли знаний не осталось людей имеющих полное представление о состоянии развития даже одной научной дисциплины в полном объёме.

Изменение мира науки.

Наука сегодня охватывает огромную область знаний. Она включает 15000 дисциплин, которые всё теснее взаимодействуют друг с другом. Особые надежды возлагаются на науки о живом, человеке, обществе. По мнению многих учёных, достижения именно в этих науках и широкое использование их в реальной практической деятельности будут во многом определять особенности развития в 21 веке.

Превращение научной деятельности в особую профессию.

Результаты научной деятельности сегодня востребованы в политике, бизнесе, производстве. Над решением многих проблем работают научно – исследовательские центры, разработки которых используются при принятии решений. Научное творчество приобрело коллективный характер и стало больше зависеть от запросов общества, стала приоритетным направлением в деятельности индустриально – развитых государств. Наука требует сегодня больших затрат. Она не может сегодня обойтись без помощи общества и государства. Следовательно, возросла зависимость учёных от отдельных людей и общества в целом. Поэтому невозможна полная свобода исследований с одной стороны, а с другой стороны резко возрастает ответственность учёных перед обществом.

Эмпирический и теоретический уровни научного познания.

Различают эмпирический и теоретический уровни научного познания. Эмпирическое исследование направлено непосредственно на изучаемый объект и реализуется посредством наблюдения и эксперимента. Теоретическое исследование концентрируется вокруг обобщающих идей, гипотез, законов, принципов. Данные как эмпирического, так и теоретического исследования фиксируются в виде высказываний, содержащих эмпирические и теоретические термины. Эмпирические термины входят в высказывания, истинность которых может быть проверена в эксперименте. В принципе невозможно абсолютным образом разделить эмпирические и теоретические факты. Невозможно проводить наблюдение объекта, если нельзя, исходя из теоретических представлений, сформулировать задачу на решение (прежде чем наблюдать, надо знать, что наблюдать). С другой стороны любая теория проверяется практикой, то есть через деятельность. Теория имеет дело с общим. Общее

отражает связи между частями целого. Если связи постоянны, мы обращаем на них внимание, ищем причинно – следственные связи и в случае успеха называем их закономерностями ¹.

Можно ли всё-таки считать гуманитарные науки науками в полном смысле слова? ²

Очевидно, что вердикт о научности гуманитарных наук в немалой степени зависит от толкования категории теоретического закона и процедуры объяснения в научном познании ³.

В последнее время в философии науки всё более очевидным становится **невозможность механического переноса математических и естественнонаучных принципов познания на социальные и гуманитарные исследования.** Именно в этой перспективе переоценивается эпистемологический статус гуманитарных наук. По мнению О.А. Вышегородцевой: поиск новой модели научного объяснения проводится в русле неонатурализма, разрабатывающего гибкую модель научной рациональности, ядром которой, тем не менее, является методология естественной науки. Неонатурализм предлагает в качестве базисной модели объяснения каузальное объяснение, дополняя её смягченными требованиями к степени генерализации знания. Это облегчает проведение эмпирической проверки знания. Здесь налицо явное ослабление понятия номотетичности, что позволяет считать гуманитарную науку «хорошей наукой хотя бы в перспективе» ⁴.

Неокантианство выявило два направления для хода эпистемологических исследований: либо мы признаем за образец научности естественные науки, и тогда гуманитаристика заведомо ненаучна, либо пытаемся построить особый канон научности, отличный от естественнонаучного, и таким образом обосновываем научность гуманитаристики ⁵.

Основная задача любой науки – познание объективных законов исследуемого предмета. Между тем в обществе, поскольку его функционирование и развитие есть результат деятельности людей, в предмет исследования полагалось бы включить сознание, волю, настроения, капризы и

¹ См.: Стёпин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.-743с.

² См.: Валеев Г.Х. Методология научной деятельности в сфере социогуманитарного знания. М.: Наука, 2004. – 234 с.

³ Вышегородцева О.А. Достоверность гуманитарного познания: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. С. 16 – 17.

⁴ Вышегородцева О.А. Достоверность гуманитарного познания: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. С. 16 – 17.

⁵ Вышегородцева О.А. Достоверность гуманитарного познания: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. С. 14.

т.п., которыми непосредственно побуждается деятельность людей. Но можно ли тогда говорить применительно к обществу об объективных законах как специфическом предмете научного исследования? Сегодня мы отчетливо понимаем, что в данном обстоятельстве заключается принципиальная особенность и трудность социального познания ¹.

Реальная эмпирическая история людей – это история тысяч и тысяч конкретных различных стран, народов и государств, короче говоря, она многообразна. Внутреннего единства в этом многообразии непосредственно не наблюдается, а без установления такого единства не может быть и научного подхода к истории, ибо последний опирается на признание объективных закономерностей. Закономерность же присутствует лишь там, где есть общее, повторяющееся. Абсолютной повторяемости нет и в природе, но все же подметить общее в различающихся природных процессах и явлениях сравнительно просто. Исследуя повторяющееся в явлениях природы – в естественных ли условиях или в лаборатории, – учёные рано или поздно приходят к открытию законов данных явлений, то есть необходимого, существенного, устойчивого в них.

Конкретная история не только многообразна, но и сугубо индивидуализирована. Реальная история отдельных стран, народов и государств уникальна. События, происходящие в той или иной стране, нигде и никогда потом в точности не повторяются. В связи с этим, казалось бы, напрашивается вывод, что в развитии общества нет законов, а, следовательно, не может быть и наук об обществе.

Все формы движения и развития в природе, будь то эволюция звездных систем или движение в микромире, геологические процессы или развитие растительных и животных видов, имеют относительно устойчивые состояния, поддающиеся разграничению, сравнению и измерению. Иное дело общество, его история. Миллионы и миллиарды людей живут и действуют, и из их индивидуальных действий складывается история человечества. Смерть и рождение постоянно обновляют человеческое море, здесь все и всегда изменяется. Кажется, нет никакой возможности остановить этот поток и как-то в нем разобраться. Это постоянное движение истории ставит перед исследователем не только проблему выявления относительно устойчивых исторических состояний и выработки критериев их выделения, но и задачу выяснения связи и преемственности, отдельных состояний исторической эволюции ².

Необходимо провести **различение собственно гуманитарных наук и социальных наук**. Если объектом гуманитаристики в собственном смысле (литературоведения, искусствоведения) является индивидуальное и конкретное,

¹ Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М., 1981. С. 3-11. См. также: Кемеров В.Е. Хрестоматия по социальной философии: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов вузов / Т.Х. Керимов. – М.: Академический Проект, 2001.

² Кемеров В.Е. Хрестоматия по социальной философии: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов вузов / Т.Х. Керимов. – М.: Академический Проект, 2001. С. 30.

то социальные науки (экономика, социология, история) ориентированы на открытие всеобщего – законов социальной действительности. А значит, для них остается в принципе возможным путь использования методологии естественных наук. Это корректирует неокантианскую дилемму: «не науки или особые науки», добавляя к ней третий вариант – науки по образцу естественных наук¹.

Теория строится таким образом, что она описывает непосредственно не окружающую реальность, а идеальные объекты. Идеальные объекты в отличие от реальных характеризуются не бесконечным, а вполне определённым числом свойств. В теории задаются не только идеальные объекты, но и взаимоотношения между ними. В итоге теория, которая описывает свойства идеальных объектов, взаимоотношения между ними, а также свойства конструкций, образованных из идеальных первичных объектов, способна описать всё то многообразие данных, с которыми учёный сталкивается на эмпирическом уровне. Именно в этом заключается смысл идеализации. **Научная идеализация есть форма выделения общего.**

Например, механика как научная дисциплина имеет дело не с реальными объектами, а с идеальными. Исследователь в данном случае измеряет только массу предмета и его возможность находиться в пространстве и времени, не обращая внимания на другие свойства. Понятно, что ни одна теория не может охватить всё многообразие мира.

Однако любая дисциплина, стремящаяся быть научным знанием, должна стремиться к точности выражения мыслей. У истории в данном случае возможности значительно ограничены в сравнении с дисциплинами математическими и естественнонаучными. Есть мнения, что история в принципе не может оперировать понятиями, так как понятия – абстракции присущие только математическим и естественнонаучным дисциплинам. Другая точка зрения высказывается немецким исследователем – Р. Козеллеком в работе «История понятийная и история социальная»². Он солидарен с мыслью Марка Блока о том, что ещё до всякой истории надо было бы поставить историю понятий³.

Любая научная дисциплина состоит из нескольких научных областей, специфика которых отображается относительно замкнутыми системами понятий, представляющих собой теории. Именно они объединяют вокруг себя соответствующий эмпирический материал.

¹ Вышегородцева О.А. Достоверность гуманитарного познания: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. С. 14 – 15.

² Koselleck R. Histoire des concepts et histoire sociale // Le Futur passé, contribution à la sémantique des temps historiques. Paris: EHESS, 1990. P. 69.

³ Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris: Armand Colin, 1960. P. 41.

Ограниченность позитивизма с его идеалом методологии, построенной по образу и подобию точных естественных наук, и неопозитивизма с его жесткими логическими требованиями к языку, вызвали интерес к проблемам априорных оснований научного знания. Данные основания рассматриваются в качестве социально-исторического контекста, совокупности социокультурных предпосылок, которые определяют возможности научного опыта в каждую конкретно-историческую эпоху¹. Эти же предпосылки детерминируют и характер теоретического поиска, определяя выбор фундаментальных принципов науки и стратегий формирования научных теорий на соответствующем этапе ее исторического развития.

Свое концептуальное воплощение эти идеи нашли в работах таких ведущих представителей исторического направления в философии науки как Т. Кун², И. Лакатос³, П. Фейерабенд и других. Этих учёных объединяло убеждение, что **развитие науки зависит от воздействия социальных и психологических факторов, поэтому философия науки должна опираться на историко-научные исследования, учитывать исторические изменения науки.**

Особенности процесса научного познания.

Функции научного исследования можно свести к фразе «Знать, чтобы предвидеть». Другими словами надо **давать причинное объяснение события, исходя из теоретических представлений.** Если же теория не позволяет дать более или менее правдоподобное объяснение, значит, теория не совершенна и нуждается в переработке.

Такое **противоречие между теорией и практикой – научная проблема, научно – поисковая ситуация с которой начинается, как правило, научное исследование.** Подобная ситуация возникает также при столкновении различных точек зрения. Исследователь стремится разрешить противоречие: достичь понимания. Его назначение состоит в том, чтобы снять отчуждённость понимаемых объектов, событий, явлений, создать у человека ощущение их естественности (описать, чтобы объяснить и понять)⁴.

Предвидение или научный прогноз рождаются путём выведения законов из уже существующей теории, либо выводятся путём наблюдения из множества однотипных эмпирических данных. Однако надо помнить, что наблюдение всегда носит избирательный характер (можно смотреть и многого не видеть). Прежде чем наблюдать, надо избрать объект, определенную задачу, иметь некоторый интерес, точку зрения, проблему. Кроме того, надо уточнить

¹ Кароннова Е.В. Парадигма в историческом знании: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. – С.5 – 6.

² См.: Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.

³ Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. М., 1995. – №4.

⁴ См.: Рузавин Г.И. Логика и методология научного поиска: Обзор англо – американской литературы. М., 1986; Петров Ю.А., Захаров А.А. Общая методология мышления. – М., 2001; Петров Ю.А., Захаров А.А. Практическая методология. – М., 1999.

значение слов, с помощью которых будет производиться описание, а они в своё время возникли как отражение, чьих то интересов и точек зрения. Следовательно, **исследователь всегда зависит от умонастроений своего времени, от накопленного до него опыта, от технических возможностей, которыми он располагает.** Как правило, рост теоретического знания связан с общим историческим процессом¹.

Научные революции, парадигмы и сообщества.

В истории любой науки можно выделить периоды «нормальной науки» и научные революции (подробнее см. книги: **Кун Т.** Структура научных революций; **Поппер К.** Логика и рост научного знания; Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки; Томпсон М. Философия науки.)²

Период «нормальной науки» – время, когда учёные проводят исследования в пределах одной парадигмы. **Под парадигмами подразумевают признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу.** На этом этапе выявляется весь познавательный потенциал, который заложен в новых идеях, определяющих видение реальности и способов её постижения. Но рано или поздно оказывается, что появилась масса вопросов, на которые теория не даёт ответа. В этих условиях начинается поиск новых подходов к решению проблем.

Подходы вступают в конфликт друг с другом. Конкурирующие варианты растут в количественном выражении. Наступает кризис. Создается иллюзия краха основ. Начинается обсуждение фундаментальных положений, которое приводит к возникновению новой парадигмы: происходит научная революция.

Научные сообщества, вступая в спор, защищают ту или иную парадигму. Научная революция оканчивается победой одного из двух противоборствующих лагерей. Наука в целом получает импульс к развитию, а побеждённые переходят на точку зрения победителей. Таким образом, постоянная научная критика есть нормальное состояние любой развивающейся научной дисциплины. **Конкуренция научно – исследовательских программ составляет основу развития науки**³.

Исследовательская программа включает в себя неопровергаемые для сторонников одной парадигмы фундаментальные положения. В неё включается набор гипотез, не противоречащих фундаментальным положениям. Программа приводит либо к предсказанию новых фактов, либо к объяснению со своих позиций фактов, открытых конкурентами.

¹ См.: Современные теории познания: сборник обзоров и рефератов. М.: ИНИОН, 1992. – 167 с.

² См.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977; Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983; Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки: Итоги XX столетия: Учебное пособие. М.: Логос, 2000.; Томпсон М. Философия науки. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.

³ Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии М., 1995. - №4. - С.135-146.

Парадигма исторической науки рассматривается как вид научной парадигмы, обладающий своими особыми характеристиками по отношению к естественнонаучной парадигме Куна.

Парадигма в исторической науке.

Историческая парадигма может быть представлена на методологическом уровне как образец для интерпретации исторических фактов и исторических текстов, а на онтологическом – как совокупность определённых элементов, к числу которых относятся общественные идеи, теории ¹.

Анализируя проявление исторической парадигмы на перцептивном уровне понимания, её представляют в качестве **своеобразной предпосылки понимания**. Это – мнение Е.К. Быстрицкого и В.П. Филатова о проблеме понимания на его первичных уровнях ² – сегодня становится чрезвычайно актуальным для понимания процессов происходящих в исторической науке. Изменения исследовательской парадигмы связаны с изменением самого общества, того языка и символов, с помощью которых осуществляется социокультурная коммуникация. Историческая парадигма сочетает в себе субъективный и интерсубъективный предпосылочный **контексты**. При этом первый может рассматриваться как условие понимания субъектом окружающего мира. Второй выступает как поле деятельности людей, изучаемых историком, и область, в которой определяются духовные продукты этой деятельности.

В процессе восприятия воспроизводится соотношение между явным знанием и неявным пониманием. В виде знания фиксируется наличие определённых объектов, закономерностей их поведения и т.п. Однако знание, получаемое в опыте восприятия, опирается на уже осуществленное действие неявного понимания. Последнее представляет собой определённую структуру восприятия, которая преподносит субъекту предметно-смысловую организацию какого-либо фрагмента действительности. И элементом неявного понимания является интерпретация. Таким образом, явное знание исходит из неявного понимания, имеющегося у субъекта.

Е.В. Кароннова считает, что заключённое в парадигме неявное понимание является исторически изменяющимся, объективно применяемым, но субъективно не представленным ³

Она выделяет уровни действия парадигмы. На первичном уровне происходит **восприятие** учёными определённых предметов, фрагментов исторической действительности, и **интерпретация** исторических явлений, событий реальности, иными словами, интерпретация первичных текстов. Результатом данной интерпретации, т.е. результатом действия парадигмы на

¹ Кароннова Е.В. Парадигма в историческом знании: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. – С.8.

² Быстрицкий Е.К., Филатов В.П. Теория познания и проблема понимания // Гносеология в системе философского мировоззрения / Отв. ред. В.А. Лекторский. - М.: Наука, 1983. - С. 282, 283, 288 – 980.

³ Кароннова Е.В. Указ. соч. – С.9.

первичном уровне, является возникновение новых исторических источников, нового знания.

На втором уровне интерпретируется **знание о реальности**, заключённое в исторических текстах, т.е. дается интерпретация вторичных текстов как знания о знании. Её особенностью является не только определение достоверности приводимых данных, но и выяснение исторического смысла текста, того, что и зачем автор хотел сказать. При этом особенно важным является сохранение роли самого автора как окончательного определителя значений и смыслов текста.

Данные цели достигаются при помощи соотнесения исследуемого текста с другими работами этого же автора, либо с работами других авторов. Кроме того, перед исследователем стоит задача выявления неявного знания, т.е. концептуальных предпосылок, определяющих скрытую цель, мотив, как написания самого текста, так и описания и анализа исторических событий, приводимых в нем.

В связи с этим, исторический смысл текста невозможно обнаружить без знания об общем, объединяющем, что является гносеологической предпосылкой понимания индивидуального в истории. И в конечном итоге, **именно неявное знание, заключённое в парадигме, позволяет отличить науку от ненауки**. В этом как раз и состоит результат проявления парадигмы на втором уровне и её значение как демаркационной линии для исторической науки.

Поскольку, парадигма истории – это, прежде всего, парадигма историографии, то можно прийти к выводу о том, что на всем протяжении истории историографией всегда руководила какая-либо определённая парадигма, которая объективно задавала историку цели и средства воссоздания прошлого, пределы видения настоящего и способы его выражения, перспективы будущего. Именно поэтому различаются взгляды на историю исследователей, руководствующихся разными парадигмами ¹.

Историческая парадигма содержит основополагающие и конкретно-исторические идеи, исторические теории и соответствующие им познавательные средства. Основополагающими идеями рассматриваемых исторических парадигм являются идеи движения общества, общности человечества. Они имеют свое конкретно-историческое воплощение в каждом типе парадигм. Эти конкретно-исторические идеи, в свою очередь, определяют проблемы историографических исследований, опирающихся на определенную парадигму, которая включает в себя и единую ментальность, объединяющую историков ²

Выполняя познавательную функцию, **парадигма указывает историку, в каких формах проявляются такие основные общественные феномены, как**

¹ Кароннова Е.В. Указ. соч. – С.10.

² Кароннова Е.В. Указ. соч. – С.11.

язык, культура, практика, наука, мораль. Они представляют собой исторические формы национального, классового, государственного, политического, экономического, демографического, профессионального и иного содержания. Нормативная функция парадигмы характеризует способы определения ею форм научной жизни и перспектив развития исторической науки, в соответствии с формами тех сущностей, которые присутствуют в обществе.

Парадигма выступает образцом для интерпретации исторических текстов и определяет границы видения исторических событий. Именно этим объясняются различия в истолковании одних и тех же явлений историками, руководствующимися разными парадигмами. Каждая историческая парадигма, являясь предпосылкой понимания, позволяет изучать лишь определенный набор фактов и источников. **Любая историческая парадигма может быть выявлена в науке лишь ретроспективно.**

Традиции и новации в развитии науки.

Традиции образуют скелет науки: они определяют характер деятельности учёного. Наша свобода в выборе проблем не очень велика. Мы привязаны к движению нашей истории, наша жизнь есть частица общего движения, а наша свобода выбора ограничена волей решать, хотим мы или не хотим участвовать в развитии, которое совершается в нашей современности независимо от того вносим ли мы в него какой то свой вклад или нет.

В рамках «нормальной науки» никто не ставит себе цели создания новых теорий. Здесь мы имеем дело с фактом жёсткой запрограммированности. когда новое просто не замечают, да и не стремятся найти.

Новые фундаментальные факты и теории чаще всего создаются непреднамеренно в ходе игры по одному набору правил, но их восприятие требует разработки другого набора правил. Однако они также будут стремиться к унификации, как необходимому условию взаимопонимания в научном сообществе¹.

Начало исторической науки, связано с развитием такой особенности научного знания вообще, как рефлексия (т.е. самообоснование и внутренний анализ процесса получения знания), под которой, применительно к истории, понимается осмысление исторической реальности при помощи изучения, сравнения элементов данного процесса²

Уровень рефлексии и её эффективность различны на разных стадиях развития историографии. Но уже со времен Геродота и Фукидида элементы рефлексии (по мнению М.А. Барга)³ являлись инструментом, при помощи

¹ Философия и методология науки. Часть 1. – М., 1994. – С.112-213.

² Кароннова Е.В. Парадигма в историческом знании: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. – С.12.

³ См.: Барг М.А. Эпоха и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987.-348с.

которого историк производил отбор и группировку фактов, определял место каждого из них в системе значений, находил способ их сцепления. Кроме того, именно древние греки стали относиться к истории как к науке о прошлом, о событиях, отстоящих от настоящего не менее чем на одно поколение.

Развитие исторической парадигмы, как никакой другой, тесно связано с социальными и культурными процессами исторической эпохи. У греков появляется первый в истории человечества алфавит, возникший из финикийского полуалфавитного слогового письма, первая историческая литература. В социально-политической области этот период античной истории был отмечен потрясениями, сломавшими господство родовой аристократии и положившими начало развитию рабовладельческой демократии, превращению рабства в самостоятельный способ производства. На развитии древнегреческой экономики сказалось вхождение Греции в систему мировой торговли и появление монет.

Зарождение исторической парадигмы связано с именами Геродота и Фукидида, её развитие – с трудами Аристотеля, а становление парадигмы – с трудами Полибия. Основными идеями, положенными в основу **циклической парадигмы** можно считать идею биологической целесообразности Аристотеля, возникшую в результате его наблюдений над строением живых организмов, идею «вечного возврата» и идею полезности истории Геродота. Кроме того, циклическая парадигма может быть представлена несколькими теориями: во-первых, концепцией античного прагматизма Фукидида; во-вторых, учением Аристотеля о закономерности общественного развития и его теорией политических форм, в основе которой лежал анализ исторически существовавших государств древности. И, наконец, политической теорией Полибия.

Рассматриваемая парадигма определяет способ установления фактической основы исторического повествования, его истинности при помощи метода «перекрёстного допроса». Она указывает на такую своеобразную форму научной жизни как историописание, представляющую собой переход истории из области художественного творчества в научное исследование. Циклическая парадигма предполагает план развития исторической науки в направлении расширения границ повествования путем увеличения количества описываемых событий. Кроме того, историческое повествование свидетельствует о появлении у историков установки на чтение текста, его анализ, а не на запоминание. Данная установка, требующая четко сформулированных критериев, эталонов свидетельствует о появлении систематизированных знаний о прошлом, правил, принимаемых большинством историков. Все это является еще одним показателем становления истории как науки, а вместе с тем и исторической парадигмы ¹.

Дальнейшее развитие исторической науки приводит к зарождению **линейно-поступательной парадигмы**, и выделяются четыре этапа её

¹ Кароннова Е.В. Указ. соч. С.13.

становления и развития. Первый этап (V – XIII вв.) заключался в оформлении линейного (христианского) мировидения, второй (XIV – XVII вв.) представлял собой распространение парадигмы, третий (XVIII в.) характеризовался её утверждением. Последний этап (30 – е гг. XX в.) связан с вступлением парадигмы в фазу кризиса.

Свое первоначальное оформление линейно-поступательная парадигма получила в трудах Августина Блаженного. Отвергая античную концепцию циклического времени, он является сторонником линейной концепции развития истории. В его трудах нашли свое первоначальное воплощение основные идеи линейно-поступательной парадигмы – идеи линейности времени, развития и исторического единства человечества, которые в дальнейшем были развиты и дополнены в трудах мыслителей XVI – XVIII вв. Данные идеи являются конкретизацией основополагающих идей рассматриваемых исторических парадигм-идей движения и общности человечества.

Обращение к трудам философов и историков XVI – XVIII вв. позволяет отметить, что представления авторов об историческом процессе, так или иначе, опирались на все идеи и теории линейно-поступательной парадигмы. Однако в своих работах авторы подчеркивали лишь некоторые из них, под особым влиянием которых они находились.

Данная парадигма может рассматриваться как совокупность идей линейности времени, единого развития человечества, закономерного развертывания исторического процесса, влияния географической среды на историю и идеи о том, что движущей силой истории являются разум и просвещение. Теориями данной парадигмы можно считать теории прогресса, естественного права и общественного договора, революций и классовой борьбы.

Методом историографии периода господства линейно-поступательной парадигмы, помимо критического анализа фактической стороны источников, следует считать метод филологической критики, берущий свое начало от Гердера¹. Данный метод предполагает анализ составных частей источников с целью выявления в них ранних и поздних элементов, что даёт возможность в той или иной степени различать достоверное. Критика даже наиболее достоверных частей позволяет историку учитывать возможные искажения изложенных фактов, возникшие под влиянием точки зрения автора источника.

Линейно-поступательная парадигма определяла в качестве формы научной жизни труд и монографию, а перспективы развития науки видела в росте конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности исследовании источников, и в открытии законов исторического процесса. Данная парадигма как образец для интерпретации очерчивала историку определённые границы рассмотрения исторического процесса как поступательного восхождения по линии прогресса от прошлого через настоящее к будущему.

¹ Кароннова Е.В. Парадигма в историческом знании: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. – С.14.

Со второй трети XX в., с момента вступления линейно-поступательной парадигмы в кризисный период стала подвергаться критике концепция линейного развития. Возникновение новых перспектив в объяснении истории развития человечества в это время связывалось с именами О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби. Их теории, в основу которых положена концептуальная схема «генезис – рост – упадок», можно считать своеобразным возвратом в 30-е гг. XX в. к циклической парадигме истории¹.

В историографии этого периода не исключалась возможность и дальнейшего применения линейно-поступательной парадигмы к анализу развития истории. В 40 – е гг. XX в., в противовес концепциям Шпенглера² и Тойнби³, К. Ясперс выдвигает линейную теорию «осевого времени». Рассмотрение идеи единства человечества в качестве фундаментальной для своей теории, являлось попыткой развития Ясперсом линейно-поступательной парадигмы в период её кризиса⁴.

Опыт развития науки и истории свидетельствует, что изменения парадигмы связаны с общественными катаклизмами. Так, 30-е годы XX века характеризуются не только концептуальным поиском в историографии, но и вступлением стран Запада в полосу кризиса. Мировой экономический кризис 1929 – 1933 гг., укрепление фашизма и подготовка новой мировой войны – эти социально-политические процессы оказывали значительное влияние на развитие науки, в том числе историографии. Историографические тенденции этого периода характеризовались распадом традиционных школ и направлений, обращением ученых к узким и частным темам исследования, усилением «политизации» науки, распространением неверия в общественный прогресс, отказом от идеи закономерности в развитии человечества.

Существенной чертой кризиса в историографии был усиливающийся разрыв между количественными и качественными показателями западной исторической науки, который проявлялся в растущей научной специализации, совершенствовании исследовательской техники, укреплении организационных основ и расширении издательского дела. Также наблюдались сужение познавательных возможностей историографии, ее методологический эклектизм, субъективность и пессимизм общих построений.

Вместе с тем, продолжалось накопление фактического материала, расширение источниковедческой базы исторических исследований. Группы учёных, стремясь преодолеть методологический вакуум, обратились к детальному изучению социально-экономической истории, разработке вопросов развития рабочего движения. Предпринимались попытки по-новому посмотреть на некоторые проблемы прошлого, главным образом за счёт

¹ Кароннова Е.В. Парадигма в историческом знании: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. – С.15.

² См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Пгд., 1923.

³ См.: Тойнби А.Д. Постигание истории / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1990. 730 с.; Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995.

⁴ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем.- М.: Политиздат, 1991.

расширения предмета и совершенствования методики исторического исследования.

Кризис линейно-поступательной парадигмы привнёс в философскую и историческую мысль необходимость дальнейшего поиска путей выхода из него. Помимо вышеперечисленных взглядов Шпенглера, Тойнби, Ясперса, данный поиск вылился в ряд социолого-политологических концепций развития человечества 50 – 90-х гг., таких как теории «индустриального общества», «стадий экономического роста», «согласованных интересов (консенсуса)», «постиндустриального общества» и других¹.

В конце XX в. актуализировалась тематика нелинейного развития общества и науки, подверглась критике концепция прогресса. Широкое распространение вновь получили схемы культурного плюрализма О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. С обострением глобальных экологических, демографических, экономических проблем современности в конце столетия история стала представляться многовариантной.

Кризисы общества и кризисы исторической науки. Почему происходит смена парадигм на рубеже XX – XXI веков?

Развитие науки сопровождается кризисными ситуациями, которые имеют сложную природу, включая в себя и кризис господствующей парадигмы. Разрешение кризисов в науке необходимо связано с зарождением новой парадигмы. Её появление свидетельствует не об ошибочности предыдущей парадигмы, а о движении научного знания.

XX век породил новые противоречия. Мир утратил устойчивость, жизнь меняется слишком быстро для человека: люди оказались не готовы к тем изменениям, которые принёс научно-технический прогресс. Резко возросла роль случая и роль личности в общественной жизни.

Сегодня многие ставят вопрос о том, насколько психологически приспособлен человек к ситуации быстроменяющегося мира. В прошлом социальный цикл зачастую соотносился с культурным. Сегодня на жизни одного поколения окружающая культура может измениться несколько раз в связи с резким сокращением сроков от изобретения до массового внедрения достижений техники. Человек не чувствует себя уверенно ни в культурном, ни в профессиональном плане. В мире всё больше становится людей вырванных из лона семьи, из привычного ландшафта, утративших привязанности и ощущение стабильности. С одной стороны становится больше степеней индивидуальной свободы, с другой – становится всё больше невrastеников, потерявших

¹ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. Пер. с фр. М. 1993.

способность ориентироваться в окружающей жизни, способность разумно управлять событиями. Преображается социальное и культурное бытие.

Оторвите человека от родной культуры и бросьте в совершенно новое окружение, где ему придётся мгновенно реагировать на множество совершенно новых представлений о времени, пространстве, труде, сексе и т.п., и вы увидите, какая поразительная растерянность овладеет им. А если вы ещё отнимите у него всякую надежду на возвращение в знакомую социальную действительность, растерянность перерастёт в депрессию. Психологическое онемение – жуткий синдром нашего времени.¹

Пример тому – Россия в 90-е годы XX века, когда за кратчайшее время кардинально изменилась и культурная среда и система ценностей: молодёжь резко отличается от старшего поколения. Мы имеем противоречия не только социальные, но и противоречия между поколениями. Подобные изменения происходят во многих странах мира. Нормой становится, когда вчера ещё респектабельный индивид вдруг становится изгоем. Тот, кто привык к земле предков, оказывается беженцем. Православный попадает в исламское окружение. Человек, который всю жизнь взращивал в себе нравственность, неожиданно обнаруживает, что выжить можно, только придерживаясь, правил поведения воровской шайки. Человеку, который впал в нищету, предлагают оплачивать жильё по западным стандартам. За десять лет либеральных реформ либеральная модель потускнела. События 11. 09. 2004 года показали, что нет никакого конца истории: конфликты приобрели другой характер и другую форму, западная либеральная модель оказалась неприемлемой для значительной части человечества. Надежды на то, что Запад поможет создать условия для сытой и безмятежной жизни рассеялись. Любовь ко всему западному сменилась национализмом в разных формах, подаваемого как патриотизм. Страх перед будущим, как правило, порождает стремление искать защиты в родном стаде.

История как наука прямо связана с проблемой самоидентификации общества. Всё, что происходит в обществе отражается в сознании историков, которые сознательно или бессознательно ищут способы налаживания коммуникативной функции общества. Изменение социальной дифференциации и способов накопления и передачи информации становится исходной позицией для смены теоретической модели. В сложных дифференцированных обществах огромные количества информации должны ещё быстрее течь между официальными организациями субкультурами, которые образуют целое, и между слоями и подструктурами внутри них.

В западных обществах такие изменения приобрели лавинообразный характер во второй половине XX века.

¹ П.С.Гуревич. Бог поразительных преобразений // Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003. С. 10 – 11.

Как писал Э. Тоффлер: «Политическая демократия, вовлекая всё больше и больше людей в принятие социальных решений, облегчает обратную связь. И это именно та обратная связь, которая существенна для контроля. Чтобы взять на себя контроль над ускоренными переменами, нам понадобятся ещё более передовые – и более демократичные – механизмы обратной связи»¹.

Этим определяются революционные изменения в исторической науке последней трети XX века. Они направлены на исследование максимально широкого спектра механизмов межчеловеческой коммуникации, которым ранее просто не придавали значения. Но сегодня они становятся определяющими для сохранения стабильного развития общества.

Главная задача исторической науки – обеспечить самоидентификацию общества и через это – его консолидацию. В XIX веке средством консолидации общества была линейная память, основанная на общей для большинства населения социальной памяти. В исторической науке проявлением линейного восприятия исторического опыта был исторический метарассказ, основанный на единых правилах изложения и аргументации. У человека того времени ещё было ощущение могущества человеческого разума способного понять историю человечества как единый процесс. Поэтому люди того времени могли уверенно глядеть в будущее, будучи уверены в возможности понять, объяснить и предсказать развитие общественных процессов. Современный человек постоянно сталкивается с многообразием, а это вызывает психологический стресс, чувство неуверенности в собственных силах, сомнение в способности понять то, что происходит в обществе. Отдельные истории, которыми пичкает человека телевидение и другие средства массовой информации, не связанные в одну систему, – благоприятная среда для манипуляции единичными воспоминаниями (проверить их с точки зрения единой теории нельзя, а знать всё попросту невозможно). Это стало возможным в результате отказа от метарассказа в ситуации постмодерна. Произошёл отказ от линейных и стадийных построений истории.

Мобильность современного человека порождает необходимость самоопределения: **«найти себя в череде поколений»**. Современный человек идентифицирует себя не в определённой временной точке, а в определённой культуре. Отсюда возникает ощущение прекращения движения, отсутствия в истории смысла. С концом идеологического противостояния и распадом СССР возникло ощущение «конца истории» (Ф. Фукуяма). Действительно складывается такая ситуация, в которой исчезли многие привычные ориентиры. Это произошло не только в политической жизни; начиная с середины 1960-х годов распространяются качественно новые явления повседневной жизни, основанные на протесте против устоявшихся норм поведения, определяющие повседневное поведение людей: общение через Интернет, стиль «унисекс» в моде, хиппи, экологическое движение и движение антиглобалистов и т.п. Все эти явления сопровождались стремлением к отрицанию предшествующей

¹ Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М., 2003. С.518.

модели межчеловеческой коммуникации. Россия тоже переживала нечто подобное после революции 1917 года. В своё время Маркс говорил о конце предыстории человечества. Может быть, его пророчество начинает сбываться? Пока ясно одно: человечество переходит из стадии, в которой главным ограничителем свободы воли были условия окружающей среды, в стадию, в которой основным фактором, создающим границы воображения человека, становится искусственная среда обитания.

Кризис любой исторической парадигмы выражается в её неспособности на современном уровне дать понимание как «вечных» проблем, связанных с основополагающими идеями парадигмы – идеями движения, общности человечества, так и специфических, связанных с конкретно-историческим воплощением данных идей, например, идеями цикличности, изменения для циклической парадигмы, идеями линейности, развития для линейно-поступательной. Методологическими причинами кризиса являются устаревшие гносеологические основания господствующей парадигмы: циклизм для циклической парадигмы, стадияльно-линейное развитие для линейно-поступательной парадигмы.

Предпосылками качественных преобразований в парадигме выступают аномалии. Аномалия появляется обязательно на фоне существующей парадигмы и подвергает сомнению суть ее фундаментальных идей. Так, в недрах циклической парадигмы появилась идея линейного развития, которая явилась своеобразным усложнением идеи изменения, существующей в рамках этой парадигмы. Под развитием подразумевается приобретение нового качества при достижении определенного предела и переходе на следующую ступень своего развития. А в рамках линейно-поступательной парадигмы вызывает идея нелинейности, усложняющая идею линейного развития возможностью многовариантной истории ¹.

При смене исторических парадигм не утрачивается их преемственность. Её легче выявить на втором уровне проявления данных парадигм, где явно действуют идеи, теории, подходы, методы, формы исследования, применяемые для интерпретации вторичных текстов. Данная преемственность заключается в существовании основополагающих идей любой из рассматриваемых парадигм - идей движения общности человечества. Они имеют свое конкретно-историческое содержание в каждом типе парадигм. Так, идея движения в циклической парадигме отражает простое изменение, круговорот, «полезность» истории, помогающую потомкам избежать ошибок предшествующих поколений, в линейно-поступательной парадигме – развитие, качественное изменение, прогресс истории. Идея общности человечества в циклической парадигме включает представление только о географическом единстве отдельных народов и стран, в линейно-поступательной парадигме –

¹ Кароннова Е.В. Указ. соч. С.17.

также и об историческом единстве всего человечества в циклической парадигме сводился, в основном, к «перекрестному допросу» очевидцев, а в линейно-поступательной – к фактологической логической, филологической и другим экспертизам источников.

В содержание хронологического, субстанциального, рационального подходов к предмету историографического исследования каждая парадигма также вносила свои особенности. Так, циклическая парадигма ограничивала применение хронологического подхода определённым периодом времени. Историки не пытались проследить историю какого-либо общества за довольно длительный период. Подобное ограничение (с точки зрения Коллингвуда) объяснялось тем, что ретроспективная граница поля видения историка определялась границами человеческой памяти.

В период господства циклической парадигмы субстанциальный подход заключался в рассмотрении конкретных тем, вопросов, явлений. Для историков, руководствующихся данной парадигмой, не существовало проблемы развития предметов исследования. Последние представлялись неизменными, раз и навсегда данными. Область истории (согласно Коллингвуду) ограничивалась только описанием того, как действуют люди и объекты, природа же их самих оставалась вне поля видения историка¹.

В основу рационального подхода к прошлому была положена вера силу интеллекта и воли человека, тенденция искать причину всех исторических событий в личности, действующей в истории. Особенности, вносимые каждым типом парадигмы, были связаны с пространственно временными границами применения данного подхода. Циклическая парадигма ограничивалась рассмотрением событий времени и места, ближайших к историку. Линейно-поступательная парадигма, в свою очередь, распространяла данный подход на явления всемирно исторического масштаба.

Появление новой парадигмы не приводит к отбрасыванию старой, лишь ограничивает её. Появление алгебры не отменило арифметику и таблицу умножения.

Так, в период становления и господства линейно поступательной парадигмы в историческом знании циклическая парадигма утрачивает статус доминирующей и определяющей облик науки, образца для интерпретации. Сфера её деятельности ограничивается в этом случае уровнем рассмотрения малых общественных систем – конкретных наций и государств. Их развитие представляется как циклическое движение от зарождения через расцвет к упадку. Вместе с тем, общество как совокупность множества культур рассматривается развивающимся поступательно прогрессивно. В свою очередь, парадигма, складывающаяся вслед за линейно-поступательной, уже не трактует как, безусловно, прогрессивный процесс развития человечества в целом. Новая парадигма позволяет говорить о прогрессе в развитии лишь отдельных культур,

¹ См.: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. Пер. с англ. М., 1980.

причём в определённых временных границах. А развитие всего человечества она представляет как процесс, характеризующийся многовариантностью ¹.

Теоретические методы

Реализация теоретического знания – это процесс, который осуществляется шаг за шагом в соответствии с определённым методом. Метод теории – это способ достижения цели теоретическим путем.

Метод (греч. *methodos* – буквально «путь к чему-либо») в самом общем значении – **способ достижения цели, определённым образом упорядоченная деятельность**. Метод как средство познания есть способ воспроизведения в мышлении изучаемого предмета. Сознательное применение научно обоснованных методов является существенным условием получения новых знаний

Главнейшими среди теоретических методов являются: **аксиоматический, конструктивистский, гипотетико-дедуктивный и прагматический**.

Карл Поппер объяснял стремление к построению теорий как попытку найти правдоподобное объяснение происходящим событиям и явлениям: «Дать причинное объяснение некоторого события – значит, дедуцировать описывающее его высказывание, используя в качестве посылок один или несколько универсальных законов» ².

Аксиома – это положение, принимаемое без логического доказательства. При аксиоматическом методе теория строится в виде системы аксиом и правил вывода, позволяющих путём логической дедукции получить утверждения (теоремы) данной теории. Метод используется в математических науках.

Конструктивистский метод используется в логико-математических науках и информатике. Здесь развёртку теории начинают не с аксиом, а с понятий, правомерность использования которых считается интуитивно оправданной. Задаются правила построения новых теоретических конструктов. Статус научности придают лишь тем конструктам, которые действительно удалось построить.

В естествознании широко применяется **гипотетико-дедуктивный метод**. При этом используются гипотезы обобщающей силы, из которых выводится всё остальное знание. В отличие от аксиом математики и логики гипотезы из арсенала естествознания нуждаются в эмпирическом подтверждении.

¹ Кароннова Е.В. Парадигма в историческом знании: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. – С.18 – 19.

² См. К.Поппер. Логика и рост научного знания. М..1983.

Специфику технических и гуманитарных наук наиболее полно выражает прагматический метод. Суть прагматического метода составляет логика так называемого практического вывода. Если при гипотетико-дедуктивном выводе информация о факте «подводится» под закон, то при практическом выводе **информация о средстве должна соответствовать поставленной цели**, которая в свою очередь, согласуется с некоторыми ценностями¹.

В истории доля описания гораздо выше, чем в естественных и даже многих социальных науках. Перед историком возникает огромное количество помех на пути воссоздания эмпирической основы знания. Историк испытывает непрерывное воздействие со стороны общества, государства и научного сообщества. Историческое исследование предполагает элемент игры, вживания в объект, необходимость оперировать понятиями изучаемого времени. Кроме того, историки мало занимаются собственными теоретическими построениями, они поддаются бытующему среди представителей других социальных наук мнению, что история существует только для того, чтобы давать материал для их теоретических построений, то есть теория – дело социологии, философии, политической науки и экономической теории. Ещё одна особенность истории заключается в том, что представления историков не носят универсального характера, историкам присуща некоторая размытость понятийного аппарата. То есть: история – особая форма теоретизирования. Теории, которыми руководствуются историки, как правило, выстраиваются на основе современной им общественно-исторической практики. Поэтому их всегда много: столько же, сколько точек зрения на окружающую их социокультурную действительность. **Историческое познание осуществляется как бесконечный поиск метода, адекватного природе объекта, то есть способного доставить истинное знание об объекте.** Движение к истинному знанию происходит как постепенное устранение несоответствия метода (и знания, получаемого с помощью этого метода) объекту.

В соответствии с вышеуказанными методами можно выделить **ведущие классические идеалы научности: математический, физический, гуманитарный.** Каждый из них имеет в своей основе определённую познавательную базисную ориентацию, определяющую характер задаваемых бытию вопросов, особую комбинацию методов, приёмов и процедур для получения ответов на эти вопросы и, что самое главное, определяющую, в конечном счете, специфическую интерпретацию требований научности, их иерархию в этом идеале:

- математический идеал ориентирован на изучение возможных миров,
- физический идеал – на постижение объективного мира,
- гуманитарный идеал – исследует реальность в аспекте норм, идеалов и ценностей.

¹ Философия и методология науки. Часть 1. – М., 1994. – С.291–299.

Каждая из познавательных базисных ориентаций прочно укоренена в самой структуре человеческой деятельности:

- первая имеет своим истоком универсальные свойства человеческой деятельности, как материальной, так и идеальной;
- вторая вытекает преимущественно из интересов предметной практической деятельности;
- третья коренится в потребностях расширения и укрепления межчеловеческого общения ¹.

Историческая наука имеет иные критерии объективности, нежели естественные науки. Объясняется это другим объектом исследования и невозможностью наблюдать непосредственно или воспроизвести исторические события. Историк судит об историческом событии только по следам прошедшей эпохи. История не может не быть субъективной, так как она изучает человека – субъекта истории, и пишется людьми – субъектами истории:

Поль Рикёр: «Мы ждём от историка определённой субъективности, не субъективности вообще, а такой субъективности, которая могла бы в точности соответствовать объективности, в свою очередь соответствующей истории. Таким образом, речь идет о вовлечённой субъективности, вовлечённой благодаря ожидаемой объективности. Следовательно, мы предполагаем, что существует хорошая и плохая субъективность, и мы ждём, что историк, занимаясь своим ремеслом, отделит хорошую субъективность от плохой.

И это ещё не всё: под словом «субъективность» мы понимаем нечто более важное, чем просто хорошая субъективность историка; мы ждем, что история будет историей людей и что эта история людей поможет читателю, воспитанному на истории историков, построить субъективность более высокого уровня, не только субъективность «я», но и субъективность человека вообще».

Ссылаясь на труды Марка Блока, Поль Рикёр обосновал новый взгляд на соотношение естественнонаучных и исторических методов познания: «Блок показывает, что эта очевидная зависимость историка не от прошлого объекта, а от оставленных им следов несколько не умаляет значения истории как науки: постижение прошлого по его отразившимся в документах следам есть наблюдение в подлинном смысле этого слова; ведь наблюдение ни в коей мере не означает регистрации грубого факта. Воссоздавать, опираясь на документы, событие или, скорее, цепь событий, либо ситуацию, либо институт, значит, следовать объективности особого рода, впрочем, от этого не менее неопровержимой, чем любая другая: ведь такое воссоздание предполагает, что документ подвергается вопрошанию, его заставляют говорить; что историк, окрыленный тем, что сталкивается лицом к лицу с его смыслом, вырабатывает собственную рабочую гипотезу; такое исследование одновременно поднимает след до уровня документа, обладающего означивающей силой, и прошлое – до уровня исторического факта. Документ не является таковым до тех пор, пока

¹ Философия и методология науки. Часть 1. – М., 1994. – С. 291–299.

историк не озаботится тем, чтобы задать ему вопрос и тем самым, если так можно выразиться, обосновать его предшествование, опираясь на собственное наблюдение; действуя так, он созидает исторические факты. С этой точки зрения, исторический факт не отличается радикальным образом от других научных фактов...**научный факт – это то, что создаёт наука, созидая саму себя.** Здесь также речь идёт об объективности – о деятельности, имеющей характер методической активности. Вот почему такая активность удачно называется «критикой».¹

В содержание исторического познания входит не только изучение прошлого развития общества самого по себе. Историческое познание является познанием субъекта исторического процесса и его деятельности. Одновременно, это и познание субъекта познания в его истории, Историческое познание, таким образом, выступает как самопознание субъекта. Кроме того, историческое познание представляет собой рефлексивное, осознанное познание прошлого исторического познания, поскольку одним из важнейших исторических источников являются труды историков, хронистов и т.п. прошлых эпох. Наконец, само историческое познание может быть рассмотрено как историческая деятельность, как проявление бытия; субъект исторического познания участвует в исторической деятельности, участвует и одновременно осознаёт её. Познавательный процесс подобен процессу социально-историческому, поэтому изучение истории есть и изучение познавательной деятельности, когда обеспечивается и сохраняется связь прошлого познания с настоящим и прокладываются пути и направления будущего познания.

Определение необходимого и случайного в истории – основная задача историка. Специфика исторического исследования состоит в применении исторического метода, когда надо установить связь между событиями, выстроенными во временной последовательности.

По этому поводу **Поль Лакомб** высказал следующее мнение:

«Причиной одного явления является другое явление, которое по необходимости ему предшествует. Если бы последующему явлению для того, чтобы произойти, не требовалось бы предшествование другого, мы бы и не подумали считать это последнее причиной...Следование не всегда бывает неумолимо заданным. Мы наблюдаем, бесконечное множество ступеней в том своего рода принуждении, которое антецедент осуществляет над консеквентом² – от совершенно неизбежного до вероятного и возможного.

¹ Рикёр П. История и истина / Пер. с франц. – СПб.: Алетейя, 2002. С. 38.

² Антецедент и **консеквент** - см. Импликация. Импликация (лат. *implico* - тесно связываю) - логическая операция, образующая сложное высказывание из двух высказываний посредством логической связки, соответствующей союзу «если... то». В имплицативном высказывании различают антецедент -• высказывание, которому предпослано слово «если», и **консеквент** - высказывание, следующее за словом «то». В классической математической логике исходят из понятия материальной И., которая определяется посредством функции истинности: И. ложна лишь в случае истинности антецедента и ложности консеквента и истинна во всех остальных случаях.

Когда нам кажется, что следствие с неумолимостью вытекает из вызвавшей его причины, мы говорим, что оно необходимо; когда же, несмотря на наличие причины, нам кажется, что следствия может и не быть, мы говорим, что оно случайно. Эти два субъективных термина, которые имеют отношение к нам самим и выражают некое интеллектуальное и вместе с тем моральное впечатление... в этих терминах нет ничего абсолютного; не в природе имеются две отчётливо различные вещи – необходимое и случайное, но в нас самих присутствует некое градуированное впечатление; мы противопоставляем необходимое случайному, как говорим: холодное и горячее.... До сих пор мы употребляли слово «**причина**». Но можно употреблять и слово «**условие**». Всё, что называют причинами некоего следствия, представляет условия наступления этого следствия. Условие может быть абсолютно обязательным для наступления следствия: пока оно не выполнено, следствие невозможно. Но с другой стороны, даже когда условие выполнено, бывает, что следствие не наступает ещё неопределённое время. Оно, таким образом, его **настоятельно обуславливает, но при этом вовсе не предопределяет**»¹.

Существование различия между науками объясняется наличием двух видов мышления – номотетического и идеографического (В. Виндельбанд), двумя способами образования понятий – генерализующим и индивидуализирующим (Г. Риккерт)². История немыслима без понятий, но они не могут быть выражены формулой и часто требуют наглядных пояснений, иллюстраций, история не исключает и разной степени обобщений, которые определяются соответствующей культурной ценностью. У Г. Риккерта ценности выступают как предпосылки познания, значимость их устанавливается философией, тем самым философия соединяется с историей. Риккерт фактически ставит вопрос о социокультурной детерминации познания, когда признает ценности как условия общения, понимания не только в науке, но и во вненаучной деятельности, о ценностной природе истины (истинно то, что может быть отнесено к ценности). Подчеркивая, что главное в истории – понимание, Риккерт ставит онтологически и гносеологически проблему смысла, в связи с решением которой выделяет три метода познания: объяснение (ориентировано на действительность), понимание (отнесение к ценности), истолкование (постижение смысла). Указанные положения, безусловно, повлияли на развитие исторического познания, так же, как идеи М. Вебера³ об идеальной типизации, о социальном действии, о предпосылках исторического познания.

Все названные направления не были и не являются однородными течениями мысли, но их представителей объединял новый взгляд на принципиальные вопросы исторического познания – **для истории нужно, прежде всего,**

¹ Lacombe P. De l'histoire considérée comme science. Paris Hachette, 1894. P. 250 – 251.

² См.: Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Пер. с нем. СПб., 1997; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Пер. с нем. М., 1998.

³ См.: Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М., 1990; Вебер М. Избранное: Образ общества. Пер. с нем. М., 1994.

выяснить отношение человека к миру, чтобы через него понять смысл действий, реального поведения людей.

Историческое бытие как способ существования, жизнедеятельности человека и общества взятый в единстве материальных и духовных процессов, представляет собой становление и развитие социальности, **историческое бытие представляет собой не только взаимодействие человека, общества и природы, но и становление, и развитие сознания и самосознания, становление человека и общества как целостности**¹.

В наше время происходит пересмотр и расширение границ классической доктрины рациональности, отождествлявшей рациональное и рассудочное, с позиций которой невозможно понять и объяснить многие культурные феномены, фетишизация методов естественнонаучного познания определенного этапа развития (господства в нем механицизма и позитивизма), превращение их в нормативы и для исторического исследования приводит к утрате собственно исторической, человеческой реальности. «Классическое» естественнонаучное мышление характеризуется стремлением к устранению всех субъективных факторов, то есть мир берется «без человека». Бессубъективность, игнорирование философских, мировоззренческих предпосылок исторического познания вытекают из утверждения, что история изучает факты, «как они есть», что накопление фактов само по себе ведёт к открытию исторических законов. Историческое мышление, предполагающее исследование людей и их деятельности, не может считать адекватным научный метод, созданный для изучения неодушевленной природы. Схематизация истории, исторического исследования в так называемой «стандартной» науке фактически исключает субъективное, духовно-психологическую компоненту истории, ментальность из сферы научного внимания историка.

Открытия современного естествознания, его обновление, открытость, **отход от концепции жёсткого детерминизма и независимого субъекта, господствующего над миром**, фиксация необратимости, вероятности, «свободы выбора», альтернативы обогащают и трансформируют само понимание наук «о духе», о человеке, об обществе. Те идеи, которые получили физико-математическое обоснование в естествознании, с необходимостью входят в социальную философию истории, социально-гуманитарное знание, в результате чего человек и человеческая история уже не могут рассматриваться с позиций жесткого детерминизма, единой модели развития, однолинейности, отказа от выбора, альтернативы, случайности, непредсказуемости, а система ценностей, наработанная в рамках социальной философии, становится неотъемлемой шкалой и точкой отсчета в естественнонаучном поиске².

¹ Останина О.А. Проблема субъективного в историческом познании: Автореф. дисс....докт. филос. наук. М., 1998. – С. 16.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С.

Недостатки попыток объяснить действия человека только с позиций применения методов естественных наук показал Г. Буркхардт в работе вышедшей в свет в 1975 году: «Всякий авторитет должен каждый день становиться под вопрос, всякие сконструированные жизненные порядки должны не только создаваться, но и поддаваться отмене. Грубо говоря, западная цветовая слепота по отношению к чувственному мешает социологам различных направлений видеть достаточно ясно то, что за общественными порядками, которые люди конструируют для себя – должны конструировать, поскольку их положение в мире, их жизненные основы (а также, разумеется, производственные отношения) являются совершенно иными, чем у животных, – что за этими порядками везде действуют совершенно иные, непринужденные связи, которые имеют своей основой чувственное взаимодействие живых существ. Лишь осознав это, человек начинает понимать, что **окончательных конструкций не может и не должно быть, что нужны лишь вспомогательные конструкции, служащие для обеспечения необходимого равновесия.** Идеальным случаем являются наиболее свето- и воздухопроницаемые модели и институции. Без потребности в стабилизации, несмотря на связанную с этим ложь, нет человеческого бытия. Однако на Западе эта потребность развивается так односторонне, что люди почти забыли о том, что они устроены совсем не так, как это представлено в учебниках, в теоретических и прикладных науках. Бытие всех нас, возможно, гораздо более бесцельно; но, может быть, в то же время гораздо более полно смысла, чем нам говорят, могут сказать и хотят сказать»¹.

В связи с критикой такого рода в современной науке происходит переосмысление теоретико-методологических подходов к решению проблемы соотношения гуманитарного и естественнонаучного знания. Концепция, разработанная Штарнбергской группой методологов в конце XX века, выдвигает в качестве эталонного **особый тип научного познания, в котором интегрированы как внутренние, объективные закономерности развития науки, так и социальные цели и потребности.** Черты нового идеала научности сводятся в первую очередь:

- к способности научных теорий решать проблемы;
- к допустимости множественности относительно частных идеалов научности;
- к смягчению ригоризма² в отношении независимости науки от социокультурных ценностей и даже специальная социально-практическая

Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 10.

¹ Буркхардт Г. Непонятая чувственность. набросок антропологии чувственности // Это человек: Антология: Учебное издание / Отв. ред. Гуревич П. С. - М.: Высшая школа, 1995.- 155.

² Ригоризм – бескомпромиссность, неприятие любых утверждений, не вписывающихся в определённую систему ценностей или рассуждений.

ориентированность определённого слоя фундаментальных научных исследований¹.

Причина того, что историческая наука не может пока сравняться по результативности с естественнонаучными дисциплинами – очевидна: объект истории неизмеримо сложнее, поведение людей анализировать гораздо сложнее. По этому поводу Макс Вебер писал: «Даже описание самого маленького фрагмента реальности никогда не может быть осмыслено исчерпывающим образом. Число и природа причин, предопределивших какое-нибудь единичное событие, всегда бесконечны»². К тому же действующим лицом истории является человек способный осуществить выбор на основе различных рациональных или иррациональных мотивов. Это делает самого человека фактором случайности в историческом развитии общества. Поэтому точный прогноз поведения людей невозможен. Возможным представляется только вероятностный прогноз или объяснение. Но именно они становятся основой планирования целенаправленной деятельности человека. Таким образом, без рационального объяснения исторического опыта невозможно рациональное планирование на будущее, но это не означает возможность предсказания будущего во всех деталях.

¹ Философия и методология науки. Часть 1. – М., 1994. – С. 291–299.

² Вебер М. Понимающая социология // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 376.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Ключевые слова

Подходы: абстрактный и конкретный, логический и исторический, индуктивный и дедуктивный, аналитический и синтетический, динамический и статический, описательный и количественный, генетический, типологический, сравнительный, системный, структурный, функциональный, информационный, вероятностный, модельный. Принципы: принцип аналогии, принцип типологизации, принцип историзма. Общие методы изучения исторической реальности. Специально-научные методы. Методы конкретно-проблемные. Время и историческая причинность. Хронология и периодизация. Прогноз в истории. «Историческая память». Принципы исторического познания: принцип историзма, принцип объективности, системный подход, ценностный подход, оценка, аксиоматический метод.

Вопросы для обсуждения

1. Принцип историзма и исторический метод.
2. Историко-генетический метод.
3. Историко-сравнительный метод [Сравнительный (критический) метод]
4. Историко-типологический метод.
5. Историко-системный метод.
6. Представления о природе исторического познания в зарубежной историографии.
7. Почему нет фактов исторических по своей природе?
8. Что такое вероятностное знание? Почему определение науки через закон не вполне правомерно?
9. Почему история есть по преимуществу опосредованная наука, а её метод – косвенный метод, основанный на умозаклчениях?
10. Почему непрофессионал прав, когда узнаёт исторический текст по наличию в нём дат?
11. Почему сделать прогноз уже само по себе означает изменить ситуацию? Возможно ли точное прогнозирование будущего развития общества на основе изучения его истории?
12. Почему одно историческое время никогда не равно другому, даже равной с ним длительности?
13. Допустимо ли монокаузальное объяснение в исторической науке?
14. Критика историцизма Карлом Поппером.
15. Непосредственно-деятельностные и научно-познавательные практические потребности и постановка научной проблемы.

16. Общие методы изучения исторической реальности: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный. Достоинства и слабые стороны.
17. Понятие принципа в исторической науке. Основные принципы исторической науки и их сущность.
18. Интерпретация принципов в историографии.

При изучении этой темы рекомендуется обратить внимание в первую очередь на работы И.Д. Ковальченко¹, К.В. Хвостовой², М.Ф. Румянцевой³, Антуана Про⁴, Джона Тоша⁵, раскрывающих её современное состояние в достаточной мере. Можно изучить и другие работы в зависимости от наличия времени и если данная работа непосредственно касается темы научных поисков студента⁶.

Под «историческим», «историей» в научном познании в широком смысле понимается все то, что в многообразии объективной общественной и естественной реальности находится в состоянии изменения и развития. Принцип историзма и исторический метод имеют общее научное значение. Они равно применяются в биологии, геологии или астрономии также как и для изучения истории человеческого общества.

Этот метод позволяет познавать реальность посредством изучения её истории, что отличает указанный метод от логического, когда суть явления раскрывается путем анализа данного его состояния. **Под методами исторического исследования понимают все общие методы изучения исторической реальности**, т. е. методы, относящиеся к исторической науке в целом, применяемые во всех областях исторических исследований. Это – специально-научные методы. Они, с одной стороны, основываются на методе

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 438 с.

² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки: Учебное пособие для вузов. – М.: Наука, 1995. – 176с.; Хвостова К.Д., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997.

³ Румянцева М.Ф. Теория истории. Учебное пособие / М.Ф. Румянцева. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 319 с.

⁴ Про, Антуан. Двенадцать уроков по истории: Пер. с франц. / Рос. гос. гум. ун-т. – М., 2000. – 334 с.

⁵ Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка / Пер с англ. М.: Весь мир, 2000. – 295 с.

⁶ Можно рекомендовать следующие работы: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. 2-е изд. – М.: Наука, 1986. 254 с.; Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. 804 с.; Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа "Анналов" М., 1993; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980; Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.; Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983; Рикёр Поль. История и истина / Пер. с франц. И.С.Вдовиной и А.И. Мачульской /.-СПб.: Алетейя, 2002.-400 с.; Февр, Люсьен. Бои за историю: (Сборник статей)/Пер. с франц.-М.:Наука,1991.-629 с. Можно посмотреть и обзорную литературу. Например: Рузавин Г.И.Логика и методология научного поиска: Обзор англо – американской литературы. М., 1986; К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. Отв. ред. Б. Г. Могильницкий. Томск, 1994; Парэн Ш. Структурализм и история // Философия и общество = Philosophy a. society. – М., 1998. – №2. – С. 221 – 243; Ратмэн Д.Б. «Новая социальная история» в США // Новая и новейшая история. 1990. №2. С.66-80; Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – М., 1998. – №6. – С.64-87; Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история / РАН, Ин-т всеобщей истории. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 278с.; Споры о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы "Анналов": (Сб. статей), РАН, Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 1993. – 207с.

общефилософском, и на той или иной совокупности методов общенаучных, а с другой – служат основой методов конкретно-проблемных, т. е. методов, используемых в изучении тех или иных конкретных исторических явлений в свете тех или иных исследовательских задач. Отличие их заключается в том, что они должны быть применимы к изучению прошлого по тем остаткам, которые от него остались.

Специально-исторические, или общеисторические, методы исследования представляют собой то или иное сочетание общенаучных методов, направленных на изучение объекта исторического познания, т. е. учитывающих особенности этого объекта, выраженные в общей теории исторического познания.

Историческая реальность характеризуется рядом общих черт, и поэтому можно выделить и основные методы исторического исследования.

По определению академика И.Д. Ковальченко к числу основных общеисторических методов научного исследования относятся: **историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный**. При использовании того или иного общеисторического метода применяются и другие общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, описание и измерение, объяснение и т. д.), которые выступают в качестве конкретных познавательных средств, необходимых для реализации подходов и принципов, лежащих в основе ведущего метода. Вырабатываются также необходимые для проведения исследования правила и процедуры (исследовательская методика) и применяются определенные орудия и инструменты (техника исследования)¹.

Всякий научно-исследовательский процесс начинается с постановки проблемы, исследовательской задачи и определения целей её решения.

Бесконечное многообразие явлений объективной реальности обуславливает необходимость определения конкретного аспекта исследования и его задач. Без этого никакое исследование не может быть плодотворным. Постановка той или иной проблемы определяется практическими потребностями, непосредственно-деятельностными и научно-познавательными, а её сущностное содержание – имеющимся научным знанием².

Постановка проблемы является сложной исследовательской процедурой не только при оценке практической значимости проблемы, но и при выявлении того, что некая проблема вообще существует. Здесь требуется анализ имеющегося знания для выявления тех следствий, которые из него вытекают, а также того, в какой мере это знание вписывается в существующую общую научную картину соответствующей сферы объективной реальности и как данная система знания (теория) соотносится с другими теориями,

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 170.

² См. об этом: Берков В. Ф. Научная проблема. Минск, 1979; Кузнецов И.Н. Научное исследование: Методика проведения и оформление. М., 2004.; Петров Ю.А., Захаров А.А. Общая методология мышления. – М., 2001; Петров Ю.А., Захаров А.А. Практическая методология. – М., 1999.

характеризующими рассматриваемый круг явлений т. д. Выявление антиномий (логических противоречий) и парадоксов в существующем знании, противостоящих или конкурирующих теорий и гипотез ведёт к постановке новых исследовательских проблем¹.

Метод включает в себя краеугольные посылки, которые образуют основу и характеризуют суть научного поиска. Такими посылками являются **подход** и **принцип**. Подход определяет основной путь решения поставленной исследовательской задачи. Он раскрывает стратегию этого решения.

Существует целая совокупность подходов к решению научно-исследовательских задач. Эти подходы сформировались в результате обобщения научно-исследовательской практики, и поэтому имеют общенаучный характер, т. е. применяются во всех или многих науках. Давно известны в науке такие подходы, как **абстрактный и конкретный, логический и исторический, индуктивный и дедуктивный, аналитический и синтетический, динамический и статический, описательный и количественный, генетический, типологический, сравнительный** и др.

В современной науке выработан ряд **новых общенаучных подходов – системный, структурный, функциональный, информационный, вероятностный, модельный** и др. Каждый указанный подход характеризует один из возможных путей проведения исследования.

Подход, намечая основной ракурс исследования объекта в свете поставленной задачи, определяет лишь самую общую особенность того или иного метода. Конкретное же содержание метода выражают принципы, присущие соответствующему подходу. В определении того, что такое принцип, среди философов существуют самые различные мнения. **Принцип** рассматривают, как правило, средство, метод, существенное суждение, закон, основание, исходное положение и т. д. Отмечают двоякую природу и двоякую роль принципа, т. е. характеризуют его и как знание о действительности (онтологические принципы), и как средств её познания (гносеологически-методологические принципы).

По своему функциональному месту в методе принцип – гносеологически-методологическое средство реализации соответствующего подхода. Так, например, одним из принципов, на основе которых может быть реализован сравнительный подход, является **принцип аналогии**. Реализация этого принципа требует учета качественной однотипности сравниваемых явлений, т. е. их структурного и функционального родства и стадийных различий в их развитии, для чего, в свою очередь, необходимы сопоставимые в содержательном отношении характеристики явлений. Другим принципом реализации сравнительного подхода может выступать **принцип типологизации**. Он требует, чтобы типы объектов в сравниваемых их

¹ См.: Зеленков А. И. Принцип отрицания в философии и науке. Минск, 1981.

совокупностях выделялись на основе единых общих критериев и конкретных показателей.

Исследовательский подход и принцип тесно взаимосвязаны и переплетены и могут как бы меняться местами. Так, **генетический подход** основан на **принципе историзма**. Исторический же подход, наоборот, требует генетического принципа рассмотрения явления. На первый взгляд, это одно и то же. Но в действительности – это не так, ибо история предмета или явления и их генезис не идентичны.

Теория метода при всей ее, несомненно, определяющей роли сама по себе еще не позволяет осуществить исследование. Принципы получения нового знания, обоснованные в теории метода, практически реализуются в «приёмах и логических операциях, с помощью которых принципы... начинают работать»¹. Совокупность правил и процедур, приёмов и операций, позволяющих на практике реализовать идеи и требования принципа (или принципов), на которых основан метод, образуют методику соответствующего метода. **Методика** – такой же неперенный структурный компонент метода, как и его теория.

Наконец, правила и процедуры, приёмы и операции (т. е. сама методика) могут быть приведены в действие при наличии определённых орудий и инструментов. Их совокупность составляет третий структурный компонент научного метода – **технику исследования**.

Надо лишь добавить, что основой выделения уровней методологии должен быть уровень теоретического знания о действительности. Применительно к общественным явлениям, как указывалось, существуют четыре таких уровня: общефилософский, философско-социологический, специально-научный и конкретно-проблемный. В методологии, как и вообще в теории, эти уровни тесно взаимосвязаны и ведущим из них, оказывающим определяющее воздействие на другие, является общефилософский. В свою очередь, он синтезирует результаты развития других уровней методологии.

Логика является мощным средством научно-познавательной деятельности в силу того, что её понятия и категории, законы и принципы представляют собой адекватное отражение объективного в субъективном сознании человека.

Философские методы научного познания, раскрывающие общие пути (подходы) и принципы познания реальности, являются всеобщими, характеризуют ход исследовательского процесса в целом и применимы при изучении всех проявлений действительности².

Другую категорию научно-исследовательских методов образуют **общенаучные методы познания**. Они применяются во всех или многих науках и в отличие от общефилософских методов охватывают лишь определённые

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 33.

² Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 39.

аспекты научно-познавательной деятельности, являются одним из средств решения исследовательских задач. Так, индукция и дедукция выражают разные подходы к раскрытию сути изучаемых явлений, а анализ и синтез – это разные методы проникновения в эту суть. Описательные и количественные методы – это средства и формы выражения информации об исследуемых явлениях, а моделирование – метод формализованного представления знаний, присущий более высоким ступеням научного познания.

В практике научных исследований обращение к тому или иному общенаучному методу определяется характером изучаемых явлений и поставленной исследовательской задачей¹.

На философских и общенаучных методах основываются методы специально-научные. Это – методы, которые применяются в той или иной науке в целом. Их теоретическим базисом являются теории специально-научного уровня. Роль этих онтологически направленных теорий в формировании специально-научных методов состоит в том, что они определяют характер тех методологических принципов и нормативно-регулятивных требований, которые составляют теорию метода. Специфика этих принципов и требований определяется особенностями объекта познания соответствующей науки. Скажем, историческую науку от других общественно-гуманитарных наук отличает то, что она изучает прошлое. Это обусловило выработку методов, которые характерны именно для исторического исследования.

Низший уровень образуют **методы конкретно-проблемные**. Они направлены на изучение конкретных явлений, характеризующих те или иные стороны и явления действительности, составляющей объект познания соответствующей науки. Суть этих явлений выражается в теориях конкретно-проблемного уровня. Они и определяют специфику методологии (теории) конкретно-проблемных методов, т. е. тех принципов и требований, на которых основаны эти методы. Если, например, изучается ход экономического развития той или другой страны в тот или иной период времени, то неперенными принципами и требованиями к такому изучению и его методам должен быть показ производственно-экономической (формационной) сущности этого развития, его стадийного уровня, обусловленности его темпов характером соотношения производительных сил и производственных отношений и т. д. Иначе говоря, это развитие должно быть представлено как объективный, закономерный и внутренне обусловленный исторический процесс. А если же исследуется какое-то идеологическое общественное явление, то здесь неперенным принципом и требованием к анализу будет сведение индивидуального к социальному и раскрытие сущности идеального через

¹ Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 39.

материальное, т. е. показ сути субъективного на основе объективного. Ясно, что исследовательские методы в первом и втором случае будут различными.

Как действует историк, который хочет понять или объяснить в обычном, не научном смысле слова какое-либо историческое явление? Как правило, он старается свести его к явлениям более общего порядка, либо найти глубинные или случайные причины, его вызывающие. Так, причинами Великой французской революции были экономическая ситуация, развитие общественной мысли, подъём буржуазии, финансовый кризис монархии, плохой урожай 1787 года и т.д.¹ С точки зрения логики объяснение историка не отличается от объяснения обычного человека. Способ рассуждения, применяемый при объяснении причин Французской революции, не отличается от того, с помощью которого человек с улицы объясняет причины дорожного происшествия или результаты выборов. В основе своей это тот же интеллектуальный приём, лишь утончённый, улучшенный с учётом дополнительных факторов²

Всё это равносильно констатации того, что исторический метод как таковой не существует. Есть, конечно, критический метод, позволяющий строго устанавливать факты, чтобы оценивать законность выдвигаемых историком гипотез. Но историческое объяснение – это объяснение, которое практикуется ежедневно. Историк объясняет стачку железнодорожников 1910 года с помощью рассуждений, ничем не отличающихся от тех, которые использует пенсионер в своём рассказе о стачке 1947 года. Он применяет к прошлому те типы объяснений, которые позволили ему самому понять пережитые им лично ситуации или события³

Историк рассуждает по аналогии с настоящим, он переносит в прошлое **способы объяснения**, доказавшие свою пригодность в каждодневном опыте всех и каждого. Это, кстати одна из причин успеха, которым история пользуется у широкой публики: чтобы вникнут в содержание книги по истории, от читателя не требуется никакой специальной подготовки.

Историко-генетический метод.

Историко-генетический метод относится к числу наиболее распространённых в исторических исследованиях. Он состоит в последовательном обнаружении свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе её исторического движения, что позволяет в наибольшей мере приблизиться к воссозданию реальной истории объекта. Познание идёт (должно идти) последовательно от единичного к особенному, а затем – к общему и всеобщему. По логической природе историко-генетический метод является аналитически-идуктивным, а по форме выражения информации об

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 160.

² Про А. Указ. соч. С. 161.

³ Про А. Указ. соч. С. 161.

исследуемой реальности – описательным. Разумеется, это не исключает использования (иногда даже и широкого) и количественных показателей. Но последние выступают как элемент описания свойств объекта, а не как основа для выявления его качественной природы и построения его сущностно-содержательной и формально-количественной модели¹.

Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности. При использовании этого метода в наибольшей мере проявляются индивидуальные особенности исследователя. В той мере, в какой последние отражают общественную потребность, они положительно воздействуют на исследовательский процесс.

Таким образом, историко-генетический метод представляет собой наиболее универсальный, гибкий и доступный метод исторического исследования. Вместе с тем ему присуща и ограниченность, что может приводить к определенным издержкам при его абсолютизации.

Историко-генетический метод направлен, прежде всего, на анализ развития. Поэтому при недостаточном внимании к статике, т.е. к фиксации некоей временной данности исторических явлений и процессов, может возникнуть **опасность релятивизма**.

Рассуждение с позиций релятивизма дано в работе французского историка **Анри Марру**, изданной в 1954 году («Об историческом познании»):

«...Теория, т. е. позиция, сознательная или несознательная, которую историк занимает в отношении прошлого, – выбор и поворот темы, постановка вопросов, используемые понятия и особенно типы связей, системы интерпретации, относительная ценность, признаваемая за каждой из них. Именно личная философия историка диктует ему выбор системы мышления, в соответствии с которой он будет воссоздавать и, как он полагает, объяснять прошлое.

Богатство, сложность природы антропологических фактов и вследствие этого исторической реальности делает последнюю [...] практически неисчерпаемой для усилий, направленных на открытие и понимание. Будучи неисчерпаемой, историческая реальность заодно и двусмысленна: в ней всегда столько разных аспектов, столько действующих сил, пересекающихся и накладывающихся друг на друга в одной точке прошлого, что мысль историка всегда найдет в ней для себя тот специфический элемент, который в соответствии с его теорией окажется решающим и выступит в качестве системы интеллигибельности – в качестве объяснения. Историк выбирает то, что ему надо: данные для его доказательства найдутся, и их можно приспособить к любой системе, он всегда находит то, что ищет²...»

¹ Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 170.

² Marrou H.-I. De la connaissance historique. Paris: Ed. du Seuil, 1954. P. 187 – 188.

Слабая сторона релятивизма обусловлена тем, что объективная реальность рассматривается односторонне. В ней учитываются одни изменения и игнорируется тот факт, что наряду с ними объективной реальности свойственна и известная устойчивость, проистекающая из того, что всякой качественной определенности соответствует тот или иной диапазон её количественного выражения. Поэтому пока непрерывно происходящие изменения имеют лишь количественный характер и не приводят к возникновению нового качества, все объекты, явления и процессы реальности обладают устойчивостью. В этой связи важнейшее значение приобретает выявление меры количественной определенности соответствующих качеств.

Историко-генетический метод при, чрезмерном внимании к конкретности и детальности может приводить к выпячиванию индивидуального, и неповторимого, затушевыванию общего и закономерного. В исследовании, как говорится, за деревьями может исчезнуть лес. Поэтому в завершённом виде историко-генетический метод должен органически включать характеристику единичного, особенного и общего.

Историко-генетический метод тяготеет к описательности, фактографизму и эмпиризму. Это в большей мере обуславливается тем, что в исторических исследованиях очень часто требуются большие усилия и затраты времени на выявление, сбор и первоначальную систематизацию и обработку конкретно-фактических данных. В результате либо возникает иллюзия, что в этом и состоит главная задача исследования, либо не остается достаточного времени на тщательный теоретический анализ выявленных фактов. Чтобы предотвратить фактографизм и эмпиризм, следует исходить из того, что, сколько бы ни было фактов и какими бы яркими они ни были, «эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость», т. е. закономерность данного состояния или развития. Это можно сделать лишь на основе теоретического анализа фактов. Такой анализ в принципе отвергается позитивизмом, который ограничивает познание его эмпирической стадией.

Историко-генетический метод при всей давности и широте применения не имеет разработанной и чёткой логики и понятийного аппарата. Поэтому его методика, а, следовательно, и техника, расплывчаты и неопределенны, что затрудняет сопоставление и сведение воедино результатов отдельных исследований¹

Историко-сравнительный метод.

Историко-сравнительный метод также давно применяется в исторических исследованиях. Вообще сравнение – важный и, пожалуй, самый широко распространённый метод научного познания. В сущности, без сравнения не обходится ни одно научное исследование. Логической основой историко-

¹ Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 172.

сравнительного метода в том случае, когда устанавливается сходство сущностей, является аналогия. **Аналогия – это общенаучный метод познания, который состоит в том, что на основе сходства – одних признаков сравниваемых объектов делается заключение о сходстве других признаков**¹. Понятно, что при этом круг известных признаков объекта (явления), с которым производится сопоставление, должен быть шире, чем у исследуемого объекта.

В целом историко-сравнительный метод обладает широкими познавательными возможностями. Во-первых, он позволяет раскрывать сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она неочевидна, на основе имеющихся фактов; выявлять общее и повторяющееся, необходимое и закономерное, с одной стороны, и качественно отличное – с другой. Тем самым заполняются пробелы, и исследование доводится до завершённого вида. Во-вторых, историко-сравнительный метод даёт возможность выходить за пределы изучаемых явлений и на основе аналогий приходить к широким историческим параллелям. В-третьих, он допускает применение всех других общеисторических методов и менее описателен, чем историко-генетический метод².

Сравнивать можно объекты и явления и однотипные и разнотипные находящиеся на одних и тех же и на разных стадиях развития. Но в одном случае сущность будет раскрываться на основе выявления сходств, а в другом – различий. Соблюдение указанных условий исторических сравнений, в сущности, означает последовательное проведение принципа историзма³.

Выявление сущности признаков, на основе которых должен проводиться историко-сравнительный анализ, а также типологии и стадийности сравниваемых явлений чаще всего требует специальных исследовательских усилий и применения других общеисторических методов, прежде всего историко-типологического и историко-системного. В сочетании с этими методами историко-сравнительный метод является мощным средством в исторических исследованиях.

Но и этот метод, естественно, имеет определённый диапазон наиболее эффективного действия. Это – прежде всего изучение общественно-исторического развития в широком пространственном и временном аспектах, а также тех менее широких явлений и процессов, суть которых не может быть раскрыта путем непосредственного анализа ввиду их сложности, противоречивости и незавершённости, а также пробелов в конкретно-исторических данных⁴.

Историко-сравнительному методу присуща определённая ограниченность, следует иметь в виду и трудности его применения. Далеко не все явления можно сравнивать. Посредством его **познается, прежде всего, коренная сущность реальности во всём её многообразии, а не её конкретная**

¹ См.: Батароев К. Б. Аналогии и модели в познании. Новосибирск, 1981.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 174.

³ Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 174.

⁴ Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 175.

специфика. Сложно применение историко-сравнительного метода при изучении динамики общественных процессов. Формальное применение историко-сравнительного метода чревато ошибочными выводами и наблюдениями.

Историко-сравнительный метод – критический метод.

Ш. Сеньобос:

«Критика противна нормальному устройству человеческого ума; спонтанная склонность человека состоит в том, чтобы верить тому, что говорят. Вполне естественно принимать на веру всякое утверждение, особенно письменное; с тем большей лёгкостью, если оно выражено цифрами, и с ещё большей лёгкостью – если оно исходит от официальных властей.... Следовательно, применять критику значит избрать образ мыслей, противоречащий спонтанному мышлению, занять позицию, которая противоестественна.... Этого нельзя достичь без усилий. Спонтанные движения человека, упавшего в воду, – это всё, что нужно для того, чтобы утонуть. В то время как научиться плавать, значит тормозить свои спонтанные движения, которые противоестественны»¹.

История всё-таки стремится быть по возможности точной и объективной. **Точность и конкретность – это разные вещи, и нередко приблизительные данные лучше выражают истинное положение вещей, чем иллюзорные доли числа.** Историки могли бы продуктивнее использовать часто незаменимые количественные методы, если бы больше заботились о демистификации цифр и расчётов².

Ни критика устных свидетельств, ни критика фотокинодокументов не отличаются от классической исторической критики. Это тот же самый метод, но применяемый к другим документам. **Критический метод один... и это единственный собственно исторический метод**³.

Сравнительный метод и проверка источников – основа исторического «ремесла», начиная с исследований историков-позитивистов. Внешняя критика позволяет с помощью вспомогательных дисциплин установить подлинность источника. Внутренняя критика основана на поиске внутренних противоречий в самом документе. Марк Блок считал самыми надёжными источниками ненамеренные, невольные свидетельства, которые не предназначались для того, чтобы нас информировать. Сам он называл их «указаниями, которое прошлое непредумышленно роняет вдоль своего пути»⁴. Ими могут быть частная

¹ Seignobos Ch. La Methode historique appliquée aux sciences sociales. Paris: Arman Colin, 1906. P. 32.

² Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 68.

³ Про А. Указ. соч. С. 69.

⁴ Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris: Armand Colin, 1960. P. 37.

переписка, сугубо личный дневник, счета предприятия, акты записей о бракосочетаниях, декларации о наследовании, а также различные предметы.

В общем виде **любой текст закодирован системой представлений, тесно связанной с языком, которым он написан**¹. Донесение чиновника любой эпохи будет отражать то, что он рассчитывает увидеть и то, что он способен воспринять: он пройдет мимо того, что не укладывается в схему его представлений.

Шарль Сеньобос писал:

«История охватывает изучение всех фактов прошлого – политических, интеллектуальных, экономических, большинство из которых прошли незамеченными.... Нет фактов исторических по своей природе; историческими факты бывают только по своему положению. Историческим является всякий факт, который мы не можем наблюдать, потому что он перестал существовать. У фактов не бывает неотъемлемого от них исторического характера, историческим может быть только способ их познания. **История – это не наука, это всего лишь познавательный приём....** Отправным моментом исторического метода служит непосредственно наблюдаемый документ; от него путём сложных умозаключений он восходит к прошлому факту, который ему предстоит познать. Таким образом, **метод истории радикально отличается от методов других наук. Вместо того чтобы наблюдать факты, непосредственно, историк наблюдает их опосредованно, через умозаключения о документах.** Учитывая то, что всякое историческое познание является опосредованным, история есть по преимуществу опосредованная наука, а её метод – косвенный метод, основанный на умозаключениях»².

Сравнительный метод как средство разработки и верификации гипотез. Ретроальтернативистика

История как ретросказание предполагает возможность двигаться во времени в двух направлениях: от настоящего и его проблем (и одновременно накопленного к этому времени опыта) к прошлому, и от начала события до его финала. Это привносит в поиск причинности в истории элемент стабильности и силы, который не следует недооценивать: конечный пункт задан, и в своей работе историк исходит именно из него. Этим не устраняется риск бредовых построений, но, по крайней мере, он сведён к минимуму. История события это фактически совершившийся социальный эксперимент. Его можно наблюдать по косвенным свидетельствам, строить гипотезы, проверять их. Историк может предлагать всевозможные трактовки Французской революции, но в любом случае у всех его объяснений имеется общий инвариант, к которому они

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 65.

² Seignobos Ch. La Methode historique appliquee aux sciences sociales. Paris: Arman Colin, 1906. P. 2 – 5.

должны сводится: сама революция. Так что полёт фантазии приходится сдерживать¹. В данном случае сравнительный метод применяется как средство разработки и верификации гипотез. Иначе этот приём называют ретроальтернативистикой. Вообразить себе другое развитие истории – это и есть единственный способ найти причины истории реальной².

Раймон Арон призывал рационально взвешивать возможные причины тех или иных событий путём сопоставления того, что имелось в возможности: «Если я говорю, что решение Бисмарка стало причиной войны 1866 года ... то я имею в виду, что без решения канцлера война бы не началась (или, по крайней мере, не началась бы в тот момент)... фактическая казуальность выявляется только **путём сопоставления с тем, что имелось в возможности**. Любой историк для объяснения того, что, было, задаётся вопросом о том, что могло бы быть. Теория служит лишь для того, чтобы облечь в логическую форму этот спонтанный приём, которым пользуется всякий рядовой человек. Если мы ищем причину явления, то не ограничиваемся простым сложением или сопоставлением антецедентов. Мы стараемся взвесить собственное влияние каждого из них. Для осуществления подобной градации мы берём один из этих антецедентов, мысленно полагаем его несуществующим или видоизменённым и стараемся реконструировать или вообразить, что произошло бы в этом случае. Если вам приходится признать, что изучаемое явление в отсутствие этого фактора (или в случае, если бы он был не таким) было бы иным, мы заключаем, что этот антецедент является одной из причин какой-то части явления-следствия, а именно той его части, изменения в которой нам пришлось предположить.... Таким образом, логическое исследование включает в себя следующие операции: 1) расчленение явления-следствия; 2) установление градации антецедентов и выделение того антецедента, влияние которого нам предстоит оценить; 3) конструирование ирреального течения событий; 4) сравнение между собой умозрительных и реальных событий. Предположим на время... что наши общие знания социологического характера позволяют нам создавать ирреальные конструкции. Но каков будет их статус? Вебер отвечает: речь в этом случае будет идти об объективных возможностях, или, иначе говоря, о развитии событий в соответствии с известными нам закономерностями, но лишь вероятном»³.

Этот анализ помимо событийной истории относится и ко всему остальному. Фактическая казуальность выявляется только путём сопоставления с тем, что имелось в возможности⁴. Если, например, перед вами встаёт вопрос о причинах Великой французской революции и если мы хотим взвесить то значение, которое имели соответственно экономические факторы (кризис французской экономики в конце XVIII века, плохой урожай 1788 года), социальные факторы (подъём буржуазии, дворянская реакция), политические факторы (финансовый

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 179.

² Про А. Указ. соч. С. 180.

³ Про А. Указ. соч. С. 180.

⁴ Про А. Указ. соч. С. 184.

кризис монархии, отставка Тюрго) и т.д., то не может быть иного решения, кроме как рассмотреть одну за другой все эти различные причины, предположить, что они могли быть другими, и попытаться вообразить развитие событий, которое могло бы последовать в этом случае. Как говорит М.Вебер, **чтобы «распутать реальные причинные отношения, мы создаём нереальные»**. Такой «воображаемый опыт» является для историка единственным способом не только выявить причины, но также распутать, взвесить их, как выражаются М. Вебер и Р. Арон, то есть установить их иерархию ¹.

Историко-типологический метод.

Историко-типологический метод, как и все другие методы, имеет свою объективную основу. Она состоит в том, что в общественно-историческом развитии, с одной стороны, различаются, а с другой, тесно взаимосвязаны единичное, особенное, общее и всеобщее. Поэтому важной задачей в познании общественно-исторических явлений, раскрытии их сущности становится выявление того единого, которое было присуще многообразию тех или иных сочетаний индивидуального (единичного) ²

Социальная жизнь во всех её проявлениях – постоянный динамический процесс. Он представляет собой не простое последовательное течение событий, а смену одних качественных состояний другими, имеет свои несхожие стадии. Выделение этих стадий также является важной задачей в познании общественно-исторического развития.

Непрофессионал прав, когда узнаёт исторический текст по наличию в нём дат ³.

Первая особенность времени, в которой, в общем-то, нет ничего удивительного: время истории – это время различных общественных коллективов: обществ, государств, цивилизаций. Это время, служащее ориентиром для всех членов некоей группы. Военное время всегда тянется очень долго, революционное время было временем пролетевшим очень быстро. Колебания исторического времени являются коллективными. Поэтому их можно объективировать ⁴.

Типологизация в исторической науке сродни прогнозу в естественных науках.

Задача историка определять направление движения. Отказ от телеологической точки зрения в современной историографии не позволяет

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 184 – 185.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 176.

³ Про А. Указ. соч. С. 103.

⁴ Про А. Указ. соч. С. 103.

историку допустить существование чётко направленного времени, каким оно представляется современникам. Сами исследуемые процессы своим ходом сообщают времени определённую топологию.¹ **Прогноз возможен не в форме апокалипсического пророчества, а прогноз, направленный от прошлого к будущему, опирающийся на диагноз, основанный на прошлом, в целях возможного развития событий и оценке степени его вероятности.**

Рейнгарт Козеллек по этому поводу пишет:

«В то время как пророчество выходит за горизонт просчитываемого опыта, прогноз, как известно, сам вкраплён в политическую ситуацию. Причём в такой степени, что сделать прогноз уже само по себе означает изменить ситуацию. Прогноз таким образом, – это сознательный фактор политического действия, он делается в отношении событий путём обнаружения их новизны. Поэтому каким-то непредсказуемо предсказуемым образом время всегда выносится за пределы прогноза»²

Ключевое понятие в современной зарубежной историографии – «историческая память». Почему одно забывают, другое запоминают? Как протекает процесс формирования памяти в процессе общения? Как память влияет на возникновение мотивов поведения отдельных людей и социальных групп. История всё чаще исследует то, что человекоразмерно. Раньше ставился вопрос – почему произошли те или иные события? Теперь ставится вопрос – **почему и как люди в своей деятельности приходили к тому или иному результату?** Тоже самое касается и самих историков. Как пишет современный французский историк Пьер Нора: историк – продукт определённой культурной среды, он не может быть целиком свободным от памяти. Он также разделяет стереотипы, которых придерживается определённая социальная группа³. С современной точки зрения **смысл в историю приносит историк**, он освобождает наслоения памяти от всего нерационального и непроверяемого с позиций рациональности своего времени.

Здесь надо помнить, что историческая наука – это не память. Заниматься историей никогда не значит пересказывать свои воспоминания. Заниматься историей означает **конструировать** научный объект, историзировать его и историзировать его в первую очередь за счёт реконструкции его структуры в её

¹ ТОПОЛОГИЯ (от греч. topos - место и ...логия) - раздел математики, изучающий топологические свойства фигур, т. е. **свойства, не изменяющиеся при любых деформациях**, производимых без разрывов и склеиваний (точнее, при взаимно однозначных и непрерывных отображениях). Примерами топологических свойств фигур являются размерность, число кривых, ограничивающих данную область, и т. д. Так, окружность, эллипс, контур квадрата имеют одни и те же топологические свойства, т. к. эти линии могут быть деформированы одна в другую описанным выше образом; в то же время кольцо и круг обладают различными топологическими свойствами: круг ограничен одним контуром, а кольцо - двумя.

² Koselleck R. Le Futur passé, contribution à la sémantique des temps historique. Paris: EHESS, 1990. P. 28 – 29.

³ Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. №5.

последовательном развитии. Сама эта структура выстраивается историком благодаря специальной работе, являющейся частью ремесла историка.

Первый шаг в работе историка – составление хронологии. Второй шаг – это периодизация. Историк разрезает историю на периоды, заменяет неуловимую непрерывность времени некоей означающей структурой. Выявляются отношения прерывности и непрерывности: непрерывность имеет место внутри периодов, прерывность – между периодами ¹

Периодизировать значит, таким образом, выявлять прерывность, нарушения преемственности, указывать на то, что именно меняется, датировать эти изменения и давать им предварительное определение. Периодизация занимается идентификацией преемственности и её нарушений. Она открывает путь интерпретации. Она делает историю если и не вполне доступной пониманию, то, по крайней мере, уже мыслимой ².

Историк не занимается реконструкцией времени во всей его полноте для каждого нового исследования: он берёт то время, над которым уже работали другие историки, периодизация которого имеется. Поскольку задаваемый вопрос приобретает легитимность лишь в результате своей включённости в исследовательское поле, историк не может абстрагироваться от предшествующих периодизаций: ведь они составляют язык профессии ³.

Смысл категории «исторического времени» состоит в том, чтобы указать на существенное различие между понятием о времени (его содержанием) и измерением, на отличие времени бытия (жизнедеятельности) общества и человека от природного времени, в котором нет самоопределения субъекта.

Время и историческая причинность относительны. Проблематизация и концептуализация исторического времени ориентированы на преодоление механистического понимания причинности – механистическое мировоззрение неисторично по своей сути, поскольку исходит из идеи атомизации общества и, как следствие, абстрактного представления о субъекте. Историческое мировоззрение исходит из того, что сущность социальности, истории и времени в его человеческом смысле не может быть сведена к частным естественнонаучным определениям; время всегда есть нечто большее, чем его счёт и измерение, так как измерение в истории – это измерение значимости, содержательности событий. Время в истории всегда разное, поэтому здесь **универсальное для всех случаев объяснение недопустимо**. Тем более что время и его ход часто – результат субъективного восприятия событий. Жизнь крепостного, рабочего, профессора, буржуа имела разный характер по темпу и насыщенности событиями. Причём эти характеристики будут разными для разных эпох и регионов.

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 117.

² Про А. Указ. соч. С. 118.

³ Про А. Указ. соч. С. 119.

По мнению О.А. Останиной «одно реальное время никогда не равно другому, даже равной с ним длительности, что обуславливает необратимость и неповторимость исторических событий, раскрывает сущность исторического как такового, специфику исторического познания, которое изучает индивидуально-неповторимое, пусть это и развитие всего человечества ¹.

Институализация периодов исторической наукой осуществляется в процессе преподавания истории и деления научных и университетских структур. Очевидный пример условности такого деления – специалист по новой и новейшей истории, который может заниматься и XVI, и XVIII, и XX веками. Преимущество деления по периодам – общеизвестно: удобство преподавания, сбора информации и её обработки. Недостатки такого деления также известны: ограничение условностями приводит к созданию искусственного единства разнородных элементов. Пример – дискуссии о начале нового времени: когда начинать этот период, что взять за основу периодизации. Одинаково трудно начинать периодизацию и с эпохи великих географических открытий и с ранних буржуазных революций, так как они не имели всеобщего характера.

Метод историко-типологического анализа.

И выявление общего в пространственно-единичном, и выделение стадияльно-однородного в непрерывно-временном требуют особых познавательных средств. Таким средством является метод историко-типологического анализа. Типологизация как метод научного познания имеет своей целью разбиение (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно определенные типы (классы на основе присущих им общих существенных признаков. Направленность на выявление сущностно-однородных в пространственном или временном аспектах совокупностей объектов и явлений отличает типологизацию (или типизацию) от классификации и группировки, в широком смысле, при которых может и не ставиться задача выявления принадлежности объекта как целостности к той или иной качественной определенности. Разбиение здесь может ограничиваться группировками объектов по тем или иным признакам и в этом плане выступать как средство упорядочивания и систематизации конкретных данных об исторических объектах, явлениях и процессах. Типологизация же, будучи по форме разновидностью классификации, является методом сущностного анализа ².

Выделение типов на основе учёта существенных черт изучаемой исторической реальности, прежде всего, требует определения качественной природы как всей совокупности объектов, содержащей определенные их типы,

¹ Останина О.А. Проблема субъективного в историческом познании: Автореф. ... докт. филос. наук. М., 1998. – С. 20 – 21.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 176 – 177.

так и самих этих типов. Вся совокупность объектов выступает при этом как родовое явление, а входящие в неё типы – как виды этого рода. Очевидно, что без понимания природы целого нельзя выделить и качественно определенные его части. Причём связь рода и видов может иметь как вертикальное, так и горизонтальное выражение. В первом случае существенно отличные виды характеризуют разные стадии развития единого в родовом отношении явления или процессы.

Выявление качественной определенности рассматриваемой совокупности объектов и явлений необходимо для выделения образующих эту совокупность типов, а знание сущностно-содержательной природы типов – непереносимое условие определения тех основных признаков, которые присущи этим типам и которые могут быть основой для конкретного типологического анализа, т. е. для раскрытия типологической структуры исследуемой реальности¹.

Таковы основные принципы и этапы историко-типологического исследования. Наиболее эффективно эти принципы могут быть реализованы только на основе дедуктивного подхода. Он состоит в том, что **соответствующие типы выделяются на основе теоретического сущностно-содержательного анализа рассматриваемой совокупности объектов**. Итогом анализа должно быть не только определение качественно отличных типов, но и выявление тех конкретных признаков, которые характеризуют их качественную определенность. Это создает возможность для отнесения каждого отдельного объекта к тому или иному типу².

Все это диктует необходимость применения при типологизации как совмещенного дедуктивно-индуктивного, так и собственно индуктивного подхода.

В познавательном плане наиболее эффективна такая типизация, которая позволяет не просто выделить соответствующие типы, но и установить как степень принадлежности объектов к этим типам, так и меру их сходства с другими типами. Для этого необходимы специальные методы многомерной типологизации. Такие методы разработаны, и уже есть попытки их применения в исторических исследованиях³.

Принципы исторического познания.

Метод – самоидентификация историка-профессионала. История как прошлое может изучаться различными дисциплинами, быть объектом литературы и искусства, да и самих «историй» может быть бесчисленное множество. Главная ценность для историков-профессионалов – получение достоверного знания. Историка-профессионала губит высокий уровень

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 179.

² Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 179.

³ Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 182.

социальных ожиданий. От него ждут окончательных ответов, подавляя, таким образом, здравую идею невозможности достижения объективной истины (до горизонта нельзя дойти, хотя идти в этом направлении можно; объективность – это благородная мечта). **Критерием профессионализма** является не знание универсальной объективной истины, а владение методом и соблюдение основных принципов исторического исследования.

Исторический метод как совокупность процедур работы в профессии опирается на определённые разделяемые профессиональным сообществом нормативные суждения:

- о природе исторической реальности;
- видах и свойствах исторических источников;
- специфике исторического объяснения (понимания);
- языке, структуре и содержании исторического исследования;
- способах верификации результатов работы.

Не во всех работах по методологии истории стоит вопрос о принципах исторического познания, как и нет согласия по конкретному набору характерных для истории принципов и их трактовке. Однако хорошо известно, что у любой науки есть своя система исследовательских принципов, составляющих её основания, её исходные положения. Они возникают в процессе творческого освоения человеком объективной реальности. Как указывал А. Эйнштейн, «для применения своего метода теоретик в качестве фундамента нуждается в некоторых общих предположениях, так называемых принципах, исходя из которых он может вывести следствия». Для их установления «не существует метода, который можно было бы выучить и систематически применять для достижения целей. Исследователь должен, скорее, вывести у природы чётко формулируемые общие принципы, отражающие определённые общие черты совокупности, множества экспериментально установленных фактов». Следовательно, вопрос о принципах истории также не имеет запрограммированного ответа. Подавляющее большинство современных методологов истории исходят из того, что история как наука обладает своей спецификой. Поэтому в системе её исследовательских принципов должно найти отражение как то, что объединяет историю со всеми формами научного познания, так и особенности её познавательного процесса. Отсюда следует, что в исторической науке существуют общенаучные и специфические принципы познания¹.

Поскольку цель всякого познания – получение объективно-истинных знаний, то историческое познание обязательно должно соответствовать по своему содержанию принципу объективности. История как наука требует эффективной стратегии исследования своих проблем, в чём ей оказывает

¹ Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 175.

существенную помощь системный подход. Особенностью предмета исторического изучения является то, что он развивается во времени и пространстве. Это предполагает применение при его изучении исторического подхода. Наконец, в историческом познании существует специфика субъектно-объектных отношений, накладывающая несводимый отпечаток на весь познавательный процесс. Последнее обстоятельство обуславливает существование в исторической науке ценностного подхода¹.

Принцип историзма.

Принцип историзма. Он в наибольшей степени отражает особенности исторического познания. По своей сути этот принцип является общеметодологическим и применяется во всех науках (биологии, ботанике, языкознании и т.д.), изучающих объект в его развитии. В каждой из них применение данного принципа составило целую эпоху в постижении сущности и закономерностей исследуемых объектов. Показательным примером в этом отношении является дарвинская революция в биологии – учение об эволюционном происхождении видов путем естественного отбора.

Принцип историзма по своему происхождению связан с европейской наукой и философией XIX в. Выступая как крупнейшее завоевание научной мысли, историзм стал характерным признаком способа мышления новоевропейской цивилизации, т. е. явлением мировоззренческим. Его мировоззренческое значение, прежде всего, в обосновании глубинной связи времен, обусловленности настоящего и будущего с прошлым.

Современные социальные формы и политические институты истории XIX в. начали выводить из далекого прошлого. В исторических работах пытались найти разгадку сегодняшних социальных проблем и пути их решения. К истории обратились политики, литераторы, художники. Интерес к ней стал своеобразным показателем духовной атмосферы общества. Отражением историзации мышления явился, в частности, исторический роман, сразу завоевавший массу поклонников.

Историзм как способ мышления тесно связан с историзмом как принципом познания. Последний требует изучения всякого явления в его генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности. Основной вклад в его разработку в конце XVIII -начале XIX в. внесён представителями немецкого историзма. Среди них Ю. Мезер, И. Ф. Шиллер, И. Г. Гердер, И. Ф. Гете, Г. В. Ф. Гегель, В. Гумбольдт, «школа права», школа Л. Ранке и др. Окончательную формулировку в рамках немецкого историзма принцип получил в философии истории В. Дильтея и неокантианстве.

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 176.

Значение немецкого историзма в первую очередь определяется тем, что он выявил особенности развития и познания общественных явлений в сравнении с природой. Эти особенности сводились к пониманию истории как процесса развития и самопознания духа. Историчность выступала здесь как обязательный атрибут, особая форма или стадия развития духа, а именно духа народа, воплощающегося в соответствующую культуру. Историзм провозглашался как общефилософский принцип, методологическая установка. В качестве исследовательской программы он включал в себя нацеленность историографии на эмпиризм, опору на источники, достоверность информации которых гарантируется критическим методом исследования; максимально полное описание объекта исследования, восстановление «жизненных сил» исторического явления в конкретных условиях его существования посредством включения этого явления в контекст «внутреннего опыта» исследователя¹.

Теоретическим фундаментом немецкого историзма обычно называют две его основополагающие идеи: **индивидуальность** и **развитие**².

Историческая индивидуальность трактовалась исследователями весьма широко. Это и конкретная личность, и целый народ, и определенная эпоха, и экономическое, политическое, религиозное или художественное движение, и человечество в его целостности³. Индивидуальность была провозглашена главным субъектом истории. Задача ученого виделась в раскрытии идеи, носителем которой является индивидуальность. Исторический мир предстал наполненным общественными явлениями, уникальными по своему характеру, жившими своей собственной исторической жизнью. Как глубокомысленно утверждал Леопольд фон Ранке, «каждая эпоха стоит непосредственно перед лицом Бога, и её достоинство покоится вовсе не на том, что из неё выходит, а в её собственном бытии; в её собственном "Я" каждая эпоха является в высшей степени достойной изучения и должна рассматриваться как нечто значительное само по себе»⁴.

Идея развития требовала рассмотрения всякой индивидуальности в её генезисе, становлении и раскрытии своего предназначения, показа взаимосвязи одной индивидуальности с другими. Исходя из этого, история трактовалась как непрерывный поток развивающихся и взаимодействующих индивидуальностей, который нельзя повернуть вспять или искусственно направить в какое-то желаемое русло.

Всякое развитие общественных феноменов признавалось как органическое, внутренне обусловленное, отягощенное традицией. Когда нечто совершенное в истории создано, подчеркивал Гердер, «после него возможны лишь подражания или напрасные потуги превзойти достигнутое. Гомер пел, и после него уже

¹ Ракитов А.И. Историческое познание. М., 1982. С. 230 – 242.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 177.

³ Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 27 – 28.

⁴ Цит. по: Автобиография Л. Ранке // Русская мысль. 1893. Кн. 8. С. 159.

невозможен был второй Гомер...»¹. Каждый, по словам мыслителя, должен стремиться быть на своем месте тем, чем он может быть в цепочке вещей, а иное невозможно². Поскольку развитие любого народа, каждого народа вытекает из его внутренних исторических корней, то ему нельзя навязать чужой образец, свод правления или кодекс законов, выработанных на иной исторической почве.

Следует учитывать, что немецкий историзм формировался в русле негативной реакции на Французскую революцию, что придало ему консервативную политическую окраску. Он отстаивал эволюционный путь развития общества, которому противоестественны всякие революционные преобразования. Отсюда постоянные апелляции немецких авторов к исторической традиции в деле реформирования Германии, провозглашение особого для неё пути развития в рамках европейской цивилизации. Откровенно реакционную интерпретацию получили широко распространившиеся гегелевские идеи о государстве как «нравственной субстанции», «живом духе», реализующем в истории свою идею об «избранном народе», посредством которого мировой дух осуществляет свои планы и т.д. В политике эти идеи стали примеряться к Пруссии и немецкому народу, как богоизбранным. В практике историографических исследований государство оказалось главным объектом изучения.

Сами по себе идеи развития индивидуальности были плодотворны и, несомненно, обогатили мировую науку, отразили характерные черты исторического подхода к изучению явлений общественной жизни. Однако в немецком историзме наблюдалось гипертрофирование уникального и неповторимого в истории. В конечном итоге это выразилось в противопоставлении истории естествознанию.

В обоснование принципа историзма, кроме немецких ученых, внесли свой вклад просветители (теория общественного прогресса), французские историки эпохи Реставрации (теория классовой борьбы), позитивисты (требование всестороннего изучения исторических явлений, разработка теории исторического источника и методов его изучения), марксисты.

Марксистский историзм выражает диалектико-материалистический подход к историческому процессу³. Его характерной чертой была политизированность на классовой основе, стремление противопоставлять себя иным формам на классовой основе. Отсюда его политизированность, острая полемическая направленность против других направлений, претензии на научную исключительность. Уверенность марксистов в том, что их учение «есть высшее развитие всей исторической и экономической, и философской науки Европы»⁴, основывалась не столько на логических, сколько на

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 388.

² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. С. 388 – 389.

³ Могильницкий Б.Г. Между объективизмом и релятивизмом: дискуссии в современной американской историографии // Новая и новейшая история. 1993. №5. С. 10.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 49.

политических аргументах. Поэтому факт крушения коммунистической идеи, не предусмотренный марксистским историзмом, вызвал кризис доктрины ¹.

Сказанное не умаляет значение марксизма как научного метода и его вклада в разработку принципа историзма. Его заслуги связаны с последовательным стремлением соединить мир природы и социальных явлений в единую картину, учитывая развитие общества как продукта целеполагающей деятельности людей. Марксистский историзм доказал зависимость всех форм и видов сознания от общественного бытия людей, дал последовательную материалистическую интерпретацию исторического процесса. В качестве учения о революционном преобразовании общества он обосновал наличие необходимости в истории качественных скачков, хотя и не уделил должного внимания силе исторической традиции.

На рубеже XIX и XX вв. принцип историзма был применен к самому познающему субъекту. В. Дильтей обосновал идею о единстве социальной практики и познания истории. «Историчность» была объявлена основным признаком человека и социальной реальности, в которой он творит. Под сомнение был поставлен сам научный характер исторического познания, его способность давать достоверные знания о прошлом. Г. Риккерт был вынужден выступить против историзма как мировоззрения, поскольку он «представляет из себя в сущности одну из форм релятивизма и скептицизма; при последовательности в мышлении он необходимо должен привести к полнейшему нигилизму» ².

Крайности исторического релятивизма успешно преодолеваются в современной науке. Так, по наблюдению Б. Г. Могильницкого, в современной американской историографии «речь идет о подходе, бесповоротно отвергающем самодовольные претензии на непогрешимость наших знаний, но вместе с тем ориентированном на получение достоверного изображения прошлого как главной цели познавательных усилий историка. Весьма существенным при этом является признание поступательного характера исторического познания, предполагающее наличие некоторых жёстких стандартов его научности» ³.

В структуре исторического познания принцип историзма выступает как стержневой, объединяющий все уровни исторического исследования – от эмпирических фактов до теоретических конструкций. Однако область его применения не ограничивается только историографией, в равной мере он используется всеми социальными науками.

¹ Постигение истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 179.

² Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 122 – 123.

³ Постигение истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 180.

Непременным условием получения достоверного знания о прошлом является применение принципа историзма при соблюдении требований системности и объективности научного исследования.

Системный подход.

Системный подход. Это эпистемологический инструмент познания, присущий всем наукам. Он ориентирует исследователя на раскрытие целостности сложного объекта, на выявление многообразных типов его связей, сведение их в единую картину. Поскольку общество является сверхсложной системой с многообразными связями и взаимоотношениями, значение данного подхода в истории особенно велико ¹.

В современной научной литературе системность рассматривается как познавательный конструкт, не имеющий естественной природы и задающий специфический способ организации знаний и мышления. Она определяется не столько свойствами самих изучаемых объектов, сколько целенаправленной деятельностью познающего субъекта. Поэтому различия в познавательных установках исследователей порождают множественность описаний одного и того же объекта. Рассмотреть какой-либо объект в виде системы означает, представить его в четырёх категориальных слоях:

1) процессов, 2) функциональной структуры, 3) организованностей материала, 4) морфологии ².

Системный подход ориентирует исторические исследования на выявление недостаточности старых традиционных предметов изучения и постановку новых задач. Он позволяет выстраивать новые предметы изучения, задавая их типологические и структурные характеристики. Данный подход выявляет более широкую познавательную реальность по сравнению с той, которая фиксировалась в прежнем научном знании. С его помощью осуществляется поиск конкретных механизмов целостности изучаемого объекта и обнаружение разнообразной типологии его связей.

Принцип объективности

Принцип объективности. Все согласны, что история должна писаться объективно, поскольку иначе невозможно научное изучение прошлого человечества. Однако сразу встаёт вопрос: какой смысл вкладывается учёными в понятие «объективность»? Л. Ранке призывал писать историю так, «как это, собственно, было». Для великого немецкого историка это означало представить

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 180.

² Новейший философский словарь / Сост. Грицанов А.А. Мн., 1998. С. 620.

исторический мир как мир объективных исторических фактов. Историк должен максимально освободиться от личных пристрастий и антипатий и быть не судьей, а дисциплинированным рассказчиком. Поскольку, по убеждению Ранке, каждая историческая индивидуальность самоценна, то историк не может обойти своим вниманием ни малое, ни большое в прошлом. Не случайно Ранке нередко и не без оснований упрекают в объективизме за стремление изгнать из исторических работ всякие оценки в современном духе, демонстрацию общественного индифферентизма и преклонение перед фактом. Однако его объективизм приносил значимые результаты. Наряду с Фукидидом Ранке называют среди признанных образцов объективности в историографии. По оценке В. П. Бузескула, «насколько вообще можно историку отрешиться от своих симпатий и антипатий при изложении явлений прошлого, настолько сделал это Ранке»¹.

В марксизме претензия буржуазной историографии на объективность была объявлена иллюзией, скрытой формой консервативной партийности, направленной против сил прогресса. Только пристрастия партий и движений, указывающих направление развития общества по пути прогресса, создают условия для объективного подхода к изучению исторического процесса. На таком понимании базируется известный принцип коммунистической партийности. В философском смысле марксистская теория отражения предполагает под объективностью воспроизведение объекта таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания². Однако, если это условие трудно реализуемо даже в естественных науках, опирающихся на экспериментальное знание, что говорить об истории, выступающей как самопознание общества. «Объективность» познания в области социальных наук, – подчеркивал в этой связи М. Вебер, – характеризуется тем, что эмпирически данное всегда соотносится с ценностными идеями, только и создающими познавательную ценность указанных наук, позволяющими понять значимость этого познания, но неспособными служить доказательством их значимости, которое не может быть дано эмпирически... Жизнь в её иррациональной действительности и содержащиеся в ней возможные значения неисчерпаемы, поэтому конкретные формы отнесения к ценности не могут быть постоянными, они подвержены вечному изменению, которое уходит в тёмное будущее человеческой культуры³.

Нередко трудности, стоящие на пути объективного изучения, представляются столь значительными, что вызывают у ученых пессимистические настроения. Так, Юрген Кох предлагает говорить не о постулате объективности, а только о «критериях оценки исторических аргументов». Свой вклад в распространение скептических настроений в рядах историков внесли представители феминистической науки, потребовавшие ревизии общих результатов исторических исследований. Гендерные исследования, по словам Л. П. Репиной, создали предпосылки для становления

¹ Бузескул В.И. Исторические этюды. СПб., С. 183.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 226.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 413.

«новой исторической субдисциплины с исключительно амбициозной задачей – переписать всю историю как историю гендерных отношений, покончив разом и с вековым «мужским шовинизмом» всеобщей истории, и с затянувшимся сектантством «женской истории»¹. Перевернуть с ног на голову почти любое представление об истории» собираются психоисторики². Все эти заявления вряд ли способствуют нормальному процессу развития историографии.

Сказанное не означает, что категория объективности чужда исторической науке. Напротив, как всякое научное знание, историческое в полной мере соответствует требованиям этой категории. Однако её функционирование в истории имеет свои особенности. Несмотря на то, что процесс исторического познания есть своего рода «упорядочение» действительности с помощью субъективных по своей природе категорий, он может давать объективные результаты. Возможность для этого создается рядом факторов³.

1. Наличием исторических источников, существующих независимо от исследователя и в той или иной форме отражающих прошлую реальность. «Разнообразие исторических свидетельств, – отмечает М. Блок, – почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, всё, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения»⁴. Поэтому при всех проблемах источников историки располагают обширной базой для освещения прошлого.

2. Заинтересованностью исследователя и общества в целом в получении достоверного знания об истории человечества, поскольку это знание необходимо для его практического решения современных социальных проблем. Сознательное искажение картины прошлого чревато катастрофами в настоящем.

3. Известным контролем объективности исследования благодаря общему уровню, достигнутому исторической наукой, накопленному в её арсенале, проверенному и обоснованному знанию, существованию признаваемой научным сообществом системы ценностей.

Всё это не означает, что новые теории или факты, не согласующиеся с господствующей системой представлений, всегда ошибочны, хотя смена научных парадигм, как справедливо указывает американский философ Т. Кун, дело исключительное, поскольку «переход к новой парадигме является научной революцией», а последние же, как известно, совершаются редко»⁵.

Объективность научного подхода к историческим фактам достигается специально организованным исследовательским процессом. Он предполагает:

- всесторонний охват изучаемого явления с целью выявления его сущности и многообразия взаимосвязей с историческим миром;

¹ Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. №6. С. 47.

² Де Моз Л. Психоистория / Пер. с англ. Ростов н/Д., 2000. С. 11 – 12.

³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 242.

⁴ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 38.

⁵ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 22, 105, 122.

- опору на достигнутый уровень научного знания с учётом выдвинутых по данной проблеме точек зрения;
- творческий подход к историческому исследованию, что достигается, с одной стороны, применением всей совокупности различных методов для получения из источников максимально разнообразной и обширной информации о прошлом, с другой стороны – движением вперед в соответствии с новыми общественными запросами и успехами, достигнутыми в других областях науки¹.

Учёт этих факторов обеспечивает потенциальную возможность получения объективного знания. Но, как справедливо подчеркивал И. Д. Ковальченко, «всё это – только возможность приобретения истинных знаний, превращение которой в реальность определяется субъективными факторами процесса познания, а именно – позицией исследователя»². Реальные результаты исторической работы в значительной степени определяются уровнем профессиональной подготовки ученого, фундаментальностью его научной концепции и даже личностными характеристиками, как-то: честностью, темпераментом, педантичностью; «волей к правдивости» и совестью и др.

Соблюдение принципа объективности является обязательным условием научной состоятельности исторической работы, залогом признания её учёным сообществом. Обязанность быть объективным должна сопутствовать всей деятельности историка – от сбора источников до теоретических обобщений. Вероятно, исторической науке в равной мере противопоказана как политическая ангажированность, так и крайности объективистского подхода.

В историческом творчестве принцип объективности сочетается с ценностным подходом к прошлому, что усложняет проблему получения объективно истинного знания.

Ценностный подход в истории

Ценностный подход в истории. Вопрос о ценностном подходе является весьма важным, но дискуссионным в методологии истории. Поскольку объектом исторического исследования выступает прошлое человеческого общества, то научное его изучение будет обязательно включать в себя определённое отношение учёного к предмету исследования. Как указывают российские философы А. М. Коршунов и В. Ф. Шаповалов, «данное отношение отражает ценностный подход к объекту и выражается в оценочных суждениях»³. В историографической практике историк постоянно пользуется оценочными понятиями (прогрессивный, либеральный, демократический и пр.),

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 183 – 184.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 242.

³ Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984. С. 66.

с помощью которых он высказывает свои оценки изучаемых явлений. Но оценками дело не исчерпывается: ценностный подход представляет своеобразный способ познания.

В процессе научного познания ученый прибегает к двум основным способам освоения субъектом окружающего мира: научно-познавательному (логическому) и ценностно-ориентационному. Первый господствует в естествознании, второй характерен для социальных наук.

Научно-познавательный подход имеет целью открытие законов функционирования объекта, подведение различных явлений под общие понятия, и в той мере, в какой эта задача стоит перед историей, он ей необходим. Однако логический метод познания не исчерпывает задач и целей исторической работы. В объекте, кроме всего прочего, историка интересует индивидуальное, выделение и оценка которого связаны с разделяемой учёным системой ценностей. Поэтому ценностный подход существует объективно и основывается на необходимости получения об объекте двух типов информации: научной и ценностной¹.

Проблема ценностного подхода в исторической науке встала со всей остротой на рубеже XIX и XX вв. Инициатором её разработки была баденская школа неокантианства в Германии. Согласно выдвинутой неокантианцами теории, история использует особый **аксиологический метод познания**, который противостоит генерализирующему методу естествознания. Опираясь на категорию ценности, **Г. Риккерт** пытался осмыслить весь комплекс методологических проблем истории. Только «точка зрения ценности», по его мнению, позволяет отграничить историю от наук о природе, одновременно придать ей научный характер, наделить историка критерием отбора и построения материала².

Неокантианцы заявляли, что существуют определённые общепризнанные достижения культуры, которые составляют безусловные ценности для человеческого бытия. Среди них назывались такие ценности, как религия, государство, право, нравственность, искусство, наука. Риккерт объявил эти ценности не просто всеобщими, а трансцендентными. Ценность, – писал он, – это «смысл, лежащий над всем бытием»³. **Сущность аксиологического метода**, по мнению немецкого философа, заключается в **отнесении изучаемых объектов к тем или иным ценностям**, благодаря чему и производится отбор объектов и их оценка⁴. Стремясь избежать обвинений в субъективизме отстаиваемого им метода, Г. Риккерт противопоставил практическую оценку в истории, – которой следовало избегать, – чисто теоретическому отнесению к

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 185.

² Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 53, 178 – 179, 182.

³ Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 52 – 119; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 139 – 140.

⁴ Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии. Сб. 7. СПб., 1913. С. 46.

ценности¹. Однако изгнать оценку из историографии учёному, конечно, не удалось. Кроме того, ценностные идеи не являются неизменными. Как верно отмечал российский методолог В. М. Хвостов, **«представления о ценностях далеко ещё окончательно не установились**, находятся в процессе развития, а потому при применении этого метода всегда будут субъективные различия между отдельными историками»².

В позитивистской историографии аксиологический метод подвергся жёсткой критике. Позитивисты не увидели в ценности объективного содержания и отрицали её как препятствие историку в постижении им объективной истины. В этом смысле румынский теоретик А. Д. Ксенополь призывал историков **«воздерживаться от всякой оценки и строго ограничиваться установлением фактов, сообразно действительности, с указанием их причин»**³.

Неоднозначные суждения о месте ценностного подхода в историографии высказываются и в современной науке. Необъективисты полагают, что именно ценностные суждения определяют специфику исторического познания⁴. Понятие ценности того или иного исторического факта рассматривается ими в качестве критерия его отбора. В частности, А. Стерн подчеркивает, что **«избирательные принципы, в соответствии с которыми историк выделяет определённые факты и воссоединяет их с другими, зависят от категорий, которые он использует, стандартов ценностей, принятых им, и в конечном анализе – от его историографического проекта»**. Последний же **«отражает господствующие тенденции своей эпохи»**⁵.

Стремясь к достижению объективности, ученые-необъективисты выступают за максимально возможную элиминацию из исторического исследования личностных оценок и современной системы ценностей, поскольку не видят возможности создания объективного критерия оценки. Отсюда их призыв не судить, а **понимать историю**. Но сказанное не означает, что историку навязывается модель объективности в ранкеанском духе. По словам американского историка Т. Хаскела, **«объективность не есть нейтральность»**, она совместима с политическими обязательствами историка при условии, что политические приоритеты подчинены интеллектуальным⁶.

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 142 – 143.

² Хвостов В.М. Теория исторического процесса. М., 1914. С. 303 – 304.

³ Ксенополь А.Д. Понятие «ценности» в истории. Киев, 1912. С. 20.

⁴ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 186.

⁵ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 186.

⁶ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 186.

Обязательность ценностного подхода признается психоисториками. Директор института психоистории в Нью-Йорке **Ллойд де Моз** убеждён, что «система ценностей любой социальной науки запечатлена в самих её основах»¹. Поэтому он предупреждает своих читателей: «Нет просто никакой возможности исключить ценности из психоистории – любить детей лучше, чем бить детей, в любой культуре, даже если психоисторик путем эмпатии может попытаться избавиться от этноцентризма. Поскольку главное, на что я делаю упор в этой книге, – это идея, что психологическая зрелость является историческим достижением, то каждая страница того, что вы собираетесь прочитать, проникнута моей системой ценностей, и вам следует приготовиться подвергнуть сомнению не только факты, но и мои ценности. Конечно, как и в случае с любой исторической теорией».

Диаметрально противоположны подходы к рассматриваемой проблеме в марксистской философско-исторической литературе. Одни авторы утверждали, защищая принцип партийности, что с введением категории ценности в историографическую практику вносится элемент субъективизма (одновременно) и неправомерно вообще ставить вопрос о специфике исторического познания (Б. Ф. Поршнев, М. С. Козлова, болгарские философы Н. Стефанов, С. Качаунов и пр.), другие (А. В. Гулыга, И. Д. Ковальченко, Б. Г. Могильницкий) настаивали на существовании в истории аксиологических суждений, но не видели самостоятельного значения ценностного подхода, подчиняя его «принципу партийности» в науке².

Между тем категория ценности реально функционирует в историографической практике. По своей природе **ценности объективны. Они представляют собой определенные явления действительности, имеющие положительное значение для личности, социальной группы либо общества в целом.** Они многообразны и могут выступать как в материальной, так и духовной форме. В социальном познании ведущая роль отводится ценностям политическим, правовым, нравственным, эстетическим и т. д., т. е. отражающим специфическую культурную деятельность человечества. **Очевидно, что они выступают как продукт практической деятельности человека в различных её формах.**

Связь с практикой определяет исторический характер ценностей. Они неодинаковы у разных культурных групп, государственных образований, классов, партий, возникают и преобразовываются либо исчезают вместе с ними. Однако релятивистская трактовка ценностей должна иметь свои границы. При всех изменениях в психике человека в его мировоззренческих установках сохраняется определённая устойчивость качеств, свойственных ему от природы. В противном случае история непознаваема. Поэтому в содержании

¹ Де Моз Л. Психоистория / Пер. с англ. Ростов н/Д., 2000. С. 10.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 187.

ценностей имеется элемент общечеловеческого, отражающий коренные интересы человеческого бытия¹.

Нельзя не учитывать это обстоятельство, что значимое в истории не всегда составляет ценность или, напротив, может выступать как препятствие на пути реализации культурных ценностей. Например, поступок Герострата, поджегшего храм Артемиды в Эфесе значим, но его нельзя принять, как и проигнорировать. В любом случае, признаем ли мы за явлением положительное или отрицательное значение, мы анализируем его путем отнесения к ценностям, т. е. через оценку.

Оценка представляет волевое отношение нашего «Я» к рассматриваемому объекту, это средство осознания его значимости для человека. По содержанию она характеризуется актом логического выбора, предпочтения субъектом определенных объектов, их свойств, отношений. Она предполагает сравнение с идеалом, нормой². Оценка по своей природе субъективна, поскольку связана с известной системой ценностей и конкретным исследователем.

Важнейшая гносеологическая функция оценочных суждений в исторической науке заключается в том, что посредством их объект познания – прошлое – раскрывается как явление значимое для современной деятельности. «Каждая эпоха, – указывал в этой связи В. М. Хвостов, — вообще интересуется теми сторонами истории, которые играют наибольшую роль в её собственной жизни, теми событиями, которые имеют отношение к наиболее дорогим для неё культурным ценностям»³. Поэтому неизбежны предпочтения в выборе предмета изучения, увлечения определенными историческими личностями, фактами и т.д.

Огромное значение ценностный подход имеет при отборе исторических фактов. С точки зрения научного (логического) подхода значение того или иного факта прошлого определяется его местом в причинно-следственном ряду, его ролью в выведении закона исторического развития либо в образовании общего понятия. Однако сразу же встанет вопрос о том, какой философии истории придерживается исследователь: будет он искать прогресс, регресс, исторические циклы, или он вообще не усматривает смысла в мировой истории. Уже в научном подходе, в «подведении под закон» можно усмотреть связи с ценностным суждением.

Однако интерес историка никогда не ограничивается общим. **Отбор же индивидуального непосредственно связан с аксиологическим методом.** Такой отбор предполагает предпочтение исследователем тех фактов прошлого, которые связаны с разделяемыми им культурными ценностями, причем значение объекта возрастает по мере роста его индивидуальности.

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 187.

² Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984. С. 72.

³ Хвостов В.М. Теория исторического процесса. М., 1914. С. 303.

В реальной исторической практике можно наблюдать несовпадение ценности индивидуальности и её исторического влияния в смысле серьезного воздействия на последующий ход событий. Например, подруга Перикла Аспазия по своему положению не играла существенной роли в судьбах афинской демократии, но благодаря своим личностным качествам и собранным в её кружке ярким и талантливым людям она постоянно привлекает внимание историков. Так или иначе, научный и ценностный подходы тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга, давая исследователю возможность избежать субъективизма в отборе фактов. «Лишь комбинируя понятия о ценности и о действительности индивидуального, – отмечал А. С. Лаппо-Данилевский, – историк получает основание признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов»¹. Подобное комбинирование научного и ценностного подходов облегчается тем, что в истории всеобщие ценности – наука, нравственность, искусство, семья, церковь – оказываются общими понятиями. Таким образом, ценностный подход позволяет дополнить удовлетворительно установленную связь фактов в эволюционном процессе их значимостью для культурного человечества.

Однако оценочное суждение базируется не только на всеобщих ценностях, но и ценностных ориентациях, ограниченных конкретной нацией, классами, политическими партиями, конфессиями и т.д. Воздействие последних на исследовательскую практику историка с трудом поддается контролю. Оно может быть и бессознательным выражением жизненной позиции ученого, и его принципиальным мнением.

Так, историки-марксисты напрямую связывали ценность исследования с классовой позицией. А некоторые современные исследователи призывают пересмотреть историю с национальной точки зрения, национального подхода, с позиции интересов своей нации. Нельзя не видеть опасности такого рода принципиальных установок для научной историографии. Поэтому ценностный подход не должен доминировать в исследованиях, а субъективно-индивидуальная точка зрения имеет право на существование только при соблюдении принципа объективности.

С ценностным подходом связана реализация некоторых социальных функций истории, в частности социальной памяти, воспитательной и политико-идеологической². Оценка социально значимой деятельности историка определяется тем, как он способствует формированию важнейших ценностных ориентации субъекта в окружающем мире, выработке самосознания личности, поколения, класса, нации; воспитанию достойных нравственных качеств у молодежи, уважительного отношения к наследию прошлых поколений и т. д.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1. Ч. 1 – 2. СПб., 1910. С. 238.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 189 – 190.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ (СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ).

Ключевые слова

Философия истории. Онтологический и гносеологический подход к изучению истории. Критическая (аналитическая) философия истории. Ретроспекция методов социальных и гуманитарных наук. Понимание (интерпретация). Историзм и «историцизм». Функционалистские программы и объективные факторы общественного развития. Пророчество или прогноз. Технологические предсказания.

Вопросы для обсуждения

1. Имеет ли историк дело с самим «объективным» историческим процессом, или с тем или иным вариантом его осмысления?
2. Позволяет ли история делать такой же точный прогноз развития общества, какой делают естественные науки по отношению к природным объектам? Проблема применимости методов физики к изучению исторических явлений?
3. Какова должна быть роль исторической науки, если признать возможность социальной технологии?
4. Как можно объяснять историю с точки зрения изменения системы ценностей, символов (знаков)?

При изучении данной темы рекомендуется обратить внимание на работы философов и историков, оказавшие значительное влияние на развитие исторической мысли в XX веке. Необходимо ознакомиться с разными позициями, как онтологическим походом, так и гносеологическим подходом. Крупнейшие представители онтологического подхода – К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Ясперс, А.Д. Тойнби, Ф. Бродель¹. Гносеологический подход можно изучить по работам В. Дильтея, Г. Риккерта, Р. Дж. Коллингвуда, Р. Арона, М. Фуко, Г.-Х. Гадамера, П. Рикёра². Можно воспользоваться и литературой обзорно историографического плана¹.

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8; Маркс К. К критике гегелевской философии права: Введение // Маркс К. Социология. М., 2000. С. 157 – 176; Маркс К. К критике политической экономики / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13; Маркс К. Капитал. Т.1. Глава 24 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23; Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Социология. М., 2000. С. 177 – 324; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988. Гл. 1; Фридрих Энгельс – Йозефу Блоху // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394 – 396; Бродель, Фернан. Материальная цивилизация и капитализм. XV-XVIII вв.: (В 3 т.) / Пер. с франц.-Т.3.Время мира.-М.:Прогресс,1992.-679 с. Методы истории и осознание исторических событий; Тойнби А.Д. Постижение истории / Пер. с англ. -М.: Прогресс, 1990. 730 с.; Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995; Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем.- М.: Политиздат, 1991. 527 с.

² Арон Р.Избранное: Введение в философию истории: Пер. с франц.-М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.-543 с.; Гадамер Г.-Г.Истина и метод: основы философской герменевтики: Пер. с нем. М.: Прогресс,

Онтологический и гносеологический подход к изучению истории

Философия истории – область философского знания, предметом которой является, с одной стороны, уяснение природы исторического процесса, выявление фундаментальных принципов и начал исторического бытия, постижение смысла, направленности и многомерности истории, с другой стороны, рефлексивно-аналитическое осмысление специфики и структуры исторического знания, его связи с другими типами знания (донаучным, художественным, этическим, религиозным и др.), социокультурными и ценностными компонентами, раскрытие механизмов взаимодействия и специфики исторического описания (нарратива), понимания и объяснения, социального детерминизма и свободы воли в истории. Отмеченные ракурсы философии истории фиксируют два её измерения – исследование исторического бытия в целом, или всемирной истории во всем её многообразии; философский анализ исторического познания, его форм, методов, границ и особенностей ².

Возникновение принципов научной методологии связывают, прежде всего, с именем Декарта. В 1637 г. он публикует «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках».

Декарт сформулировал четыре принципа критического познания, на долгие годы, определившие развитие методологии в целом:

1988. – 699 с.; Дильтей В. Описательная психология / Пер. с нем. – М.: Русский книжник, 1924. 118 с.; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980; Риккерт Г. Философия истории / Пер. с нем. – СПб., 1908. 196 с.; Рикёр П. Время и рассказ. / Пер. с франц. – М.; СПб: Университет. книга и др., 2000. – 313 с. (Изд-е 1985 г.). Т.1. Интрига и исторический рассказ; Рикёр П. История и истина. / Пер. с франц. И.С.Вдовиной и А.И. Мачульской. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.; Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.; Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М.: Юрист, 1994. – 719 с.; Фуко, Мишель. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук./Пер. с франц. – СПб.: Асад, 1994. – 406 с.; Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1914. 315 с.; Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. М., 1883; Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914; Кареев Н.И. Историология. (Теория исторического процесса). Пг., 1915.

¹ Репина Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П.Репина, В.В.Зверева, М.Ю.Парамонова. М.: Дрофа, 2004; Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991; Вильчек В. Прощание с Марксом: (Алгоритмы истории). М., 1993. 222 с.; Лооне Э. Н. Современная философия истории. Таллин, 1980; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989; Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978; Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 200; Патрушев А. И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992; Шарифжанов И. И. Современная английская буржуазная историография: проблемы теории и метода. М., 1984; Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 240 с.; Болховитинов Н.Н., Согрин В. В. Об основных тенденциях в развитии историографии США // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. Отв. ред. В. Л. Мальков М., 1989; Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей, 1991. М., 1991.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 6.

«**Первое** – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т.е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению.

Второе – делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребует, чтобы лучше их разрешить.

Третье – располагать свои мысли в определённом порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.

И **последнее** – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено»¹.

На этих принципах базируется **критический метод**, позволяющий добыть научную истину. Следует обратить внимания, что для Декарта истина может быть только одна:

«...существует лишь одна истина касательно каждой вещи и кто нашёл её, знает о ней всё, что можно знать»².

Первую разновидность философии истории, ведущую начало от Декарта можно назвать онтологической (или субстанциональной). Классические версии философии истории, которые принято называть онтологической, или субстанциональной, моделью философии истории (метаистории), были разработаны Гердером, Гегелем, Марксом.

Проблемное поле онтологической философии истории включает в себя следующие моменты:

- природу, специфику, причины и факторы движения истории;
- закономерности и случайности в истории;
- направленность и смысл истории;
- движущие силы исторического процесса;
- прогностические модели исторического развития;
- тематизацию содержания и ритма истории;
- характер отношения прошлого, настоящего и будущего;
- проблему выбора путей исторического развития и т. д.

¹ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч.: В 2 т.: Пер. с лат. и фр. М., 1989. Т. 1. С. 260.

² Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч.: В 2 т.: Пер. с лат. и фр. М., 1989. Т. 1. С. 262.

Критическая (аналитическая) философия истории представляет собой другой подход – гносеологический. Источником развития этого подхода можно считать труды И. Канта¹ и Ф. Ницше².

Проблемное поле критической (аналитической) философии истории охватывает такие вопросы, как:

- природа и специфика исторического познания;
- особенности исторического описания (нарратива);
- понимание и объяснение в истории;
- историческое и донаучное знание;
- социокультурные и ценностные регулятивы исторического знания;
- рациональное и иррациональное в историческом знании;
- структура и методы исторического знания;
- формирование и статус исторических фактов;
- детерминизм, случайность и свобода воли в историческом познании и т. д.³

Сегодня именно эти подходы вызывают наиболее острые дискуссии. Возникновение современной исторической науки является в определённой степени реакцией на доминирующий долгое время классический тип рациональности, или «картезианский идеал науки» с её онтологическими, методологическими и социологическими принципами. К онтологическим относят стабильность и универсальность природы, которую человеческий разум познает посредством тех же статичных категорий мышления, пассивность материи, противостоящей сознанию как рациональному началу, размещённость сознания во внутреннем мире индивидуального. Под методологическими принципами понимается определение предмета науки как знания об «общем» (выработка знания об «индивидуальном» – удел искусства), универсальность и общезначимость открываемых законов для всех наук, приоритет количественных методов. Социологические принципы означают нейтральность в социально-политическом, моральном и эмоциональном отношениях, доминирование рациональных принципов, понимание субъекта познания как «контрагента» природы, цель которого состоит в её покорении, подчинении собственным интересам.

Становление аналитической философии истории было детерминировано развитием в конце XIX в. дисциплинарно организованной науки, опредмечивание наук о природе и «наук о духе», когда эти науки приобретали статус самостоятельных дисциплин. Традиция критической философии истории

¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Мнения: на немецком и русском языках. Т. 1. Тракаты и статьи (1784 – 1796). М., 1994. С. 81 – 83.

² Ницше Ф. О пользе и вреде истории // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1990.

³ Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С.7 – 8.

формировалась благодаря усилиям Дильтея, Виндельбанда, Риккерта, Кроче¹, Коллингвуда, обративших внимание на специфику и природу исторического познания, логику его развития. Существенный вклад в разработку аналитической философии истории внесли в 40-50-е гг. XX в. такие представители критико-аналитической философии, как Гемпель, Дрей, М. Уайт и др.²

Критико-аналитическая философия истории особый импульс развития получает в XX в., когда появляется большинство работ по эпистемологии (гносеологии) и методологии исторического познания. Не случайно критическую философию истории называют гносеологическим направлением (логикой исторического познания) в понимании предмета философии истории в противоположность онтологическому, акцентирующему внимание на проблеме исторического бытия (онтологии).

Однако следует ли проводить резкую демаркационную линию между онтологическим и гносеологическим направлениями философии истории? В русской философской традиции предпринимались попытки синтеза исторической онтологии и логико-гносеологического подхода к философии истории. Так, **Н. И. Кареев** в своих работах «Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории теоретического прогресса» (т. 1 – 3, 1883 – 1890), «Историология. Теория исторического процесса» (1915) и др. философию истории рассматривал как синтетическую дисциплину, включающую в себя теоретическую и конкретно историческую части. Философия истории для него есть суд над историей, в соответствии с чем на историю и на социум важно смотреть глазами живой личности, включенной в социокультурную среду и исторические контексты. Таким образом, в философии истории Кареева осуществляется синтез социального и исторического знания. «Именно преобразование всемирно-исторического процесса с некоторой общей точки зрения и есть основная задача философии истории»³.

Эту точку зрения разделяют сегодня многие отечественные историки. Так М.Ф. Румянцева пишет:

«Здесь необходимо кратко пояснить, почему, размышляя о субъекте истории, я предпочитаю говорить о человеке не как о субъекте исторического процесса, а о включении представлений о природе человека в историческую теорию. Иными словами, почему я отдаю предпочтение гносеологическому подходу. Дело в том, что вопрос об объективности исторического процесса

¹ Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Шк. «Яз. русс. культуры», 1998. – 191 с.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С.8.

³ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. Тула, 1993. С. 14. См. также: Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998.

явно относится к числу философских, т.е. неразрешимых вообще и уж точно – в рамках исторического знания. Не останавливаясь здесь специально на критериях строгой научности исторической теории, отмечу, что как в исследовательской, так и в социально-политической практике мы имеем дело не с самим «объективным» историческим процессом, а с тем или иным вариантом его осмысления. Люди, в том числе и политики, действуют, возможно, в объективных исторических условиях, но характер их действий зависит от их субъективного понимания этих условий»¹.

С этим подходом связано современное видение истории как научной дисциплины. Суть этого подхода в признании того, что историческая наука отличается от многих других социальных и гуманитарных дисциплин тем, что стремится изучать человека и общество как единое целое и в развитии, наблюдает только то, что уже произошло и больше не повторится.

Историю как науку с позиций сегодняшнего дня можно рассматривать с трёх точек зрения:

- как способ узнать, как на самом деле происходило историческое событие на основе критики (сравнения) исторических источников;
- как на применение ретроспекции методов социальных и гуманитарных наук, проверяемых на современном материале, к изучению прошлого;
- как на понимание (интерпретацию), основанное на применении принципов современной феноменологической герменевтики сочетание интуитивизма и логики (или комплексный подход к изучению истории).

В отечественной науке высказывались различные мнения о соотношении истории и социологии. Принято было считать социологию теоретической основой истории. Тогда возникал вопрос, а может ли быть у истории своя отдельная теоретическая основа, или история всего лишь конкретизирует положения социологии в применении к прошлому².

¹ Румянцева М. Ф. Теория истории. Учебное пособие / М. Ф. Румянцева. – М.: Аспект Пресс, 2002. С. 38.

² См.: Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. – М., 1996. №5. – С. 146-168; Барг М.А. Эпоха и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348с.; Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Буганов В.И. Размышления о современной отечественной науке // Новая и новейшая история. – М., 1996. №1. – С. 77-87; 21; Васильев Л.С. Генеральные очертания исторического процесса (Эскиз теоретической конструкции) // Философия и общество... – М., 1998. – №1, 3, 4; Гулыга А.В. Эстетика истории. – М.: Наука, 1974; 128 с. Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М.: Мысль, 1974. – 190 с.; Дьяков И.М. Пути истории. От древнего человека до наших дней. М., 1994; Жуков Е.М. Очерки методологии истории. – М.: Наука, 1980. 247 с.; Ерофеев Н.А. Что такое история? – М.: Наука, 1976. 136с.; Сахаров А.М. Методология истории и историографии (Статьи и выступления). М., 1981; Сахаров А.Н. Новая политизация истории или научный плюрализм? О некоторых тенденциях в мировой историографии истории России XX века // Новая и новейшая история. – М., 1993. – №6. – С. 87 – 94; Советская историография / Российский государственный гуманитарный университет; Под. Ред. Афанасьева Ю.Н. – М., 1996. – 591 с.; Философия и методология истории. М., 1977; Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. 319 с.

Во Франции вопрос ставился несколько по-другому. Историки школы «Анналов» ставили вопрос о соотношении истории и других наук об обществе иначе. В 1985 г. Ф. Бродель, представляя советскому читателю, русский перевод первого тома своего знаменитого труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.», следующим образом охарактеризовал свое видение места истории «в универсуме социальных и гуманитарных наук»: не только различные науки о человеке «расшатывают» историю, но и она, в свою очередь, в силу достаточно логичной ответной реакции «расшатывает» их. Лишь история, полагал Бродель, способна объединить все науки о человеке, помочь им связать воедино их объяснения, наметить некую междисциплинарную общественную науку, ибо «общественные науки... не могут дать плодотворных результатов, если исходят только из настоящего, которого «достаточно для их построения. Они должны вновь обрести и использовать историческое измерение. Вне его не может быть успеха»¹.

По сути своей все функционалистские (онтологические) программы объясняли, как объективные условия способствовали формированию человеческих потребностей и мотивов поведения. Открытие очередного объективного фактора, как правило, было связано с общественно-исторической практикой. Каждый новый объективный фактор общественного развития сначала пытались представить основополагающим в системе общественных связей. Всего за двести лет (от Монтескье до школы «Анналов») их было установлено пять:

- природно-географический;
- экономический;
- социальный;
- политический;
- менталитет (система ценностей и способ мышления).

Ход рассуждений при таком системном раскладе всегда будет зависеть от того, какой из факторов будет признан определяющим по отношению к остальным. Единым стержнем для рассуждений останется признание поступательного развития общества от низших ступеней развития к высшим (что и получит в XX веке негативную оценку под названием «историцизм»). Получается, что признание плюрализма этих факторов даёт нам позитивизм, признание определяющей роли социально-экономического фактора приводит нас к марксизму, а признание факта, что человек исходит в своей деятельности не из рациональных экономических или социальных интересов, а из исторически сформировавшихся в процессе экономической, социальной и политической деятельности чувственных представлений – к структурализму, нашедшему выражение в деятельности историков школы «Анналов».

Общим для всех этих научных программ было стремление к открытию универсальных объективных законов истории, которые позволят делать такой

¹ См.: Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М, 1986. – С. 29-30.

же точный прогноз развития общества, какой делают естественные науки по отношению к природным объектам.

Критика Карлом Поппером концепции «историцизма».

Подробно проблема поиска объективных универсальных законов истории разобрана в работах Карла Поппера ¹.

За современное неудовлетворительное состояние теоретических социальных наук, считает Поппер, во многом ответственна повсеместно распространенная среди социальных философов и учёных концепция историцизма. Историцизм видит главную задачу социальных наук в историческом предсказании. Задача эта решается, когда в основе исторической эволюции усматривают «ритмы», «схемы», «законы» или «тенденции» ².

«Научный интерес к социальным и политическим вопросам – так начинает Поппер книгу «Нищета историцизма» – вряд ли возник позднее, чем интерес к космологии и физике; в древности иногда даже казалось, что наука об обществе обогнала науку о природе (достаточно познакомиться с политическими учениями Платона и Аристотеля). Однако с появлением Галилея и Ньютона физика преуспела настолько, что оставила позади все другие науки, а с появлением Пастера, этого «Галилея биологии», почти такой же рывок сделали биологические дисциплины. Что касается социальных наук, то они, по-видимому, так до сих пор и не нашли себе собственного Галилея».

В «Нищете историцизма» Поппер предлагает следующую классификацию школ мысли, занимающихся методологией социальных, то есть непреуспевающих наук. Соответственно тому, как они смотрят на проблему применимости методов физики, их можно разделить на «пронатуралистические» и «антинатуралистические». **«Пронатуралистические», или «позитивные», – это школы, которые взируют на применение методов физики к социальным наукам с благосклонностью; «антинатуралистические», или «негативные», – это школы, которые считают, что эти методы здесь неприменимы** ³. Следует обратить особое внимание на то, что в приведенных рассуждениях Поппера и в предложенной им классификации школ методологии социальных исследований он, будучи с самого начала его научной деятельности ориентирован на логику и методологию естественных наук, всячески подчеркивает важность той позиции, которую социальный философ, придерживающийся антинатуралистических, пронатуралистических или же сочетающих элементы той и другой концепции, разделяет по поводу науки и её предмета ⁴.

¹ См.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983; Поппер К. Историческое объяснение // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М., 2000. – С. 330-339; Поппер К. Нищета историцизма: (Пер. с англ.) – М.: Прогресс, ВИА, 1993. – 185 с.

² Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 10.

³ Поппер К.Р. Нищета историцизма. М. 1993. с. 8.

⁴ Садовский В.Н. Карл Поппер и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 83.

Историцизм, отмечает Поппер, очень древнее учение. Его первые формы, вроде учения о жизненных циклах городов и народов, появились даже раньше, чем примитивный телеологизм, согласно которому за, казалось бы, слепыми изгибами судьбы скрываются свои цели. Те, кто идёт вслед этому учению, по мнению Поппера заранее предполагают наличие смысла в истории, отрицают возможность выбора.

В «Нищете историцизма» Поппер привел ряд серьёзных аргументов, с помощью которых, как он справедливо считает, ему удалось опровергнуть историцизм. Он, в частности доказал, что **по строго логическим основаниям предсказать течение событий невозможно.**

Его основная аргументация состоит из пяти пунктов:

(1) Значительное воздействие на человеческую историю оказывает развитие человеческого знания. (Истинность этой посылки признают и те, кто видит в наших идеях, в том числе в научных идеях, побочные продукты материального развития.)

(2) Рациональные или научные способы не позволяют нам предсказать развитие научного знания.

(3) Таким образом, ход человеческой истории предсказать невозможно.

(4) Это означает, что теоретическая история невозможна; иначе говоря, невозможна историческая социальная наука, похожая на теоретическую физику. Невозможна теория исторического развития, основываясь на которой можно было бы заниматься историческим предсказанием.

(5) Таким образом, свою главную задачу историцизм формулирует неправильно и поэтому он несостоятелен»¹.

Критикуя историцизм, Поппер большое внимание уделяет анализу исторических законов, теории исторического развития, вопросам социального изменения и социальной инженерии.

Он утверждает, что для историциста социология является теоретической историей. Её научные прогнозы основаны на законах, а поскольку это исторические прогнозы, говорящие о социальном изменении, они основываются на исторических законах.

В то же время, по мнению историциста, метод обобщения неприменим в социальной науке, а единообразия социальной жизни не следует считать неизменно истинными в любой точке пространства и в любой момент времени, поскольку они ограничены определенным культурным или историческим периодом. «Таким образом, социальные законы – если они существуют – имеют несколько иную структуру, чем обычные обобщения, основанные на единообразиях. Истинность реальных социальных законов является «всеобщей». Это означает, что они приложимы ко всей в целом человеческой истории, охватывая не просто отдельные периоды, но все периоды, из которых она состоит. Но социальных единообразий, истинных за рамками единичных периодов, не существует. Таким образом, единственными универсально

¹ Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 4 – 5.

истинными законами следует считать законы, соединяющие следующие друг за другом периоды. Это должны быть законы исторического развития, определяющие переход от одного периода к другому. Именно это, говорит Поппер, и имеют ввиду историцисты, утверждая, что единственными реальными законами социологии являются исторические законы»¹

Исторические законы, подчеркивает Поппер, в том случае, если они будут найдены, позволили бы предсказывать весьма отдаленные события, пусть и, не достигая точности в деталях. Таким образом, социология пытается решить древнюю проблему прорицания, и не столько в отношении индивидов, сколько в отношении групп и всего человечества в целом. «Социология – наука о грядущем, о надвигающемся развитии событий. И если бы политическое научное предвидение имело успех, социология доказала бы свою величайшую ценность, особенно для тех политиков, кто живет не сегодняшним днем, для людей с чувством исторической судьбы. Правда, некоторые историцисты не идут дальше предсказания ближайших шагов на пути человеческого паломничества, и даже это делают с чрезвычайной осторожностью. Одна идея, впрочем, объединяет их всех. Это идея о том, что с помощью социологического исследования мы можем увидеть политическое будущее, и что тем самым социология становится важнейшим инструментом дальновидной практической политики»²

С прагматической точки зрения, утверждает Поппер, значимость научных предсказаний несомненна. В науке имеются два вида предсказаний и соответственно два вида практичности. Например, мы можете предсказать (а) приближение тайфуна. Это предсказание имеет немалую практическую ценность, позволяя людям укрыться от ненастья. Мы можем также предсказать, что (б) укрытие выдержит напор стихии, будучи сконструировано определенным образом.

Возможны два вида предсказаний: **пророчество или прогноз**. Реальным по Попперу может быть только краткосрочный прогноз, не претендующий на предсказание будущего во всех деталях. Но вполне можно прогнозировать вероятные направления движения.

Предсказания второго вида можно назвать технологическими, поскольку они образуют базу для инженерии. Это конструктивные предсказания, они знакомят нас с шагами, которые мы можем предпринять, если желаем достигнуть определённых результатов. Большая часть предсказаний в физике (астрономия и метеорология составляют исключение) являются технологическими предсказаниями. Различие этих двух видов предсказания приблизительно соответствует роли в науке спланированного эксперимента и обычного терпеливого наблюдения. Экспериментальные науки дают технологические предсказания, в то время как науки занимающиеся главным образом неэкспериментальными наблюдениями, высказывают предсказания-пророчества³.

¹ Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 51.

² Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 52.

³ Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 53.

Выделение двух видов предсказаний – пророческих и технологических дало возможность Попперу определить разные виды наук. Термины «пророческий» и «технологический» позволяют указывать на прагматические черты науки, однако это не означает, что прагматическая точка зрения превосходит все остальные и научный интерес замыкается на пророчествах и технологических предсказаниях. Открытия астрономии интересны главным образом с теоретической точки зрения, хотя не лишены и практической ценности; будучи «пророчествами», они сродни предсказаниям метеорологии, практическая ценность которых очевидна.

Различение пророчества и инженерии и соответствующее различение структур научных теорий исключительно важно для попперовского методологического анализа социальных наук. «Историцисты, вполне последовательно считающие, что социологические эксперименты бесполезны и невозможны, выдвигают аргументы исторического пророчества (касающегося социального, политического и институционального развития) и против социальной инженерии как практической цели социальных наук. Некоторым историцистам идея социальной инженерии, планирования и конструирования институтов с целью торможения социального развития, контроля за ним, или его ускорения представляется вполне реальной. Другим это кажется или почти невозможным, или предприятием, не учитывающим, что политическое планирование, подобно всякой социальной деятельности, находится во власти высших исторических сил»¹.

В «Нищете историцизма» Поппер реконструирует сердцевину историцистской аргументации. Согласно историцистам, социальная наука – нечто иное, как история: таков важнейший тезис историцистов. Однако это не история в традиционном смысле, не простая хроника исторических фактов. Ее интересует не только прошлое, но и будущее. Социальная наука – это изучение действующих сил и законов социального развития. Соответственно, её можно было бы, по мнению Поппера, назвать исторической теорией, или теоретической историей, поскольку единственными универсально истинными социальными законами считаются здесь исторические законы – законы процесса, изменения, развития, а не псевдозаконы кажущихся постоянств или единообразий. «По мнению историцистов, социологи должны дойти до идеи об общих тенденциях, в русле которых изменяются социальные структуры. Помимо этого, им следует понять причины происходящего процесса, действие сил, ответственных за изменение. Они должны сформулировать гипотезы об общих тенденциях социального развития, чтобы, выводя из этих законов пророчества, люди могли приспособиться к грядущим переменам»².

Историцистскую концепцию социологии можно представить с помощью различения двух видов прогноза и связанного с ним различения двух видов науки. Представим себе, пишет Поппер, методологию, противоположную историцистской и сориентированную на технологическую социальную науку.

¹ Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 54 – 55.

² Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 55.

Она составляла бы основу изучения общих законов и фактов социальной жизни, необходимых для работы всех проводящих реформу социальных институтов. Такие факты, несомненно, существуют. Многочисленные утопические системы нереализуемы просто потому, что не считаются с ними в должной мере. «Задачей технологической методологии стала бы разработка средств, помогающих избежать нереальных конструкций. Она была бы антиисторицистской, но ни в коем случае не антиисторичной. **Исторический опыт служил бы для неё важнейшим источником информации.** Но она не стала бы заниматься поиском законов социального развития. **Технологическая методология нацелена на открытие законов, говорящих о границах, в которых мы могли бы конструировать социальные институты или какие-то другие единообразия (хотя таких законов, согласно историцизму, не существует)»**¹.

Историцисты, таким образом, ставят под вопрос возможность и полезность социальной технологии. Допустим, говорят они, социальный инженер разработал план новой социальной структуры. Этот план и практичен и реалистичен в том смысле, что не противоречит известным фактам и законам социальной жизни, и мы даже можем предположить, что он подкреплен реальным планом преобразования общества. Даже если это так, историцистские аргументы покажут, что данный план не заслуживает серьезного рассмотрения. Он останется нереалистической и утопической мечтой, поскольку не принимает в расчет законов исторического развития. Социальные революции вызываются не рациональными планами, а социальными силами, например – конфликтом интересов. Древние идеи о могущественном правителе-философе, претворяющем в жизнь некие тщательно обдуманые планы, – просто сказка. «Демократическим эквивалентом этой сказки является предрассудок, согласно которому людей доброй воли можно убедить с помощью рациональных аргументов в том, чтобы они приняли участие в запланированном действии. История показывает, что социальная реальность ничего общего с этим не имеет. Теоретические конструкции, даже самые прекрасные, никогда не определяют ход исторического развития, хотя и могут оказать на него какое-то влияние наряду с другими не столь рациональными (или даже иррациональными) факторами. И даже если рациональный план совпадает с интересами влиятельных групп, он никогда не осуществляется в том виде, как был задуман, несмотря на то, что борьба за него становится решающим фактором исторического процесса. Реальный результат всегда отличается от рациональных конструкций, являясь равнодействующей соперничающих сил. Кроме того, результат рационального планирования всегда оказывается непрочной структурой, ибо баланс сил постоянно изменяется. Социальная инженерия, какой бы реалистичной и научной она ни была, обречена оставаться утопической грезой»².

¹ Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 56.

² Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 57.

Историцист отвергает не только практическую возможность социальной инженерии, но и идею теоретической социальной науки. Практическая инженерия, считает он, обречена на неудачу потому, что не учитывает важные социологические факты и законы, прежде всего – законы развития. Не учитывает этих законов и «наука», на которой они основываются. В противном случае она никогда бы не выдвигала столь нереалистических конструкций. «Любая социальная наука, которая не учит о том, что рациональная социальная конструкция невозможна, остается слепой в отношении важнейших фактов социальной жизни и не замечает единственно истинных и значимых социальных законов. Поэтому социальные науки, стремящиеся составить основу для социальной инженерии, не могут быть истинным описанием социальных фактов. Они вообще невозможны»¹. Поппер подчеркивает, что сторонники историцизма видят и другие основания для того, чтобы отвергнуть технологическую социологию. Так, они с пренебрежением относятся к таким аспектам социального развития, как новизна. Идея рационального, основанного на базе науки, конструирования новых социальных структур предполагает, что новую социальную структуру можно создать приблизительно в том виде, как она планировалась. Однако, если план основан на науке, игнорирующей важнейшие социальные факты – общие социальные законы развития, то в этом случае можно объяснить только новизну иного расположения частей, но не ее существенно новые черты. Этот аргумент превращает любое детальное планирование в пустое занятие, а любую науку, на которой оно основывается, делает неистинной.

Историцисты убеждены в том, что верно для всех социальных наук, то должно быть верным и для экономики. Конечной целью экономики может быть – и здесь Поппер цитирует Маркса – только «открытие экономического закона движения человеческого общества»².

Поппер подчеркивает, что историцистские взгляды на социальное развитие нельзя назвать фаталистическими, не ведут они и к бездействию. Напротив, большинство историцистов испытывают склонность к «активизму». Согласно историцизму, наши желания и мысли, мечты и рассуждения, опасения и знания, наши интересы и наша энергия все это силы в развитии общества. Дело не в том, что ничего невозможно сделать, а в том, что **ни мечты, ни конструкции разума никогда не претворяются согласно плану**. И эффективны только те планы, которые совпадают с главным течением истории. Совершенно ясно, какого рода деятельность историцисты считают разумной. Разумна та деятельность, которая не противоречит и даже способствует предстоящим изменениям. На научном прогнозе можно, считают историцисты, основать только одну деятельность – социальное акушерство.

Таким образом, историцистское пророчество и интерпретация истории должны стать основой любого продуманного и реалистического социального

¹ Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 57.

² Цитата Маркса взята из: Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 10.

действия. Интерпретация истории является главной задачей историцистского мышления. Все помыслы и действия историцистов обращены к интерпретации прошлого в целях предсказания будущего¹.

Такой взгляд близок к вере в социальные и политические чудеса, отрицая за человеческим разумом силу сотворения более разумного мира. Некоторые влиятельные историцистские авторы с оптимизмом пророчествовали о пришествии царства свободы, в котором человеческие дела можно было бы планировать рационально. Они учили, что переход от царства необходимости, этой доли страданий, к царству свободы осуществится не посредством разума, а с помощью чуда, в силу строгой необходимости, по слепым и непреложным законам развития.

Поппер подчеркивает, что тем, кто желает, чтобы разум оказывал большее влияние на общественную жизнь, историцист советует изучать и интерпретировать историю с целью обнаружения законов её развития. Если при этом выяснится, что желательные изменения уже близки, тогда эти желания являются разумными. Если же развитие идет в другом направлении, тогда наши желания оказываются совершенно неразумными – историцисты сочтут их просто утопической мечтой. Активизм оправдан только в том случае, когда покоряется предстоящим изменениям и способствует им.

Прекрасную формулировку сути историцистской позиции Поппер усматривает в следующих словах Маркса: «Когда общество находит естественный закон, определяющий его развитие, даже в этом случае оно не может ни перескочить через естественные фазы своей эволюции, ни выкинуть их из мира росчерком пера. Но кое-что оно может сделать: сократить и облегчить родовые муки»². Историцизм, таким образом, не учит бездеятельности или фатализму, однако утверждает, что любая попытка вмешаться в надвигающиеся изменения тщетна; историцизм – это особая разновидность фатализма, для которого неизбежными выступают тенденции истории. Марксово активистское изречение «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»³ должно, утверждает Поппер, понравиться историцистам (слово «мир» обозначает здесь развивающееся человеческое общество), поскольку подчеркивает значимость изменения. Однако оно плохо согласуется с важнейшими положениями историцизма. И поэтому Поппер предлагает его переформулировать следующим образом: «Историцист может только объяснять социальное развитие и помогать ему различными способами; однако дело, по его мнению, заключается в том, что никто не способен его изменить»⁴.

Путь, пройденный исторической наукой в XX столетии – путь идеологического противостояния. Труды Карла Поппера, как и работы его оппонентов, писались в условиях «холодной войны». Отсюда категоричность

¹ Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 60.

² Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 61 – 62.

³ Цитата из Маркса: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С.4.

⁴ Поппер Карл Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 62.

суждений, отрицание других точек зрения, приписывание им идей, которые в действительности не имели доминирующего значения в соответствующих теоретических системах. Академик И.Д. Ковальченко писал, что всякое противостояние по идеологическим причинам не даёт конструктивных результатов: «Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется по отношению к марксизму) и замена их другими (чаще всего субъективно-идеалистическими)». По его мнению, **во-первых, следует напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания.** Это обусловлено неисчерпаемостью черт и свойств общественно-исторического развития, что делает невозможным выработку каких бы то ни было всеохватывающих теорий. А само допущение подобных построений фактически исключает возможность прогресса исторического познания.

Во-вторых, следует учитывать, что **любая научная теория, т. е. теория, основанная на анализе и обобщении исторической действительности, а не на априорных конструкциях и отрывочных фактах, содержит то или иное рациональное зерно** и тем самым вносит определённый вклад в развитие общественно-научной мысли. Например, в марксизме такой непреходящей ценностью были соединение материализма с диалектикой и распространение такого подхода на изучение истории. Вместе с тем и любой метод научного познания для чего-нибудь да хорош.

В-третьих, **любая философско-историческая теория позволяет выработать ту или иную концепцию исторического развития, которая всегда исторически в большей или меньшей мере ограничена.** Иначе говоря, характеристика сущности тех или иных общественных отношений на основе той или иной теории всегда справедлива лишь в определенных исторических границах.

Между тем хорошо известно, что синтез теорий, подходов и методов и конкретно-научных концепций является органическим компонентом в развитии любой науки¹.

Таким образом представление о том, что наука устанавливает законы, что она ведёт к воцарению строгой предсказуемости типа «если произойдёт событие А, то непременно произойдёт и событие В» стало достоянием истории науки. Оказалось, что определение науки через закон не вполне правомерно. Научные законы утратили чисто детерминистский характер, да и современная физика стала вероятностной. Тем не менее, физика продолжает описывать реальность через строгие процедуры проверки/опровержения, на которые неспособна история, как впрочем, и другие социальные науки. Ясно, что история не может быть наукой того же плана, что и химия. Она на это и не претендует. Она имеет целью обособить некую форму познания, которая, отличаясь значительным своеобразием, не являясь в силу этого менее строгой

¹ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. //Новая и новейшая история. – М., 1995. – №1. – С. 4.

или менее истинной в своём роде, на уровне своего порядка обобщений, нежели объективное познание наук о природе¹.

Историки могут сказать что можно, а чего нельзя делать в силу тех или иных условий, но их рекомендации могут быть и ошибочными. Случается, что историки ошибаются: многие описывали социалистические режимы Восточной Европы как абсолютно стабильные структуры, а между тем Берлинская стена пала, а различного рода «кремленологи» и «советологи» остались без работы. Также можно было предполагать, что СССР распадётся, но никто не мог до 1991 года точно спрогнозировать это событие.

Объективных, независящих от человека, законов общества не существует. Есть разные социальные модели, для которых присущи те или иные закономерности, перестающие действовать за их пределами. Однако и при такой постановке вопроса возможно два основных подхода к выявлению этих закономерностей. Можно выявлять общие, постоянно действующие общественные связи, определяющие поведение больших групп людей в определённых условиях (онтологический подход), или рассматривать историю человечества в духе персонализма как изменение человеческого сознания, стремящегося к большей степени индивидуальной свободы (гносеологический подход). Причём и в том и в другом случае единственным объектом изучения будет человек как главный субъект исторического творчества.

В современной отечественной науке также утверждается сходная система взглядов.

«Самый поверхностный анализ показывает, что в каждой науке есть слой общих теоретических утверждений, которые сами по себе проверены быть не могут, зато служат логическими основаниями для более конкретных уже проверяемых теорий и утверждений. В физике таким примером может служить закон сохранения энергии, исходные постулаты квантовой теории. В социальных науках и истории эмпирическим основанием становится жизненный неосознаваемый опыт человечества, отход от которого грозит разрушением логики взаимопонимания»².

Самое худшее – наложить на историю некую застывшую схему; в таком случае история становится объектом и уже не может быть ценностью; становясь фатальной, она не может быть избрана. История может быть лишь сотворчеством свободных людей. Следовательно, историю надо объяснять с точки зрения изменения системы ценностей, символов (знаков), которые и являются отражением коллективного разума.

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 156.

² Н.С. Розов. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995. №12. С.57.

Существенными свойствами такой сложной самоорганизующейся системы как общество, создаваемой человеком в процессе своей общественной, творческой деятельности, являются ценности. Человеческая деятельность всегда осуществляется в обществе, состоящем из различных социальных общностей с присущими им системами ценностей, которые в совокупности образуют смысловую структуру данного общества. С данной точки зрения, всякое общество, всякая культура выступает как система значений, интегрирующих, цементирующих это общество, обеспечивающих его единство и целостность, создающих механизм культурной преемственности, но вместе с тем побуждающих людей к деятельности, направленной на изменение, преобразование существующих социальных структур и создание новых.

Такой подход предполагает изучение не столько свойств вещей, сколько отношения человека к миру, выражающегося через ценности, которые можно рассматривать как знаки, символы, с помощью которых люди общаются друг с другом и достигают взаимопонимания.

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ИЛИ СИТУАЦИОННАЯ ЛОГИКА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ.

Ключевые слова

Логика социального исследования. Объективность научного познания. Проверка знаний путём фальсификаций. Ситуационный анализ. Ситуационная логика. Диалогичность гуманитарного знания. Дискурс. Открытость множества возможных аргументов. Аналогии. Метатеоретические и металогические средства. Правила достоверного вывода и правила правдоподобного вывода. Правила структурной эмпирической индукции.

Вопросы для обсуждения

1. Надо ли говорить о «логике социальных наук», или об их методологии?
2. С чего начинается познание: с восприятий или наблюдений; или оно начинается с проблем?
3. Верно ли считать, что объективность науки зависит от объективности учёного?
4. Каковы задачи построения исторических объяснений?
5. В чём состоит суть ситуационного анализа, или ситуационной логики по К. Попперу?
6. Какую роль в научном исследовании должна играть теория?
7. В какой мере можно говорить о единстве естественнонаучного и гуманитарного знания? Как можно оценить концепцию единства метода социальных и естественных наук. К. Поппера?
8. Можно ли считать логическим основанием исторической науки дискурс (рассуждение)?

Обычно любого критика спрашивают, если критикуешь, то предлагай нечто взамен того, что было. Карл Поппер предложил применять для анализа общественных явлений ситуационную логику. По этой проблеме ведутся оживлённые дискуссии в зарубежной и отечественной науке. Рекомендуются в данном случае ознакомиться с работами Т. Куна, И. Лакатоса, А. Данто, В.Н. Садовского, К.В. Хвостовой, Н.С. Розова¹.

¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки: Учебное пособие для вузов. – М.: Наука, 1995.; Хвостова К.Д., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997; Данто А.С. Аналитическая философия истории / Пер. с англ. М.:Идея – Пресс, 2002.-289 с.; Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.; Лакатос И. Методология научных исследовательских программ. // Вопросы философии. М., 1995. – №4; Садовский В.Н. Карл Поппер и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2002; Розов Н.С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера. // Вопросы философии. - М., 1995. - №12. - С. 55 – 69; Розов Н.С. Философия и теория истории. / ... М.: Логос, 2002. - Кн. 1. - Прологомены. - 655с.

В.Н.Садовский в книге «Карл Поппер и Россия» пишет: «понятия «логика социальных наук» или «логика социального исследования» прочно вошли в социологическую литературу минимум семьдесят – восемьдесят лет тому назад, а эпизодически употреблялись и раньше, например, на рубеже XIX и XX веков Г. Тардом в его исследовании «социальной логики» и другими социологами. Следует, правда, сразу же отметить, что слово «логика» в названных и аналогичных словосочетаниях используется не в строгом смысле формальной логики, то есть множества правил достоверного вывода, обеспечивающих получение истинных следствий из истинных посылок, а в более широком значении – как анализ и обоснование совокупности правил, методов, процедур и т.п. проведения социологических исследований, иначе говоря, не только и не столько как логика, сколько как методология социальных наук. В этой области правила формальной логики являются, конечно, обязательно применимыми, как и в любой другой научной и не только научной, но и обиходной сфере, но не на их дальнейшее развитие направлена «логика социальных наук», а на логико-методологическую разработку форм, методов, процедур, этапов и т. п. социологических исследований. Поэтому **точнее было бы говорить не о «логике социальных наук», а об их методологии**, которая, конечно, включает в себя и соответствующие разделы логики»¹.

В этом уточнённом смысле «логика социальных наук» является существенным и неотъемлемым аспектом любой социологической теории и любого социологического направления исследований, и совпадает с историей социологии в целом.

К. Поппер, разрабатывая в целом ряде своих публикаций тему «логика социальных наук», имеет в виду не строго формально-логическую проблематику, а названный более широкий контекст, который, видимо, точнее всего назвать «методология и логика социальных наук» в широком смысле этих понятий. «Логика социальных наук» – главная тема книги К. Поппера «Нищета историцизма» (журнальный вариант 1944-1945, первое книжное издание – 1957; русский перевод – 1993). Многие важные аспекты этой темы рассматриваются в его классическом труде «Открытое общество и его враги» (первое издание – 1945, русский перевод – 1992.)²

Попытаемся суммировать представления Поппера о логике социальных наук, сопоставить их с другими подходами к этой проблематике и по возможности дать им историческую и современную оценку.

Статья Поппера «Логика социальных наук»³ начинается с формулирования тезисов, которые лежат в основе всех логических исследований Поппера. При этом К. Поппер уточняет: действительно, «наше незнание безгранично», однако

¹ Садовский В.Н. Карл Поппер и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 169.

² О влиянии идей Карла Поппера на английскую историографию смотрите работу: Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. С. 84 – 91.

³ См.: Поппер Карл. Р. Логика социальных наук, тезисы I, 2 и 3 // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. С. 298-299.

«у нас есть немало знаний», и анализ «отношения между нашим замечательным и все растущим знанием и нашим постоянно возрастающим пониманием того, что мы на самом деле ничего не знаем», то есть «напряженности между знанием и незнанием», является «фундаментально важной задачей» «любой теории познания».

В нескольких последующих тезисах¹ Поппер формулирует основы своей логики научного исследования: познание не начинается с восприятий или наблюдений; оно начинается с проблем; мы предлагаем пробные решения наших проблем, подвергаем их критике по существу вопроса, если некоторое пробное решение опровергнуто, мы его отвергаем и пробуем другое решение, и т. д. В шестом, главном тезисе этой статьи К. Поппер убедительно показывает, что разработанный им и только что изложенный в самых общих чертах метод научного исследования есть в равной мере и метод естественных, и метод социальных наук. Тем самым обосновывается логико-методологическое единство процесса познания, что делает теорию К. Поппера конструктивной и весьма эффективной.

Неверно считать, что объективность науки зависит от объективности учёного

На основе принципа единства познания К. Поппер решает и другую кардинальную проблему эпистемологии – проблему объективности научного познания. В противовес глубоко ошибочному, с его точки зрения, методологическому подходу натурализма, утверждающему, что естественнонаучное познание, основывающееся на наблюдениях, измерениях, экспериментах и индуктивных обобщениях, объективно, в то время как социальные науки ценностно-ориентированы и поэтому необъективны (как известно, такая позиция стала в XX веке чуть ли не общепринятой), Поппер убедительно показывает, что «совершенно неверно считать, что объективность науки зависит от объективности ученого. И совершенно неверно считать, что позиция представителя естественных наук более объективна, чем представителя общественных наук. **Представитель естественных наук так же пристрастен, как и любой другой человек**», иначе говоря, **он так же не свободен от ценностей, как и представитель социальных наук**².

Эти важные утверждения К. Поппера основаны на разработанной им ещё в «Логике научного исследования» и «Предположениях и опровержениях» концепции, согласно которой «научная объективность основывается исключительно на той критической традиции, которая... позволяет критиковать господствующую догму. Иначе говоря, научная объективность – это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики, дружески-

¹ Там же. С. 300-301.

² См.: Поппер Карл Р. Логика социальных наук, тезис 11 // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. С. 305.

вражеского разделения труда между учёными, их сотрудничества и их соперничества»¹.

Задачи построения исторических объяснений

При исследовании исторического, как и любого другого социального знания, Поппер чётко различает задачи соответствующих теоретических наук (к примеру, теоретической истории) и задачи эмпирического плана, которые призваны решать историки и специалисты конкретных социальных наук. К числу последних относятся задачи построения исторических объяснений.

Любое объяснение, по Попперу, предполагает существование некоторого мира со своими регулярностями, в частности оно «предполагает некий фон причинных законов. Однако исследуют, формулируют и критикуют эти законы не исторические, а теоретически науки». Историк, как и любой другой социальный исследователь, «принимает их как сами собой разумеющиеся»² и на их основе он должен построить объяснение исторических (вообще – любых социальных) ситуаций. Главной особенностью таких объяснений является то, что они должны быть объективными (а не субъективными, чем, как правило, ограничивается подавляющее большинство специалистов по социальным наукам), то есть проверяемыми и доступными разумной критике. Такое понимание объективности есть непосредственное следствие общей попперовской концепции объективности знания, в частности объективности социального знания, как она изложена, например, в тезисах 6, 12-14 в его статье «Логика социальных наук» и в разделах II и III статьи «Разум или революция?».

Несомненной заслугой Поппера является то, что он не только провозгласил важнейшей задачей социальных наук построение объективных объяснений социальных ситуаций, но и разработал метод решения этой задачи, который он назвал **ситуационным анализом, или ситуационной логикой**. Этому методу сам К. Поппер придавал большое значение: формулируя заключительное предположение в статье «Логика социальных наук», он выделил «две фундаментальные проблемы чисто теоретической социологии: во-первых, общую ситуационную логику и, во-вторых, теорию институтов и традиций»³.

В чём же состоит суть ситуационного анализа, или ситуационной логики?

¹ Там же. Тезис 12. С. 305.

² Поппер К. Историческое объяснение // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. С. 331.

³ Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. С. 312.

Идея ситуационной логики выдвигается Поппером в противовес любым попыткам субъективистского объяснения в социальных науках. Поппер прекрасно иллюстрирует это в своем интервью «Историческое объяснение» на примере возможных объяснений действий и поступков Цезаря. Обычно историки, даже такие крупные, как Р. Коллингвуд, решая такую задачу, пытаются поставить себя в ситуацию, например Цезаря, «влезть в шкуру Цезаря», что, как они считают, дает им возможность «точно узнать, что делал Цезарь и почему он так поступал»¹. Однако каждый историк может влезть в шкуру Цезаря по-своему, и в результате мы получаем множество субъективных интерпретаций интересующих нас исторических явлений. К. Поппер считает, что такой подход очень опасен, так как он субъективен и догматичен. Ситуационная логика позволяет Попперу построить объективную реконструкцию ситуации, которая должна быть проверяемой.

Действительно, «социальная наука, ориентированная на объективное понимание, или ситуационная логика, может развиваться независимо от всяких психологических или субъективных понятий. Её метод состоит в **анализе социальной ситуации действующих людей, достаточном для того, чтобы объяснить их действия ситуацией, без дальнейшей помощи со стороны психологии**. Объективное понимание состоит в осознании того, что действие объективно соответствовало ситуации»². При этом соответствующие желания, мотивы, воспоминания и т. п. людей, вовлечённых в эту ситуацию, преобразуются в элементы ситуации – преследуемые объективные цели, используемые теории и т. п. Полученный в итоге результат может критиковаться, быть объективно проверенным, фальсифицированным, и в этом случае необходимо строить, привлекая дополнительные исторические факты, новое объяснение этой ситуации.

Согласно К. Попперу, объяснения, которые можно получить на основе ситуационной логики, – это рациональные, теоретические реконструкции и, как всякие теории, они в конечном итоге ложны, но, будучи объективными, проверяемыми и, выдерживая строгие проверки, они являются хорошими приближениями к истине³. Большого же – в соответствии с принципами попперовской логики научного исследования него теорией роста научного знания – мы получить не в состоянии.

По мнению В.Н.Садовского, есть все основания утверждать, что ситуационная логика Поппера является важным вкладом в теории социальных наук.

¹ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. С. 331.

² Поппер К. Историческое объяснение // Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. С. 311.

³ Там же. С. 312.

«Теория должна помогать действию, должна помогать нам изменять наши действия»

Общая логико-эпистемологическая концепция К. Поппера и предложенный им вариант логики социальных наук имеют не только методологическое значение. Их приложения практически ориентированы. Согласно К. Попперу, **«теория должна помогать действию, то есть должна помогать нам изменять наши действия»**. В частности, «задача теоретических социальных наук – пытаться предвидеть непреднамеренные последствия наших действий»¹.

В работах Поппера подробно проанализирован целый ряд социальных ситуаций, объективное объяснение которых ведет либо к отказу от некоторых наших действий либо к их изменению для повышения их эффективности и плодотворности.

Проблема единства естественнонаучного и гуманитарного знания.

Одной из важных проблем, которую Поппер рассматривает в рамках своей логики социальных наук, но которая, безусловно, имеет значительно более широкое значение, является проблема единства естественнонаучного и гуманитарного знания.

В истории социальной философии можно чётко проследить наличие двух тенденций в трактовке проблемы взаимоотношения гуманитарного и естественнонаучного знания. Сторонники первой тенденции убеждены в том, что человеческое знание едино, и на этой основе ими предлагались различные проекты реализации такого единства (например, Маркс пророчествовал о создании единой науки будущего, классические позитивисты стремились создать единую, позитивную науку. Сторонники второй тенденции большое внимание уделяют установлению различий гуманитарного и естественнонаучного знания (к примеру, можно указать на предложенное неокантианцами баденской школы различие между номотетическими и идиографическими науками). Если же оценивать современное состояние научного знания, то оно разделено по дисциплинарному основанию, в нём четко выделяются весьма различные большие блоки (формальные логико-математические науки, естествознание, обществознание), фундаментальность, точность и строгость естественнонаучного знания значительно превосходят соответствующие характеристики гуманитарного знания и т. п. Таким образом, названный спор был, есть и, видимо, будет существовать еще долгое время. Философы, как правило, склонны искать единство в многообразии, но как это сделать – вопрос сложный.

¹ Поппер К. Разум или революция? // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. С. 322.

Концепция единства метода социальных и естественных наук К. Поппера чётко изложена в шестом тезисе статьи «Логика социальных наук». Суть этого метода состоит в **необходимости проведения фальсификаций любых научных гипотез (теорий)**, в отказе от них, если они не выдержали проверку путём фальсификаций¹, временном их принятии, если они, выдержав проведённые фальсификации, оказались подкреплёнными, проведении их последующих фальсификаций до тех пор, пока они не станут опровергнутыми, выдвижении новых гипотез, которые должны быть подвергнуты тем же самым проверочным процедурам. На протяжении своей многолетней научной деятельности Поппер неоднократно вносил уточнения в понимание метода науки и развивал некоторые важные его моменты – от наивного фальсификационизма начала 30-х гг. он перешел в 60-е годы к идее разработки метода выдвижения смелых гипотез и их решительных опровержений, затем предложил общую схему действия научного метода – от исходной проблемы через пробные решения и устранения ошибок к новой проблеме, во второй половине 60-х гг. единый научный метод оказался важной составной частью попперовской концепции трех миров и, наконец, со всеми уточнениями и дополнениями вошел в попперовский вариант эволюционной эпистемологии. В результате можно с полным основанием сказать, что предпринятая Поппером детальная разработка единого метода научного познания – это, безусловно, одно из его важнейших достижений, на основе которого им построена концепция единства естественнонаучного и гуманитарного знания.

В.Н.Садовский считает: «важным моментом этой концепции является попперовское понимание объективности научного знания. К. Поппер постоянно подчеркивал, что совершенно неверно считать, что объективность науки зависит от объективности ученого. По его мнению, **объективность науки основана на критической традиции и это в равной степени относится как к естественнонаучному, так и к гуманитарному знанию.** Отсюда следует принципиальное единство естественных и общественных сфер научного познания. К сожалению, идеи попперовской логики социальных наук не получили достойного обсуждения и оценки. Одна из причин этого состоит в том, что представители сообщества социальных учёных, как правило, плохо

¹ Фальсификация (лат. ложный и делать) - один из способов проверки истинности теоретических утверждений (гипотез, теорий) посредством их опровержения **путем сопоставления с полученными в результате опыта эмпирическими данными.** В основе Ф. лежит формальнологическое отношение, согласно которому теоретическое высказывание является опровергнутым, если его отрицание логически следует из множества совместимых между собой утверждений наблюдения. Опираясь на это логическое отношение, Поппер ввел в противовес неопозитивистскому принципу верификации (Верифицируемости принцип) принцип Ф., который был истолкован им не как способ определения осмысленности научных утверждений, а как метод отделения науки от ненауки. Согласно Попперу, статусом научности обладают лишь такие высказывания, которые в принципе могут быть фальсифицированными, принципиально же нефальсифицируемые утверждения лишаются его. В марксистской концепции логики и методологии науки Ф. рассматривается как подчиненный практике частный способ проверки научных теорий.

знакомы с современными логико-методологическими исследованиями и поэтому уделяют мало внимания логическому анализу своей области знания»¹.

В начале XXI века в рамках гносеологии науки возрастает интерес ко всем тем проблемам, которые традиционно считались гуманитарными и, в частности, связанными с историей². Происходит как бы сближение гносеологических предпосылок гуманитарного, обществоведческого и естественнонаучного познания. Точнее, происходит известное сближение установок на уровне рефлексии, т.е. размышления о неявных условиях и факторах познавательной деятельности, влияющих на познавательные процедуры. Дополнительную основу для подобных сближений создает современная информатика, позволяющая формировать базы данных на машинных носителях, что в равной мере способствует совершенствованию исследовательских процедур, как в гуманитарном знании, так и в общественных науках, не говоря уже о естественных.

Кроме того, применение баз данных на машинных носителях в исторической науке приводит к повышению в ней роли объяснительных процедур, что также, со своей стороны, означает известное сближение гносеологических предпосылок, исторического познания с естественнонаучными. Однако, речь идет главным образом о сближении предпосылок на уровне научной рефлексии, размышлений о познании, а не на уровне состояния конкретных методов, соотношения разных логических приемов и взаимосвязи познавательных процедур понимания и объяснения.

В то же время, не менее существенна и другая тенденция современного знания, состоящая в его спецификации, в возникновении в рамках одной науки ее дополнительных отраслей со своими познавательными процедурами. Это относится и к истории, для которой характерно появление, например, на наш взгляд, перспективного направления, связанного с использованием количественных методов, структурализации объекта исследования, применением приёмов информатики и компьютера.

Итак, на современном этапе развития гносеологии науки не только в любой науке повышается значимость так называемого гуманитарного подхода и, в частности, исторического, но можно утверждать, что разделение наук на идеографические и номотетические требует уточнения, так как в любой науке присутствуют и по-своему соединены процедуры понимания и объяснения. Другое дело, что образец, модель, закон, с которыми при объяснении сопоставляется изучаемая реальность, в разных науках – различны. Это может быть и закон природы и социальной общности, и ценностная установка³.

¹ Садовский В.Н. Карл Поппер и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 179.

² См.: Хвостова К.В. Современные теоретические проблемы информационно-количественного подхода в исторической науке // Новая и новейшая история. 1987. № 6.

³ Хвостова К.В. К вопросу об историческом познании // Новая и новейшая история. 1993. №3.

Субъективная интерпретация, связанная не только с информационными особенностями эпохи, с культурологическим и социологическим контекстом, но сугубо личными качествами исследователя: его вкусами, талантом, знаниями, индивидуальной оценкой источника, личности его создателя показывает, что гуманитарное знание диалогично, историк привносит свой смысл в понимание прошлого.

Умберто Эко: **Цель интерпретации** часто сводится к процессу выуживания из автора ответа на вопрос, который ему пока не задавали, но если бы задали, автор не мог бы отвечать никаким другим образом. Иными словами: сопоставляя различные утверждения, надо демонстрировать, как из логики исследуемой мысли сам собою вытекает единственно мыслимый ответ ¹.

Дискурс – логическое основание исторической науки?

Логическим основанием исторической науки принято считать дискурс (рассуждение). Под рассуждением понимают построение последовательности аргументов, вынуждающих принятие некоторого утверждения, которое и является целью рассуждения. Особенности рассуждения, отличающими его от логического вывода и в, частности, от доказательства в стандартном понимании являются:

- открытость множества возможных аргументов;
- использование метатеоретических и, в частности, металогических средств, с помощью которых осуществляется управление логическими выводами, применяемыми в процессе рассуждения;
- использование не только правил достоверного вывода, но и правил правдоподобного вывода, аппроксимирующих применяемые эвристики (например, правила структурной эмпирической индукции, аналогии ².

С логической точки зрения можно выделить четыре этапа анализа темы ³:

- создание аргументации за и против включения некоторой системы утверждений об исторической реальности в рамки исследовательской ситуации. Это логика формирования базисных утверждений на основе информации исторических источников либо формулируемых априорно;
- этап исследования, который может быть назван логикой открытия. На этом этапе происходит формирование обобщающих утверждений на основе уже имеющегося и уже организованного знания на первом этапе

¹ Эко Умберто. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: Учебно-методическое пособие / Пер. с ит. Е. Костюкович. – М.: Книжный дом «Университет», 2003. – 2 изд. – С. 164.

² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 78.

³ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 79 – 80.

исследования. Целью применения логики открытия является порождение различных зависимостей, связывающих объекты и свойства, факты и факты, ситуации и поведение, ситуации и свойства. Важным подклассом зависимостей, порождаемых применением логики открытия, являются зависимости причинно-следственного типа. Выделение причин, вызывающих (или тормозящих) некоторый специально-исторический эффект, является необходимым условием формализации ситуационной логики, применение которой ориентировано на исследование отношений «ситуация → поведение», «поведение → ситуация», и «ситуация → поведение → ситуация»;

- применение ситуационной логики (формальное описание социально-исторического вынуждения, то есть основания для перехода от ситуации к поведению, вызванному ею; от поведения к ситуации, являющейся результатом поведения; и, наконец, от ситуации к ситуации;¹
- формирование теоретического обобщающего знания.

В обществе возможно сочетание двух типов причин: положительных и отрицательных, но выделить их чрезвычайно трудно в силу их многообразия и многочисленности.

Поиск причин осуществляется либо прямым, либо обратным путём. Либо мы переносим свойства одного объекта, который мы уже изучили на другой, либо мы рассуждаем в обратном порядке: от симптома к объекту (подобный способ рассуждения применяется в медицине)².

¹ См.: К. Поппер. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. №10. С. 65 – 75.

² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.См.: 85.

МАРКСИЗМ, ЕГО КРИТИКА И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ПРОШЛОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ключевые слова

Исторический материализм. Материальная обусловленность социальных явлений. Способы производства. Формационный подход. Теория «классовой борьбы». «Базис» и «надстройка». Экономический детерминизм. Концепция «культурного детерминизма». Синергетика, самоорганизация, стабильность, бифуркация, устойчивость, альтернатива, адаптационные механизмы, системный подход.

Вопросы для обсуждения

1. Системный подход.
2. Регулятивные требования принципов материалистической диалектики.
3. Критика марксизма и появление новых концепций общественного развития. Догматическое восприятие марксизма и его последствия.
4. Критика историцизма Карлом Поппером.
5. Возможность синтеза формационного и культурологического (цивилизационного) подходов: концепция В.Д. Жигунина.
6. Концепция всеобщей истории И.М. Дьяконова.
7. Синергетическое видение истории.
8. Ситуационный анализ или ситуационная логика в социальных науках: проблема единства естественнонаучного и гуманитарного знания. Можно ли считать материальное производство основой общественной жизни?
9. В какой степени марксизм как методология был воспринят отечественной историографией в советское время?
10. Что из марксистской теории не получило дальнейшего подтверждения?
11. Можно ли рассматривать теорию последовательной смены общественно-экономических формаций как универсальное средство для объяснения хода всего исторического процесса?
12. За что Макс Вебер подверг критике марксистскую идею о первичности «базиса» по отношению к «надстройке»?
13. Чем отличается определение социальных классов, которые по Дарендорфу – «конфликтующие социальные группы, основание определения которых состоит в участии в господстве или исключении из него внутри любых сфер господства» от марксистского?
14. Возможен ли синтез формационного и культурологического (цивилизационного) подходов?
15. Понимание стабильности для анализа социальных систем.

16. Основные положения, выдвигаемые сторонниками синергетики.

17. Использование в новой парадигме досинергетических системных наработок.

Один из наиболее часто применяемых сегодня научных методов – **системный подход**. Один из случаев его применения для анализа общественных явлений – теория, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Системный подход

Системный подход – один из основных методов, который используется в исторической науке, так как общество (да и отдельный человек) является сложно организованной системой.

Системный подход¹ – методологическое направление в науке, основная задача которого состоит в разработке методов исследования и конструирования сложноорганизованных объектов – систем разных типов и классов.

Исторически системный подход пришёл на смену широко распространённым в 17 – 19 веках концепциям механицизма и по своим задачам противостоит этим концепциям. Наиболее широкое применение методы системного подхода находят при исследовании сложных, развивающихся объектов, в том числе социальных систем.

К числу важнейших задач системного подхода относятся: 1) разработка средств представления исследуемых объектов как систем; 2) построение обобщённых моделей системы, моделей разных классов и специфических свойств систем; 3) исследование структуры теорий систем и различных системных концепций и разработок.

Системный подход и общая теория систем составляют теоретическую и методологическую основу системного анализа.²

Системный анализ – совокупность методов и средств, используемых при исследовании и конструировании сложных и сверхсложных объектов, прежде всего методов выработки, принятия и обоснования решений при проектировании, создании и управлении социальными, экономическими, человеко-машинными и техническими системами.

Общая теория систем – междисциплинарная область научных исследований, ставящая своей задачей выявление и теоретическое описание закономерностей строения и поведения, функционирования и развития систем.

¹ Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – 7-е изд. перераб и доп. – М.: Республика, 2001. С. 514.

² Системный анализ – совокупность методов и средств, используемых при исследовании и конструировании сложных и сверхсложных объектов, прежде всего методов выработки, принятия и обоснования решений при проектировании, создании и управлении социальными, экономическими, человеко-машинными и техническими системами.

Развёрнутая программа общей теории систем в XX веке была выдвинута в конце 40-х – начале 50-х годов известным биологом-теоретиком **Людвигом фон Берталанди** (1901 – 1972).¹

Система представляет собой сложную научно-исследовательскую конструкцию, при разработке которой необходимо учитывать как её объективную обусловленность, так и степень усложнения системных свойств, гносеологические возможности конструктивного оперирования с разными значениями понятия «система».²

Понятие системы, как любое другое познавательное средство, описывает некоторый идеальный объект. С точки зрения его внешних свойств этот идеальный объект выступает как множество элементов, на природу которых не накладывается никаких ограничений, кроме одного – для данной системы эти элементы являются неделимыми единицами. Неделимость элементов, конечно, относительна. Для других задач и, следовательно, в рамках других систем неделимые элементы данной системы могут подвергаться дальнейшему членению, но в любом случае при формировании системы мы имеем дело с далее с неделимыми для данной системы элементами.

Между элементами множества, образующего систему устанавливаются определённые отношения и связи. Благодаря им набор элементов превращается в связанное целое, где каждый элемент оказывается конечном счёте связанным с другими элементами и его свойства не могут быть поняты без учёта этой связи. В свою очередь свойства системы оказываются не просто суммой свойств составляющих её отдельных элементов, а определяются наличием и спецификой связи и отношений между элементами, т.е. конституируются как интегративные свойства системы как целого. **Наличие связей и отношений между элементами и порождаемые ими интегративные связи, целостные свойства системы обеспечивают относительно самостоятельное обособленное существование, функционирование (а в некоторых случаях и развитие) системы.**

Система как относительно обособленная целостность противостоит среде, окружению. Фактически понятие среды имплицитно (если не будет среды, то не будет и системы) содержится в понятии системы как целостности, система относительно обособлена от остального мира, который и выступает в качестве среды.

Взаимоотношение «система – среда» означает, что для каждой системы наряду с множеством присущих ей внутренних отношений и связей, объединяющих между собой элементы системы, имеет место набор её внешних отношений и связей.³

¹ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. С. 6.

² Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. С. 247 – 248.

³ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. С. 84.

Следующий шаг в содержательном описании свойств системы состоит в **фиксации её иерархического строения**. Это системное свойство неразрывно связано с потенциальной делимостью элементов системы и наличием для каждой системы многообразия связей и отношений. Факт потенциальной делимости элементов системы в свою очередь означает, что элементы системы в свою очередь могут быть рассмотрены как особые системы.

Существенные свойства системы:

- с точки зрения **внутреннего строения** любая система обладает соответствующей упорядоченностью, организацией и структурой;
- функционирование системы подчиняется определённым, присущим данной системе законам; в каждый данный момент система находится в некотором состоянии; последовательный набор состояний образует её поведение.¹

С точки зрения **поведения** выделяются самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы.

Для широкого класса систем адекватное понимание их поведения может быть получено лишь при условии выявления их целевых характеристик, описания их поведения как целенаправленного; это предполагает классификацию различных частей системы, установление иерархических соподчинений между целями различных уровней системы, анализ типа взаимосвязей между целями и подцелями системы (их кооперирование и конфликт и т.д.).

Для сложно организованных систем существенное значение имеют протекающие в них **процессы управления**; это в частности, означает, что системы как объекты исследования должны рассматриваться не только в вещественном и энергетическом плане, но и с точки зрения циркулирующей в них информации.

Структура описания систем.

Три группы признаков:

- внутреннее строение системы;
- специфические системные свойства;
- поведение системы².

Внутреннее строение системы описывается с помощью следующих понятий: «множество»; «элемент»; «отношение»; «свойство»; «связь»; «каналы связи»; «взаимодействие»; «целостность»; «подсистема»; «организация»; «структура»; «ведущая часть системы»; «подсистема; принимающая решение»; иерархическое строение системы».

Специфические свойства системы характеризуются через следующие признаки: «изоляция»; «взаимодействие»; «интеграция»; «дифференциация»;

¹ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. С. 85 – 86.

² Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. С. 86 – 87.

«централизация»; «децентрализация»; «состояние системы»; «стабильность»; «восприятие, хранение и переработка информации»; «обратная связь»; «равновесие»; «подвижное равновесие»; «регуляция»; «управление»; «саморегуляция»; «самоуправление»; «конкуренция».

Поведение системы определяется через такие понятия как: «среда»; «состояние системы»; «поведение»; «целостность»; «деятельность»; «функционирование»; «изменение»; «адаптация»; «аккомодация»; «гомеостазис»; «рост»; «эволюция»; «развитие»; «генезис»; «обучение»; «эквифинальность», «целенаправленность поведения».

Следует учесть, что внутри описанной структуры нет жёсткой иерархичности и последовательности в перечислении признаков систем. В разных случаях тех или иных компонентов может и не быть и соотношение между ними может быть разным.

Примеры построения систем в исторических исследованиях приводит академик Ковальченко: «Единичное, особенное и общее в любой системе многообразны по своим масштабам. Их выбор зависит от исследовательских задач. Если, например, ставится задача анализа экономической политики того или иного государства в тот или период, то единичным на самом низшем уровне могут быть отдельные законодательные акты в этой области, к особенному могут быть отнесены аграрная, промышленная, финансовая, внешнеэкономическая и т.п. политика. Общим же будет основная направленность экономической политики данной страны. Но если задача состоит в изучении ведущих черт экономической политики, скажем, в масштабах Европы, то к единичному можно отнести политику отдельных стран, особенному – политику в отдельных регионах Европы, включающих ряд стран, общему – Европу в целом. Так же обстоит дело и при выделении временных этапов в историческом развитии. Они могут основываться на учете отдельных компонентов, т. е. единичного в этом развитии. За основу периодизации может быть принята совокупность факторов, т.е. особенное. Наконец, можно исходить из анализа всей совокупности ведущих черт общественно-исторического развития, т. е. из общего. Центральной методологической проблемой в многомерной сущностной методологии и периодизации является в настоящее время вопрос о соотношении формационного и цивилизационного подходов в изучении общественно-исторического развития. В последние годы этот вопрос широко обсуждается в обществоведческой литературе, и по нему высказываются различные мнения»¹.

¹ См.: Олех Л. Г. Цивилизация и революция. Новосибирск, 1969; Материалы круглого стола о формациях и цивилизации // Вопросы философии, 1990, № 10; Барг М. А. Цивилизационный подход в истории // Коммунист, 1991, № 3; Цивилизации. Вып. 1. М., 1992; Вып. 2. М., 1993; Черняк Е. Б. Цивилизации и революции // Новая и новейшая история. 1993. № 4 и др.

Регулятивные требования принципов материалистической диалектики

Карл Маркс исследовал исторические причины общественных и политических перемен. Согласно его выводу выживание человека зависит от средств пропитания и иных материальных благ и задачей общества является обеспечение производства и распределения этих благ. Поэтому Маркс **охарактеризовал общество как систему связей, основанную на удовлетворении потребностей людей**¹. Все иные стороны общественной жизни для него определялись данной экономической составляющей. Один из создателей системного метода, Маркс нашёл огромное количество фактов, свидетельствующих об общественных переменах. Ему надо было их объяснить. Для этого он предложил метод, основанный на понятиях диалектики, которая позволяла выстраивать схему развития.

Если говорить о регулятивных требованиях принципов материалистической диалектики, то к числу важнейших из них принадлежат следующие².

- Объект познания должен рассматриваться во всем реальном многообразии, и постановка научной проблемы не должна иметь никаких ограничений.
- Никакой метод научного познания не может быть абсолютным. Для успешного решения исследовательской задачи необходимо применение различных, адекватных её сути методов.
- При материалистической основе интерпретации конкретно-научных фактов и раскрытии сути исследуемых явлений должно учитываться воздействие на них других факторов, т.е. подход к объяснению должен быть самым широким.
- Конструктивные требования принципов материалистической диалектики применительно к познанию общественных явлений предполагают раскрытие:³
 - 1) материальной обусловленности возникновения и функционирования соответствующего явления;
 - 2) его места в целостном социальном организме;
 - 3) присущих ему закономерностей, особенностей и специфических черт;
 - 4) его социальных функций и роли в развитии социального целого.

При разработке диалектического материализма Маркс использовал признанные научные принципы и создал прообраз системного подхода при изучении общественных проблем. **Л. фон Берталанфи**, создатель системного метода, высоко оценивал роль К. Маркса в разработке методологии

¹ Томпсон М. Философия науки / Пер. с англ. М., 2003. С. 236.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 36.

³ См.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 45.

исследования систем, но считал, что марксизм не смог развиваться в нормальное научное направление, так как был превращён в политическую идеологию.

Марксистский подход был основан на одном логическом основании, что характерно для классической философии и науки: люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством и религией. Поэтому производственные отношения (отношения, возникающие между людьми в процессе производства и распределения материальных ценностей) являются определяющими по отношению ко всем остальным (соотносятся как «базис» и «надстройка»). Исторически на смену одному способу производства приходит другой, что и является причиной изменений всех общественных связей.

Маркс исходил из идеи универсализации всемирно-исторических связей, наличия всеобщего труда. Он полагал, что человечество делает решительный шаг к единению с установлением капиталистических отношений.

Способы производства, выявленные Марксом: первобытно – общинный способ производства, азиатский способ производства, рабовладельческий способ производства, феодальный способ производства, капиталистический способ производства. Смена одного способа производства другим получила название **теории последовательной смены общественно-экономических формаций**. (Длительное время эта теория, правда, в сильно изменённом виде, считалась «единственно-правильной» в СССР).

Очевидно и общепризнанно, что естественным и вечным условием человеческого бытия является труд. Однако сторонники материалистического, прежде всего марксистского, подхода к истории, фактически сводят трудовую деятельность к материальному производству. Подобная односторонность несостоятельна, ибо любая деятельность людей, а именно она и составляет содержание истории, требует затраты определенных энергетических, т. е. трудовых, усилий, которые рождаются в органически взаимосвязанных материальном и духовном производствах. Это никоим образом не противоречит материалистическому пониманию истории ¹.

Формационный подход, господствовавший в советском обществознании, предполагал зависимость политики от способа производства и распределения материальных ценностей. **Современный подход основан на признании факта не прямой, а косвенной зависимости между политикой и экономикой. Политика рассматривается как форма общественного сознания, которая опосредует социальное взаимодействие.**

Формационный подход был теоретической конструкцией, разработанной на основе изучения истории Европы до середины 19-го века. Поэтому он оказался несовершенным при переносе его на реалии политической истории России и азиатских стран. Однако это не умаляет его достоинств, которые позволили

¹ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. М., 1995. №1. С. 11.

начать разработку новых теорий на основе научной критики самой формационной теории.

Теорию последовательной смены общественно-экономических формаций критикуют за чрезмерную склонность к выявлению универсальных всеобщих законов исторического развития, не учитывающую природу человека, как существа обладающего определённой свободой выбора.

Диалектический материализм как теория об общественных изменениях должен был подтверждаться правдивостью своих прогнозов. Политические перевороты XX века поначалу демонстрировали правоту марксистской идеологии, но вскоре ход истории показал, что далеко не всё идёт, так как планировалось. Утверждение излишне категоричное, так как сам Маркс считал основой для проверки любой теории практику. Что из марксистской теории не получило дальнейшего подтверждения?

Схематичность формационной теории опровергается отсутствием обязательности прохождения народами всех фаз общественного развития предписанных теорией («азиатский способ производства», «античная формация», «феодальный строй», «капиталистический строй»).

Не выдержало критики и **положение о примате «базиса» над «настройкой»**: опыт советского периода истории показал, что политическая система на протяжении длительного периода времени определяла способ производства и распределения материальных ценностей. Реформы 1990-х годов, исходившие из положения о том, что простое изменение отношений собственности и свободные цены автоматически приведут к положительным изменениям, также иллюстрируют идею несводимости всего спектра общественных отношений к единому социально-экономическому основанию. Оказалось, что без создания политических гарантий стабильности и прозрачности всех финансовых операций нормальное развитие рыночных отношений весьма проблематично.

Наибольшей критике была подвергнута **теория «классовой борьбы»**. Уже в конце 19 века стало ясно, что развитие капиталистического производства приводит к усложнению технологии, которое требует наличия высокой культуры труда и предполагает поиск путей сотрудничества между работодателями и работниками: стало выгоднее договариваться, а не заставлять работников работать в ущерб собственным интересам. Конфликт между рабочими и капиталистами потерял характер непримиримого противостояния в течение 20-го века. Теория «классовой борьбы» утратила универсальный характер. Вместе с ней потеряла актуальность коммунистическая идеология, основанная на утверждении о неизбежности решения всех политических проблем революционными средствами.

Критика марксизма и появление новых концепций общественного развития.

Однако не следует забывать, что в науке отрицательный результат – это тоже результат. Многие известные сегодня теории – результат критики марксизма.

Критика так называемого субстанционального мышления, характерного не только для марксизма, претендующего на обнаружение единого начала социальной жизни, развёртывающегося в истории, являющего подоснову всех её событий привела к появлению новых концепций исторического развития.

Под воздействием марксизма сложилось **социологическое направление**, исследующее связи политики с социальными отношениями. Создателями его стали **Г. Спенсер** (1820 – 1903 гг.) и **Э. Дюркгейм** (1858 – 1917 гг.).

Английский философ и социолог **Герберт Спенсер** (1820 – 1903) уподобил общество живому организму. Он предложил концепцию развития общества как процесса постепенного объединения различных мелких групп в более крупные. Раз возникнув, такие крупные группы испытывают воздействие других факторов перемен – социально-классовой дифференциации, специализации в виде разделения труда, образования органов политической власти. Эволюция общества идёт от общества военного типа к обществу промышленного типа. Оно отличается добровольной кооперацией, свободой ремёсел и торговли, соблюдением принципа неприкосновенности частной собственности личной свободы, представительным характером политических институтов, децентрализацией власти. **Экономический либерализм**, по Спенсеру, является одним из главных принципов промышленного общества. Каждый гражданин должен сам заботиться о себе, государству надлежит выполнять только охранительную роль.

Противоречие в доктрине Спенсера было замечено ещё его современниками: **выступая с позиций естественного эгоизма, присущего каждому человеку, он считал общество единой системой, а это предполагает, что личность как часть целого, не может быть свободна от него полностью.** Без поддержки государства нельзя решать проблемы тех областей человеческой деятельности, которые не приносят быстрой выгоды (образование, медицинское обслуживание, академическая наука, экология и т.д.).

Эмиль Дюркгейм¹ (1858–1917) углубил и во многом переориентировал позитивистскую методологию О. Конта. Он предлагал брать социальные факты и изучать их статистически. Он предложил смотреть на человеческое общество так же, как смотрят на живую природу (общество – «живой организм»). Второе его предложение – «социологизм», утверждение специфичности и автономности социальной реальности, её превосходства над индивидами.

Поколение М. Вебера и Э. Дюркгейма жило в эпоху развитого капитализма в конце XIX века. Исторический опыт подтолкнул их к мысли, что историю

¹ См.: Дюркгейм, Эмиль. О разделении общественного труда: Метод социологии / Пер. с франц. М., 1991.

творяют не великие личности, абсолютные идеи или безличностные законы, а рядовые люди, обладающие мотивацией, интересами, потребностями и ценностными ориентациями, что история и биография приобретают значение, только будучи пропущены через призму общественных отношений.

Макс Вебер подверг критике марксистскую идею о первичности «базиса» по отношению к «надстройке». Общеизвестная теперь теория М. Вебера¹ (1864–1920) также – результат полемики с теорией марксизма. Вся совокупность веберовских политических идей может быть обозначена как социология политических отношений и власти. **Вебер искал различия и возможные взаимосвязи между тремя основными сферами общественной жизни: сферой власти, сферой экономики и сферой ценностей.** Экономика создаёт преимущества, но одних преимуществ мало для того, чтобы навязывать кому-либо свою волю. Необходимо наличие определённой системы ценностей, убеждений, на которых покоится послушание управляемых. Именно в анализе **способов легитимации господства** содержится основной вклад Вебера в социологию политических отношений. При изучении этой проблемы Вебер исходил из идеи существования трёх типов: «традиционного господства», «харизматического господства», «легального господства».

- Традиционное господство опирается на веру подданных в то, что власть является законной, поскольку она была всегда. Правители в отношении с подданными обладают правами и положением господ над слугами. Их власть, однако, ограничена освящёнными традицией нормами, на которые в то же время опирается и само их господство. Если правитель будет нарушать традиции, то он подвергнет опасности законность собственной власти.

- Харизматическое господство основано на вере в то, что вождь ведёт людей к чему-то новому и лучшему. Харизматические лидеры это, как правило, пророки и революционеры.

- Легальное господство – это господство права в том смысле, что как само существование власти, так и сферы её действия зависят от установленных людьми политических прав. В этом случае доминирует принцип правового рационализма. При этом типе господства все считаются с правовыми нормами, а люди стоящие у власти являются вышестоящими исполнителями определённых прав обязанностей в чётко определённый период. Управляемые в данном случае есть свободные граждане, а не подданные, обязанные подчиняться правителю. Такая система, по-мнению Вебера, является особенностью Запада.

Таким образом, Макс Вебер подверг критике марксистскую идею о первичности «базиса» по отношению к «надстройке». Сегодня в науке уже общепризнанный факт, что социально-экономические отношения имеют значение для развития общества, но система ценностей общества развивается

¹ См.: Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического знания. М., 1990; Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

относительно самостоятельно от этих отношений и оказывает на них не меньшее воздействие ¹.

Пример тому – проблема перехода от античности к средневековью. С распадом Римской империи экономика пришла в упадок, изменялась преимущественно система ценностей, что и привело к возникновению нового способа производства – феодализма. Согласно марксистской концепции должно было быть прямо наоборот: меняется способ производства в результате прогресса экономики – изменяются производственные отношения – меняется общественный строй.

Марксистский взгляд на политику повлиял на появление и становление **конфликтологических теорий понимания политики** (Р. Дарендорф, К. Шмитт, Л. Козер).

Дарендорф Ральф Густав (род. в 1929 г.) **разработал теорию стратификации и теорию конфликта.** Причину формирования конфликтных групп в обществе он видит в отношениях господства и подчинения. Господство определяет, как возможность добиться послушания данной группы людей определённому приказу. Под конфликтом понимает «все структурно произведённые отношения противоположности норм и ожиданий институтов и групп». Отсюда определение классов, которые по Дарендорфу, «суть конфликтующие социальные группы, основание определения которых состоит в участии в господстве или исключении из него внутри любых сфер господства». Он отметил, что буржуазия и пролетариат не являются более однородными группами людей. Есть разные группы людей, имеющих разные жизненные шансы. Они выступают одновременно как функции двух элементов – возможностей выбора (т.е. свободы) и социальных связей (т.е. неравенства).

Очевидно, что предложенное Марксом истолкование истории как результата всеобщего труда – итога деятельности человечества как единого целого, его мысли о членении её на формационные ансамбли, постоянной универсализации всемирных социальных связей актуальны и сегодня. Равным образом **современно звучит и тезис о познании пошлого в его связи с настоящим** сквозь призму результатов социально-практического действия, способных менять горизонт понимания смысловой целостности истории ².

Маркс рассматривал историю в перспективе снятия отчуждения. Именно практика, от которой Маркс дистанцировался в своих глобальных пророчествах будущего, выявила утопические черты в его теоретическом прогнозе. Представления о гуманном демократическом обществе, реализующем социалистические принципы не могут быть связаны с огосударствлением всех сторон жизни людей, должны постоянно корректироваться практикой ³.

¹ См.: История ментальностей. Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / РАН, Ин-т всеобщей истории; Рос. гос. гум. ун-т. – М., 1996.

² Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 27–28.

³ Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 29.

Поль Рикёр характеризует вклад Карла Маркса в науку следующим образом: заслуга Карла Маркса не в ложно понятом «марксистским экономизме» и не в «абсурдной теории сознания как отражения», а в **освобождении праксиса путём познания необходимости**. Такое освобождение неотделимо от сознания, которое наносит ответный удар по мистификациям ложного сознания ¹.

Диалектико-материалистический метод превратился сегодня в один из возможных методов анализа общества без претензий на универсальность

Можно согласиться с утверждением, что существуют **основные тенденции всемирно-исторического процесса, но нет, и не может быть однозначно предопределённого магистрального пути прогресса, ведущего к идеальному состоянию общества** ².

Марксистская методология применима к анализу социально-экономических отношений. Но она не может рассматриваться как универсальное средство для объяснения хода всего исторического процесса. Применяя философскую терминологию можно сказать, что данная методология эффективна при выявлении специфических черт развития общества. Поэтому она выявляет не общее, а особенное во всемирно-историческом процессе.

По-мнению академика И.Д. Ковальченко: «В русле учёта особенного находится и марксистский подход к типизации и периодизации исторического развития на основе выделения общественно-экономических формаций. Он был несомненным и существенным шагом вперед в изучении исторического развития. Впервые это развитие было рассмотрено с диалектико-материалистических позиций. Это, во-первых, позволило на основе выделения способа производства раскрыть объективный и закономерный характер общественно-исторического развития, ибо составляющие способ производства компоненты (производительные силы и производственные отношения) обладают в исторической реальности свойствами неперенности, непрерывности и повторяемости, что и позволяет «зримо» показать закономерности этого развития». Во-вторых, это развитие было представлено как сложная саморазвивающаяся система. Правда, строго говоря, системный подход последовательно проводился лишь применительно к явлениям базисным. И хотя вся совокупность явлений надстроечных (политических, культурно-идеологических, нравственно-психологических и т. п.) отнюдь не выступала для К. Маркса и Ф. Энгельса как простое проявление воздействия социально-экономического базиса, и признавалось их обратное воздействие на него, они не были последовательно представлены и как вполне «самостоятельные» и «равноправные» составные компоненты (подсистемы) единой системы общественно-исторического развития. Это выражалось в том, что при выделении формаций основное сущностное состояние этих компонентов не включалось в признаки, на основе которых выделялись эти

¹ Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 234.

² Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 34.

формации. Именно поэтому формационный подход и является методом типизации и периодизации, основанным на учёте особенного, хотя это особенное и является комплексным и фундаментальным компонентом в историческом развитии. В этом состоит несомненное преимущество формационного подхода сравнительно с другими, более узкими содержательно-ориентированными принципам типизации и периодизации исторического развития.

Следовательно, нет оснований, ни отвергать формационный подход, с одной стороны, ни абсолютизировать и догматизировать его – с другой.

Догматическое восприятие марксизма и его последствия

Кстати, Маркс и Энгельс решительно отвергали попытки догматизации своего учения. Так, когда в конце 70-х годов XIX века Маркс узнал о том, как понимают его учение французские марксисты, он сказал: «Я знаю только одно, что я не марксист»¹.

Основным обстоятельством, обострившим в XX в., особенно во второй его половине, указанную поляризацию в развитии исторической науки, была все усиливавшаяся идеологизация и политизация исторического познания². В той или иной мере они имели место всегда. Но в СССР естественная полемика представителей марксизма и других направлений социологической и исторической мысли, имевшая место в прошлом, приобрела иной характер. Марксизм стал официальной государственной идеологией и был не только абсолютизирован как единственная научная теория, с одной стороны, но и предельно догматизирован и примитивизирован, с другой. Тем самым практически была исключена возможность сколько-нибудь широкой творческой разработки социологической теории марксизма с учётом общего хода развития философии истории. Более того, попытки такого развития классифицировались как политические ошибки и нередко сопровождались разного рода репрессиями. В силу этого изучение многих областей общественно-исторического развития в той или иной мере утрачивало научность. Особенно пострадало изучение истории советского периода и ряда областей новой и новейшей истории.

От идеологизации терпела ущерб не только советская, но и мировая историческая наука. Обособление одной её части неизбежно толкало к крайностям и немарксистские направления, что также замедляло и искажало развитие исторического познания. В условиях длительной «холодной войны» возник и углублялся кризис мировой историографии. Историческое познание как единая в своей главной сути целостность в очень большой мере распалась.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 370.

² Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. М., 1995. № 1. С. 4.

Разумеется, это никоим образом не означало общего упадка, хотя общественная значимость исторической науки, несомненно, снизилась. Но во многих конкретных областях исторических исследований не только в зарубежной, но и советской историографии были достигнуты значительные конкретно-научные успехи. Активно совершенствовались и конкретная методология, и методы исторического исследования. Наиболее существенным здесь является все более расширяющаяся компьютеризация и квалификация (применение количественных методов) исторических исследований. Их широкое внедрение на основе обновления теоретико-методологических подходов будет содействовать преодолению кризиса исторической науки и ее дальнейшему успешному развитию.

Влияние марксизма на историческое познание общеизвестно, содержание данного учения основательно проанализировано в отечественной философии. Сегодня отмечается, прежде всего, методологическое значение марксизма (а в отечественной истории, философии это учение было в значительной степени онтологизировано), **актуальны положения марксизма о единстве объективного и субъективного в историческом познании, об активности субъекта познания, критика созерцательности, выводы о теоретических, мировоззренческих, явных и неявных предпосылках познания.**

Однако представления о категории исторического бытия должны быть изменены. Категория исторического бытия с точки зрения современной историографии раскрывает целостность истории, единство материального и духовного, объективного и субъективного, тем самым, стимулируя научный интерес к субъективному в истории. Очевидно, что нужно различать два смысла употребления категории «бытия» – онтологический и гносеологический. Когда говорится, что исторический процесс единство бытия и сознания, то имеется в виду гносеологический смысл (отвлечение для обозначения материального). Считают, что более адекватно говорить о единстве бытия (в онтологическом смысле) и его материальной и духовной сторонах (которые выделяются гносеологически).

Возможность синтеза формационного и культурологического (цивилизационного) подходов: концепция В.Д. Жигунина

Анализ содержания категории исторического бытия как анализ предметного содержания исторического познания позволяет выявить общее понимание сущности исторического процесса в различных подходах и концепциях, обеспечить их диалог и взаимодополнение. Прежде всего, речь идет о возможном синтезе формационного и культурологического (цивилизационного) подходов.¹ Взаимодополнение не является механическим

¹ Останина О.А. Проблема субъективного в историческом познании: Автореф. ... докт. филос. наук. М., 1998. С. 17.

соединением разных концепций, понятий, а основано на общности понимания проблемы, на прояснении содержания основных категорий исторического познания, в частности, категории исторического бытия.

Мир понимается не как природная данность, а как созданный людьми предметный и духовный мир. Сказанное не означает релятивизма, так как элементы общественной жизни сохраняются (меняется их содержание) основа развития – бытие – сохраняется, оно исторично, качественно изменчиво и определено.¹

Казанский историк, В.Д. Жигунин² выдвинул рабочую гипотезу для объяснения динамики социокультурного объекта, которая является попыткой трансформации марксизма как метода исторического исследования в свете современных достижений науки. По его мнению, если понятие «производительные силы» сколько-нибудь состоятельно, то в содержание этого понятия необходимо включать и науку, и другие духовные феномены – этику, религию и т.д. **Духовное не отделимо от материального** в «производительных силах», поэтому, по существу, не о производительных силах надо говорить, а о культуре, включающей в себя культуру материальную, народную и личностную, эстетическую и нравственную, это, с точки зрения «культурного детерминизма» как раз и есть основа общества, а все остальное – «производственные отношения», собственность, власть, государство – есть «надстройка», но не совсем в марксистском смысле. В центре жизни социокультурного организма находится человек как уникальное единство материи и духа и вместе с тем как субъект общественных отношений. Поэтому такой подход кажется, нам последовательно антропологическим подходом к истории и обеспечивает восстановление гуманизма как содержания и цели исторического знания. Правота исторических материалистов и исторических идеалистов получает как бы некие границы. Например, Маркс, в общем, прав, говоря, что материальные факторы были основой истории. Но каких её периодов? Древних, средневековых? Точно также спорны утверждения Гегеля и других идеалистов, что ходом истории всегда «управлял» дух. Ответ на эти вопросы может дать конкретное исследование, направляемое постепенно углубляющейся проработкой аспектов культурного детерминизма. Очевидно, процесс воздействия различных факторов культуры на общество носил сложный, даже циклический, спиральный характер, соответствуя общему направлению хода истории: роль духовного или материального начала то возрастала, то вновь относительно убывала, закономерно проявляясь по-разному в разных культурах и, пока в нынешних условиях не назрела ситуация, когда дух действительно может оказаться способным «управлять миром».

¹ Останина О.А. Проблема субъективного в историческом познании: Автореф. ... докт. филос. наук. М., 1998. С. 17.

² Жигунин В.Д. Древность и современность. Человечество на пути к синтезу. Казань: Новое знание, 2000. С. 64 – 65.

Концепция всеобщей истории И.М. Дьяконова

Другой вариант системного изложения исторического процесса предложил отечественный востоковед И.М. Дьяконов.

Он предложил рассматривать всеобщую историю как последовательную смену следующих фаз развития:

- Первая фаза (первобытная).
- Вторая фаза (первобытнообщинная).
- Третья фаза (ранняя древность).
- Четвертая фаза (имперская древность).
- Пятая фаза (средневековье).
- Шестая фаза (стабильно-абсолютистское постсредневековье).
- Седьмая фаза (капиталистическая).
- Восьмая фаза (посткапиталистическая).

И.М. Дьяконов писал: «Слабость марксистской концепции заключалась, прежде всего, в том, что не было найдено убедительного движущего противоречия ни для первой, первобытной, формации, ни для последней, коммунистической. Поэтому коммунистическая формация рассматривалась как абсолютное гармоническое будущее – идея, восходящая к христианской апокалипсической эсхатологии и плохо вяжущаяся с материалистическим объяснением исторического процесса»¹.

Марксистская теория формаций в том виде, какой она приняла к исходу XX столетия, имеет ещё один существенный недостаток: в ней не предусмотрен **явственный механизм перехода от одной общественно-экономической формации к другой**. Но возникшее несоответствие между развитием производительных сил и характером производственных отношений не приводит к смене «формаций» автоматически. На вопрос о механизме перехода марксизм XIX и первой половины XX в. отвечал, что им является революция, т. е., иначе говоря, насильственный переворот: «насилие – повивальная бабка истории». Это, однако, во всемирно-историческом плане неверно. Маркс знал, что насильственный переворот не отделяет ни древность от первобытности, ни средневековье от древности.

В наше время все концепции исторического развития имеют один важнейший, коренной недостаток. Все они построены на **идее прогресса**, причем прогресса, ничем не ограниченного во времени. Эта идея уходит корнями именно в христианскую концепцию будущего – «Царства Божия на земле», которая, в свою очередь, восходит к историзму, свойственному предку, как христианства, так и ислама – иудаизму.

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 7.

Марксистская же теория говорит и о технологии, но не столько о ней самой, сколько о производительных силах, под которыми понимаются человеческие (личностные) и вещественные (технологические) элементы, осуществляющие взаимодействие человека с природой в процессе общественного производства. Однако развитие личностных отношений в процессе производства можно рассматривать не только в рамках факторов, относящихся к социально-производственным отношениям, но и в рамках социального сознания и мотивации производственных (и иных общественных) поступков, т. е. социальной психологии.

Для первой фазы (первая фаза – первобытная) характерно, что жизненная активность человека обуславливается известными социально-психологическими побуждениями (импульсами). Божества определяют для архаического человека характер причинно-следственных связей и тем самым возможность или невозможность удовлетворения социальных побуждений. На каждый стимул можно найти множество неодинаковых действенных ответов (или мифологем), но число **основных побуждений** довольно ограничено¹.

- Это – **реакция поиска** («что это?»), эмоциональное побуждение, вызываемое либо положительным, либо (чаще) отрицательным характером явления. Реакция поиска может развиваться в побуждение к познанию нового, однако такое развитие её вступает в противоречие с побуждением к стабильности места человека в социуме и космосе: основное правило «быть как все» (что предопределяет и побуждение к взаимопомощи) содействует возникновению консенсуса в человеческом социуме, а это очень важно для его целенаправленной деятельности.
- Это – **стремление утолить голод**. При всей эмоциональности такого побуждения оно может иметь только социальный характер (поэтому уже в наиболее древнем обществе возникает разделение труда, прежде всего между мужским и женским трудом: охота – собирательство). Существенно, что с самого раннего периода истории человечества была нужда и в обмене.
- Это, далее, – **побуждение прибегнуть под защиту**, быть охраняемым и любимым.
- Это – **побуждение устранить психологический дискомфорт** («несправедливость»). В истории именно оно является главной причиной стремления к социальным переменам.
- Это – **побуждение к агрессивности**, необходимой для выживания человека во враждебном мире, связанное с побуждением к движению вообще.
- Это – **побуждение к удовлетворению половой потребности**, стоящее, между прочим, в прямой связи с агрессивностью (мужчина

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 20.

должен победить соперников и саму женщину): женщина выступает как побудительница агрессии.

- Это – **побуждение к славе**.
- Это – **побуждение к разрядке, к смеху**, очень важное в суровых, строго регламентированных обычаях условиях существования первобытного и древнего человека.
- Это – **побуждение к лидерству**, к тому, чтобы не только быть «не как все», но и возглавлять всех. Данное побуждение резко проявляется, как правило, в критические моменты истории. Заметим, что оно проявляется почти исключительно у мужчин (у женщин оно скорее проявляется в форме соревнования в привлекательности).

Если есть не одна первобытная фаза, а две, то в чём между ними социально-психологическая разница? Для первой фазы характерны тотемизм и шаманизм, для второй – генеалогические структуры пантеонов во главе с богом-«вождём» и его семьей – женой и сыном, весьма важные культы человеческого, животного и растительного плодородия, а также культ «богини-воительницы», социально-психологически отражающей импульс агрессивности¹. При этом верования не догматичны и совершенно локальны (при переезде в другое место естественно поклоняться местным богам; характерна большая вариативность мифов), и верования эти не связаны с определенно сформулированными этическими нормами.

В первой фазе отдельные группы людей достаточно отделены друг от друга в пространстве и обычно мирно сосуществуют, если не считать случайных стычек, в особенности в связи с похищением жен. Вторая фаза предполагает общество более богатое, в котором есть что вождеть и есть что защищать, а часто и оружие становится гораздо более совершенным. Энгельс называет этот период «военной демократией», хотя считает её не отдельной «формацией», а этапом в пределах первобытности. Эпитет «военная» действительно уместен: со второй фазы и до конца третьей фазы – ранней древности – наступает эпоха войны всех со всеми. Ещё в Вавилонии начала II тысячелетия до н. э. не было выражения «чужая страна», «заграница», а было выражение «вражеская страна» – даже в письмах купцов-мореходов, плававших за границу со вполне мирными целями.

По мере **чёткого вычленения эксплуатируемого класса**, противостоящего (пока не расчленённому) классу свободных, система управления социумом институционализируется, получает постоянную общепризнанную структуру, аппарат принуждения – и превращается в государство. Вместе с оформлением, с одной стороны, чётко определившегося эксплуатируемого класса, а с другой – государственного аппарата кончается

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 22.

вторая историческая фаза и начинается третья – фаза ранней древности, первая для классового общества.

Значительная часть обществ третьей фазы была окружена мощной племенной (первобытнообщинной) стихией, все меньше уступавшей им в военной силе.

Период роста числа благ для части общества и оскудения их для другой, куда более многочисленной его части. Но как бы то ни было, рост материального богатства приводит к наступлению периода постоянных войн (ежегодных), а это, по-видимому, явилось главной причиной **урбанизации** – возникновения **укрепленных городов как центров управления** государством, ремесла и скопления продовольственных запасов ¹.

Кризис обществ третьей фазы был вызван тем, что внутри каждого отдельного общества рост прибавочного продукта после первых блестящих успехов цивилизации сильно замедлялся и даже приостанавливался.

Последний резерв увеличения абсолютного количества производимого продукта – естественный прирост населения – также иссякал.

Государствам приходилось **искать вовне дополнительные источники изымаемого продукта**.

Задачей государства теперь стало увеличение изымаемого продукта за счёт внешних ресурсов без привлечения торговли, что привело повсеместно к созданию империй. С их появлением началась новая, четвертая общественно-историческая фаза – развитого древнего общества, – сопровождавшаяся переменами в технологии (прежде всего военной) в государственном устройстве, а также в области социальной психологии.

Грандиозные завоевания стали возможны вследствие громадного шага вперед в развитии военного дела, а это-развитие стало возможно благодаря существенному технологическому скачку – переходу от бронзового к железному веку.

Империи представляли собой довольно неустойчивые образования – слишком сильны были центробежные силы, но на месте разрушавшейся империи неизменно возникала новая. Первой такой империей была Ново-Ассирийская, охватившая всю Переднюю Азию (кроме Урарту и Малой Азии, IX– VII вв. до н. э.); за ней последовали Ново-Вавилонская и Мидийская (VII– VI вв. до н. э.), за ними Персидская Ахеменидская, основанная Киром, – она уже захватила территорию от Эгейского моря до долины Инда, от Египта до Амударьи и даже Сырдарьи (VI–IV вв. до н. э.); позднее возникли эллинистические империи. Аналогичными были империя Маурьев (цари Чандрагупта и Ашока) в Индии (IV– II вв. до н. э.), империя Цинь (от реформ

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 43.

Шан Яна до императора Цинь Ши Хуан-ди, IV–III вв. до н. э.) и сменившая её империя Старшей династии Хань (основана императором Лю Баном; с III по I в. до н. э.). Большинство этих империй было основано выдающимися лидерами, яркими личностями, хотя по своим характерологическим чертам они расходились: от кровожаднейших тиранов (Цинь Ши Хуан-ди) до покровителей наук и культуры (Александр) и людей, обладавших терпимостью даже при наличии официального культа (Ашока). Историческая их роль, тем не менее, была жестокой и в принципе примерно одинаковой¹.

Своеобразное и исторически весьма значительное явление представляла собой ранняя Римская империя (I в. до н. э. – III в. н. э.); поздняя Римская империя (III–IV вв. н. э.) представляет собой уже переход к следующей фазе общеисторического процесса.

Движущей силой было не введение технологии железного века само по себе, а, во-первых, необходимость объединения регионов производства средств производства и регионов производства средств потребления и, во-вторых, введение производства стали не только в ремесле, но, прежде всего в военном деле (стальные мечи, кольчуги или латы, шлемы).

Империи, или так называемые мировые державы, принципиально отличались от сравнительно крупных конгломератов княжеств, образовавшихся в фазе ранней древности. Во-первых, империи насильственно объединяли непременно территории, неоднородные по своей экономике и экономическим нуждам, по географическим условиям, по этническому составу населения и по культурным традициям. Во-вторых, если крупные государства-конгломераты в основном не нарушали традиционной структуры управления подчиненных стран, то империи, напротив, подразделялись на единообразные административные единицы (области, сатрапии, провинции). Всё государство в целом управлялось из единого центра, а автономные единицы если и сохранялись в пределах империи, то (во всяком случае, на первых порах) имели совершенно подчиненное значение; империи стремились низвести их до уровня своих обычных территориально-административных подразделений, хотя в то же время не спешили уравнивать их жителей с жителями государства-завоевателя.

Становление государств имперской древности знаменует переход к новой исторической фазе; с точки зрения традиционной марксистской теории между ними должна бы лежать грань насильственного переворота. Таковым можно считать совершавшееся повсюду насильственное завоевание империями обществ типа ранней древности. Но если это и была революция, то **революция сверху**. Следовательно, и **социально-психологические механизмы, непосредственно двигавшие этим переворотом, надо искать не в идеологии масс – те повсеместно держались за старое, – а в психологии образующегося**

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 48 – 49.

имперского господствующего класса. Хотя мы видим, что в большинстве империй сохранялись прежние пантеоны и даже прежнее терпимое отношение к соседним культам, несколько иным, чем собственные, возникали и особые, ведущие – например, столичные – культы. Но появляется и ещё новая черта: верховный бог рассматривается как царь небесной империи, а прочие боги образуют вокруг него придворный штат. Так было на большей части Ближнего Востока и в Римской империи. В Китае культ безличного, но сознательного божественного «Неба» активно начинает вытеснять местные архаические культы ещё до начала имперского периода. В ряде стран наблюдается и обожествление царя.

Но если **имперская революция** происходит вне воли и ведома народных масс, то среди народных масс под влиянием тех же социально-политических и экономических процессов зреют новые социально-психологические побуждения, имеющие далеко идущие исторические последствия.

Буддизм был учением прозелитическим, т. е. не замыкающимся в какой-то одной человеческой общности, а вербующим сторонников.

В Китае уже в эпоху царства Западного Чжоу (XII – VII вв. до н. э.) наблюдаются признаки отмирания архаической мифологической религии, а на грани VI и V вв. до н. э. появляется учение **Конфуция**, впервые положившего в основу идейной жизни общества нравственное начало (жэнь – «человечность»).

Культ единого бога (иудаизм) помимо различных ритуальных предписаний опирался на этические основы, изложенные в «Десяти заповедях», весьма близких по содержанию к пяти заповедям Будды и легших в основу европейской этики на все последующие времена.

В начале I в. н. э. появляется Иисус, отвергавший ритуальные моменты иудаизма и придававший вере в единого Бога-Отца целиком **этический характер**.

Все **этические учения** древних народов были **оппозиционными по своему характеру**, и впоследствии в сильно переработанном виде большинство их сыграло свою роль в социально-психологическом обосновании перехода от фазы имперской древности к средневековой фазе развития исторического процесса.

В то же время среди многих слоёв населения под влиянием побуждения к **преодолению «несправедливости»** (всё резче ощущаемой в период господства мощной центральной власти) возникают религиозно-этические учения. Эти учения готовят социально-психологический кризис общественного строя эпохи

имперской древности. Подводя к новой исторической фазе, они ещё не сразу принимают догматическую форму¹.

Важнейшим культурным достижением эпохи всей древности было **отделение научного, неэмоционального познания** от познания мифологического. Это произошло впервые в полисном мире ещё ранней древности; здесь, как нигде, были созданы условия для свободы мышления.

Научные открытия времени имперской древности, как бы они ни были значительны, не находили практического применения. Технология, в том числе военная, в эпоху имперской древности хотя и совершенствовалась (осадная техника ассирийцев, улучшенные «скифские» стрелы и луки, введение конницы; из мирной технологии – изобретение шелка в Китае), но совершенствовалась в общем несущественно. Основной фонд орудий труда был заимствован из ранней древности (с заменой бронзы на железо) и лишь отчасти усовершенствован; научные открытия не использовались, наука не стала производительной силой.

Появление стремян привело к революции в военном деле: конница стала решающей силой достижения успеха в военных предприятиях. На арену мировой истории врываются кочевники.

Положение достигло кризисной точки, когда разрыв между уровнем жизни численно возростающих кочевников и уровнем жизни оседлых стал очень значительным, а своего оружейного производства (тем более производства предметов роскоши) кочевники наладить по-прежнему не могли. Цивилизованные регионы перешли к товарно-денежному хозяйству и в натуральном обмене с кочевниками нуждались все меньше. В оседлых производствах на кочевых территориях происходил регресс.

Кочевники стали переходить в наступление. Если до сих пор их общество можно было числить как первобытнообщинное, то теперь они мощно вторгаются в жизнь обществ, находящихся в разных исторических фазах, в том числе и в фазе имперской древности, самой богатой материальными средствами. С этого начинается процесс «великого переселения народов» и начало перехода к средневековью.

Первым диагностическим признаком пятой, средневековой фазы исторического процесса является **превращение этических норм в догматические** и прозелитические (а также из оппозиционных в господствующие), причём строжайшее исполнение догм обеспечивается государством и организованной межгосударственной и надгосударственной церковью, а нормативная этика теперь толкуется в смысле освящения

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 62 – 63.

общественного устройства, господствовавшего в тогдашнем мире (а по существу в некоем огромном суперсоциуме) ¹.

Война теперь становится занятием и привилегией господствующего класса.

Отметим здесь, чтобы уже не возвращаться к этому вопросу, что средневековые войны трудно объяснить социально-экономическими причинами. Почти все они (как и многие из более ранних и более поздних войн) объясняются весьма просто с социально-психологической точки зрения – как результат присущего человеку побуждения к агрессии. Завоевать и покорить соседа было и престижно и удовлетворяло социальный импульс агрессивности, который в Риме отчасти погашался гладиаторскими боями, а в конце седьмой и в восьмой фазе станет удовлетворяться футбольными и хоккейными матчами и вообще профессиональным спортом, а также бесчинствами подростковых хулиганских банд – настоящего бедствия больших городов, как на Западе, так и на Востоке. В средние века мощной побудительной силой становится эмоциональное восприятие воинской славы – как личной, так и государственной. Стремление к славе, без сомнения, побуждало и полководцев древности, но именно в средние века **слава институциализируется, становясь мерилom оценки человеческого достоинства всех принадлежащих к высшему сословию** ².

Военное дело препоручалось профессиональной военной знати, т. е. самим же землевладельцам и созданным ими военным дружинам. Внутри империй все более ощущались центробежные силы, способствовавшие их постепенному развалу. Кроме того, играли свою роль некоторые специфические локальные явления ³.

Пятой фазе были присущи общеобязательные догматические учения, всякое отступление от которых тяжело каралось, «два ли не чаще всего смертью. Дискомфорт принимал хронический и непреодолимый характер: его испытывали крестьяне, находившиеся в жёсткой, практически ничем не ограничиваемой власти хозяина и к тому же каждый день ожидавшие разорения своего домашнего очага от войны, хозяйского произвола, грабежа, пожара, выселения или убийства, не говоря уже о турецком девширме. Меньше всего могли рассчитывать на комфортабельную жизнь основные массы земледельческого населения. Конец пятой и начало шестой фазы ознаменованы крестьянскими восстаниями огромных масштабов.

Но дискомфорт испытывали и землевладельцы – прежде всего от полного отсутствия стабильности, когда сегодня надо платить дань или

¹Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней.– М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994.– С. 69 – 70.

² Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 70.

³ Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 71 – 72.

выходить на службу для одного завоевателя, а завтра – идти на войну за другого и когда каждая дестабилизация грозит потерей имени, семьи и собственной головы.

В то же время в течение всего средневековья не утихало мощное побуждение к агрессивности, наиболее откровенное в классе землевладельцев и воспринимаемое им как положительное явление – «желание славы»¹.

Для смены исторических фаз необходим коренной переворот в социальной психологии, в идеологии, в мировоззрении. Но этого мало: он должен сопровождаться переворотом в технологии, и, прежде всего в технологии производства оружия.

Признаки **шестой фазы** впервые проявляются в Италии в эпоху Возрождения. Признак шестой фазы – стабильное «национальное» абсолютистское государство в то время в Италии не сложилось, хотя медичейскую Тоскану можно считать зачатком такого государства.

Третьим диагностическим признаком шестой фазы можно считать наличие альтернативных социально-психологических установок.

Италия XII–XIV вв. не вошла ещё в новую историческую фазу, потому что не создала идеологии, альтернативной той, на которой базировалось средневековье. Но она готовила эту идеологию.

Движение ранних (XIII–XIV вв.) «гуманистов» не следует смешивать с мощным идеологическим движением Высокого Ренессанса, относящимся уже к шестой фазе.

Наиболее важным достижением позднесредневекового города в Западной Европе было создание огнестрельного оружия, с введением которого возникают условия для образования общества шестой, постсредневековой фазы. Теперь требовалось, чтобы здесь назрело возникновение альтернативных социально-психологических побуждений – и поле для их развития в виде стабильных «национальных» государств.

Типом организации социума шестой фазы явилась стабильная абсолютистская монархия, приобретающая характер национального государства.

Как для пятой, так и для шестой фазы характерными являются эксплуатация, прежде всего земледельцев и государственное господство землевладельцев (хотя формы государственной организации меняются), но в то же время существенно **появление новых классов – буржуазии и наёмных рабочих.**

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 151.

Возникший к концу пятой фазы класс буржуазии также испытывал сильнейший дискомфорт, потому что не был уравнен в правах с господствующим классом землевладельцев и был крайне ограничен в возможностях предпринимательства и изобретательства¹.

Дискомфорт, конечно, испытывал класс наёмных рабочих, складывавшийся из разорившихся ремесленников, беглых (либо переданных в мануфактуры помещиками или государством) крестьян и даже беглых монахов. Но это была слишком разнородная масса, чтобы выработать общее для неё единство социальных побуждений; в какой-то части её могли даже устраивать потери связи с организациями традиционными, прежними податными классами.

Мы уже знаем, что социально-психологический дискомфорт может быть снят появлением нового социально-психологического побуждения, новой идеологии, но лишь в том случае, если это побуждение имеет возможность активно проявляться. Сначала **должно появиться чувство, что «можно думать иначе»**. Это содействует выработке плодотворных новых идей (в том числе научных) и новых технологий.

Важнейшими условиями перехода от средневековой фазы к постсредневековой можно считать **создание альтернативных идей, принципиально нового оружия и появление стабильных государств, способных установить известное равновесие между классами** – не только землевладельцев и земледельцев, но и успевших возникнуть буржуазии и наёмных рабочих. Их возникновение связано с развитием товарно-денежных отношений, а их внедрение в сельское хозяйство может ослабить, формальную и фактическую взаимозависимость землевладельцев и земледельцев, постепенно заменяя чисто насильственную эксплуатацию эксплуатацией экономической. Наиболее тяжкие формы зависимости земледельцев (например, крепостное право) могут быть ослаблены или даже отменены.

Создаются абсолютистские стабильные государства – настолько стабильные, что способствуют созданию внутри себя **национального самосознания** – исторического фактора, чрезвычайно важного для дальнейшего хода исторического процесса. Задачей нового, стабильного государства стало обеспечение равновесия между теперь уже четырьмя классами постсредневекового общества.

До полного набора необходимых для шестой фазы диагностических признаков успели дойти далеко не все общества мира. Ещё раз отметим, что таким полным набором диагностических признаков абсолютистской

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 153.

постсредневековой фазы являются следующие: введение эффективного огнестрельного оружия, включая артиллерию, что знаменует конец существования войска вооруженных землевладельцев – рыцарства и аналогичных структур; возникновение (наряду с численно доминирующими прежними классами – привилегированных землевладельцев и в разной степени бесправных земледельцев) новых классов – буржуазии и наемных рабочих, – что связано с дальнейшим совершенствованием средств производства, и технологии оружейного дела в первую очередь. Социальные и идеологические порядки предыдущей фазы вызывают растущий дискомфорт, что выражается, с одной стороны, в крестьянских войнах, а с другой – в выработке множественных оппозиционных или альтернативных социально-психологических течений и идеологий, вырастающих в борьбе с прежними идеологиями, все ещё господствующими. Официальной религии противостоят реформированные религии, хотя она и сама влияет на них. Но возникает **ситуация «можно думать и иначе»**¹. Тем самым, высвобождается и научная мысль, развиваются естественные науки, которые, однако, ещё не становятся производительной силой. Для Европы (и отчасти для Китая) сюда прибавились открытие новых земель и колониальная экспансия, что, прежде всего очень обогатило европейскую торговую, а затем и промышленную буржуазию и в конечном счете вывело континент на такой уровень жизни, какого не знал остальной мир.

Не все общества Евразии выработали к XVII–XVIII вв. полноценную шестую фазу: страны Западной Европы, включая Францию, Германию, Великобританию (и отчасти Священную Римскую империю и Италию), принадлежали к абсолютистской постсредневековой фазе в полной и развернутой форме; на Дальнем Востоке в эту же фазу начал входить Китай и – с некоторым запозданием – Япония; слабее признаки шестой фазы были в Польше, на Балканах, в России, она едва намечалась в Турции; Иран же, Средняя Азия и Индия, а также все арабские страны задержались в пятой фазе; в XIX в., когда и у них на месте религиозного самосознания возобладало самосознание национальное, им пришлось догонять другие народы, уже находившиеся в **седьмой капиталистической фазе**.

Получаемую ими в ходе производства прибавочную стоимость капиталисты обращали «не в пирамиды и соборы», как заметил один историк, и не в роскошные уборы и содержание обширного двора, а вкладывали её в расширение капиталистического производства. Для развития этой тенденции, однако, требовалось **создание новой этики**, мешала господствовавшая средневековая идеология: ещё составитель латинской версии Библии Блаженный Иероним (IV в.) говорил, что «богатый человек либо вор, либо сын вора». Реформация относил этот тезис к богатствам папы, епископов и

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 155.

монастырей; но она же дала людям религиозную санкцию на пользование каждому плодами собственных трудов и воздержания и тем самым фактически на производственные накопления и кредитные операции (последние в средневековых государствах нередко были религиозно или даже юридически запрещены христианам и становились уделом нехристиан). Поэтому неудивительно, что капиталистическая экономика ранее всего начала развиваться в странах, принявших Реформацию: в Англии (где сельский характер сукновального производства охранял капиталистов от судьбы, которая постигла ранние ростки капитализма во Флоренции), в Голландии, в Швейцарии (Женева), в некоторых частях Германии.

Нарастающий дискомфорт был характерен для Западной Европы XVI в., несмотря на продолжавшийся процесс стабилизации государств. Но параллельно с нарастанием дискомфорта и первоначально как бы независимо развивались альтернативные социально-психологические тенденции¹. Технически их всеобщее развитие стало возможным в связи с изобретением **книгопечатания** (Гуттенберг, ок. 1448 г.) и тиражирования книг: знаменитый итальянский книгоиздатель Альд Мануций и его ближайшие потомки и преемники отпечатали за 100 лет – с 1495 по 1595 г. – свыше тысячи изданий, а в целом за 100 лет после открытия Гуттенберга были напечатаны многие десятки тысяч книг.

Становление протестантизма и сама многоликость протестантизма очень содействовали развитию не только религиозной, но и философской, а затем и естественнонаучной мысли. Здесь надо назвать в особенности философа Фрэнсиса Бэкона (Англия, 1561 – 1626), считавшего, что познание должно основываться на наблюдении и эксперименте, и великого писателя и мыслителя Монтеня (Франция, 1533–1592).

XVII век был началом развития, с одной стороны, философии (Декарт, 1596–1650; Спиноза, 1632–1677; Локк, 1622 – 1707), а с другой – уже и **естественных наук**, что имело в дальнейшем самое большое значение для истории человечества (Галилей, 1564–1642; Кеплер, 1576–1630; Гюйгенс, 1629–1695 и наиболее великий из всех них – Ньютон, 1642 – 1727)².

В конце XVI в. два великих писателя отметили **угасание эпохи рыцарства**: Мигель Сервантес Сааведра (1547 – 1616) в трагикомической фигуре Дон-Кихота и Вильям Шекспир (1564–1616) – в комической фигуре Фальстафа и в трагических словах виттенбергского студента Гамлета: «Век вывихнут» (The time is out of joint).

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 169.

² Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 174.

В 1789 г. началась Великая Французская революция. Вместе с Американской революцией 1775 г. она открыла собой фазовый переход, приведший к смене шестой (постсредневековой) фазы исторического процесса. Эта эра в Западной Европе продолжалась с 1789 по 1848 г. Она не может рассматриваться как самостоятельная фаза в историческом процессе, а является лишь переходной от шестой фазы к седьмой.

Всё огромное пространство к югу и востоку от России – Турция, Иран, Средняя Азия, Тибет, Монголия, Индия, Юго-Восточная Азия – к XV–XVIII вв. так и не вышло из пятой, средневековой фазы, и в этом разделе мы их историю опустим¹. Зато шестой фазы достиг (и даже ранее Европы) Китай, хотя ряд обстоятельств помешал ему войти в следующую, седьмую фазу. И, наконец, успешно достигла шестой, абсолютистской постсредневековой фазы почти не замеченная европейскими и американскими наблюдателями Япония.

Диагностические признаки седьмой фазы следующие: превращение естественных наук в производительную силу (изобретение паровой машины, железной дороги, парохода, затем двигателя внутреннего сгорания, электрического освещения, телеграфа, телефона и т. п.; внедрение науки в индустриальное производство и в сельское хозяйство); бурный рост вооружения в течение всего периода (усовершенствованное нарезное огнестрельное оружие, бездымный порох, дальнобойная артиллерия, бронированные корабли, сначала паровые, затем дизельные; изобретение самолета и танка, химического оружия); **противостояние буржуазии и наемных рабочих** как основных классов; **возникновение интеллигенции**; тенденция (правда, ещё слабая) к распаду крестьянства на те же классы предпринимателей и наемных рабочих; сохранение остатков прежних классов шестой и пятой фаз лишь на периферии общества; **возросшее значение нерелигиозных идеологий**, как оправдывающих и приемлющих существующий ход исторического прогресса (например, позитивизм), так уже и альтернативных (например, марксизм) – за счёт ослабления традиционных религий, которые, однако, сохраняют свое официальное положение в государстве и в некоторой мере по-прежнему определяют черты национальных характеров; в государственном отношении – образование республик или очень ограниченных (конституционных) монархий; **полный колониальный раздел** регионов, не успевших достичь седьмой фазы, вооруженное соперничество обществ, её достигших; создание колониальных империй и борьба за них; войны грандиозного масштаба с огромными разрушениями и людскими потерями.

Фаза капитализма впервые наступает в странах Западной Европы и в Северной Америке. Все остальные страны мира, кроме Японии, не успели дойти до седьмой фазы и в начале – середине XIX в. все ещё находились в

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 198 – 199.

шестой, а то и в пятой фазе¹. Это означало не абсолютную отсталость этих обществ, а лишь небольшое в общеисторическом масштабе запаздывание, обусловленное более или менее случайными или второстепенными причинами: например, отсутствием благоприятных природных условий, как в Африке или торможением вследствие завоеваний кочевниками, либо более поздним созданием альтернативных идеологий (на Ближнем и Среднем Востоке, в Китае, отчасти и в дореформенной России).

Седьмая фаза характеризуется появлением такого способа решения социальных конфликтов как **революция**. Английская революция, так же как Французская после неё и особенно Октябрьская в XX в., демонстрирует **характерную для всех социальных революций модель развития**: резкая смена общеобязательной идеологии ведёт к развязыванию побуждения к агрессии, проявляющейся в междоусобном истреблении, с переходом власти ко всё более радикальным группам и группкам, что кончается личной диктатурой.

Из всех буржуазных переворотов именно Французская революция может считаться революцией в собственном смысле слова – единовременным социальным взрывом, сразу уничтожившим традиционные ценности и провозгласившим новые. Столь резко революционный характер переворота 1789 г. я склонен объяснять тем, что в других странах римско-католическое единомыслие было уже ранее подорвано укрепившимися альтернативными учениями реформации, а здесь революцию делали те, кто ещё в юности должен был заниматься схоластическими (однако иногда со смертельным исходом) спорами о свободе воли и благодати.

Совершенно независимо от Европы и Америки Япония переходит к капиталистической фазе в результате «революции Мэйдзи» в 1868 г. Была свергнута власть сёгунов и возвращена власть тэнно (императору). Начавшаяся как традиционная борьба между знатными родами, революция быстро превратилась в движение за национальное единство и овладение западной технологией (в первую очередь оружием). В этом движении участвовали нарождавшаяся буржуазия, рядовые самураи и даже крестьяне, и постепенно оно приняло все признаки буржуазного переворота. Были ликвидированы феодальные княжества, введена частная собственность на землю и организовано высшее образование по европейскому образцу. Шли споры о возможности перехода к парламентской системе; первый парламент с довольно ограниченными правами собрался лишь в 1890 г.

Некоторые гуманитарные науки пытались теперь влиять на исторический процесс. Толчок общественно-экономическим изменениям пытался дать марксизм, первоначально бывший одной из теорий

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 205 – 206.

капиталистических производственных отношений. «Капитал» Маркса был серьёзной научной работой, но что это «не догма, а руководство к действию» — заблуждение: при всей глубине анализа и при всем том влиянии, которое было им оказано не только на общественные процессы эпохи капитализма, но и прямым образом на науку, это все-таки было «сочинение на заданную тему». Дело в том, что Маркс лишь с 1867 по 1880 г. писал «Капитал», который должен был привести к выводу об обречённости капиталистического строя и неизбежности перехода общества к коммунизму. Но сам вывод о том, что по капиталистической Европе «бродит призрак коммунизма» уже был заранее сделан Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» в 1849 г., т. е. задолго до начала научного труда Маркса (который и должен был доказать неизбежность победы этого призрака). «Манифест» был выпущен даже до окончательного укоренения капиталистической фазы в Европе.

Вся капиталистическая фаза являет картину прогрессирующего превращения отсталых частей Земного шара в колонии с более или менее бесправным населением, управляемым колонизаторами,— вплоть до полного раздела всех доступных территорий в начале XX в. Ясно, что в покоряемых странах назревал новый общественный дискомфорт, хотя он стал сказываться не в первых поколениях.

Капиталистическое общество породило **несколько альтернативных идеологий, в том числе коммунизм и нацизм**. В основе нацизма лежала, однако, идея всемирного завоевания и милитаризации, на что её сторонникам не хватило сил. Более стойким оказался коммунизм, но сама его прочность привела к бюрократическому застою и, закономерно, к экономическому оскудению. В Восточной Европе пришлось препятствовать его распаду вооруженной силой (Венгрия, 1956 г.; Чехословакия, 1968 г.).

Заметим, однако, что обе названные альтернативные идеологии седьмой, капиталистической фазы — нацизм и коммунизм — были тупиковыми и не выводили общество в какую-либо новую фазу. Это смогла сделать третья **альтернативная идеология — учение о правах личности**, ставшее теперь мощным социально-психологическим побуждением.

Подобно тому, как проповедь Иисуса происходила в I в. н.э., в четвертой фазе, а христианство возобладало как универсальная идеология лишь в начале пятой фазы, так и учение о правах человека как социально-психологическое побуждение было выражено в работах Беккариа, Монтескье, во французской «Декларации прав человека и гражданина», в американском «Билле о правах», появившихся еще в XVIII в., на пороге седьмой фазы, но это учение до середины XX в. не стало господствующим¹.

За первыми декларациями последовало развитие классического капитализма с его безудержной эксплуатацией рабочего класса. Действительно, **альтернативная идеология оказывает влияние на**

¹ Дьяконов И. М. Указ. соч. — С. 341 — 342.

общество лишь тогда, когда в силу вступают и другие два признака новой фазы – изменения в структуре производства и сверхоружие. Изменения в структуре производства происходили исподволь с начала XX в. – очень важную роль здесь сыграли социал-демократы, фабианцы и лейбористы, сумевшие добиться изменения расстановки сил в производстве. Учение о правах человека получило дальнейшее развитие в выступлении Вильсона в 1918 г., в Уставе Лиги Наций в 1920 г., т. е. в конце седьмой фазы. Универсально оформившейся идеологией оно стало лишь на пороге восьмой фазы – в Уставе Организации Объединенных Наций, разработанном в 1942 – 1946 гг., и в других её декретах. **Но окончательный предел капиталистической фазе положило изобретение ядерной бомбы.** Ядерная война означала бы гибель всего человечества, а чтобы запретить ядерные бомбы и прекратить их производство, нужно было перестроить всё отношение общества к военным конфликтам вообще, снять максимальное количество дискомфорта. Это ещё не окончательно достигнуто: некоторые тоталитарные (да и другие) режимы не теряют надежду создать собственную ядерную бомбу и тем самым под угрозой уничтожения человечества укрепить или установить свою власть.

В то время как марксистские экономисты предлагали радикально решить проблемы кризисов путем уничтожения капитализма, со стороны буржуазии тоже была сделана попытка подключить, как это делал Маркс, гуманитарную науку политической экономии к решению производственных вопросов – но с учетом новых открытий в этой научной области, сделанные в послемарксову эпоху. Новое решение проблемы капиталистического производства было дано Дж. М. Кейнсом в 1936 г. Оно заключалось, между прочим, в том, что в критические периоды роста безработицы и сокращения спроса правительству и центральным банкам нужно не сокращать инвестиции, как довольно естественно делалось раньше, а, напротив, увеличивать инвестиции на общественные нужды и удерживать инфляцию.

Ещё в 1930-х годах было математически доказано, что наибольшая производительность труда достигается при восьмичасовом рабочем дне и регулярных выходных днях и сокращается при увеличении рабочего дня. Освоение этой истины привело к прекращению преследования рабочих профсоюзов и к поощряемой властями политике удовлетворения все большего числа человеческих нужд и потребностей, порой даже прихотей. Стремление устранить дискомфорт распространяется затем и на женщин, все большее количество которых участвует в производстве, в науке и администрации; оно распространяется даже на сексуальные меньшинства, ранее подлежавшие уголовному преследованию ¹.

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 343.

Практически управление производством перешло в руки служащих – менеджеров.

Капитал приобрел форму акционерного, и хотя рабочие – рядовые держатели акций, конечно, не могут определять планы акционерного общества, так как не обладают контрольным пакетом акций, однако они становятся, во всяком случае, заинтересованными в производительности собственного труда.

Посткапиталистическая фаза охватила не весь Земной шар, что наряду с «постиндустриальным» обществом существует так называемый «третий мир», не приспособившийся ещё даже к седьмой фазе. Для обществ «третьего мира» типично сохранение и усиление социального и национального дискомфорта, вызывавшего в Европе тоталитарные идеологии.

Диагностическим признаком **восьмой фазы** является становящееся всеобщим учение о минимизации личностного дискомфорта при отсутствии какой-либо религиозной или философской идеологии¹. Это учение и служит социально-психологическим обоснованием существования данного общественного строя; оно предполагает плюрализм не только мнений, но и религий (хотя государства пытаются пресекать деятельность групп, придерживающихся крайних, разрушительных идеологий, таких, как нацизм; однако же коммунистические партии разрешены в большинстве стран, вошедших в посткапиталистическую фазу, хотя и не имеют там прежнего успеха). Другими диагностическими признаками являются: ядерное и другое вооружение такой разрушительной силы, что его применение грозит уничтожением не только людей в стране противника, но и человечества вообще; машинизация и электронизация всей научной и технической информации, а также повседневного быта; все большее вытеснение книги телевизором и компьютером; развитие микротехнологии.

В условиях фазового перехода к восьмой фазе и внутри самой восьмой фазы возникает дискомфорт особого рода – социальная общность становится слишком широкой и потому неудобной; в ней как бы нет «наших», а есть только «ничьи». Отсюда упорный поиск «наших» в национальной самобытности, еще не стертой мировыми масштабами социума; отсюда сепаратистские движения (бретонцы и корсиканцы во Франции, фламандцы в Бельгии, каталонцы и баски в Испании, хорваты, словенцы, македонцы, босняки, албанцы в Югославии, уэльсцы и шотландцы в Соединенном Королевстве, даже саамы в Норвегии).

Синергетическое видение истории.

¹ Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 346 – 347.

Системные методы, распространённые в 40-х – 70-х гг. XX в., базировались на ряде положений Л. Бераланфи, Н. Винера, У. Эшби и др.¹ Новый подход к системности, развитие которого начинается в 70-х гг., связан с развитием идей синергетики, основанной на теории диссипативных (рассеивающихся) структур И. Пригожина и разработанной в рамках термодинамического подхода к самоорганизации, работах Г. Хакена и автоволнового направления².

В чём основные отличия новой трактовки системности от предыдущей? В рамках предшествующей волны социальная система рассматривалась без учёта внешней среды и тех энергетических потоков, в которые вовлечена система. Внешняя среда представляется как препятствие в достижении системной стабильности. При этом вопросам энергетики не уделялось «почти никакой роли», а «замкнутость или открытость системы в энергетическом отношении» не имела «никакого значения»³. В новом системном анализе стабильность рассматривается не только как специфический случай развития динамической системы, проходящей бесконечный ряд нестабильных состояний, но и в том смысле, что система, захватывая потоки обмена, «трансформирует, организует их, навязывает им свою собственную пространственно-временную организацию»⁴. Она «нацелена в первую очередь не на производство, какого бы то ни было продукта, а на своё собственное самообновление в... ориентированной на процесс структуре»⁵.

Возможность «возникновения диссипативных структур зависит от таких глобальных параметров... системы, как их объем и форма», а также от условий, складывающихся на границе системы и внешней среды⁶. Диссипативные структуры обычно возникают лишь в системах, по своим размерам превышающих некие критические величины. Вблизи точек бифуркации, когда система изменяет направление своего движения, существенную роль играют флуктуации («малые возмущения», способные в «моменты неустойчивости ... разрастаться в макроструктуры»), которые и определяют, какой из ветвей

¹ Бераланфи Л. Общие теории систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сб. перев. / Общая ред. и вст. статья В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23-82; Эшби У. Росс. Введение в кибернетику / Пер. с англ. Д. Г. Лахути / Под ред В. А. Успенского. М., 1959.

² Кучин Б. Л. Научно-технический прогресс и развивающиеся системы // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежег. 1990 г.: Сб. / Ред. кол.: Д. М. Гвишпани и др. АН СССР ВНИСИ. М.: Наука, 1991. С. 274-283.

³ Эшби У. Росс. Введение в кибернетику / Пер. с англ. Д. Г. Лахути. Под ред. В. А. Успенского. С пред. А. Н. Колмогорова. М.: Изд-во иностранной лит., 1959. С. 16, Елизарова Т. А. Эволюция картины мира и теория ноосферы В. И. Вернадского // В. И. Вернадский и проблемы организационно-экономических исследований: Сб. науч. ст. / Науч. ред. В. Л. Квинт. М.: Академия наук, 1989. С. 87; Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Введение в системный анализ: Учеб. пособие для студ. М.: Высш. шк., 1989; Дружинин Д. Л., Ваняхро В. Г. Синергетика и методология системных исследований // Системные исследования: методологические проблемы: Ежег. 1988 г.: Сб. / Ред. кол.: Д. М. Гвишпани и др. АН СССР ВНИСИ. М., 1989. С. 288.

⁴ Андреев А. Ю., Бородин Л. И., Левандовский М. И. Синергетика в социальных науках: пути развития, опасности и надежды // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике: Сб. / Отв. ред. Л. И. Бородин и др. М.: Ассоциация «История и компьютер», 1998. С. 32; см. также о взаимоотношениях системного подхода и синергетики у Аршинова В. И., Савичева Н. Г. Гражданское общество в контексте синергетического подхода // Общественные науки и современность. 1999. №3. С. 131-138.

⁵ Янг Э. Самоорганизующаяся вселенная // Общественные науки и современность. 1991. №1. С. 150.

⁶ Пригожин И. Время, структура и флуктуации // Успехи физических наук. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 195.

кривой будет далее определяться поведение системы¹. В то же время при нахождении системы между двумя точками бифуркации система повинуетея детерминистским законам.

Отсюда следует, что **необходимо руководствоваться, помимо детерминистских, и вероятностными представлениями**. Нетрудно заметить, что между законами, которыми определяется поведение систем, находящихся в состоянии равновесия, и законами, от которых зависит поведение систем, находящихся вдали от равновесия, имеются существенные различия. Спустя продолжительный промежуток времени память о начальном состоянии системы полностью утрачивается, что не позволяет ориентироваться на начальные условия в предсказании будущего развития системы. «Система теперь предстаёт перед нами, скорее, как набор когерентных, развивающихся, интерактивных процессов, проявляющихся во времени в виде глобально устойчивых структур, не имеющих ничего общего ни с равновесием, ни с жесткостью технологических структур»².

Для адекватного понимания и применения синергетики в рамках этой трактовки системности необходимо руководствоваться следующими положениями:

- направленность развития системы означает лишь развитие в сторону уменьшения стабильности структур (увеличение сложности системы сопровождается уменьшением её устойчивости и возрастанием противоречивости);
- внимание переносится с пространственных структур на процессы³;
- путь развития системы после бифуркации, когда она избавляется от отживших структур и формирует новые, воспринимается по одной точки зрения как непредсказуемый; по другой – как предсказуемый, но в вариантах, один из которых реализуется⁴;
- невозможно говорить о факторе, определяющем основные процессы развития системы⁵;
- объект, взятый как система, не обладает неизменными качествами⁶;

1 Кучин Б. Л. Научно-технический прогресс и развивающиеся системы // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежег. 1990 г.: Сб. / Ред. кол.: Д. М. Гвишани и др. АН СССР ВНИСИ. М.: Наука, 1991. С. 280; Князева Е. Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3-20; Пригожин И. Время, структура и флуктуации // Успехи физических наук. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 195.

2 Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 103.

3 Янг Э. Самоорганизующаяся вселенная // Общественные науки и современность. 1991. №1. С. 149.

4 Кучин Б. Л. Научно-технический прогресс и развивающиеся системы // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежег. 1990 г.: Сб. / Ред. кол.: Д. М. Гвишани и др. АН СССР ВНИСИ. М.: Наука, 1991. С. 280; Князева Е. Я, Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3-20; Пригожин И. Время, структура и флуктуации // Успехи физических наук. 1980. Т.131. Вып. 2. С. 195.

5 Пригожин И. Время, структура и флуктуации // Успехи физических наук. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 32; Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. Решение парадокса времени / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс, 1994. С. 82.

6 Янг Э. Самоорганизующаяся вселенная // Общественные науки и современность. – 1991.№1.С. 147.

- наибольшее влияние на развитие системы оказывает не мощное воздействие, а «продуманное воздействие» в определенный момент и в определенном месте ¹;
- малейшие различия в начальных условиях со временем не затухают, а усиливаются ²;
- стабильность – это лишь специфический случай в развитии системы, проходящей бесконечный ряд нестабильных состояний; равновесие выступает эквивалентом стагнации и смерти ³;
- взаимодействие системы и среды – решающий фактор для возникновения согласованного во времени поведения элементов (подсистем) открытых систем ⁴;
- для социальных систем характерен спектр «внутренних целей развития», причем попытки построить в этой среде что-либо противоречащее этим целям обречены на провал, все навязанное, несоответствующее среде будет разрушено ⁵.

Таким образом, применительно к истории, как отмечает А. П. Назаретян, «становятся продуктивными такие категории, как "устойчивость и неустойчивость", "бифуркация", "аттрактор". Они способствуют превращению истории из преимущественно описательной (констатирующей) в теоретическую науку...» ⁶. В то же время было бы неверно полагать, что в проведении исследования на основе синергетических положений не может быть использован аппарат системного подхода предыдущих волн. Напротив, он может и должен быть использован, только в большинстве случаев мы будем преследовать несколько иные цели исследования: искать, например, альтернативы историческим событиям. **А при исследовании системы между точками бифуркаций будут вполне пригодны традиционные интерпретации структурного и функционального анализа, поскольку в это время самоорганизация имеет минимальное значение.**

Принцип историзма, требующий рассмотрения объекта в конкретных исторических условиях и связях при сохранении им неизменной сущности, сменяется **принципом историчности**, в соответствии с которым история есть способ существования всего сущего, и, прежде всего, человека. Стремление

1 Гомаюнов С. А. Композиционный подход в историческом познании. М.; Киров-Московский пед. гос. ун-т., Кировский гос. пед. ин-т, 1994. С. 118.

2 Князева Е. Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) // В поисках нового миропонимания. И. Пригожин, Е. и Н. Рерих: Сб. ст. / Философия и жизнь: Научно-поп. серия М.: Знание, 1991. С. 25.

3 Пригожин И. Время, структура и флуктуации // Успехи физических наук. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 191-205; Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика- ключ к теоретической истории? // Математическое моделирование исторических процессов. Сб. ст. / Отв. ред. Л. И. Бородин. М.: Ассоциация «История и компьютер», 1996. С. 68-89; Янг Э. Самоорганизующаяся вселенная // Общественные науки и современность. 1991. № 1. С. 149.

4 Рузавин Г. И. Синергетика и диалектическая концепция развития // Философские науки. 1989. С. 20.

5 Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика и принципы коэволюции сложных систем // Проблемы общественного развития. 1998. № 3-4. С. 4.

6 Назаретян А. П. Векторы исторической эволюции // Общественные науки и современность. 1999. №2. С. 112-126.

постичь «план» истории, её «замысел», «идею», как находящиеся в сфере трансцендентного, уступает место поискам смысла истории в сфере «имманентного», то есть внутри самой историчной по существу человеческой деятельности с присущей ей способностью к порождению новых смыслов¹.

Есть ли в истории повторяемость?

Есть ли в истории повторяемость? Можно ли говорить о цикличности исторических процессов. В некотором смысле да! Сейчас стало ясно, что повторяется постоянно: история общества знает периоды стабильности (устойчивости) и нестабильности (неустойчивости, перехода, во время которого возникают разные альтернативы дальнейшего развития) Люди осуществляют совместную деятельность. Слово «общество» имеет один корень со словом «общение». Совместная деятельность может протекать нормально при условии, что все соблюдают общие правила поведения и эти правила удовлетворяют большинство. Однако, если правила начинают систематически нарушаться – вера в незыблемость ценностей исчезает, начинается «транзитивный период», различные группы предлагают иные системы ценностей, начинается конкуренция этих систем, которая заканчивается тем, что одна из них принимается большинством. И принимается она вовсе не потому, что она – самая целесообразная, а потому, что на уровне ощущений способствует консолидации общности уставшей от постоянных изменений присущих любому транзитивному периоду. Выбор в этом случае имеет значительную долю случайности. Выбор делают люди, обладающие воображением. В этом случае прогнозировать их поведение практически невозможно.

Стабильные периоды имеют жёсткую социальную структуру. Поэтому на них распространяются все теоретические наработки в границах социальной истории. Здесь люди придерживаются жёсткого исполнения социальных ролей. На транзитивные периоды приходится массовый отказ от исполнения привычных социальных ролей, постоянные изменения социального статуса. Жить в соответствии со стереотипами становится невозможно. Люди в этих условиях как правило ищут защиты, в этот момент им нужна творческая активная личность, за которой они могли бы пойти. Поэтому в транзитивный период резко увеличивается роль субъективного фактора в истории. В этом случае невозможно освоение действительности на уровне объяснения, возможно только понимание. Именно этим было обусловлено в своё время появление теории о необходимости разделить научное знание на науки о природе и науки о духе².

Науки о природе объясняют вещи, материальную реальность, науки о духе позволяют понять людей их поведение. Объяснение направлено на поиск и подтверждение законов. Объяснению свойственнее детерминизм: одни и те

1 Сергейчик Е.М Философия истории. СПб., 2002. С.595.

2 При желании можно называть транзитивный период «бифуркацией» или «точкой фазового перехода». Терминология пока ещё не устоялась.

же причины всегда должны производить одни и те же следствия – именно это и устанавливают законы. Гуманитарные науки не могут подразумевать тот же самый тип рассуждения. Человеческая деятельность есть выбор средств в зависимости от цели. Её нельзя объяснить причинами и законами, но её можно понять¹. Данная идея впервые была высказана Дильтеем и развита во Франции Р.Ароном в его диссертации (1938 год)². Другими словами, когда историки говорят о закономерностях исторического развития, они говорят не о постоянно повторяющихся явлениях и связях, а о пределах человеческого воображения и возможностей на той или иной стадии развития человеческого общества, в той или иной ситуации. Историк как следователь, расследующий происшествие по следам, которые от него остались, исходит из общих представлений о причинах, которые могли привести к такому результату. Он строит версии, исходя из теории, а затем проверяет, опираясь на показания источников. И чем больше невольных свидетельств, тем выше шансы на установление относительной истины. Историк лучше понимает, что произошло, если у него есть возможность «поставить» себя на место участников событий, представить себе чувственное восприятие участников событий, которые стали предметом его исследования.

1 Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 154.

2 См.: Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. Paris: Gallimard, 1938; Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. / Пер. с франц. М.: ПЕР СЭ, СПб, Университетская книга, 2000. 543 с.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО МЕТОДА ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛОЙ «АННАЛОВ». НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА.

Ключевые слова

«Глобальная», или «тотальная» история. Исторический синтез. Междисциплинарные исследования. Понятие «ментальность». Идея множественности социального времени. Структурализм. «История молчаливого человечества». «Парадигма ключа». «Хаотический позитивизм». «Теории равноправных факторов». Вызов постмодерна. «Новая историческая наука».

Вопросы для обсуждения

1. Представления о природе исторического познания в зарубежной историографии и историческая школа «Анналов».
2. Историческая наука в XX в.
3. «Бои за историю». История как проблема.
4. «Новая историческая наука».
5. Что в научном плане привнесла в историю парадигма «Анналов»?
6. Почему Марк Блок считал, что «причины в истории, как и в любой другой области, нельзя постулировать, что их надо искать»?
7. Какая система образов и представлений подразумевалась под ментальностью?
8. Должен ли историк охватить все стороны жизни человека и общества при описании исторического события?
9. Почему Ф. Бродель указал на значение системы факторов, но не определил который из них можно считать доминирующим?
10. Действительно ли история престала быть делом историков-одиночек после изменений связанных с деятельностью школы «Анналов»?
11. Как связаны структурализм и такие вопросы как пол, смерть, праздник?
12. Почему критики «Анналов» в 1980-е годы обрисовали состояние этого направления как «история в осколках»?
13. Можно ли утверждать, что функционалистская парадигма, несмотря на отсутствие сколь-либо явного кризиса, судя по всему, потерпела крах?
14. Чем мотивировано смещение исследовательского внимания с функционирования общественных институтов на стоящие за этим стратегии индивидуального и коллективного поведения и его мотивации?

В XX веке ведущие позиции в исторической науке Запада занимала французская историческая школа «Анналов». После 1991 года в нашей стране

появилось большое количество работ посвящённых этому направлению, а в РГГУ был создан Российско-французский центр исторической антропологии им. М.Блока¹. При изучении этой темы рекомендуется обратить внимание на работы, характеризующие основные теоретические подходы данной научной программы² и обобщающие историографические работы³.

Историки **Школы «Анналов»** – научного направления, формирование которого было связано с созданным в 1929 г. **Марком Блоком** (1886 – 1944) и **Люсьеном Февром** (1878 – 1956) журналом «Анналы социальной и экономической истории», объектом своего научного поиска избрали средневековые и раннее новое время. Основатели нового направления потребовали освободить историю от государственных и идеологических

¹ С направлениями работы этого центра можно познакомиться по следующим изданиям: Антропологическая история: подходы и проблемы: Материалы рос. – французского научного семинара. / Рос. гос. гум. ун-т, Росс. – франц. центр исторической антропологии им. М.Блока. – М., 2000; История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества: Материалы международной интернет-конференции, проходившей 20.03-14.05.2001 на информационно-образовательном портале www.AUDITORIUM.ru/Межвузовский науч. Центр ..., историко-антропологич. исслед.; Под общ. ред. В.В. Керова. – М.: Моск. обществ. научн. фонд, 2001.

² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. 2-е изд. – М.: Наука, 1986. 254 с.; Бродель, Фернан. Материальная цивилизация и капитализм. XV-XVIII вв.: (В 3 т.) / Пер. с франц.-Т.З.Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – 679 с. Методы истории и осознание исторических событий; Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. Под ред. И. С. Кона. М., 1977; Бродель Ф. Свидетельство историка // Французский ежегодник. М., 1984; Ле Гофф Ж. Существовала ли французская историческая школа "Анналов"? // Французский ежегодник 1968. М., 1970; Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей, 1991. М., 1991.

³ Парэн Ш. Структурализм и история. // Философия и общество = Philosophy and society. – М., 1998. – №2. – С. 221 – 243; Про, Антуан. Двенадцать уроков по истории: Пер. с франц. / Рос. гос. гум. ун-т. – М., 2000; Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов». // Новая и новейшая история. – М., 1998. – №6. – С.64-87; Адо А. В. Великая французская революция и её современные критики // Буржуазные революции XVII-XIX вв. в современной зарубежной историографии. Отв. ред. И. П. Дементьев. М., 1986; Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии. М., 1980; Бессмертный Ю. Л. "Анналы: переломный этап?" // Одиссей, 1991. М., 1991; Вжосек Д. Историография как игра метафор: судьбы "новой исторической науки" // Одиссей, 1991. М., 1991; Годшо Ж. О книге Ф. Фюре // Французский ежегодник, 1979, М., 1981. Годшо Ж. Альбер Матьез // Французский ежегодник, 1982. М., 1984; Гуревич А. Я. Марк Блок и "Апология истории" // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986; Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Фёвра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991; Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа "Анналов" М., 1993; Долин В. М. Историки Франции XIX-XX в. М., 1981; Репина Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П.Репина, В.В.Зверева, М.Ю.Парамонова. М.: Дрофа, 2004. – 288 с.; Манфред А. 3. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции // Французский ежегодник: 1976.; М., 1978; Пименова М. А. "Анналы". Экономика; Общества. Цивилизации. // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Гл. ред. А. Полетаев М., 1993, т. 1, вып.1.; Савина Я. С. Французская историография движения Сопротивления во Франции // Зарубежная историография антифашистского движения Сопротивления в странах Западной Европы. Под ред. Н. П. Комоловой. М., 1988; Смирнов В. П., Посконин В. С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. Гл. 1, 2, 5. М., 1991; Собуль А. Жорж Лефевр – историк французской революции // Французский ежегодник, 1959. М., 1961; Собуль А. Классическая историография французской революции // Французский ежегодник, 1976. М., 1978; Собуль А. Жорес, Матьез и история французской революции // Французский ежегодник, 1980. М., 1982; Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979; Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы "Анналов". М., 1993; Фюре Ф. О некоторых проблемах, поставленных развитием отечественной истории // Философия и методология истории. Под ред. И. С. Кона. М., 1977; Черняк Е. Б. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой Французской революции // Французский ежегодник, 1987. М., 1989; Шоню П. Экономическая история: эволюции и перспективы // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Гл. ред. А. Полетаев. М., 1993, т. 1, вып. 1.

институтов. Выдвинутая ими концепция «глобальной», или «тотальной», истории была призвана добиться достижения исторического синтеза, преодолеть разрыв между историей экономики и социальных структур, с одной стороны, и историей духовной жизни, с другой ¹.

И Марк Блок и Люсьен Февр принадлежали к школе Ланглуа и Сеньобоса. Они критиковали узость проблематики и замкнутость исследований, преобладание политической событийной истории. Отсюда упор, который они сделали на изучение проблем социально-экономической истории. В научном плане парадигма «Анналов» приносила в историю совершенно новые возможности понимания исторической действительности: стремление к синтезу, обобщению, означавшее установление связи между различными аспектами той или иной ситуации или проблемы, позволяло понять и целое, и его части. Такая история была богаче, живее, умнее.

Утверждая, что «причины в истории, как и в любой другой области, нельзя постулировать. Их надо искать...» ², М. Блок в фокус своих научных интересов поставил социальные связи, классовые структуры. Средневековое общество ученый представлял как единство всех его аспектов: производства, отношений господства и зависимости, политической власти, мировосприятия. Л. Февр особое внимание обращал на духовную жизнь, на психологию людей, на коллективные представления и ценности. Экологические, географические и иные материальные факторы его интересовали в силу их влияния на восприятие людьми окружающего мира. Основатели «Анналов» активно вводят в сферу исторических исследований понятие «ментальность» (*mentalités*), ставшее ключевым в историографии XX века ³. Под ментальностью подразумевалась система образов и представлений, которые всегда лежат в основе человеческих суждений о мире, своем месте в нем и, следовательно, определяют поступки и поведение людей ⁴.

«Глобальный взгляд» нацеливался и на отдельный объект, проблему. Историк должен охватить все стороны жизни человека и общества – вот основополагающий принцип, который попытались реализовать и сами основатели школы М. Блок, Л. Февр, и признанный лидер «второго поколения» (конец 50-х – начало 70-х гг. XX в.) школы Фернан Бродель (1902 – 1985) ⁵, и его ученик Эммануэль Ле Руа Ладюри (род. 1929 г.), и Жорж Дюби (1919 – 1996), и Робер Мандру, и др. ¹

¹ Из трудов М. Блока на русский язык переведены: 1) Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957; 2) Апология истории, или Ремесло истории. М., 1973, 2-е изд.: М., 1986; 3) Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии М., 1998 и др.; из трудов Л. Февра: Бои за историю. М., 1991.

² Блок М. Апология истории... 2-е изд. С. 106.

³ В дореволюционной России к разработке проблем средневекового менталитета подошли Н.И. Кареев, А.Н. Веселовский, И.М. Гревс, его ученики Л.П. Карсавин, О.А. Добиаш-Рождественская.

⁴ А.Я. Гуревич так определяет это понятие: «Ментальность – это социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности».

⁵ Из трудов Ф. Броделя на русский язык переведены: 1) Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986–1992. Т. 1-3; 2) Динамика капитализма. Смоленск, 1993; 3) Что такое

Идея множественности социального времени.

Ф. Бродель провозгласил «новую концепцию социального», в основе которой лежала **идея множественности социального времени**. «Ткань» истории, по мнению ученого, формирует взаимодействие различных типов времени:

а) «длительного времени», регулируемого медленными столетними или даже тысячелетними природными изменениями;

б) «социального времени», связанного с изменениями социальных структур, текущего довольно медленно, в пределах столетий;

в) «событийного, поверхностного времени».

Отвергая мысль о возможности объяснить историю «с помощью того или иного господствующего фактора», Ф. Бродель указал на важное значение системы факторов, группирующихся вокруг феномена географической среды. Предпосылками общественных изменений, согласно Ф. Броделю, были и географические условия, и рост народонаселения, и изменения в технике, и преобразования нравственности, быта, транспорта, религии и т.д. «Анналисты» развернули междисциплинарные исследования, в которых рассматривалось влияние всех этих факторов на историю общества.

Изменение представлений об историческом времени – безусловное достижение школы «Анналов»². Что заставляет общество изменяться? Можно перечислить основные факторы общественного развития, которые заставляют общество и людей действовать: окружающая среда или географический фактор; система ценностей и способ мышления, вырабатываемые под воздействием накапливаемого обществом опыта в процессе деятельности, в том числе и материальная культура (менталитет); общественные связи, возникающие исторически в процессе общения людей друг с другом (социальная история); социально-экономические отношения и накопление научных знаний по преобразованию окружающей среды (то есть то, что связано с созданием искусственной среды обитания); политические отношения. Согласно концепции Ф. Броделя эти факторы изменяются с разной скоростью и соответственно фиксируются в человеческом сознании. Понятно, что политические события протекают быстро, а формирование окружающей среды

Франция? Кн. 1: Пространство и история. М., 1994. Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1 и 2. М., 1995–1997; 3) Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды. М., 2002.

¹ На русский язык переведены следующие труды: Дюби Ж. 1) Европа в средние века. Смоленск, 1994; 2) История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460. М., 2000; Ле Гофф Ж. 1) Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; 2) Интеллектуалы в Средние века. Долгопрудный, 1997; 3) Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000; 4) Средневековый мир воображаемого. М., 2001; Ле Руа Ладюри Э. 1) История климата с 1000 года. Л., 1971; 2) Монтанью, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001.

² Надо сказать, что выделение довольно таки разнообразных исторических исследований в одну школу «Анналов» является достаточно условным. Есть мнение, что единой школы не было. Так как школа определяется единой парадигмой и системой методов. Нацеленность на привлечение разных методов исследования говорит об отсутствии единой школы. Правильнее было бы говорить о разных школах: Марка Блока, Фернана Броделя, Э. Ле Руа Ладюри и т.д.

и менталитета очень медленно. Очень многие исторически возникающие противоречия связаны именно с этой несинхронностью развития. Эти факторы объективны и составляют ресурс исторической науки, который позволяет определять необходимое и случайное в историческом процессе. Согласно концепции Ф. Броделя «долгое время» – время географических и материальных структур, «среднее время» – время экономических циклов, конъюнктуры, «краткое время» – время политической жизни, время события. «Долгое время» отражает взаимодействие человека и природы. Изменения в данном случае происходят очень медленно. Достаточно быстро по сравнению с этой историей происходят изменения отношений внутри социальных групп и между ними в результате осуществления различных видов деятельности. Это история социальная: история групп и объединений. Здесь – глубинные мотивы поведения социальных общностей. И, наконец, «короткое время»: время событийной истории, участником которой является конкретная личность. Это самая богатая событиями часть истории, в которой велика роль случая.

Цель и задачи исторической науки

Цель и задачи исторической науки «анналисты» второго поколения видели в более глубоком проникновении в структуры общественной жизни, в изучении взаимодействия истории материальной цивилизации и социальной структуры с историей коллективных представлений и культуры. Они особо настаивают на том, чтобы не устанавливать между различными сторонами материальной культуры, интеллектуальной и художественной культурой «ни отношений детерминизма, ни даже иерархии», избегать «понятий “базиса” и “надстройки”, которые насилюют постижение исторических структур и их взаимодействие»¹.

В предложенных «анналистами» схемах объяснения истории на первый план выступали то географическая среда, рост населения, то развитие техники и обмена, то ментальность. Потому для них существенно важными проблемами стали не только поземельные отношения, формы эксплуатации, но и сельский ландшафт, и способы обработки земли, и жилища крестьян, их семейная жизнь, верования и пр. Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби и Р. Мандру, идя вслед за Л. Февром, исследовали духовную жизнь общества в тесной корреляции с социальной действительностью, в результате чего и проблема ментальности стала рассматриваться в контексте социальной истории.

В исторической дисциплине произошёл переход к новым исследовательским, методологическим и концептуальным парадигмам. «Старая» история оперировала вопросами типа: «Что случилось?» Как это

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 6.

случилось?» В «новой» истории эти вопросы трансформировались в один: «Почему это случилось?»¹

Отличительной чертой этого направления стало осуществление исследовательской работы по единым программам. **История престала быть делом историков-одиночек.**

После войны при поддержке американцев и Управления высшего образования создаётся VI секция в Практической школе высших исследований. До 1950 года её возглавляет Л. Февр, после 1950 года – Ф. Бродель. В 1971 году стараниями Ф. Броделя она становится Школой высших социальных исследований (EHESS) и занимается исключительно исследовательской работой. Это позволило таким историкам как Ж. Ле Гофф и Ф. Фюре занять стабильное положение вне лица и университета и всецело посвятить себя исследовательской работе. Данная организация не позволила свернуть исследования во время потрясений 1968 года и выдвинула задачу перенесения центра исследований на изучение истории ментальностей, а затем истории культуры. Это позволило историкам сохранить привилегированное положение своей дисциплины, но одновременно начался отход от основных принципов «глобальной истории», то есть попыток описания истории как системы взаимозависимых структур: экономических, социальных и культурных².

Первый жанр истории – историческая биография. Школа «Анналов» стала отрицать всякий интерес этого жанра на том основании, что он не позволяет охватить всю систему социально-экономических отношений. Лучше тратить время на изучение динамики цен или выяснение главных коллективных действующих лиц истории, таких как, например, буржуазия. В 1950-е – 1970-е годы биография была выдворена из научной истории, которая отныне посвятила себя всеобщему.

Структурализм. Междисциплинарные исследования

Описанная историческая ситуация меняется в 1970-е годы. Появляются новые общественные науки, и господствующее положение в умах занимает **структурализм**. Теперь историки начинают применять междисциплинарные исследования, то есть применять к изучению исторических явлений методы социологии, политологии, социальной психологии и других общественных наук.

Следует также подчеркнуть такие факторы как отход многих интеллектуалов от марксизма, раскол рабочего движения, рост индивидуализма. Одновременно на первый план выдвигаются проблемы освобождения женщины и расширение возрастного ценза в процессе

¹ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 18.

² Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 46 – 47.

политических выборов. Соответственно в поле зрения истории оказываются такие вопросы как **пол, смерть, праздник**¹.

Увлечение некоторых представителей «броделианской школы» изучением неподвижного времени привело к отказу от изучения событийной истории.

Новая история в 80-х годах предложила метафору, превосходно иллюстрирующую суть нового подхода к изучению истории. Новая история – **«история молчаливого человечества»** – это море, на поверхности которого плавают исторические события, а в глубине лежит анонимный народ. Необходимо проникнуть в глубины моря, поставив в центр исследования не героя, а безымянного человека и его повседневную жизнь, купно проанализировать все аспекты человеческой мысли, поведения, деятельности и через это постигнуть всю глубину истории².

Историки начали описывать «длительное» время на конкретных примерах, и что самое удивительное эта история позволила им резко увеличить читательскую аудиторию. Впервые со времен Жюль Мишле, Ипполита Тэна, Эрнеста Ренана, Жана Жореса труд профессиональных историков на деле нашел широчайшую читательскую аудиторию. Успех книги Ле Руа Ладюри «Монтайю» (1975 г.) в этом смысле является символическим, хотя и остался исключением. Историки поднялись на новую ступень интеллектуального и морального авторитета, о чем свидетельствует целый ряд явлений: резкий рост числа исторических бестселлеров и списков исторических изданий в издательских каталогах, появление новых, отличающихся по форме от книг и академических статей, разновидностей исторических публикаций в прессе, на телевидении и в кинематографе.

Все это служит подтверждением факта удивительного, если не сказать – чудесного сближения между исторической наукой и обществом, с готовностью воспринявшим работы учёных. Вряд ли такой брак по любви продлится долго, тем не менее, он содействовал резкому взлёту популярности исторической дисциплины³.

Особо отметим, что её новых читателей пленила та самая – неподвижная история, название которой Ле Руа Ладюри в 1972 г. вынес в название своей первой лекции в Коллеж де Франс. В «новом прошлом» люди открыли для себя социальные формы, ценности, не замеченные или недооценённые ими прежде.

Социальный заказ и работа историков

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 93.

² Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 19.

³ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции на примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. №6. – С. 70.

Пример изменения характера исторических исследований, когда на первый план вышел не государственный, а социальный заказ – книга Ф. Ариеса. Ариес вышел из крайне правого политического крыла, в значительной степени исключенного из академической среды после второй мировой войны. Последнее, возможно, объясняет тот факт, что его ранние труды, при всей их новизне, не привлекли, сколько значительного внимания читателей, если не считать узкого круга коллег Ариеса, разделявших его воззрения.

Шумное признание к историку пришло не после публикации в 1960 г. его; замечательной работы **«Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке»**¹, а десять лет спустя, когда левые – а скорее даже ультралевые – начали заново открывать для себя в повседневной жизни и историческом опыте реалии, традиционно рассматривавшиеся ими как второстепенные: семью, органическую солидарность, социальное родство, общество без государства. Карьеру учёного-одиночки Ариеса можно считать, таким образом, приметой времени, красноречиво свидетельствовавшей о том, что успех «новой истории» являлся выражением глубинного коллективного мировосприятия. Вряд ли историки, пожинавшие плоды этого бума, в полной мере отдавали себе отчёт в происходящем, скорее они были ошеломлены столь горячим приёмом у аудитории².

На первое место начали выходить коммерческие, а не научные интересы, что всегда чревато отходом от поисков истины. Изучать то, что интересно массовому читателю, конечно выгодно с материальной точки зрения. Но академическая наука не может ограничиваться этими рамками.

Кроме того, нельзя считать детерминанты длительной протяжённости более значимыми только потому, что они меняются медленнее. Опыт экологических исследований в XX веке показывает, что изменения, возникающие в результате антропогенного воздействия на окружающую среду, превращают «долгое время» в «короткое».

Кризис структуралистской методологии

Казалось, что с помощью структуралистских методов удалось, наконец, создать новую методологию исторической науки, устраняющую все недостатки марксистской концепции. Налицо были все признаки бурного и захватывающего развития исторической профессии после 1970 г. Оно, однако, с трудом поддавалось контролю; более того, он сопровождалось своего рода

¹ См.: Aries Ph. Les Tradition, sociales dans les pays de France. Paris, 1943; (idem. Histoire des populations francaises et leurs attitudes devant la vie. Paris, 1946; (idem. Le Temps de l'histoire. Paris, 1954; idem. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Regime. Paris, 1960; idem. L'Homme devant la mort. Paris, 1977. См. также: Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом Порядке / Пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. - 415 с.

² Ревель Ж. История и социальные науки во Франции на примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. №6. – С. 70 – 71.

недомоганием и поставило ряд вопросов о дисциплине и её методах – вопросов, становившихся все более актуальными на протяжении 1980-х – 1990-х годов.

Кризис исторической науки стал очевидным следствием того же самого прогресса в области исторических исследований. До сих пор история неизменно выигрывала от аннексии чужих территорий и накопления новых знаний. Она умножила круг рассматриваемых предметов, заимствовала идеи и подходы из других социальных наук и выделила из себя ряд поддисциплин (чей статус, а порой и оправданность существования значительно разнятся). Под её началом оказалась безбрежная, постоянно расширяющаяся территория – под началом, но не под контролем. Такова цена, которую всегда надо платить за отказ от единой исследовательской программы и общей методологии.

Такая эволюция исторического знания оказалась чревата для истории потерей программы и единства. Неспособность организовать накопленные богатства грозила истории дезинтеграцией на множество специализированных подразделений, возможно, не, связанных более друг с другом.

«История в осколках»

Такая ситуация время от времени, в духе поздравления самих себя с успехами науки, именовалась «историографическим взрывом», но позднее получила более пессимистическое определение: «история в осколках»¹.

Получился «хаотический позитивизм», находящий своё выражение в «теории равноправных факторов». Такой эмпирический подход уводит историка в мир случайностей и позволяет объяснять события любыми факторами. Отсюда как возможные последствия – субъективизм и произвол историка².

Критика структурализма. Вызов постмодерна.

Проблемы, на которые долгое время не обращали внимания, в 70-е – 80-е годы с новой остротой заявили о себе.

В 1971 г. разжёл страсти **Поль Вейн**, положив начало публичной затяжной дискуссии. Вдохновленная немецким историцизмом и подкрепленная эпистемологическими раздумьями британских и американских ученых, она

¹ Фраза об «историческом взрыве» появилась в триумфальном анонсе о выходе «Исторической библиотеки», издание которой было предпринято Пьером Нора в издательстве «Галлимар» в 1971 году. В полемическом смысле она была подхвачена в последующие 70-е годы в окружении «Анналов» (Бродемом в частности). «История в осколках» была более негативной формой выражения той же самой мысли. Фраза эта была позже подхвачена Франсуа Доссом и использована в качестве его обличительной работы: Dosse F. L'Histoire en miettes: Des «Annales» à la «nouvelle histoire». Paris: La Découverte, 1987.

² Жигунин В.Д. Древность и современность. Человечество на пути к синтезу. Казань: Новое знание, 2000. С. 64.

серьезно подрывала научные претензии «новой историографии» и в свою очередь предлагала взглянуть на историописание как на конструкцию с повествовательным сюжетом¹. Смысл написанного автором: история не может не быть повествованием. О событиях можно только рассказать обычным литературным языком.

Годом раньше **Мишель де Серто** опубликовал выдержанное совсем в ином духе пространное исследование о том, что он называл «историографическим действием». Даже если работа эта оказалась более влиятельной, нежели книга Вейна, она, по сути дела, не вносила никаких принципиальных изменений в историографическую повестку дня: историки признавали уместность поставленных вопросов, но в основном их энергия уходила на подручную практическую работу².

Различные по подходам и выводам, названные работы нашли в свое время относительно слабый отклик, но так или иначе они подвели к мысли том, что, возможно, назрела необходимость переоценки ситуации. И хотя ни в одном из опубликованных в это время многотомных обзорных трудов ничего не говорилось о необходимости критической оценки происходящего, проблема эта неоднократно поднималась в ряде менее заметных изданий³.

От «новой историографии» начали дистанцироваться те, кто продвигал её (и получал от этого дивиденды)⁴

Так, **Лоуренс Стоун**⁵ в 1979 г. дал старт острой дискуссии, подвергнув радикальной критике самонадеянность социальной истории и тщетность её так и не осуществлённых, в конечном счете, притязаний. Статья Стоуна заканчивалась призывом к «возрождению нарратива». Самое примечательное, однако, что сам Стоун принадлежал к ведущим социальным историкам и был автором серьезных работ по английской истории XVII – XVIII веков и редактором журнала «Паст энд Презент». В том же году итальянский исследователь **Карло Гинцбург** опубликовал текст не – страстный, как у Стоуна, но ещё более острый и критический. Согласно Гинцбургу, зарождающийся кризис доверия отражал историческую потребность в модели, базирующейся на иной, нежели у точных наук, основе. Итальянский историк предложил такую модель, назвав её, в противовес господствующей «галилеевой парадигме» «**парадигмой ключа**». Социальная история, утверждал он, сбилась

¹ См.: Вен П. Как рассказывают историю Опыт эпистемологии. М., 2003.

² Certau M. de. Faire de l'histoire: Problèmes de méthode et problèmes de sens // Revue de science religieuse. – 1970. №58. – P. 481 – 520; Veyne P. Comment on écrit l'histoire. Paris, 1971; Certau M. de. L'Opération historiographique // L'écriture de l'histoire. Paris, 1975. – P. 63 – 120.

³ Среди них, Certau M. de. L'Absent de le l'histoire. Tours, 1973; Marait G. Le Discours de l'histoire. Tours, 1974; статьи Андре Бюргера и Жака Ревеля в выпуске «Анналов», посвящённом пятидесятилетию журнала в 1979 оду; очерки: Vilar P. Une histoire en construction; Furet F. Atelier de l'histoire; Pomian K. L'Ordre du temps. Paris, 1974.

⁴ Атаковали соответственно с правого и крайне левого фланга. См.: Coutau-Bégarie H. Le phénomène «nouvelle histoire», grandeur et decadence de l'école des «Annales». Paris: Economica, 1989. 2-e ed.; Dosse F. L'Histoire en miettes: Des «Annales» a la «nouvelle histoire». Paris: La Découvert, 1987.

⁵ См.: Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Изд-во Казанс. ун-та, 2004. С. 178 – 190.

с пути, отыскивая повторяющиеся закономерности, в то время как истинным её призванием был бы скорее поиск значимых «ключей», из которых можно извлечь «косвенное», «предположительное» знание в духе психоаналитической интерпретации или следственного действия¹.

Статьи Стоуна и Гинцбурга явились, пожалуй, наиболее широко комментируемыми образчиками критицизма, нацеленного на господствовавшую историографическую модель, но ими дело не ограничилось, и можно привести целый список других работ. Безусловно, проблемы не всегда формулировались ясно. Тем не менее, наиболее весомые высказывания были достаточно остры и последовательны, чтобы восприниматься как симптом неудовлетворенности существующим положением дел. Феномен опять-таки не чисто французский: схожие сомнения высказывались в 80-х годах в большинстве национальных школ западной историографии. Во Франции, вероятно, они привлекли большее внимание потому, что социальная история здесь самым тесным образом отождествлялась с «Анналами».

В последние два десятилетия XX века **функционалистская парадигма**, несмотря на отсутствие сколь-либо явного кризиса, судя по всему, потерпела крах, а вместе с ней и научные идеологии, объединявшие социальные науки (или служившие им общей отсылочной рамкой). Между тем **само общество перед лицом новых, с виду необъяснимых форм кризиса было охвачено сомнениями, неизбежно порождавшими скептицизм относительно самих притязаний на глобальное понимание социального**. Такие притязания, выражаемые в явной или скрытой форме, составляли кредо предшествующих поколений историков; отныне же осуществление этой цели откладывалось².

Последствия такого поворота были значительными. Проект «глобальной» истории базировался на оптимистической вере в то, что гуманитарные науки, в конечном счете, сойдутся в одной точке. Когда в рамках традиционных дисциплин возникли новые специальности, интеллектуальная архитектура, определяющая общую форму здания, испытала потрясение. Тем временем междисциплинарный – а точнее многодисциплинарный подход, легитимность которого – независимо от того, в каком виде он формулировался, и какие пути к его осуществлению предлагались – казалось бы, уже состоявшийся, вновь оказался под вопросом. В рамках социальных наук отдельные составляющие дисциплины не проявляют прежней самоуверенности, и в последние несколько лет мы стали свидетелями целой волны критических оценок и размышлений. В сравнении с прошлым не так ясен вопрос о взаимосвязи дисциплин. Ранее разделённые между собой, они подчас сходятся в такой степени, что непонятно осталось ли у них что-то, чем они могли бы обмениваться друг с другом (как это касается, например, определённых направлений истории и антропологии). В

¹ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. №6. – С.76.

² Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. №6. – С.77.

общем, плане остался под вопросом оказался, казалось бы, разделявшийся социальными науками «режим научности», а с ним и весь проект в целом. Тем не менее, он рассматривается не как ответ, а как проблема (причем проблема, в принципе не поддающаяся разрешению).

Не оправдались надежды на использование математических методов изучения исторических данных. На протяжении четырех десятилетий после 1950 г. наблюдался беспрецедентный, фонтанирующий вброс в оборот статистических данных, способствовавший продвижению во многих областях исследования. Тем не менее, существовали пределы познаваемого – по двум причинам. На самом основополагающем уровне это сложность сопоставления и соединения воедино различных количественных данных, какие бы оптимистические заявления ни делали в этом отношении сторонники квантитативной истории.

Проблема заключалась также в методе использования математических данных: многие статистические данные собирались хаотически, кроме того, их переизбыток рождал ощущение все более слабой отдачи. Считать можно, только вопрос в том, от какой точки считать, и что считать. А самый главный вопрос – зачем считать?

Есть и другая сторона этого процесса. Для Симиана в Лабрусса первых лет их карьеры использование цифр не было самоцелью, скорее средством эмпирической проверки гипотезы при помощи точно прописанных процедур. Тем не менее, динамика исследования все более превращала процесс наработки данных в цель и цель приоритетную¹. Таково было порочное следствие столь распространенного во Франции (и не только в ней) позитивистского стиля мышления. Бесспорно, на протяжении прошедших пятидесяти лет летопись истории как дисциплины являла собой хронику все более изощренного конструирования предмета исследования; методология истории стала более сложной и трудно контролируемой. По ходу дела, однако, мы позабыли об экспериментальной, гипотетической природе конструируемого предмета исследования, и подчас, поддавшись искушению, ошибочно принимаем его за реальную «вещь»².

Хороший пример тенденции материализации категорий исторического анализа эволюция истории цен со времени выхода в 1933 г. раннего труда Лабрусса и до 60-х годов. Примеры из следующего поколения – использование понятия географического региона или социопрофессиональных категорий. Создается впечатление, что на первом месте стояла задача накопить как можно больше данных, используя при этом категории, выведенные скорее на основе взаимного согласия, нежели путём критического осмысления, скорее описанные, нежели проанализированные. В результате был сформирован безбрежный массив электронных данных, наполнение мёртвой информацией,

¹ Grenier J.-Y., Lepetit B. L'expérience historique: A propos de C.E. Labrousse // Annales ESC. – 1989. №44. – P. 1337 – 1360.

² Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. №6. – С.78.

которая в один прекрасный день должна обеспечить ответами на все вопросы, которые по сию пору никто ещё не потрудился задать. Условно-конвекционный характер подхода к исследованию объясняет, в частности, почему историки так редко задумывались о внутренней структуре воссозданных таким способом исторических реалий. В течение долгого времени они могли довольствоваться простым сопоставлением различных аспектов исторического сюжета. Во Франции социальная история сформировалась по образцу существовавшей до неё экономической истории, и авторы первых начинаний в области социальной истории культуры, предпринятых в 60-е годы, руководствовались, само собой разумеется, социоэкономическими принципами интерпретации. Подчас на этом пути возникали серьёзные трудности.

Ситуация развивалась именно так, а не иначе, не по причине восприятия историками в той или иной форме экономического детерминизма, а потому, что на фоне успехов прошлых лет у них **притупилась способность к эпистемологической рефлексии**. Такова была невольная цена за исключительную интенсивность исследовательских усилий на протяжении предыдущих четырех-пяти десятилетий, когда разрабатывалось бесчисленное количество новых направлений, и завоевывались новые и новые обширные территории ¹.

В 80-90-е годы новая социальная история, в том числе и «Школы Анналов», преодолевая ограниченность структурализма и функционализма, обращается к разработке иных исследовательских парадигм целостной, компаративистской, глобальной истории и к микроанализу как конкретному историческому методу систематического изучения социальных идентичностей, производства и репроизводства социального, к уяснению природы и механизмов внутренней («неаприорной») каузальности в истории. На первый план выдвигается задача конструирования социальной ткани – составляющих ее множественных лабильных, подверженных изменениям социальных идентичностей – групп и общностей. Это предполагает вхождение исследователя в плотную сеть социальных отношений разного характера – конкуренции, солидарности, альянса и, соответственно, – **смещение исследовательского внимания с функционирования общественных институтов на стоящие за этим стратегии индивидуального и коллективного поведения и его мотивации**.

¹ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. №6. – С.79.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.: ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА

Ключевые слова.

Ситуация постмодерна. «Конец истории». «Новый историцизм». Деконструктивизм. Постструктурализм. «Антропологический поворот». Субъект и объект познания, историческая реконструкция, ретроспекция, мировоззрение, идеология, историческое сочинение, историография. «Лингвистический поворот». Дискурс. Социокультурная история. Семиотика. Знаковые системы. Культурфилософия. Междисциплинарность, монодисциплинарность, интеграция наук, синтез, микро- и макроуровень в исторических исследованиях, исторический дискурс, язык историка, «плотные описания», позитивный и нормативный методы. Историческая герменевтика. История повседневности. Гендерная история. Устная история. Этнокультурные исследования. Модернизация истории. Отторжение предопределённости. Региональные особенности. Интерпретативная антропология. Сеть межличностных отношений. Биографический метод. Феминизм, андроцентризм, женская история, гендер, гендерная история; «история снизу», устная история, интервьюирование, интерпретация.

Вопросы для обсуждения:

1. Смысл и направленность истории в свете постмодернистского влияния на историографию: «конец истории» и отказ от глобальных объяснительных схем.
2. Деконструктивизм и постструктурализм в историографии: идеи, подходы, методы.
3. Перспективы «лингвистического поворота» в историографии.
4. Эволюция историцизма в XX в. Ситуация постмодерна и новации в исторической науке.
5. Природа исторического творчества: субъектно-объектные отношения.
6. Проблема междисциплинарности.
7. Семиотика и история. Семиотика. Знаковые системы. Культура и её символы. Язык как феномен. Природа символов. Культурфилософия Ю.М. Лотмана. Характеристика гуманитарного знания. Концепция Р. Барта.
8. Постмодернистский вызов и лингвистический поворот. Теория тропов Хейдена Уайта. Взаимодействие истории и лингвистики.
9. Комплексный подход в исторической науке. История как объяснение и история как понимание.
10. Историческая герменевтика.
11. Специфика объекта исторического изучения.

- 12.Реконструктивный и ретроспективный характер исторического познания.
- 13.Коммуникабельность культур в историческом познании.
- 14.Влияние мировоззрения исследователя на историческое творчество.
- 15.Микроистория.
- 16.Макро- и микроподходы в историографии.
- 17.Проявления междисциплинарности в исторических исследованиях.
- 18.Междисциплинарность как онтологическое явление.
- 19.Моделирование междисциплинарных исследований.
- 20.Связи истории и социальных наук.
- 21.Отражает ли переключение на микроисторию требование сегодняшнего дня: уяснение роли личности в истории?
- 22.Насколько неизбежна схематизация общественных отношений при применении методов традиционной социальной истории?
- 23.Могут ли историки становятся рабами собственных классификаций, используя методы микроистории? Методологическая природа микроанализа.
- 24.Можно ли изучая отдельно взятое явление общественной жизни создать доступ в особый культурный мир, который можно воссоздать в его целостности?
- 25.Значение «антропологического поворота» для становления микроистории.
- 26.История как деконструкция: «опыт» человека и «символьность» культуры.
- 27.История повседневности. Роль обычного человека в истории.
- 28.Значение «антропологического поворота» для становления микроанализа в историографии.
- 29.История повседневности в тематическом ракурсе.
- 30.Объективная необходимость в написании «истории женщин».
- 31.Устная история: теоретические основания, подходы и методы.
- 32.Гендерный статус и иерархия в историческом масштабе.
- 33.Биографический метод .

Ситуация постмодерна

Постмодернизм – совокупное обозначение наметившихся в конце XX века тенденций в культурном самосознании развитых стран Запада. Собственно философии постмодернизма не существует. Причина этого в том, что постмодернизм возник из радикального сомнения в возможности философии быть основой мировоззренческого и жанрового единства. Постмодернизм –

ситуация в философии, обозначающая отказ от попыток систематизации, от попыток представить мир в виде жёстких, замкнутых систем.¹

В конце XX века, трактуемого как «конец времен», пост-современность, многие мыслители начинают остро чувствовать необходимость завершить историю, переосмыслить все традиционные ценности. Европейская цивилизация на протяжении уже нескольких веков упорно возвещает о своем закате, полагая, что достигла глубин декаданса. «Кризис духа» начала XX века был ознаменован полной потерей доверия и к гуманизму, и к рационализму, как к абсолютно спекулятивным, более чем подозрительным идеалам. Две мировые войны, тоталитарные режимы, массовые убийства, разрушение городов, идейный хаос поставили человека перед лицом всепоглощающего космического безразличия. Высокие моральные принципы трансформировались часто в цинизм, познавательный идеализм в технические манипуляции. В искусстве имел место переход от создания шедевра к шоковому, скандальному произведению. Сегодня видеосфера, фабрика грез заменяет место реальности, государства сливаются с мафиозными структурами – возникает угроза Всеобщей Фальсификации. Все эти тенденции реальной жизни становятся объектом острых дискуссий современных мыслителей.

Главная задача современной французской философии **«диагностика настоящего»**, по выражению **М. Фуко**. В сущности, экстремизм французских постмодернистов заключается в их твердом намерении разрушать все очевидности и универсальности, обновлять, прежде всего, образ мысли, – осуществлять «вечный заговор против всемирной посредственности». Французские философы конца XX века смогли вынести уроки из всех кризисов, уже провозгласивших смерть Бога, метафизики, истины, искусства, субъекта; они продуцируют новое знание, переживают фактически вторую молодость. Они пытаются примирить прежде оппозиционные рационально-аналитическую и герменевтико-феноменологическую традиции («вкус к очевидности» и «ощущение двусмысленности», как мечтал **М. Мерло-Понти**), научиться думать во взаимосвязи элементов, принимая в себя Иное и Другого на фоне царящих сегодня ксенофобии, медиатической агрессии и общего упадка духа.²

Постмодернизм не является непосредственным и догматическим продолжением нигилизма и иррационализма XIX-XX веков, а представляет собой симбиоз последних с широкой палитрой гуманитарного знания, на базе которого достигается оригинальное освещение традиционных социально-философских проблем.

Прежде всего, нужно учесть, что, несмотря на то, что термин «постмодернизм» впервые возник ещё в 1917 году, само явление можно считать недавним и более того неоконченным. Далеко не все также признают его существование как оригинального духовно-культурного феномена. Некоторые

¹ См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. С. 441.

² Бессонова Ю.Б. Иное и другой как сущностное выражение социально-философского содержания постмодернизма (на материалах французских мыслителей). – Автореферат дисс....кан. филос. наук. М., 2002. С. 3.

философы полагают, что постмодернизм крайне типичен как обычная «болезнь века», кризис, неизбежно переживаемый обществом в конце каждого столетия. Можно в целом без преувеличения сказать, что в философском плане тема постмодернизма остается пока мало изученной и чаще всего ассоциируется с модной эстетической концепцией. В основном исследованиями постмодерна в нашей стране занимаются филологи, искусствоведы, среди которых можно назвать И. Ильина, В. Ерофеева, М. Эпштейна, В. Курицына, М. Рыклина и других. Надо, впрочем, заметить, что в связи с интересом современной философии, прежде всего к языку, к логосу, филологи существенно потеснили профессиональных философов. В настоящее время в России можно однозначно ощутить недостаток исследований по данной проблематике в среде философов.

Однако в последние годы стали появляться многочисленные переводы европейских теоретиков постмодернизма, что существенно расширяет границы восприятия интеллектуальных стратегии постмодернизма и усиливает интерес к анализу данной философской проблематики у отечественных авторов.

На рубеже XX-XXI веков, несмотря на впечатляющие успехи научно-технического прогресса, человечество всё больше осознает глобальные угрозы, перед которыми оно оказалось. Постмодерн, как новый и современный этап развития философии, стремится расширить способы освоения действительности за счёт как разума, так и Иного: иррационального, трансцендентального, мифологического.

Постмодернизм пронизан недоверием к логическим формам, к словам, в которых видит, прежде всего, дискурс власти, скрытое насилие и пытается преодолеть заложенную в них «однозначную и предсказуемую рациональность». Изучая структуру языка, постмодернисты (Ж. Деррида, Р. Барт) пытаются утвердить ценность «языка-в-себе» и, вместе с тем, свободное, ассоциативное и творческое мышление, не воспринимающее бытие, как изначально обладающее логикой и закономерностью. В этой связи важнейшая задача философии постмодернизма состоит в деконструкции общественного сознания, с целью преодоления любых монополий на мысль. Постмодернисты, прежде всего, постструктуралисты лишают Логос статуса приоритетного источника смысла.

Философы-постмодернисты (Ж. Батай, М. Фуко) полагают: чтобы прикоснуться к жизни, нужно воссоздать игру, как заразительное безумие, как выход за пределы власти, как опыт трансцендентального, где приоритет отдается тайне, а не её разгадке, где полное осознание мира есть смерть.

В исторической науке и в философии истории (историософии) такой подход означает **отрицание смысла истории**.¹ (Отрицание смысла истории становится общим направлением развития западной обществоведческой мысли в XX веке).² С этой позиции история не является ни наукой, ни искусством, а чем-то другим – искусной игрой слов, подменяющей реальное, где метафоры

¹ См.: Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Изд-во Казанс. ун-та, 2004. С. 190 – 204.

² Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. С. 3.

истории как науки или истории как искусства отражают структуру власти, которая вводит эти метафоры в игру.¹

«Современные западные концепции смысла истории представляют собой прямую реакцию на наследие классической философии Нового времени, в частности на марксистское учение о смысле всемирно-исторического процесса. Если классическая философия Нового времени пропитана убеждением о возможности понять содержание всемирной истории, найти основания её единства, прогрессивного поступательного движения, совершенствования человечества человека, то многие современные западные концепции смысла истории связаны с тотальным отрицанием этих идей».²

Историк стремится постигнуть предмет своего исследования как смысловое единство. Для этого со всей очевидностью требуются определённые философско-мировоззренческие основания. Отсюда специфическая философская нагруженность исторического знания. Увидеть уникальные исторические события в их связи с картиной всемирной истории – значит философствовать. Ещё более сложна работа философа, рассуждающего о смысле истории: он призван синтезировать исторические знания, опираясь на принятую им мировоззренческую платформу. Притязания на абсолютное видение этой проблемы дискредитировали себя. О целостности исторического процесса можно говорить только в конкретной ситуации – «здесь» и «теперь», и потому отнюдь не праздной задачей будет выяснение того типа научной рациональности, методологических и теоретических предпосылок, на базе которых они выдвигаются.³

Философы, которые отвергают классическую модель историософского теоретизирования, отрицают возможность увидеть историю как смысловую целостность, так как, по их мнению, прогресс в истории – есть лишь одна из возможных моделей познания действительности, а не объективно существующее явление. Отсюда высказывание одного из теоретиков «новой философии» Ж.-М.Бенуа, который говорит о ложности перспективы, которую задаёт «мифология прогресса, то есть концепция однолинейной и объединяющей истории, способной привести человечество одним и тем же путём к наилучшей цели».⁴

Одним из принципов (и главных достижений) этого направления «Новой истории» является осознание его приверженцами глубокой цезуры, разрыва между тем, «как история делается», как она описывается историческими памятниками и документами, и тем, как она моделируется историком. Но тем самым на передний план выходит проблема самой исторической реальности и её репрезентации – репродукции и воспроизведения, и, соответственно, выработки приемов и методов, позволяющих провести разграничение между

¹ См.: Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Изд-во Казанс. ун-та, 2004. С. 178 – 190.

² Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. С. 4.

³ Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. С. 14 – 15.

⁴ Benoist J.-M. La revolution structurale. P., 1980. P. 50.

реальностью, как таковой, и тем, как она осмыслялась и передавалась современниками и воспринималась потомками. Реализацией этих задач стало развитие в западной исторической науке таких направлений исследований как «интеллектуальная история», изучающая социальные навыки мышления, коллективные автоматизмы в ментальной сфере (область подсознательного), мир воображения – мечтаний и грез, их репроекции на социальное.

В это же время начинается поворот «Новой истории» к изучению истории повседневности. Единство истории теперь начинают искать только в пределах отдельных моделей исторического развития: допустим, изучается повседневная жизнь какой-либо деревни на уровне бытописания. Названная выше методологическая ориентация присутствует в творчестве и основателей «Анналов», и Ф. Броделя. Она составляет основу исследований Ж. Ле Гоффа, многочисленных его учеников и коллег, направление исследовательской практики в области истории ментальностей и ощутима в других направлениях «Новой истории», начиная с послевоенных десятилетий.

Современная историческая антропология – новый синтезирующий метод познания исторического прошлого, аккумулирующий в себе философские онтологические идеи и новые познавательные приемы, выработанные как самой исторической наукой, так и в других областях гуманитарного знания, в данном случае особенно культурной антропологией.

Принятие взгляда на историческую реальность как репрезентацию, стимулировало интерес к анализу «языка» жестов символов, к знаковым системам и кодам, обнаружению их смыслов, таким образом – к семиотическим приёмам исследования.¹ В пределах отдельной деревни можно выделить единство мысли и ценностей на протяжении определенного времени. Здесь можно применив все ранее разработаны приёмы анализа вывести определённые закономерности поведения, которые не будут действовать за пределами данной познавательной модели.

В последние годы уже опубликовано немало переводов работ: самих «возмутителей спокойствия», некоторых «постструктуралистов» «постмодернистов» (Ж. Деррида, Р. Барт, М.Фуко и др.²), так и оппонентов-историков (Р. Шартье, Г. Спигель, Ж. Ревель, Дж. Леви и др.) появилось немало и специальных статей о феномене «постмодернизма», его природе и

¹ См.: Ястребицкая А.Л. Праздники и торжества в средневековой Европе в свете современных исследований: темы, проблематика, подходы к изучению (Обзор материалов конференции в Падерборне, 1989 г.) // Культура и общество в средние века – раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований / ИНИОН РАН. – М., 1998. С. 101 – 187.

² См.: Бодрийяр, Жан. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. – 389 с.; Бодрийяр, Жан. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.; Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. – 432 с.; Деррида Ж. О грамматологии. / Пер. с франц. М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.; Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 429 с. / (1969 г.); Фуко, Мишель. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. – СПб.: Асад, 1994. – 406 с. / (Изд-е 1966 г.); Фуко, Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с франц. – М.: Магнитерикум: Касталь, 1996. – 447 с.; Фуко, Мишель. Археология знания. / Пер. с франц. – Киев: Ника – Центр. – 207 с.; Фуко, Мишель. Рождение клиники / Пер. с франц. – М.: Смысл, 1998. – 309 с.; Фуко, Мишель. История безумия в классическую эпоху / Пер. с франц. – СПб.: Университет. кн., 1997. – 575 с.

перспективах, в том числе в исторической науке.¹ Имеет смысл акцентировать лишь некоторые принципиальные моменты, касающиеся существа «вызова» и его значения для исторических исследований.²

Необходимо делать различие между «постмодернистскими историческими практиками», «историографией» и постструктуралистскими, постмодернистскими теориями истории. Последние чрезвычайно радикальны в своих концепциях историзма, подходов к изучению истории. Они не просто выводят из поля своего рассмотрения проблемы тотальной истории и макроистории, исторического синтеза в его традиционных трактовках как «междисциплинарности», но в радикальном своем выражении не оставляют для них места в принципе как вообще любому линейно-систематическому подходу к восприятию истории, к объяснению и описанию её в общепринятой форме методологий. Это последнее, согласно постструктуралистской концепции истории, есть миф, завещанный новоевропейскому («модернистскому») сознанию древними и эпохой Просвещения, – «миф метафизического мышления», исходящего из понимания бытия, в том числе и исторического прошлого, как «присутствия», т.е. конкретной данности, в её полноте и «завершенности смысла»³ (Ж. Деррида).

Согласно «традиционной системе» представлений, разделяемой историками, историческая реальность выражает себя в структурах и обусловленных ими системах знаков, в том числе она обнаруживает себя и в языке. Задача исследователя сводится, тем самым, к различению «незнаковой реальности» и форм её репрезентации.

Постструктуралисты не считают это утверждение удовлетворительным при объяснении реальности. Они, особенно лингвисты (Деррида, Бодрийяр), переосмысливают самое понимание природы репрезентации. Согласно их концепции, человеческое сознание изначально, через язык, «замусорено всевозможными клише, принимаемыми как данность».⁴ С детства люди, не рассуждая, усваивают названия предметов и одновременно – систему отношений, формальные клише, определяющие представления, касающиеся полов и их взаимоотношений, сословных и национальных предрассудков

¹ См.: Гуревич А.Я. История конца XX века в поисках метода // Одиссей: Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 5-10, 76-177; его же. Территория историка // Там же. С. 81-109; Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Там же С. 11-24; Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Там же. С. 25-38; Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Там же. С. 39-59; Ионов И.Н. Судьба реализующего подхода к истории в эпоху постструктурализма: попытка осмысления Мишеля Фуко // Там же. С. 60-79.

² См.: Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей: Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 192 – 205; Спигель Г.М. К теории среднего плана: историческое описание в век постмодернизма // Там же. С. 211 – 220; Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Там же, 1996. – М., 1996. –С. 110 – 127; Лепти Б. Общество как единое целое: О трех формах анализа социальной Целостности // Одиссей: Человек в истории, 1995.-М., 1995.-С. 148-164.

³ Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического: взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. / РАН. ИНИОН. – М., 2001. Ч. 1. С. 35.

⁴ Баткин Л.М. Полемиические заметки // Одиссей: Человек в истории, 1995. – 1995; см. так же: Баткин Л.М. О постмодернизме и «постмодернизме» // Октябрь. – М., 1996 – № 5. С. 182; Вайнштейн О.Б. Деррида и Платон: Деконструкция Логоса // Argbog Mundi. М., 1993.-№2. С. 62-71.

идеологических стереотипов и т.п., иными словами – все исходные постулаты, определяющие видение мира и социальных отношений. Поэтому, полагают в частности деконструктивисты, правильное вести речь не о репрезентации реальности, но об её «маскировке» «симуляции», о «повторении знака». Реализация исторической реальности, согласно этой концепции, возможна только благодаря актам «повторения» и «маскировки». Она заявляет о себе в языке и через язык конституируется в его логико-смысловых конструкциях, речевого поведении и через их «маскирующие» повторения.¹ В этом её свойство.

Соответственно, определяется предметное поле и стратегия изучения истории. В центре его располагается документ, письменный памятник, историческое сочинение и т.п., квалифицируемые как «текст» в его современном семиологическом понимании как смысловое пространства ничем не мотивированных «извне» речевых «кодов» и их интерпретаций исследователями («читателями»), «расшифровываемыми отображаемые ими клише – модели мышления и, соответственно, модели поведения и взаимодействия, т.е. коммуникаций. Сопоставляя и дифференцируя мыслительно-речевые конструкции, исследователь должен стремиться уловить «сдвиги» и «различия», «смысловые напряжения» «трансформации» в тексте как отражение данной на этот момент его «индивидуальной стратегии».²

В свою очередь и то, что открывается в результате этих усилий, и есть «стоящая за текстом» историческая реальность в ее традиционно «метафизическом» понимании или реализация «авторского намерения» Это все тот же текст, проявляющий себя в речевых конструкция «различающей» авторской модели мышления («письма») и обретающий новые смыслы затем в восприятии («перетолковании») их читателем) Таким образом, «нет ничего вне текста» – по мысли и выражению Деррида. История не имеет никакой предзаданной цели. Это исключает её «закрытость» и «завершенность». Она, как и мышление, и культура суть «открытое пространство» бесконечных трансформаций и интерпретаций, процесс замещения «знаков», их постоянного «перекодирования».

Сами по себе деконструктивистские идеи о тексте, как «пульсирующем» смысловом пространстве постоянно возобновляющихся интерпретаций, дали в 80-90-е годы мощный импульс исследованиям в области интеллектуальной истории. Они способствовали высвобождению исследовательского сознания от некоторых опасных «самоочевидностей», стереотипов, касающихся произведений – памятников письменности, как законченных и имеющих раз и навсегда данную идею, «которую надо только понять и описать».³

¹ Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического: взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. / РАН. ИНИОН. – М., 2001. Ч. 1. С. 36.

² Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического: взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. / РАН. ИНИОН. – М., 2001. Ч. 1. С. 36.

³ Баткин Л.М. Полемиические заметки // Одиссей: Человек в истории, 1995. – М., С. 5 С. 208-210.

Они акцентируют исследовательское внимание на документе и научном сочинении как на знаковом культурном пространстве, направляемом вербальными кодами, как на интеллектуальном поле встреч и взаимодействия разных систем представлений, ориентируя на выявление глубинных «смыслов», на понимание источника «изнутри», но уже посредством иных, более тонких исследовательских процедур, чем это виделось основателям «Анналов».

Обращая внимание на недостаточность простого описания содержания произведения, деконструктивизм подчеркивает важность уяснения внутренней логики содержащегося в нем «сообщения» и формы, в которую оно облечено, посредством анализа речевого поведения, структуры и элементов речевого акта. Подход к источнику как к «тексту» в его семиологическом смысле обращает наше внимание на анализ метафор, сравнений, «фигур речи», выявление системы «коренных понятий», детерминирующих мышление, но вместе с тем и высвечивающих «зазоры», сквозь которые дает о себе знать «бессознательное», и концептуальные пределы смыслового пространства данного произведения.¹ Но тем самым трансформируется традиционное исследовательское пространство историка, выдвигая на первый план, вместо безликих «структур» любого характера (от материальных до идеологических или культурных) – индивидуум личности, как субъект культурной деятельности, и перенося центр тяжести на изучен индивидуальных стратегий (отсюда также новые импульсы для развития жанра исторической биографии, политической истории).²

Постструктуралистские идеи о «тексте» (в частности, Р. Барта) дают импульс также и для размышлений в другом направлении, касающемся самой историографии как «языка» культуры и специфического пространства, в котором встречаются и взаимодействуют различные «языки» («дискурсы»), и соответствующих приемов подхода истории историописания – интерпретации присущих её «языкам» смыслов, их соотнесения и синтеза». ³

В данном случае игнорируется всякая социальность, культурная ангажированность, индивидуальные усилия автора, а обнаруживаемые в «тексте», понимаемом сугубо лингвистически, «логико-смысловые напряжения» объясняются особенностями самого же языка как явления «надисторического». В итоге отдельный текст предстает, по меткому выражению Л.М. Баткина, «как витрина открытого и бессистемного множества других текстов, и речь идёт не о «приращении смысла», а «о литературных крючках, нитках, петельках которые сочинитель «прячет» в своем тексте, а интерпретатор стремится обнаружить». ⁴

¹ См.: Вайнштейн О. Деррида и Платон: Деконструкция Логоса // *Argbor Mundi*. – М., 1993. – С.50 – 54.

² Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического: взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. / РАН. ИНИОН. – М., 2001. Ч. 1. С. 37.

³ Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического: взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. / РАН. ИНИОН. – М., 2001. Ч. 1. С. 38.

⁴ Баткин Л.М. Полемиические заметки // *Одиссей: Человек в истории*, 1995. – 1995; см. так же: Баткин Л.М. О постмодернизме и «постмодернизме» // Октябрь. – М., 1996 – № 5. С. 182; Вайнштейн О.Б. Деррида и Платон: Деконструкция Логоса // *Argbor Mundi*. М., 1993.-№2. С. 62-71.

Занятие историей и культурой, таким образом, сводится к выявлению «ловушек» новой детерминанты – надличностного языка – лишается всякого смысла. Действительно, в деконструктивистской стратификации гуманитарных наук, предполагающей синтез лингвистики, филологии и философии, место, отводимое истории как науке, более чем скромно. Она ассоциируется постструктуралистскими теоретиками с описанием «конкретных ситуационных подтекстов», практик с памятью.

Идеологическая нагруженность гуманитарного познания абсолютизируется в концепциях философского постмодернизма, согласно которым, в науке воплощена воля к власти. Наука выполняет репрессирующую по отношению к другим точкам зрения функцию, диктуемую ей идеологией. Выход из под идеологического диктата власть предержащих философский постмодернизм усматривает в отказе от так называемого «истинного», «научного» познания, что позволит зазвучать репрессированным голосам. Но эти голоса не нейтральны, в них отражаются разные идеологии. Следствием такой установки становится фрагментированность предмета гуманитаристики и многообразие «объектов», конструируемых исследователями. Постмодернизм предлагает псевдорешение проблемы идеологической нагруженности гуманитарного знания. Отбрасывая категории истины и объективности, он обрекает гуманитарные науки на методологический хаос¹.

Ситуация постмодерна заканчивается

Ситуация постмодерна заканчивается. Государство перестаёт быть универсальным субъектом исторического процесса. Меняется восприятие истории. Если раньше главным заказчиком для историков было государство, то теперь надо ответить на социокультурный запрос. Привычный мир политических пристрастий исчезает, идеологии прошлого не находят отклика в умах обывателя. Какой тип социальной памяти нужен современному обществу? Изменения типов социальной памяти связано с изменениями историографии.

В ситуации постмодерна на первый план выходят исследования ментальности, исследования по локальной, гендерной, повседневной истории

Главная задача исторической науки – обеспечить самоидентификацию общества и через это его консолидацию. В XIX веке средством консолидации общества была линейная память, основанная на общей для большинства населения социальной памяти. В исторической науке проявлением линейного восприятия исторического опыта был исторический метарассказ, основанный на единых правилах изложения и аргументации. У человека того времени ещё было ощущение могущества человеческого разума способного понять историю человечества как единый процесс. Поэтому люди того времени могли уверенно

¹ Вышегородцева О.А. Достоверность гуманитарного познания: Автореф. дисс....канд. филос. наук. М., 2000. – С. 18.

глядеть в будущее, будучи уверены в возможности понять, объяснить и предсказать развитие общественных процессов. Современный человек постоянно сталкивается с многообразием, а это вызывает психологический стресс, чувство неуверенности в собственных силах, сомнение в способности понять то, что происходит в обществе. Отдельные истории, которыми пичкает человека телевидение и другие средства массовой информации, не связанные в одну систему, – благоприятная среда для манипуляции единичными воспоминаниями (проверить их с точки зрения единой теории нельзя, а знать всё попросту невозможно). Это стало возможным в результате отказа от метарассказа в ситуации постмодерна. Произошёл отказ от линейных и стадийных построений истории.

Мобильность современного человека порождает необходимость самоопределения: «найти себя в череде поколений». Современный человек идентифицирует себя не в определённой временной точке, а в определённой культуре. Отсюда возникает ощущение прекращения движения, отсутствия в истории смысла. С концом идеологического противостояния и распадом СССР возникло ощущение «конца истории» (Ф. Фукуяма). Действительно складывается такая ситуация, в которой исчезли многие привычные ориентиры. Это произошло не только в политической жизни; начиная с середины 1960-х годов распространяются качественно новые явления повседневной жизни, основанные на протесте против устоявшихся норм поведения, определяющие повседневное поведение людей: общение через Интернет, стиль «унисекс» в моде, хиппи, экологическое движение и движение антиглобалистов и т.п. Все эти явления сопровождались стремлением к отрицанию предшествующей модели межчеловеческой коммуникации. Россия тоже переживала нечто подобное после революции 1917 года. В своё время Маркс говорил о конце предыстории человечества. Может быть, его пророчество начинает сбываться? Пока ясно одно: человечество переходит из стадии, в которой главным ограничителем свободы воли были условия окружающей среды, в стадию, в которой фактором, обуславливающим возникновение мотивации поведения человека, становится искусственная среда обитания.

XX век породил новые противоречия. Мир утратил устойчивость, жизнь меняется слишком быстро для человека: люди оказались не готовы к тем изменениям, которые принёс научно-технический прогресс. Резко возросла роль случая и роль личности в общественной жизни.

Сегодня многие ставят вопрос о том, насколько психологически приспособлен человек к ситуации быстроменяющегося мира. В прошлом социальный цикл зачастую соотносился с культурным. Сегодня на жизни одного поколения окружающая культура может измениться несколько раз в связи с резким сокращением сроков от изобретения до массового внедрения достижений техники. Человек не чувствует себя уверенно ни в культурном, ни в профессиональном плане. В мире всё больше становится людей вырванных из лона семьи, из привычного ландшафта, утративших привязанности и ощущение стабильности. С одной стороны становится больше степеней индивидуальной свободы, с другой – становится всё больше неврастеников,

потерявших способность ориентироваться в окружающей жизни, способность разумно управлять событиями. Преображается социальное и культурное бытие. Оторвите человека от родной культуры и бросьте в совершенно новое окружение, где ему придётся мгновенно реагировать на множество совершенно новых представлений о времени, пространстве, труде, сексе и т.п., и вы увидите, какая поразительная растерянность овладеет им. А если вы ещё отнимите у него всякую надежду на возвращение в знакомую социальную действительность, растерянность перерастёт в депрессию. Психологическое онемение – жуткий синдром нашего времени.¹

Пример тому – Россия в 90-е годы XX века, когда за кратчайшее время кардинально изменилась и культурная среда и система ценностей: молодёжь резко отличается от старшего поколения. Мы имеем противоречия не только социальные, но и противоречия между поколениями. Подобные изменения происходят во многих странах мира. Нормой становится, когда вчера ещё респектабельный индивид вдруг становится изгоем. Тот, кто привык к земле предков, оказывается беженцем. Православный попадает в исламское окружение. Человек, который всю жизнь взращивал в себе нравственность, неожиданно обнаруживает, что выжить можно, только придерживаясь, правил поведения воровской шайки. Человеку, который впал в нищету, предлагают оплачивать жильё по западным стандартам. За десять лет либеральных реформ либеральная модель потускнела. События 11. 09. 2004 года показали, что нет никакого конца истории: конфликты приобрели другой характер и другую форму, западная либеральная модель оказалась неприемлемой для значительной части человечества. Надежды на то, что Запад поможет создать условия для сытой и безмятежной жизни рассеялись. Любовь ко всему западному сменилась национализмом в разных формах, подаваемого как патриотизм. Страх перед будущим, как правило, порождает стремление искать защиты в родном стаде.

Элвин Тоффлер пришёл к заключению, что «демократические политические формы возникли на Западе не потому, что несколько гениев захотели, чтобы они были, и не потому, что человек проявил «неутолимый инстинкт свободы». Они возникли из-за исторического толчка к социальной дифференциации и системам, обладающим большой скоростью, которых требовала чувствительная социальная обратная связь. В сложных дифференцированных обществах огромные количества информации должны ещё быстрее течь между официальными организациями субкультурами, которые образуют целое, и между слоями и подструктурами внутри них. Политическая демократия, вовлекая всё больше и больше людей в принятие социальных решений, облегчает обратную связь. И это именно та обратная связь, которая существенна для контроля. Чтобы взять на себя контроль над

¹ Гуревич П.С. Бог поразительных преобразений // Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003. С. 10 – 11.

ускоренными переменами, нам понадобятся ещё более передовые – и более демократичные – механизмы обратной связи»¹.

Социальным группам необходимы свидетельства своего существования в прошлом, но им требуется такая картина прошлого, которая служит объяснению или оправданию настоящего, часто за счёт исторической достоверности. Механизм социальной памяти наиболее чётко проявляется в тех обществах, где невозможно апеллировать к документальным материалам как средству уточнения событий или высшему авторитету. Традиции, ностальгия и прогресс являются базовыми составляющими социальной памяти. Каждая из них по-своему откликается на глубокую психологическую потребность в защищенности – они, казалось бы, обещают либо отсутствие перемен, либо перемены к лучшему, либо душевно более близкое прошлое в качестве убежища. Реальное возражение против них заключается в том, что в качестве всеобъемлющей концепции они требуют от прошлого соответствия подспудной и часто безответной потребности, ищут единственное окно в прошлое, а заканчивается это недооценкой всего остального.

Вот примеры подходов к осмыслению истории, данные Ф. Ницше в XIX веке² и Джоном Тошем в XX веке³.

Фридрих Ницше	Джон Тош
<p>Антикварная история.</p> <p>«Антикварная» история благоговеет перед всеми проявлениями минувшей жизни, отрицая необходимость высказывания аксиологических суждений.</p> <p>То, что Ницше называет «антикварной» историей, как считает М.Ф. Румянцева, формируется как феномен культурного бытия в связи с формированием исторического самосознания общества. Истоки «антикварной» истории следует искать в рационализме и атеизме</p>	<p>Традиционализм</p> <p>Традиционализм – это грубейшее искажение исторического сознания, поскольку он исключает важнейшее понятие развития во времени⁴.</p> <p>Предмет исследования нельзя вырывать из окружающей обстановки – таков основополагающий принцип работы историка⁵. Точно так же, как нельзя судить о важности археологической находки, не зафиксировав её точное положение на месте раскопок; любые наши знания о прошлом следует помещать в современный им контекст. Это жесткий стандарт, требующий обширных знаний. Часто именно этим</p>

¹ Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М., 2003. С.518.

² Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 158-230.

³ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000.

⁴ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 25.

⁵ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 19.

<p>XVIII в. Если сомнения в религиозной морали ведут к поиску рациональных оснований нравственности и к требованию от научного исторического знания достоверных нравоучительных примеров, то сомнения в истинности религиозной картины мира ставят перед человеческой психикой ещё одну проблему – проблему страха смерти. Именно «антикварная» историю берёт на себя в значительной мере функцию преодоления страха ограниченности земного бытия. В то же время «антикварная» история придаёт неподобающую ценность «мелкому, ограниченному, подгнившему».</p>	<p>профессиональный историк и отличается от любителя.</p> <p>Традиционализм это, во-первых, уважение к традициям. Во многих областях деятельности – от судопроизводства до политических союзов, от церкви до спортивных клубов – взгляды и поведение определяются влиянием прецедентов: то, что совершалось в прошлом, считается авторитетным руководством к действиям в настоящем. Уважение к, традициям порой путают с «ощущением истории», поскольку оно предусматривает привязанность к прошлому (или его части) и стремлением хранить ему верность. Но при обращении к традициям исторический подход присутствует лишь в малой степени. Следование по пути, намеченному предками, играет весьма положительную роль в обществах, не переживающих период перемен и не ожидающих ничего подобного; для них прошлое почти не отличается от настоящего. Поэтому уважение к традициям вносило столь большой вклад в сплочение общества, когда дело касалось немногочисленных, не обладающих грамотностью народностей. Неслучайно антропологи порой определяют их как «традиционные общества». Но подобных условий больше не существует. В любом обществе, отличающемся динамичными социально-культурными изменениями, проявляющимися во внешней торговле или социальной иерархии политических институтов, некритическое уважение к традициям становится контрпродуктивным¹. Оно замалчивает исторические перемены, происходившие в переходный период; более того, оно</p>
---	---

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 22.

	однозначно не поощряет любое внимание к этим переменам и ведет к продлению существования отживших или «отошедших в историю» внешних форм.
<p>Монументальная история.</p> <p>«Монументальная» история описывает выдающиеся примеры прошлого, придавая им, по сути, вневременную ценность.</p> <p>«Монументальная» история, призванная давать примеры, образцы поведения, вполне соответствует целеполаганию научного исторического знания XVIII в., в духе Болингброка и Мабли. Это, по-видимому, самый старый и при этом наиболее устойчивый тип как научного, так и обыденного исторического мышления. Востребованность в эпоху рационализма именно «монументального» типа исторического знания легко объяснить, если вспомнить, что это было время распространения атеизма, а значит и кризиса религиозной морали. В этих условиях любому думающему человеку, особенно находящемуся в ситуации морального выбора, необходимы были примеры, обогащающие его индивидуальный жизненный опыт. А тенденция к эмансипации человеческой индивидуальности при переходе от средневековья к новому времени обуславливала требование достоверности,</p>	<p>Ностальгия</p> <p>Ностальгия, как и традиция, обращена назад, но, не отрицая факта исторических перемен, толкует их лишь в одном направлении – перемен к худшему. Пожалуй, наиболее известной формой ностальгии является возрастная – пожилые люди часто жалуются, что современная молодежь отбилась от рук или что страна «катится к черту», и такое недовольство нашло отражение даже в очень древних документах¹. Но ностальгия проявляется и в более широком контексте, с особой силой в качестве реакции на чувство недавней утраты и потому чрезвычайно характерна для обществ, переживающих быстрые перемены. Надежды и оптимизм – не единственная, а порой и не главная, социальная реакция на прогресс. Практически всегда возникает также беспокойство или сожаление по уходящему образу жизни и привычным ориентирам. Тоскливый взгляд в прошлое даёт утешение, является духовным бегством от жестокой реальности.</p>

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 26.

<p>исторической конкретности таких примеров, что создавало у человека иллюзию свободы морального выбора.</p> <p>«Монументальная» история, по словам Ницше, «вводит в заблуждение при помощи аналогий».</p>	
<p>Критическая история.</p> <p>«Критическая» история «привлекает прошлое на суд истории».¹</p> <p>Для возникновения того способа историописания, который Ницше называет «критическим», первым условием является восприятие истории как процесса, имеющего свою внутреннюю логику развития.</p> <p>«Критическая» история часто превращается в «попытку создать себе а posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно исходим...».</p>	<p>Вера в прогресс</p> <p>На другом конце шкалы искажений истории расположена вера в прогресс. Если ностальгия отражает пессимистический взгляд на мир, то прогресс – оптимистическое верование, подразумевающее не только позитивный характер перемен в прошлом, но и продолжение процесса совершенствования в будущем. Прогресс, как и исторический процесс – означает перемены во времени, но с одним принципиальным отличием – перемены наделяются положительным знаком и моральным содержанием. Концепция прогресса является основополагающей для трактовки понятия «передовой», поскольку в течение 200 лет он был самым живучим мифом Запада, источником культурной самоуверенности и чувства собственного превосходства в его отношениях с остальным миром².</p>

Именно из-за обусловленности характера исторического знания не только собственно социальными, но и психологическими причинами мы можем только отчасти согласиться с Тошем в том, что задача профессионального историка в «противостоянии социально мотивированным ложным истолкованиям прошлого». Преодолевая «ложное» истолкование прошлого, невозможно, по-видимому, отказаться от «социально мотивированного» исторического знания. И мы не случайно поставили слово «ложное» в кавычки. Ведь ложное выявляется только в сопоставлении с истинным, а взгляд историка также обусловлен как социальными, так и психологическими (а часто и

¹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 158-230.

² Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 27.

идеологическими) причинами. Кроме того, историк обязан отвечать на социальный запрос и удовлетворять потребность в разных типах историописания¹.

Таким образом, то, что Тош называет характеристиками социальной памяти, целесообразно рассматривать как её функции. Каждая из этих функций востребована в той или иной мере либо всем обществом, либо отдельными социальными группами. Характер и степень востребованности каждой из них зависит от сложного комплекса как социокультурных, так и индивидуально-психологических причин. Именно из-за обусловленности характера исторического знания не только собственно социальными, но и психологическими причинами мы можем только отчасти согласиться с Тошем в том, что задача профессионального историка в «противостоянии социально мотивированным ложным истолкованиям прошлого». Преодолевая «ложное» истолкование прошлого, невозможно, по-видимому, отказаться от «социально мотивированного» исторического знания. И мы не случайно поставили слово «ложное» в кавычки. Ведь ложное выявляется только в сопоставлении с истинным, а взгляд историка также обусловлен как социальными, так и психологическими (а часто и идеологическими) причинами. Кроме того, историк обязан отвечать на социальный запрос и удовлетворять потребность в разных типах историописания.

Когда мы действуем, мы исходим из представлений о реальности, а не из самой реальности. **Наши представления – место соединения бытия и сознания.** Люди осуществляли деятельность, приобретали опыт, предавали его по наследству, другие люди воспринимали этот опыт, переоценивали его исходя из своего опыта. И всё это вместе взятое и было исходной мотивацией их деятельности. Опыт фиксировался либо за счёт устной передачи, через традиции, либо с помощью текстов, что мы имеем с появлением письменных культур. Опыт – это и есть культура. Культура осуществляет давление на индивида, является фактором, который ограничивает возможности человеческого воображения. Трудно сказать, что сделает человек, но можно сказать, чего ему делать нельзя, чтобы не было отрицательных последствий. Это и есть материал, который историки вырабатывают для формирования системы ценностей общества, которая может стать основой для его консолидации.

Следовательно, в духе неклассической философии, надо для объяснения действий людей прошлого понять, как они думали, каковы были их представления, то есть надо не только объяснить, но и понять. Очень важно при изучении духовной жизни обнаружить не только предметы, окружающие человека, но и отношение человека к ним

Никто не отрицает наличия объективной реальности, воздействующей на человека. Но объективная реальность не фотографируется его сознанием и не воспроизводится автоматически. Прежде чем стать частью опыта человека, она проходит обработку воображением человека. Человек в зависимости от

¹ Румянцев М. Ф. Теория истории. Учебное пособие / М. Ф. Румянцева. – М.: Аспект Пресс, 2002.

предшествующего опыта и ценностных ориентаций, выстраивает определённую картину мира и определяет своё место в ней, расставляет приоритеты, а затем уже действует. Любой источник – продукт деятельности человека, который видел, как правило, то, что хотел видеть, то, чему придавал значение, поэтому любой источник не может быть расценён как историческая реальность, которую мы наблюдаем.

В любом случае любой исторический вопрос задаётся человеком, находящемся в обществе. Даже если он повернётся к обществу спиной и видит функцию истории в беспристрастном познании, он всё равно не может не принадлежать к своему времени. Любой вопрос задаётся с каких-то позиций.

Поэтому теория предшествует изучению истории. Поэтому А.-И. Марру писал: «...Теория, т. е. позиция, сознательная или несознательная, которую историк занимает в отношении прошлого, – выбор и поворот темы, постановка вопросов, используемые понятия и особенно типы связей, системы интерпретации, относительная ценность, признаваемая за каждой из них. Именно личная философия историка диктует ему выбор системы мышления, в соответствии с которой он будет воссоздавать и, как он полагает, объяснять прошлое. Богатство, сложность природы антропологических фактов и вследствие этого исторической реальности делает последнюю [...] практически неисчерпаемой для усилий, направленных на открытие и понимание. Будучи неисчерпаемой, историческая реальность заодно и двусмысленна в ней всегда столько разных аспектов, столько действующих сил, пересекающихся и накладывающихся друг на друга в одной точке прошлого, что мысль историка всегда найдет в ней для себя тот специфический элемент, который в соответствии с его теорией окажется решающим и выступит в качестве системы интеллигибельности – в качестве объяснения».¹

До сих пор собирание фактов считается деятельностью ценной самой по себе (деятельность по добыче сырья рассматривается как ценная сама по себе). Актуальность и новизна определяются через формулировку: до меня никто не изучал. Подход при оценке диссертации – источники обязательно должны быть новые. При спорах на теоретические темы историки часто уходят от ответа, ссылаясь на то, что у историков – другие задачи, они не могут анализировать и обобщать, потому что им ещё не хватает фактов. «Вот когда узнаем – будем думать». Получается ещё один способ ухода от ответственности.

Необходимо решить проблему достоверности информации в историческом исследовании. Иначе историки так и будут заниматься бессмысленным с точки зрения общества переключением и классификацией документов. С точки зрения классической философии достоверно то, что соответствует реальности. С точки зрения неклассической философии (в том числе феноменологии) – достоверно то, что поддаётся интерпретации с точки зрения определённой культуры. Поэтому начинать надо с самоидентификации, то есть с истории самого исторического знания.

¹ Marrou H.-I. De la connaissance historique. Paris: Ed. du Seuil, 1954. P. 187 –188.

Природа исторического творчества: субъектно-объектные отношения

Спор о том, является ли история наукой, имеет глубокие корни. Знаменитый швейцарский ученый Я. Буркхардт полагал, что «история вообще является самой ненаучной из всех наук», а английский историк Б. Бари, напротив, утверждал, что история есть «наука, не больше и не меньше»¹. Ныне этот спор отошел в прошлое, и история заняла своё законное место среди других научных дисциплин. Однако вопрос о специфике познания в истории не утратил своей актуальности, и многие историки убеждены, что их познавательная деятельность ничем не отличается от работы физика или биолога. В этом отношении показательна дискуссия на страницах журнала «История и компьютер» между голландским историком П. Доорном и немецким М. Таллером, в которую включились многие ученые². Своими корнями дискуссия уходит в XIX столетие, когда представители немецкого историзма обрушились на позитивизм за его стремление максимально сблизить историю и естествознание путем реализации в истории основных исследовательских принципов и методов наук о природе. В соответствии с данной установкой предпринимались многократные попытки «математизировать» историю, «очистить» её построение от всяких субъективных добавок, но большого успеха они не имели.

Было бы неправомерно утверждать, что естествознание вообще не влияет на историческую науку. Напротив, такое влияние следует оценить как глубокое и плодотворное. Идеалу «естествознания об обществе», приобретшему в XIX в. программный характер, – отмечает немецкий философ Х. – Г. Гадамер, мы обязаны исследовательскими успехами во многих гуманитарных областях³. Использование историком количественных методов исследования и ЭВМ оказывает ему громадную помощь в постижении исторического процесса, и здесь накоплен значительный положительный опыт⁴. При всем том науки об обществе не могут полностью следовать образцу естествознания, на что существуют объективные причины.

Исходный момент, определяющий специфику наук об обществе, в том числе об истории, заключается в том, что в них наблюдается качественное совпадение субъекта и объекта познания.

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 111.

² Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 19. Ноябрь. 1996. С. 59-195.

³ Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 44 – 45.

⁴ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. Ч. 2.

Как писал Р. Ю. Виппер, «... о жуках и грибах составляют науку посторонние им люди, а не сами объекты науки, тогда как в общественной науке изучаемый объект и изучающий субъект до известной степени совпадают, и она представляет собой именно то самое, что в определённое время и в определённой среде думают о людях и о своём собственном общечеловеческом прошлом»¹. Совпадение не означает полного тождества, поскольку объект познания в своём прошлом существовании вполне независим от историка.

Сознание ясного разделения субъекта и объекта познания развилось до методологической зрелости первоначально в естественных науках, а затем распространилось на историю. История стала анализироваться как продукт воздействия человека, который можно рассматривать и оценивать. Условием для этого является дистанция между историком и продуктом деятельности общества. Расстояние между настоящим и прошлым позволяет объективизировать историю до ясно очерченной величины, снабдить историческое событие контурами факта, который можно исследовать. Однако это не устраняет проблемы качественного совпадения субъекта и объекта познания, определяющей особенности концепции исторической объективности в отличие от естественнонаучной. Историк не может столь же бесстрастно судить о событиях и деятелях прошлого человечества, как это делает химик, изучая очередные результаты проведенного эксперимента².

Для осознания глубины коллизии, возникающей между объектом и субъектом познания в процессе исторического творчества, необходимо рассмотреть особенности объекта исторического изучения и характерные моменты познавательной деятельности историка. Главной отличительной особенностью объекта исторического изучения является то, что исторический процесс представляет из себя продукт сознательной целеполагающей деятельности человека. Совокупный продукт материальной и духовной деятельности человека составляет его культуру. В этом смысле история – наука о культуре и о культурном человечестве³.

Человек наделён свободной волей, его поведение не поддается жёсткому программированию, ввиду чего в истории ненадежны прогнозы и бывает трудно определить мотивы поступков того или иного героя прошлого. Конечно, деятельность исторической личности – царство не только свободы, но и необходимости. **Каждый из нас ограничен теми предпосылками в**

1 Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сб. ст. и публ. выступлений. 1900 – 1912. М., 1912. С. 141 – 142.

2 Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 112.

³ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 113.

культурной жизни, которые были созданы предшествующими поколениями, соответствующей социальной средой, природными условиями, индивидуальными задатками и прочим. Поэтому, сколь бы гениальной ни была личность, реально осуществимыми оказываются лишь те её цели, которые соответствуют данным условиям места и времени, либо результаты оказываются недолговечны. Таким образом, общественная жизнь выступает как сложный сплав субъективных и объективных элементов.

Из совокупной деятельности отдельных лиц в историческом процессе возникают такие образования, значение которых далеко превосходит пределы отдельной личности: государство, церковь, наука, искусство и т. д. Историческая наука, как продукт деятельности человека, также есть часть некой системы, принадлежащей истории. **Сам исследователь выступает как член определённого сообщества, т. е. он историчен.** В этом смысле социальное познание оказывается самопознанием, в котором общество является субъектом и объектом одновременно. Успех такого самопознания в немалой степени будет зависеть от уровня развития общества, его ценностных ориентаций.

Общество предстает перед нами как постоянно развивающийся организм. Следовательно, **объект познания у историка незавершённый**, что порождает свои трудности при изучении текущей истории. Поэтому долгое время в учёных кругах вообще не считалось возможным создание научной истории современности, и она исключалась из преподавания. В программах учебных заведений новейшая история прочно утверждалась лишь в XX в.

Исключительно важно учитывать, что объект исторического изучения представляет собой прошлое, т. е. то, что однажды было и уже не существует. Каждый миг настоящее переходит в прошедшее, которое не вернуть и не повторить, как нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Это безвозвратно ушедшее прошлое недоступно прямому наблюдению исследователя, в связи с чем встаёт болезненный для историка вопрос о реальности его объекта познания. Может ли история, рассматривая столь специфичный объект, претендовать на достоверный характер своих исследований? Постоянно находились гиперкритически настроенные теоретики, ставившие под сомнение реальность исторического прошлого и объективность исторического познания. Едва ли не самыми радикальными среди них являются некоторые советские математики, последователи народовольца Н.А. Морозова, объявившие всю древность и раннее средневековье «творением эпохи Возрождения» и «укоротившие» мировую историю на несколько тысячелетий¹. Подобная «перестройка» исторической хронологии не только искажает прошлое, но и вносит дезориентацию в историческое сознание общества.

¹ См. о них: Мифы «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко // Новая и новейшая история. 2000. № 3.

Реальность прошлого удостоверяется через переживание настоящего

Реальность прошлого, в первую очередь, удостоверяется нами через переживание настоящего. Субъективный опыт убеждает нас в реальности окружающего мира, который находится в постоянном движении к будущему. Обладая собственным выстраданным прошлым, мы имеем все основания признать его существование и у других людей, в том числе живших много раньше нас. Но дело не исчерпывается только субъективными переживаниями. Прошлое не уходит бесследно, оно в виде определённых результатов существует в настоящем. Современная европейская культура содержит целые пласты наследия античности или Возрождения, индийская или китайская – продолжают базироваться на основаниях, заложенных ещё в III – I тысячелетиях до н. э. и т.д. Даже конкретные исторические события нередко восходят своими корнями в далёкое прошлое, например Ближневосточный кризис¹.

Непосредственным звеном, связующим нас с прошлым, являются исторические источники, представляющие из себя реликты прошлого. Но это отдельный вопрос.

Со спецификой объекта исторического изучения связаны и особенности познавательной деятельности в нашей науке. Всякое познание представляет собой живое созерцание. Поскольку объект история-прошлое и непосредственное чувственное его восприятие невозможно, то познание в исторической науке носит реконструктивный характер. Реконструктивное познание имеет место и в науках о природе, например в геологии, биологии или ботанике. Голландский историк П. Доорн вслед за палеонтологом С. Д. Гулдом отмечает, что **не только история, но и естественные науки не стоят на позиции чистого наблюдения**: вы не увидите электроны, тяготение или черные дыры. Первостепенная потребность любой науки – не прямое наблюдение, а возможность выявления фальсификаций², хотя историческая реконструкция, конечно, отличается от естественнонаучной. Главная её специфика заключается в том, что она субъективизирована не только на исследовательском уровне – учёным, но и на уровне источников – их творцами. Источники отнюдь не прямо и не адекватно отражают прошлое. Поэтому настоящей является верификация итогов исследования.

Естествоиспытатель для проверки своих заключений всегда может поставить эксперимент заново. Для историка такая возможность практически отсутствует, хотя наша наука и обладает некоторыми блестящими примерами в

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 114.

² Доорн П. Ещё раз о методологии. Старое и прекрасное: «мыльная опера» о непонимании между историками и моделями // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 19. Ноябрь. 1996. С. 64.

данной области. Среди таких экспериментов мы можем назвать плавание известного норвежского ученого Тура Хейердала на тростниковой лодке «Тигрис» по Персидскому заливу и Индийскому океану (до берегов Африки) с целью доказательства возможности торговых и культурных связей между древним Шумером и некоторыми районами Азии и Африки. Сюда же относится путешествие Хейердала на плоту «Кон-Тики» из Южной Америки на острова Тихого океана с целью доказать, что обитатели Полинезии и их культура происходят из древнего Перу, а также его плавание на папирусных ладьях «Ра-1» и «Ра-2». Интересный эксперимент, получивший название «Наска», поставил Д. Вудмэн. Стремясь доказать, что древние индейцы умели строить летательные аппараты, он «воссоздал» древнеперуанский воздушный корабль – воздушный шар, на котором поднялся над пустыней Наска. Но, говоря словами американского профессора С. Хьюза, все это – драматические исключения из правила, число которых следовало бы увеличить, и «историки должны напрячь свое воображение, чтобы найти новые пути приближения к первичной материи исторического опыта»¹.

Не обладая возможностью с помощью эксперимента контролировать свой материал и подтвердить результаты своих исследований, историк вынужден апеллировать к более гипотетическим критериям проверки достоверности познания: к социальной практике вообще, либо к совокупной практике исторических исследований, либо, наконец, к исходному источниковому знанию. Все эти проверки имеют смысл, однако никогда не приводят к определённости. С их помощью невозможно окончательно подтвердить либо опровергнуть те или иные результаты исследования, но их вполне достаточно для создания системы непротиворечивых знаний, имея в виду согласованность исторических знаний между собой с общенаучной картиной мира и с современной социальной практикой.

Каждая эпоха имеет центр тяжести в самой себе, «каждая жизнь есть, – по словам Х. Ортеги-и-Гассета, – точка зрения на вселенную. Каждая видит то, что видит она и не может увидеть другая». Современная культура как «система живых идей» не представляет исключения и ограничена собственными рамками, И вот здесь-то и заключена целая проблема: **может ли историк, являясь продуктом своего времени и своей культуры, адекватно понять прошлое?**²

Познавательные возможности историка определяются не только его личностными качествами, профессионализмом, но и в решающей степени современной ему действительностью, уровнем развития общества, членом

¹ Стингл М. Поклоняющиеся звездам. М., 1983. С. 68-75.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 117.

которого исследователь является. **Импульс, получаемый учёным от современности, является системообразующим в исторической науке.** В своей деятельности историк исходит из задач, диктуемых ему общественной жизнью, поэтому трудно найти значимое историческое сочинение, в котором бы так или иначе не рассматривались волнующие современность вопросы.

Как справедливо подчеркивал Н. И. Кареев, историческая книга – «не простое зеркало, в котором отражается внешняя сторона прошлого, не самопишущий аппарат, отмечающий общественные явления и создающий нечто вроде протокола; это – продукт мысли, перерабатывающий в своем горниле данные опыта, продукт... творческого духа, практической мысли в одной из её форм»¹. Великий исторический труд мыслится только в определённом обществе и как результат деятельности конкретного автора².

Переживаемая эпоха задает историку определённую систему представлений, в рамках которых движется его научная работа. Независимо от принадлежности исследователя к тому или иному общественному лагерю, политической партии или научной школе, в его построениях будет многое, что свойственно самой эпохе.

Так западные и российские историки первой трети XX в. и различных политических ориентации в равной мере исходили из идеи грандиозного перелома в истории Европы, вызванного первой мировой войной. Как писал Р. Ю. Виппер, жизненный опыт поколения, пережившего войну, «необычайно обогатился, и теперь уже не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю»³. Была выдвинута концепция конца индустриальной системы в целом, заката европейской культуры и наступления нового Средневековья (Н. А. Бердяев, Р. Ю. Виппер, О. Шпенглер). Хотя столь пессимистические настроения разделяли не все, но общую атмосферу создавала убеждённость в том, что лучшие времена нашей культуры уже позади. В этих «похоронах» активно участвовали и большевистские авторы, провозглашавшие приход социалистической культуры на смену буржуазной⁴.

При всем желании историк не может выйти за границы своего времени или отстраниться от волнующих общество проблем. Современность – это не просто эмбриональная среда, в которой развивается историческая мысль, но и своеобразный инструмент, направляющий проблематику исследований, воздействующий на их основные выводы и оценки. Перемены в общественном строе, государственной или национальной политике, так или иначе

1 Кареев Н. И. Суд над историей // Русская мысль. 1884. № 3. С. 28.

2 Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 121.

3 Виппер Р. Ю. Очерки истории исторического познания. М., 1911. С. 175 – 176.

4 Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 122.

оказываются и на историографии. Они побуждают исследователей пересмотреть свои воззрения на историю в соответствии с изменившимися условиями. Такой пересмотр затрагивает не только ближайшее к нам прошлое, но и самые отдаленные периоды, если речь идет о концептуальном переосмыслении. Прошлое как бы открывается перед нами новыми сторонами, высвечивается с новых, неожиданных позиций. Наиболее радикальные перемены наблюдались в историографии второй половины XIX в., когда на смену политической истории пришла социальная, вызванная к жизни обострением социально-экономических вопросов капиталистического общества.

Однако **речь вовсе не идет о простом «переписывании» истории с постоянно меняющихся точек зрения.** Мы не должны оказываться в западне исторического релятивизма, утверждающего, что каждое поколение, каждая социальная группа препарирует для себя всю традицию о прошлом, творит для себя идеальное прошлое в угоду своим интересам. Прагматический подход к прошлому имеет место, но он не исчерпывает собой взаимосвязи истории и современности.

Как писал Н. А. Ерофеев: «постоянное возвращение к сделанному, пересмотр его отражают поступательное движение науки, её неуклонное стремление к полному знанию»¹.

Как и всякая наука, история не только отражает в своем развитии влияние современности, но развивается по своим внутренним законам и собственной логике.

Исторический образ прошлого по своей природе никогда не является завершенным

Другое дело, что **исторический образ прошлого по своей природе никогда не является завершенным**, т. е. окончательным. Последнее столетие принесло невиданное расширение наших представлений о «начале» истории, были открыты шумерская и индская культуры. Говоря словами К. Ясперса, «перед нами разверзлась пропасть прошлого и будущего»². Историю поэтому «нельзя ограничить ни с той, ни с другой стороны, чтобы обрести тем самым замкнутую картину, полный самодовлеющий её образ. Этот образ не завершен и в том отношении, что каждая эпоха добавляет к нему нечто свое и, пока продолжается человеческая история, в него будут вноситься свои коррективы.

Влияние современности на историческое творчество реализуется через мировоззрение исследователя. Корни исторической теории, которой руководствуется ученый, обнаруживаются в его мировоззрении. В этом отношении оно задает исследователю соответствующий угол зрения на

1 Ерофеев Н.А. Что такое история. М., 1976. С. 119.

2 Ясперс К. Смысл назначения истории. М., 1991. С.28-29.

материал, влияет на его категориальное формирование, на компоновку фактов и их оценку. Такая связь научной позиции историка с его мировоззрением объективна и не зависит от его сознания.

Проблема междисциплинарности

На протяжении последних десятилетий происходят радикальные изменения во всех сферах исторической науки. Среди наиболее характерных черт этого процесса обращают внимание усилившиеся тенденции к интеграции истории с другими науками, к чему в свое время призывал известный французский историк Л. Февр: «Историки, будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами...!»¹. На смену анклавному состоянию истории пришел её новый этап развития, который привел к активным контактам с другими дисциплинами, взаимообогащению методами и т. д.

Тенденция к междисциплинарности является одним из важнейших следствий коренного изменения социальных функций истории в решении проблем, стоящих перед цивилизацией. Именно в ходе междисциплинарного сотрудничества ученые убеждаются в зыбкости принципов, выступающих как единственно научные, привыкают к широкому взгляду на деятельность историка-исследователя. Так, все попытки представить историю в достаточно строгой форме, с расположением «ниш», отводимых каждой отрасли исторического знания, не имели успеха.

Такой поворот был обусловлен рядом обстоятельств. Немаловажным из них является, например, то, что в силу относительно низкого приоритета исторических исследований с точки зрения потребности общества в целом историческая наука и соответствующее ей научное сообщество не располагает адекватными ресурсами для того, чтобы справиться с анализом прошлых обществ на столь же высоком теоретическом и эмпирическом уровнях, на каких работают представители социальных наук, сосредоточенные на познании современности.

История в меньшей степени занимается выработкой собственной теории, а в основном использует теоретический аппарат (понятия, концепции, способы объяснения) других наук².

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 37.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 132.

Междисциплинарность как фактор самовоспроизведения истории, её развития вширь и вглубь

Междисциплинарность выступает, таким образом, как фактор самовоспроизведения истории, её развития вширь и вглубь. Составными звеньями междисциплинарности стали гуманитарные, социальные, естественнонаучные и другие дисциплины. Её можно охарактеризовать как сочетание этих дисциплин, наличие между ними определенных связей. При этом полидисциплинарность как способ преодоления относительно устойчивого разрыва между реальной научной практикой и самосознанием ученых, до этого ощущавших себя узкими специалистами, следует отличать от монодисциплинарности, т. е. исследований в области одной научной дисциплины.

Методологическая роль междисциплинарности, основу которой должна составлять единая группировка универсальных концепций различных дисциплин, в чьих рамках могут и должны быть проинтерпретированы те или иные исторические события и явления, её воздействие на конечный результат исследования – одна из наиболее актуальных проблем. Оценка этой роли имела самый широкий спектр: от однозначно положительной до полного игнорирования. Последнее было характерно для советской исторической науки, где абсолютизация формационного подхода отрицала важнейшие аспекты функционирования того или иного общества (образ жизни, ментальность, нормы поведения и т. д.).

В настоящее время требуется переосмысление сути происходящих процессов в мировой исторической науке, характера и направленности эволюции государств, обществ. Эти процессы в западной историографии также зачастую понимались довольно упрощенно, что выразилось в господстве так называемой теории модернизации, т. е. прогрессивного развития общества через государственные или социальные структуры. «Простой человек» со свойственными ему картиной мира, стереотипами восприятия и повседневной жизнедеятельностью, обусловленной его ментальностью, при таком подходе лишался исторической инициативы и присутствовал лишь в качестве пассивного объекта целенаправленной преобразовательной деятельности общества¹.

Накопленный исторической наукой огромный фактический материал о повседневной жизни людей показывает ограниченность такого подхода. Исторические реалии последних десятилетий (развал СССР, крах социалистической системы, кровавые конфликты на Балканах и т. п.) отразили своего рода неадекватные реакции людей на политические и общественные инновации. Как отмечает современный германский историк А. Людтке, «продуктивной могла бы стать попытка понять историю как многослойный

¹ Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 133.

процесс, который воспроизводится и, в первую очередь, трансформируется теми, кто является одновременно и объектами истории и её субъектами»¹. При этом со всей очевидностью вырисовывается необходимость понять историю не как сам факт или самодовлеющее явление, а как **отражение событий в психике человека².**

Эта задача заставила историков, в том числе отечественных, обратиться к поиску новых исследовательских подходов. Развернулись дебаты по теоретико-методологическим проблемам, что постепенно сделало реальным взаимное обогащение методов, казалось бы, совершенно различных дисциплин. В этом ракурсе междисциплинарные связи предстают как способ активного межнаучного диалога, взаимодействие активных дисциплин, которые прошли длительный путь самостоятельного развития со свойственными им динамичностью и особенностями, как беспрецедентный по своей активности способ воздействия на объект исследования.

В современной исторической литературе термин «междисциплинарность» употребляется не только для обозначения простого заимствования методов из других дисциплин (социологии, демографии, антропологии, лингвистики и т.п.), но и в интеграции на уровне конструирования междисциплинарных объектов, которые можно определить как нечто онтологически самостоятельное, как некоторую существующую реальность, независимую от исследования.

Междисциплинарный подход по-прежнему приветствуется. Взаимодействие с другими науками позволяет уточнять понятия. Эклектизм, присущий школе «Анналов» оказался полезен. Он позволил уяснить, что для истории как гибридной дисциплины, пытающейся схватить развитие общества в целом, полезнее иметь меньше правил, а понятия должны быть более размытыми, чем в других социальных науках. **История – самая синтетическая наука из всех социально-гуманитарных дисциплин.** Историк адаптируется к логике материала, и не придерживается жёстких ограничений, создаваемых при введении в оборот понятий, созданных по образу естественнонаучных дисциплин. Отсюда разногласия с другими социальными дисциплинами. Например: разногласия по поводу понятия «историческая память». Все понятия используемые историками являются «рабочими», их используют не постоянно, а только тогда, когда они позволяют что-либо объяснить.

Историческое знание определяется не одним научным направлением, а системой или совокупностью социальных наук

1 Людке А. Что такое история повседневности? Её перспективы развития в Германии? / Социальная история. 1998-1999. М., 1999. С. 99.

2 Савельева И. М., Полетаев А. В. Микроистория и микроанализ / Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999. С. 92-93.

Историческое знание определяется не одним научным направлением, а системой или совокупностью социальных наук, объектом которых является прошлая реальность. В силу своего полидисциплинарного характера история естественным образом использует достижения иных дисциплин и обращается к их теоретическим схемам, моделям, категориям, понятиям. Современная эпоха постмодерна нанесла сокрушительный удар по замкнутости и самодостаточности отдельных наук, сделала междисциплинарность действительно реальной.

Однако всякий раз, когда история использует достижения других наук, щелкает своеобразный «переключатель времени»: во-первых, история заимствует методы и приемы извне с целью изучения прошлого, а не настоящего. Поэтому она не может механически применять аппарат социальных наук, но должна развивать и видоизменять его применительно к отсутствующим социальным объектам. В идеале историки вынуждены не только овладевать теориями других наук, но и, отталкиваясь от них, создавать новые или, по крайней мере, модифицировать теории, ориентированные на анализ настоящего¹.

Следовательно, можно предположить, что междисциплинарные контакты никогда не носили, и не будут носить однонаправленный характер с заранее предсказуемыми результатами. Процесс междисциплинарного воздействия слишком сложен и характеризуется высокой степенью вариативности, зависящей от целого комплекса факторов (не только степени разработанности темы/проблемы, уровня методологии, достаточности источниковой базы и др.). Необходимо учитывать комплекс этих факторов, чтобы повысить научную ценность получаемых результатов².

Междисциплинарность привела к соприкосновению различных дисциплин: идут интеграционные процессы, растет взаимодействие и взаимообогащение методов. Особенно это актуально в кризисных ситуациях, когда междисциплинарные связи служат условием успешного решения ряда проблем. Примером может служить коренное изменение нашего знания о роли человека, суть которого состоит в том, что представления обычного человека о жизни, как и поступки, в значительно большей степени, чем это было принято полагать, зависят от повседневного личного опыта индивида. Такие общественные категории, как экономика, политика, идеология, законодательство, существовали и действовали лишь опосредованно, «просеиваясь» сквозь призму жизненного опыта людей, вызывая определенные ответные реакции и действия.

Подобного рода исследования стали красной нитью так называемого антропологического поворота в историографии 1970 – 1980-х гг. Поменялись

¹ Журавлев С. В. «Маленькие» люди и «Большая» история. Иностранцы московского электрозавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 134 – 135.

не только предметные области мировой исторической науки, но и подходы, методы исследования, несмотря на то, что в научных трудах сохранились узловые моменты бытующих ранее парадигм. В учёной среде постепенно нарастает осознание сложности происходивших внутри исторической науки процессов, понимание того, что замыкание лишь на одних методах в научном плане бесплодно, что без обращения к методам и категориям иных дисциплин научные поиски заходят в тупик.

Заметно расширяется категориальный аппарат исследований. Если ранее, как отмечал известный историк Р. Коллингвуд, исследователь должен был, прежде всего, раскрыть значения таких терминов, как «событие», «прогресс», «цивилизация»¹, то под влиянием антропологического поворота в исторических трудах всё чаще звучали термины «деконструкция», «гендер», «повседневность» и др.

Исторические исследования, проведённые в плане междисциплинарности, характеризуются отчётливо выраженным аналитическим, в противовес описательному, подходом. В обработке источников историки произвели настоящий переворот, широко используя, например, количественные методы, что позволило освоить огромные массивы статистики, недоступные им до этого. Впервые в научный оборот были введены такие источники, как личные дела, личные счета работников предприятий, материалы переписей населения, листы домашних хозяйств и т. п.²

В силу многомерности междисциплинарности как феномена можно предположить её изучение в нескольких измерениях, которые условно можно разделить на макро- и микроуровень. В первом случае необходимо отметить, что потребность в междисциплинарности стала реальностью, а не декларацией. Обращение к различным дисциплинам вовсе не является препятствием. Необходимо только акцентировать внимание на изучении истоков, характера взаимодействия истории с другими дисциплинами. Характерно, что в 60 – 70-е гг. наши историки брали на вооружение преимущественно макротеоретические подходы (экономические циклы, теорию конфликта, проблему власти и др.). Значит, постоянные и последовательные контакты истории с социальными и гуманитарными дисциплинами (а также литературой и различными видами искусства) модифицируют облик истории, дают ей возможность проникать в ранее закрытые для неё зоны знания, использовать новые методы, экспериментировать с историческим материалом. Благодаря такому синтезу история соответствует своему времени³.

¹ Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 366.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. История как теоретическое знание / Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2000. Вып. 3. С. 32.

³ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 136.

Микроуровневый характер феномена междисциплинарности подразумевает анализ вариантов полидисциплинарного взаимодействия, их характерных черт и особенностей с перспективой дальнейшего сравнительного изучения. Ключевыми моментами здесь могут быть следующие: выявление специфики «почвы», на которой происходит контакт; её предрасположенность к междисциплинарным воздействиям; сопоставление и изучение уровней организации объектов контакта, определение глубины и, естественно, ограничений возможных заимствований; анализ итогов данного междисциплинарного взаимодействия. Совокупность этих и подобных аспектов помогает составить более конкретное представление о характере и специфике протекания междисциплинарных процессов, позволяет тем самым расширить методологическую базу и, в конечном счете, сделать более адекватное историческим реалиям обобщение о том или ином явлении.

В общем виде модель междисциплинарных исследований выглядит следующим образом: установка исследователей на междисциплинарность («Такая установка привела, – как отмечает исследователь М. Хоувелл, – в группу историков, признающих повседневную жизнь, экономические процессы, социальные структуры как неотъемлемые составляющие истории, таких наиболее видных историков двух последних десятилетий, как Лоуренс Стоун, Эммануэль Ле Руа Ладюри, Филипп Ариес, Кристофер Хилл, что говорит о триумфе категорий "класс, раса, гендер"»¹; формирование междисциплинарного исследовательского коллектива, т. е. кооперации; поиск и оценка междисциплинарных проблем; разработка общего метаязыка; содержательная интерпретация результатов.

Можно определить условия, при которых возможны полидисциплинарные исследования. Это:

1) определение объекта исторического исследования и его исходного состояния (сбор, обработка информации, выявление проблематичных сторон объекта и др.);

2) сохранение специфических свойств и характеристик объекта на всех уровнях теоретического абстрагирования;

3) разработка методической схемы анализа, в которой сумма отдельных исследований была бы необходима и достаточна для решения проблемы в целом.

Соблюдение этих условий позволяет реализовывать интегративную функцию исторической науки, связанную с использованием знаний из социологии, философии, психологии и др. В свою очередь методы и концепции этих дисциплин послужат одним из средств категориального синтеза в ходе исследования.

Систематизация и интеграция всей совокупности знаний, полученных в ходе междисциплинарного исследования, должны происходить в рамках теории, через которую они преломляются. Поэтому в зависимости от научного

¹ Шутова О. М. На пути к Истории Людей (заметки по истории исторической мысли; конец XX в.). Мн., 1999. С. 128

и методологического уровня сформированной теории можно судить об истории как научном направлении, о возможности применения междисциплинарных связей. Полученный результат должен быть обоснован. Результаты междисциплинарных исследований должны быть представлены в такой форме, чтобы их можно было эффективно использовать и в научной, и в практической деятельности. Междисциплинарные исследования в истории дают возможность проведения эксперимента с целью констатации истинности, адекватности результата, что, безусловно, более приемлемо, чем простая теоретическая аргументация. На основе содержательного обобщения результатов диагностики можно сделать прогноз развития сконструированного междисциплинарного объекта. При этом важно указать вид полученных знаний (концепцию, методику), содержательно раскрыть каждый из них ¹.

Активное проникновение в область исторических исследований совершенно иного оценочного инструментария – объективный процесс. Подобное проникновение нельзя считать односторонним процессом. Специалисты самых разных направлений приходят к близким суждениям о том, что миф об исключительности монодисциплинарной истории должен быть преодолен. **Историческая наука должна стать своего рода «децентрализованной», в ней должно находиться место для применения самых различных методов и концепций** ².

Феномен междисциплинарности представляет широкий простор для исторической мысли, постоянно ищущей ответы на сложные вопросы современности. Один из важных вопросов касается судьбы самой исторической науки. Куда направлен вектор современного процесса междисциплинарности? Какой станет историческая наука в ближайшие десятилетия? Ответы, предположения – самые различные. Апологет социальной немецкой истории Г.-У. Велер придерживается идеи о монизме исторической науки. Американский историк Дж. Иггерс, напротив, убеждён, что уже в настоящее время исторической науки как единого организма нет, так как имеет место высокая степень её дифференциации ³.

Причин такой противоречивости в мнениях о, казалось бы, вполне понятных процессах междисциплинарности много. Главная из них – многомерность и сложность самих объектов исследования. Между тем проблематика междисциплинарного взаимодействия (систематизация данных о полидисциплинарных контактах, изучение характера и особенностей

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 137 – 138.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 138.

³ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 138.

различных вариантов взаимодействия, возможность тотального переноса основ одной дисциплины на другую почву, поведение инородного элемента в системе дисциплины, степень его позитивного/деструктивного влияния на систему целостности и др.) еще не достаточно изучена в историографии, особенно в отечественной. Требуется преимущественное внимание к проблемам полидисциплинарности. Очевидно, что по мере усиления тенденций к интеграции и взаимодействию наук все большее значение будут приобретать вес и учёт в конкретной деятельности их характеристик и особенностей, а накопленный опыт междисциплинарных контактов поможет сыграть ценную роль, как в понимании перспектив многих процессов, так и в выработке оптимальных моделей развития. Появляется возможность накопить огромный эмпирический материал, далеко выходящий за рамки одной дисциплины. Это, в свою очередь, позволяет уяснить, что в той или иной науке является специфическим, а что общим, генерализирующим признаком.

Таким образом, **междисциплинарные исследования** в исторической науке:

- позволяют решить новые научные проблемы;
- дают возможность объяснить и предсказать возникновение событий и явлений, которые с прежних позиций было невозможно предвидеть и объяснить;
- открывают пути для разработки новых методов и подходов, определения приоритетных исследовательских задач¹.

***Семиотика и история. Культурфилософия Ю.М. Лотмана.
Характеристика гуманитарного знания. Концепция Р. Барта.***²

Семиотика (от греч. *sema* – знак, *semiotike*) – учение о знаках и о рядах знаковых форм. Она изучает общие принципы, которые лежат в основе структуры всех знаков. Семиотика рассматривает особенности различных знаковых систем и сообщений, использующих эти разные типы знаков. Можно говорить о знаках, которые несут в себе определенное содержание, скажем,

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 139.

² См.: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989; Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985; Гуревич П.С. Человек и культура. Основы культуроведения. М., 1998; Гуревич П.С., Султанова М.А. Первооткрыватель философии символизма // Философские науки, 1993, № 4–6; Гусейнов А. А. Язык и совесть. – М., 1996; Кто они М. Эзотерика основ культуры. – М., 1995; Культурология. Под научной ред. проф. Г.В. Драча. – Ростов-на-Дону, 1995; Лотман Ю.М. Семиотика // Культурология. XX век. Словарь. – СПб., 1997; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М. 1970; Степанов Ю.С. Семиотика. – М., 1971; Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М., 1992; Успенский Б. А. Избр. труды. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1996; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М., 1994; Язык и наука конца XX века. Под ред. акад. Ю.С. Степанова. – М., 1995.

светофор или расписание движения поездов. Некоторые знаки сообщают о свойствах предметов (несгораемый, водонепроницаемый). Есть знаки, которые помогают сделать выбор (меню, прейскурант).¹

Однако есть знаки, которые не имеют самостоятельного значения. Так, логико-математические знаки выражают отношение между самими знаками. Семиотическая функция весьма важна для культуры. Сама она представляет определённую знаковую систему. Культурологи и другие учёные изучают эту систему и пытаются овладеть ею.

Начало семиотических исследований может датироваться работами американского философа **Ч. Пирса** (1839-1914) и швейцарского филолога и антрополога **Ф. де Соссюра** (1857-1913). Пирс как основоположник семиотики исследовал типологию и функционирование знаков. Соссюр исследовал природу знака, языка, в результате чего возникла идея создать единую дисциплину, которая изучала бы все знаковые системы.

Соссюр назвал её «семиологией». Так трактовалась общая теория знаков, которая изучала способы коммуникации между людьми посредством знаков или языка, понимаемого достаточно широко. Соссюр считал, что существует множество языков, которым соответствуют разные формы культуры. Семиология была призвана изучать знаки, которые находятся в самом эпицентре общественной жизни.

Термин «**семиология**» во франкоязычной литературе отождествлялся с семиотикой. Однако с 70-х годов А. Греймас и Р. Барт провели демаркацию между этими словами. Как самостоятельная наука **семиотика** родилась в 50-х годах на пересечении структурной лингвистики, кибернетики и теории познания. Определённый импульс этим исследованиям дали философско-антропологические исследования, изучение различных форм коммуникации, данные структурной и когнитивной антропологии.

Человек, рождённый в определённой культуре, с младых ногтей усваивает смысл и назначение знаков, которые обуславливают коммуникацию людей. Однако «чужая» культура нередко оказывается странной, непостижимой. Поэтому вхождение в иную культуру сопряжено с раскрытием знаковой системы этой культуры. А. Соломоник в книге «Язык как знаковая система» выделяет пять основных типов знаков и знаковых систем: естественные, функциональные, конвенциональные, вербальные (естественные языки), знаковые системы записи.

Что такое «естественные знаки»? Это голоса природы, её органические обнаружения. Разумеется, не всё в природе можно назвать знаком. Многие природные процессы не получают смыслового раскрытия, потому что они не «вычитаны» человеком, если человек внезапно исчезнет с нашей планеты, сразу погаснут все «человеческие смыслы» природных явлений.

¹ Гуревич П.С. Философия культуры. Учебник для высшей школы. – М.: Издательский дом NOTA BENE, 2001. С. 182.

Смыслы в природе вычитывает человек. Ветерок, несущийся от моря, позволяет предположить, что будущие волны где-то рядом. Дым позволяет полагать, что на определённом расстоянии может обнаружиться и огонь. Человек воспринимает множество природных знаков. Человек африканской культуры разгадывает их и даже расшифровывает для себя. Горожанин пропускает мимо очевидные приметы природного мира. Он привык жить в иной среде.

Вот что пишет о способности бушменов разгадывать «естественные знаки» Э. Канетти: «Из высказываний бушменов видно, как важны для них эти предчувствия или предвосхищения. Наступление определённых событий они чувствуют собственным телом, нечто вроде постукивания в нём оказывается сообщением. Его буквы – в его собственном теле. Эти буквы говорят, движутся побуждают их самих к движению. Ощувив постукивание в собственном теле, бушмен велит другому молчать, и сам затихает. Предчувствие возвещает истину. Тот, кто глуп, не понимает урока и попадает в беду. Его убивает лев, или происходит иное несчастье. Понимающему постукивание поведает, какой дорогой нельзя идти, какой стрелой нельзя стрелять. Оно предупредит о повозке с людьми, едущей к дому. Если бушмен кого-то ищет, эти знаки подскажут, куда идти, чтобы найти его».

Знаки эти, считает Э. Канетти, следует сохранить в той простоте и конкретности, в какой они выступают в действительной жизни. Люди древних культур, естественно, искали смысл в многочисленных проявлениях природы, опирались на этот смысл в своей жизнедеятельности. По мере развития цивилизации умение ориентироваться на естественные знаки стало утрачиваться. Однако нельзя сказать, что современная культура окончательно порвала с органикой, и теперь вычитывает смыслы только в искусственной, внеприродной сфере.

А что такое функциональные знаки? Древний щит, обнаруженный в скифском кургане, – это череда смыслов. Мы понимаем, что здесь захоронен древний воин, мы можем судить о жизненном укладе ушедших от нас людей, о их культуре.

Входя в кабинет босса – хозяина фирмы, мы получаем от интерьера его офиса информацию не только о вкусах предпринимателя, но и о предназначении его предприятия. Нам становится ясным и представление шефа о том, что, значит, быть богатым и влиятельным.

Братья Стругацкие написали повесть «Пикник на обочине». В ней рассказывается о том, что инопланетяне оставили на Земле некие предметы. Мы можем разгадывать смысл этих знаков. Они для нас оказываются загадочными. Ведь это сигналы иной культуры. Однако, сопоставляя их с нашими знаковыми представлениями, мы в то же время раскрываем и чужеродные смыслы.

Можно привести примеры функциональных знаков. По отдельной детали мы можем судить о том, что представляет собой вся производственная техника. Ветряная мельница – это символ определённой цивилизации (в той же мере, как, скажем, дирижабль или компьютер). По фрагменту какой-нибудь

технологии мы можем судить обо всей технологической системе. Картина городского или сельского быта тоже вооружает нас знаковыми представлениями. Наша одежда – это «космос» знаков. Генеральский мундир или бальное платье – это обозначения разных миров. Наконец можно говорить и о «языке тела» – мимике, жестах, позах.

Ещё одна знаковая система – конвенциональная. В индустриальном мире заводской гудок свидетельствовал о том, что начинается рабочая смена. Баррикада – условный знак революционных боёв. Бой кремлевских курантов – символ определённой эпохи. Мы живем в «космосе» различных сигналов, которые помогают нам действовать в современной культуре, ориентироваться в повседневной жизни. Каждое государство имеет собственную символику. Она выражается в эмблемах, гербах, орденах, знаменах.

Естественные языки – это вербальные знаковые системы. У нас нет точной цифры, которая свидетельствовала бы о том, сколько языков на Земле. Учёные спорят о критериях, которые позволяют отличать диалекты от языков. Однако специалисты называют от 2500 до 5000 языков. Каждый язык можно рассматривать как исторически сложившуюся знаковую систему. «Хотя нам так легко и просто объясняться на родном языке, что мы обычно говорим, не задумываясь над тем, как мы это делаем, язык на самом деле не так уж прост. Он представляет собой полиструктурную, разветвлённую, иерархическую, многоуровневую систему знаков».

Наконец, существуют знаковые системы записи. Можно зафиксировать устную речь, но можно также записать мелодию, закрепить танцевальные движения. Письменность – величайшее достижение культуры. Запись музыки с помощью нот – это тоже важнейший способ сохранения культуры. В наши дни музыку записывают также на граммофонной пластинке, магнитной ленте. Развитие знаковых систем можно рассматривать как историю самой культуры.

Эрих Фромм называет разгадку сновидений и мифологических символов «забытым языком». Он отмечает, что язык символов по праву может считаться настоящим языком, единственным из всех универсальных языков, когда-либо созданных человеком. Но это вовсе не искусственный тайный код. Сейчас мифы едва ли вызывают у нас удивление. Если они стали респектабельными, составив часть нашей религии, мы относимся к ним с положенным уважением. Это для нас почтенная традиция.

Однако если мифы не освящены традицией, мы считаем их отражением детского уровня мышления непросвещённых древних людей, не знавших наук. Действительно, презирая или почитая мифы, мы считаем их принадлежностью некоего совершенно чуждого нашему мышлению мира. «Как и во сне, в мифах происходят драматические события, невозможные в мире, – пишет Э. Фромм, – где правят законы времени и пространства: герой покидает свой дом и свой край, чтобы спасти мир, или бежит от своего предназначения и живет в желудке огромной рыбы; он умирает и воскресает; сказочная птица сгорает и вновь возникает из пепла, ещё прекраснее, чем была».

Фромм подчёркивает, что разные люди создают разные мифы. Разные люди видят разные сны. Но, несмотря на эти различия, у всех мифов и всех сновидений есть нечто общее: они все «написаны» на одном языке – языке символов. Мифы вавилонян, индейцев, египтян, евреев, греков созданы на том же языке, что и мифы народов ашанти и трук. То, что увидит во сне современный человек, может оказаться совершенно аналогичным сновидению древнего каменотеса или крестоносца.

Язык символов – это такой язык, с помощью которого внутренние переживания, чувства и мысли приобретают форму явственно осязаемых событий внешнего мира. Это язык, логика которого отлична от той, по чьим законам мы живем в дневное время; логика, в которой главенствующими категориями являются не время и пространство, а интенсивность и ассоциативность. Это, по мнению Э. Фромма, единственный универсальный язык, изобретенный человечеством, единый для всех культур во всей истории. Это язык со своей собственной грамматикой и синтаксисом, который нужно понимать, если хочешь постичь смысл мифов, сказок, снов.

Однако современный человек забыл язык символов. Для людей прошлого, живших в развитых цивилизациях, как Востока, так и Запада, ответ на вопрос, как стоит понимать этот язык, был однозначным. Для них сны и мифы были важнейшим выражением души. Неспособность понимать их приравнивалась к неграмотности. Однако в последние несколько столетий в западной культуре эта установка изменилась. В лучшем случае мифы считались наивным порождением непросвещенного ума, существовавшим задолго до того, как человек совершил великие открытия законов природы и познал некоторые её секреты.

Работа Э. Кассирера «Опыт о человеке» посвящена философии символических форм. Так он называет разнообразные сферы культуры. Это относится, в частности, к языку, мифу, религии, искусству, науке, истории, которые трактуются Кассирером как самостоятельные феномены. Язык Кассирер относит к древнейшим из созданных человеком «символических форм», отмечая в то же время, что на ранних стадиях своего развития язык был тесно связан с мифологией.

На онтогенетическом уровне ребенок с помощью крика, а затем и немногих слов добивается удовлетворения своих инстинктивных потребностей. Первобытный человек переносит этот элементарный социальный опыт на всю природу, связывая природу и общество в единое целое. Когда, однако, со временем он убеждается, что природа не подчиняется ему и даже не понимает его языка, вера в магию претерпевает крушение. Человеком овладевает чувство беспомощности и одиночества (подобный взгляд развивал, как известно, Дж. Фрэнсер).

Тем не менее, человек выходит из этого кризиса, устанавливая новые отношения между языком и реальностью, заменяя магические функции слова его семантической функцией. Отныне слово, потеряв свою физическую силу воздействия, оказывается наделенным более высокой, логической силой. На

протяжении столетий препятствием для развития философии языка оставалось то, что вопрос о его природе постоянно подменялся вопросом о его происхождении.

Этот способ объяснений, отмечает Кассирер, присущ мифу, который трактует явления настоящего только через события далекого (священного) прошлого. Конечно, язык не принадлежит к числу вечных, неизменных идей, а существует и развивается во времени. Если бы мы даже смогли проследить эволюцию всех грамматических форм, выяснить, происходят ли все языки от одного общего источника и т. д. – это всё равно ещё не раскрыло бы нам сущности языка и его общей функции, что относится, впрочем, и ко всем другим символическим формам.

Между тем ещё в XIX в., «веке истории», в языкознании господствовал чисто исторический подход. Большинство лингвистов отказывались работать с индоевропейскими языками, поскольку их история была неизвестна. Я. Гримм заложил основы сравнительной грамматики германских языков. Ф. Бопп и другие создали сравнительную грамматику индоевропейских языков, не осознавая ещё того факта, что даже самые фундаментальные черты индоевропейской грамматики вовсе не являются универсальными для человеческой речи.

Особняком в XIX в. стоят работы великого лингвиста и культурфилософа Вильгельма Гумбольдта, начавшего изучение туземных языков Америки и Океании, история которых была совершенно неизвестна, и заложившего основы классификации языков мира. Гумбольдт писал о том, что язык не есть механический агрегат слов, что различие между языками не в различии звуков или знаков, но в различии взглядов на мир. В то же время Гумбольдт, сторонник критического метода Канта, всё же не ставил вопроса о происхождении и сущности языка. Тем не менее, он начал новую эпоху в философии языка, поскольку обратился к изучению его структуры и положил начало описательной лингвистике в противовес исторической.

Среди лингвистов прошлого века господствовало убеждение, что развитие языка началось с некоей аморфной фазы и, в конце концов, привело к флективным языкам как высшей стадии эволюции. Такие теории развивал, в частности, А. Шлегель. По мнению Кассирера дальнейшее развитие науки подорвало подобные теории. Более строгий анализ показывал, что то, что мы принимаем за дефект какого-либо языка, компенсируется за счёт других элементов.

Без речи не было бы людской общности, но нет более сильного препятствия для такой общности, чем различие языков. В мифах и религиях такое различие не считается изначальным. В мифах многих народов можно найти аналоги библейского рассказа о Вавилонской башне. Проблема «реального» райского языка, который выражал бы не условные знаки, но самую сущность вещей, серьёзно обсуждалась философами и мистиками ещё в XVII в., и Лейбниц посвятил этой теме один из своих трактатов.

По мнению Э. Кассирера, возникновение и развитие универсальных концепций и категорий в человеческой речи совершается очень медленно, но

каждый шаг в этом направлении ведет к лучшей ориентации и лучшей организации воспринимаемого нами мира.

Что такое символ? **Понятие «символ»** (от греч. *symbolon*) часто определяют как «нечто являющееся обозначением чего-то другого». Символ – это нечто, находящееся вне нас и символизирующее нечто внутри нас. Язык символов – это язык, посредством которого мы выражаем наше внутреннее состояние так, как если бы оно было чувственным восприятием. Язык символов – это язык, в котором внешний мир есть символ внутреннего мира, символ души и разума.

Условные символы – наиболее известный нам тип символов поскольку мы используем их в повседневном языке. Когда мы говорим «дом», мы условно вызываем в сознании образ дома. Но само слово не есть дом. Оно выражает нашу готовность называть предмет этим именем. Когда мы произносим «фи!», мы выражаем презрение. Символ внутренне связан с чувством, которое он символизирует.

Слова – не единственный пример условных символов, хотя самый известный и распространенный. Условными символам могут быть и образы. Например, флаг может быть знаком какой-то страны, но при этом особый цвет флага не связан с самой страной, которую он представляет. Крест может быть просто условным символом христианской церкви, и в этом смысле он ничем не отличается от флага. Но специфическое содержание этого образа связанное со смертью Христа и, кроме того, с взаимопроникновением материи и духа, переносит связь между символом и тем, что он символизирует, за пределы простой условности.

Случайный символ – прямая противоположность условному символу. Известно, что европейские телезрители привыкли, например, к мультипликационному персонажу Дональду Даку. Но вот телевизионную версию об этом утёнке показали в одной африканской стране. И произошло непредвиденное. Зрители стали бросать в экран различные предметы, выражая свое возмущение. Это означает, что здесь обнаружился случайный символ. Личный опыт африканца соединил зрелище со своим неприязненным отношением к образу утёнка.

Случайные символы редко используются в мифах, сказках или художественных произведениях, созданных на языке символов, поскольку они не несут в себе никакого сообщения, разве что автор снабдит каждый символ длинным комментарием. Но во снах случайные символы встречаются часто.

Универсальные символы – это такие символы, в которых между символом и тем, что он обозначает, есть внутренняя связь. В основе многих универсальных символов лежат переживания, которые испытывает каждый. Возьмем, к примеру, символ, связанный с огнем. Мы зачарованно смотрим на горящий очаг, и на нас производят впечатление определённые свойства огня. Прежде всего – его подвижность. Он всё время меняется, находится в движении, но, тем не менее, в нем есть постоянство. Он остается неизменным, беспрерывно меняясь, производит впечатление силы, энергичности, изящества

и легкости. Он как бы танцует, и источник его энергии неисчерпаем. Когда мы используем огонь в качестве символа, мы описываем внутреннее состояние, характеризующееся теми же элементами, которые составляют чувства, испытываемые при виде огня; состояние энергичности, лёгкости, движения, изящества, радости – и в этом чувстве преобладает то один, то другой из этих элементов.

Универсальные символы – единственный тип символов, в которых связь между символом и тем, что он символизирует, не случайна, а внутренне присуща самому символу. В основе этого, как считает Э. Фромм, лежит ощущение тесной связи между чувством или мыслью, с одной стороны, и физическим состоянием – с другой. Такой символ можно назвать универсальным, потому что эта связь воспринимается всеми людьми одинаково. Это отличает универсальные символы не только от случайных, которые по своей природе индивидуальны, но и от условных символов, сфера распространения которых ограничена группой людей, принявших те же соглашения.

В основе универсальных символов – свойства нашего тела, ощущений и разума, характерные для каждого человека и, таким образом, не ограниченные одним индивидом или группой людей. Именно язык универсальных символов и есть единственный общий язык, созданный человечеством, тот язык, который люди забыли, прежде чем он смог стать универсальным условным языком.

На языке символов создаются мифы во всех культурах от так называемых первобытных до высокоразвитых, какими были Древний Египет и Греция. Кроме того, символы, используемые в этих мифах различных культур, обнаруживают поразительное сходство, поскольку все они восходят к основным ощущениям и эмоциям, которые испытывают все люди.

Однако значение некоторых символов может различаться в соответствии с их различной значимостью как реалий в различных культурах. Например, функция и значение солнца различны в северных и тропических странах. В северных странах, где воды в избытке, рост всего живого зависит от солнечного света. Солнце здесь – любящая, защищающая сила, дающая тепло и жизнь. На Ближнем Востоке, где солнце греет намного сильнее, это опасная сила, от нее даже исходит угроза, которой человек должен противостоять. Здесь можно, как полагает Фромм, говорить о диалектах всеобщего языка символов, определяемых различиями в условиях жизни.

Еще можно сказать о том, что символы имеют не одно значение, в зависимости от различных переживаний, которые ассоциируются с одним и тем же физическим явлением. Долина между горами может вызывать чувство безопасности и покоя, защищенности от всякой угрозы извне. Но ограждающие горы могут означать также стены, которые не позволяют выбраться из этой долины, и, таким образом, долина становится символом изоляции, заточения. Каждое конкретное значение символа можно определить только исходя из общего контекста, в котором он возник.

Видным представителем семиотики в нашей стране был **Юрий Михайлович Лотман**¹ (1922–1993) – специалист в области истории теории литературы, эстетики, культуры, семиотики, культурологии. Его труды основаны на достижениях современного научного знания, особенно теории информации, кибернетики, теории систем. Ю.М. Лотман опирался на богатейший материал мировой и отечественной культуры. Интерес Ю.М. Лотмана к семиотике был обусловлен развитием структурализма в странах Восточной Европы) а также кризисом социологического метода в отечественной науке. Его по праву можно назвать одним из создателей отечественного структурализма, а также автором уникальной в отечественной философии культуры структурно-семиотической концепции культуры.

Ю.М. Лотман проявил огромный интерес к анализу текстологических проблем как факта культуры. Космос культуры он истолковывал исключительно с точки зрения его структуры. По мнению Ю.М. Лотмана, самосознание личности тождественно сумме текстов в потоке других текстов, составляющих мир культуры. Структура текста аналогична семиотической структуре культуры, в результате чего можно уподобить структуру и текст.

Исследователь трактует культуру в широком смысле слова как осознанные и неосознанные модели деятельности, формы и виды отношения человека к окружающему миру. Что касается собственно семиотики культуры, то она исследует способы, позволяющие языку моделировать мир. Она также рассматривает, как человек пользуется этим языком. Культура в оценке Тартуско-Московской семиотической школы функционирует как знаковая система. Реальный мир воспринимается в данной системе мышления как «текст». В этом случае предназначение культуры – «расшифровывать» сообщения и вскрывать заключенный в их смысл.

Структурно-семиотическая типология позволяет оценивать текст как способ бытия культуры. В 1984г. Ю.М. Лотман ввёл в науку понятие «семиосфера». По аналогии с ключевыми словами В.И. Вернадского «биосфера», «ноосфера» данное понятие характеризуется границами семиотического пространства, его структурной неоднородностью и внутренним разнообразием, образующим, структурную иерархию, слагаемые которой находятся в диалогических связях.

Разъясним также смысл других понятий, которые использует Ю.М. Лотман. Модель культуры в его интерпретации – это абстрактное понятие эталона или образца какой-либо культуры, представление самых общих характеристик культуры как общественного феномена. Данное понятие используется как общая схема теоретического описания той или иной культуры. Интерпретация текста – это способ прочтения и освоения текста.

Привычное для культурфилософии истолкование диалога культур получает в структурно-семиотической концепции Ю.М. Лотмана новое

¹ См.: Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М.; Лотман и тартуская школа. — М., 1964.; Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М., 1970; Успенский Б. А, Поэтика композиции. — М., 1972; Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. — М., 1972; Труды по знаковым системам (Учен. зап. Тартуского ун-та).- Тарту, 1965 — 1983.- Вып. 2 — 20.

освещение. Прежде всего, речь идет о постижении глубинного ядра каждой из культур, о расшифровке статуса и специфики вступающих в диалог культурных типов, о мобилизации их культурных традиций. Однако эти культурные особенности рассматриваются не автономно, а в контексте иной культуры. Так расширяется космос диалога. Он реализуется не только в рамках одного культурного типа. Диалогические отношения могут выявиться и в различные периоды истории.

Итак, в концепции Ю.М. Лотмана культура рассматривается как некий код, который предполагает наличие множества текстов. «Семиосфера» и «модель культуры» обозначают два процесса, которые дополняют друг друга и позволяют рассмотреть динамику развития культуры в целом. «Модель культуры» – это специфическое самосознание культуры, её обобщенный образ, который позволяет понимать и истолковывать культуру. «Семиосфера» – это претворение, реализация коммуникативных процессов, само постижение и интерпретация культуры.

Названные понятия использованы Ю.М. Лотманом для типологизации культур. В его работах сопоставляются, в частности, «открытые» и «закрытые» культурно-исторические типы. В результате сравнения понятий «семиосферы» и «модели культуры» рождается возможность выявить специфику русского культурного типа. В целом же анализ различных типов позволяет выявить и закрепить специфическую теорию диалога культур.

В структурно-семиотической концепции Ю.М. Лотмана текст оказывается информационным резервом культуры. Он в своей структурности порождает, например, такие варианты. Текст может самовоспроизводиться в качестве модели возникновения текстов. Он может трансформироваться, то есть перекодировать самого себя. Текст предполагает возможность самоописания (то есть возможность интерпретации).

Отечественные исследователи, в частности А.В. Васильева, отмечают, что **семиотическая концепция культуры Ю.М. Лотмана** представляет единство следующих её аспектов:

- 1) понимание культуры как структуры;
- 2) тождественность понятия «культура» понятиям «семиосфера» и «модель культуры»;
- 3) понятие «монада» как основа структурно-семиотической типологии культуры;
- 4) рассмотрение семиотической типологии культуры в качестве фундамента диалога культур.

Семиотическая концепция культуры заставляет исследователей вернуться к оценке специфики гуманитарного знания. Дело в том, что на протяжении многих веков точные науки постоянно сравниваются с гуманитарными, то есть с человековедческими. В 50-е годы пальма первенства неизменно принадлежала так называемым конкретным наукам. Это было связано с тем, что естественные дисциплины (физика, химия, биология, астрономия) принесли

человечеству внушительные открытия, которые позволили людям изменить собственную жизнь.

Гуманитарное знание имеет дело с человеком, его ценностями, смыслами, которым люди придают особое значение. Здесь велика роль не только сознания, но и интуиции, а также своего рода авантюры мысли, творческого воображения. Иначе невозможно проникнуть в сокровенный мир человека. Вот почему, когда речь заходила о постижении человека, человечества, общества, культуры, человеческого духа, то складывалось впечатление, будто гуманитарное знание не всегда конкретно и доказательно.

Но вот в культурологии появилась возможность применять разработанный структуралистский аппарат к описанию текстов искусства. Рождалось представление, что теперь можно преодолеть субъективность и предвзятость гуманитарных методов анализа. Отныне культура становится объектом точного и конкретного исследования. Вот почему сторонников структурно-семиотических методов обвиняли в том, что они формализуют и дегуманизируют гуманитарные дисциплины. Вместе с тем в культурфилософии развивалась идея о том, что после появления структурно-семиотических методов гуманитарное знание не выводится за пределы общего развития научной мысли второй половины XX века.

В 60-е годы культурологи стали прилагать лингвистические методы к различным семиотическим объектам. Исследователи, в частности, пытались выявить художественную специфику различных видов искусства. Иначе говоря, они старались очертить границы, внутри которых оказывалось возможным применение семиотических методов. В обиход вошли такие понятия, как «язык балета», «язык цирка», «язык немого кинематографа». Тексты рассматривались в широком социокультурном контексте.

Все это значительно расширило возможности культурфилософии. Структурно-семиотические методы позволили реконструировать тексты и ритуалы далёкой древности, которая не поддавалась детальной расшифровке и прочтению с помощью прежних исследовательских техник. В общественном сознании стала укрепляться идея культурного многоголосия. В 70-х годах, когда медики и антропологи открыли функциональную асимметрию больших полушарий головного мозга человека, это позволило выявить глубокие аналогии между индивидуальным сознанием человека и структурой человеческой культуры.

Семиотические исследования культуры стали проводиться во всех странах, где традиции гуманитарного знания были достаточно серьёзными и продолжительными. Но, разумеется, национальные, научные и культурные традиции наложили отпечаток на формирование школ и направлений. Опираясь на труды Веселовского и Потебни, концепции Московского и Пражского лингвистических кружков, ОПОЯЗа, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, В.Я. Проппа, В.М. Жирмунского, М.А. Гуковского, С.М. Эйзенштейна, О.М. Фрейденберг, Д.С. Лихачева, П.Г. Богатырева, Р. Якобсона и других исследователей 20–50 гг., в нашей стране семиотические исследования начала плодотворно проводить Тартуско-Московская школа.

В 60-70-е годы во Франции наряду с получившими мировое признание трудами К. Леви-Строса и Э. Бенвениста, под влиянием методологии Л. Ельмслёва и «неососсюрееанства», а также под непосредственным воздействием трудов русских формалистов сложились направления Р. Барта и А. Греймаса.

Р. Барт, наряду с Клодом Леви-Строссом, Жаком Лаканом, Мишелем Фуко, считается одним из крупнейших представителей современного французского структурализма. Французский исследователь глубоко осознал огромное значение знаковых систем в культурфилософии. Поворот Р. Барта к структурализму обозначен в таких его работах, как **«Воображение знака»** (1962), **«Структурализм как деятельность»** (1963).

У Р. Барта семиологические исследования были связаны с интересными разработками. Он полагал, что семиология должна стать «наукой о значениях». Философ подчеркивал, что в процессе социализации человек наделяет значениями весь предметный мир. Поэтому семиология могла бы стать наукой о социуме, поскольку она занимается практикой означивания. Следовательно, здесь можно говорить об изучении идеологий.

Объявив войну господствующей культуре, Р. Барт предпринимал попытки уже в 50-е годы создать всевозможные «контрязыки» и «контркультуры». Он стремился раскрыть внутреннее содержание знаков, показать их изнанку и таким образом представить во всей полноте. Если прежде семиология значилась как описательная наука, то поворот Р. Барта заключался в том, чтобы превратить её в критическую. В начале 70-х годов станет складываться «постструктуралистский» период в его творчестве. Импульсом для такой эволюции послужат работы Ж. Лакана и М. Фуко, знакомство с диалогической концепцией М. Бубера и М. Бахтина, влияние итальянского философа и лингвиста Умберто Эко, французского философа Жака Деррида, а также Ю. Кристевой.

Классическая лингвистика от Соссюра до современных французских функционалистов оценивала язык как постоянную структуру, которая в равной степени доступна всем членам общества. Разумеется, язык действительно служит для того, чтобы передать различные типы содержания. Однако для выражения собственных мыслей человек пользуется такими языковыми комплексами, которые имеют многозначный смысл. Важно обнаружить эти смыслы и определиться по отношению к ним.

Языковая деятельность, отмечает Р. Барт, **подобна законодательной деятельности, а язык является её кодом**. Мы не замечаем власти, которая таится в языке, потому что забываем: язык – это средство классификации. Всякая классификация есть способ подавления. Любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать.

Например, говоря по-французски, я вынужден сначала обозначить себя как субъекта и лишь затем назвать совершаемое мною действие. Таким образом, оно оказывается не более чем моим атрибутом. Получается, будто то, что я делаю, есть всего лишь следствие и последствие того, чем я являюсь.

Равным образом я всегда обязан выбирать между женским и мужским родом. Средний или общий род находятся для меня под запретом.

Точно так же, выражая свое отношение к другому, я вынужден пользоваться либо местоимением «ты», либо местоимением «вы». В их эмоциональной или социальной нейтрализации структурой языка мне отказано. Таким образом, по мнению Барта, в языке, благодаря самой его структуре, заложено фатальное отношение отчуждения. Говорить или тем более рассуждать вовсе не значит вступать в коммуникативный акт. Это, значит, подчинять себе слушающего: язык целиком есть общеобязательная форма принуждения.

Как только язык, считает Барт, переходит в акт говорения (пусть даже этот акт свершается в сокровеннейших глубинах субъекта), в нём с неотвратимостью возникают два полюса: авторитарного утверждения и тяги к повторению. С одной стороны, язык непосредственно утвердителен, с другой – знаки, образующие язык, существуют лишь постольку, поскольку они поддаются распознаванию, иными словами, поскольку они повторяются. В каждом языке дремлет, по выражению Барта, чудовище, имя которому – стереотип. Мы не довольствуемся повторением того, что уже было сказано, не пребываем в узилище знаков. Утверждая нечто – мы отмечаем всё, что сами же и повторяем. Таким образом, в языке рабство и власть переплетены неразрывно.

Р. Барт придавал большое значение структурализму и его методологию рассматривал как способ анализа произведений искусства данной культуры. Одновременно Р. Барт высоко оценивал методологию лингвистики как гуманитарной науки. Философов культуры привлекают его работы по семиотике культуры и литературы. Для выявления самостоятельности какого-либо направления в истории литературы он использовал понятия «язык», «стиль». Язык он трактовал как систему знаков, как важнейшее средство человеческого общения. Р. Барт подчеркивал, что стилевое единство существует в культуре определённой эпохи, страны, а также в сложившихся жанрах, видах и течениях искусств.

В процессе развития семиотики, её повышенного внимания к символической организации культуры родилось еще одно понятие – семиотическая культура. Данное понятие включает характеристику культуры с точки зрения её знаковости, процессов означения и понимания культурноценной информации, закреплённой в культурных текстах.

Семиотика культуры значительно расширяет наши представления о феномене культуры. Она позволяет применить структурно-функциональный и системный анализ в культурологии. В результате оказываются возможными кросскультурный и компаративистский подходы к множеству культурных феноменов.¹

¹ Гуревич П.С. Философия культуры. Учебник для высшей школы. – М.: Издательский дом NOTA BENE, 2001. С. 198 – 199.

Теория тропов Хейдена Уайта. Взаимодействие истории и литературоведения.

Контакты между двумя этими дисциплинами имеют глубокие корни. Достаточно вспомнить дискуссии о том, являются ли художественные произведения историческими источниками и какую именно информацию несут они, будучи исследованными в этом качестве. Обособление дисциплин лингвистического цикла было связано с выделением их объекта (языка) в качестве некоторой самостоятельной целостности, которую можно изобразить и изучить относительно независимо от всех остальных объектов.

Человек думает с помощью слов и образов. Они фиксируются в опыте с помощью символов и в первую очередь с помощью языка. От языка, с помощью которого мы общаемся и сохраняем накопленный опыт, зависит то, как мы думаем и строим планы, в какой последовательности расставляем жизненные приоритеты. Это стало очевидно в связи с развитием информатики и появлением искусственных языков программирования. Соответственно глубинными структурами рассуждений становятся нарративные (повествовательные) и дескриптивные (описательные) механизмы. Им присуща своя логика, которая поддается выявлению и анализу. Таким образом, появилась ещё одна возможность для изучения разных логик мышления представителей различных исторических школ на новом уровне: открывается путь к пониманию внеязыковых досознательных механизмов мышления.

Речь идёт о проблеме соотношения в деятельности человека целенаправленных логически чётких поступков и решений, а также эмоций, интуиции, ценностного восприятия. Суть проблемы в том, что логическая структура деятельности человека и его рассуждений может стать объектом математического моделирования, тогда как влияние на его поступки интуиции, эмоций, ценностно-психологических установок определяется исследователем на стадии до и после математической обработки данных посредством понимания изучаемых явлений, т.е. интуитивного проникновения в мотивы и характер «поступков деятелей прошлого путем их интерпретации. Соотношение поддающихся моделированию, т.е. объяснению, логических действий и поступков и не поддающихся моделированию, но являющихся объектом интуитивного понимания психическо-эмоциональных факторов оказывает сравнительные роли названных двух типов духовной активности.

Моделирование способствует выявлению логики и интуиции как в изучаемых историком поступках и рассуждениях исторических деятелей

прошлого, так и в исследовательской процедуре самого современного историка¹.

По отношению к влиянию эмоционально-психических факторов на политическое и социальное поведение людей прошлого моделирование – в силу особенностей исторической информации – затруднительно. Однако мотивы поступков, связанные с логическими рассуждениями, аргументацией, стали в настоящее время объектом пристального внимания историков и политологов, использующих формальнологические средства, методы искусственного интеллекта. К изучению логики аргументации все чаще обращаются специалисты в области истории международных отношений. Соответствующая методика может быть, например, использована при анализе средневековых нарративных источников, изобилующих стереотипами рассуждений и аргументации.

Одним из первых обратил внимание на связь содержания и формы изложения исторического сочинения **Иоганн Густав Дройзен**.² Его точка зрения не совпадает с построениями современных постмодернистов. «Формы изложения определяются не по аналогии эпоса, лирики, драмы (Гервинус), – говорил Дройзен, – не по отличию "определённых во времени и пространстве действий свободного человека в государстве" (Ваксмут), не по случайным всевозможным хроникам, достопримечательностям, картинкам из старины, историям (*quibus rebus agendis inter fuerit is qui narret*, Авл Геллий), а двойственной природой исследуемого». Двойственность же исторического исследования состоит в том, что представление о происшествиях и порядках былых времен, которое можно получить исходя из настоящего и из некоторых наличествующих в нём элементов прошлого, одновременно ведёт к обогащению и углублению понимания настоящего путем прояснения былых времен, и объяснению прошлых времён путём открытия и развертывания того, что из них имеется в настоящем. При этом, как уточнял Дройзен, «каким бы плодотворным ни было исследование, полученные им представления далеко не совпадают с многообразием содержания, движения, реальной энергии, которыми обладали вещи, когда они были настоящим»³.

Исследователь, излагая полученные им результаты, может занять ту или иную точку зрения: либо ту, что он мысленно, в представлении, насколько возможно, воскрешает вещи, которые некогда были, но минули, либо он глубже развивает и обосновывает настоящее, его сознание и его содержание. Таким образом, мы получаем различные формы изложения.

¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 71.

² Дройзен И. Г. ИСТОРИКА. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 579 с.

³ Дройзен И. Г. ИСТОРИКА. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. С. 494-495.

Самая естественная форма заключается в том, что исследователь, копая глубоко и все глубже, находит такие-то и такие-то скрытые сокровища. Такое изложение исследования создает впечатление, как будто главное для него не найденное, а сам процесс нахождения. Здесь интерес изложения направлен только на то особое, что я, исследуя, искал и нашел. Здесь важно составить описание или, скорее, изложить проведенное разыскание так, чтобы результатом оказалось именно это особое, ответ на этот вопрос, причина действий, цель поступка и т. д. Следовательно, это изложение есть **мимесис**¹ наших поисков и нахождения.²

Понятно, что такая форма, которая представляет лишь исследование, имеет нечто узко очерченное, микрологическое, даже что-то идущее более или менее от широкого контекста вещей и событий, высказывает, скорее, представление о нашей работе с вещами, чем о самих вещах. Поэтому нужна такая форма, в которой, наоборот, наш труд предельно отступает на задний план, а вещи, так сказать, получают слово. Это **повествовательная форма**.

Эта форма – как бы зеркальное отражение той, исследовательской. Она представляет результат исследования не как поиск и нахождение, а как процесс, моменты которого определились сами собой, своим видом, своей природой. И как нам разнообразие происшедших событий, по свойству, присущему человеку, является в форме становления, так и она выстраивает полученные в результате исследования представления в цепочку так, как соответствующие моменты следовали друг за другом или обуславливали друг друга в действительности, если её воспринимать как становление. Такая форма, рассказывая так, показывает, как этот вид и природа процесса постепенно становились и продолжали двигаться. Следовательно, она даёт мимесис становления.

Хотя всё-таки в эту манеру изложения привнесены кое-какие побочные мысли, тенденции и т. д., она не нуждается в них, а признаёт, что передаёт ход вещей таким, каковым он был в действительности, и делает это ради вещи, ради истины.

Но не стоит порицать эти побочные цели сами по себе; они появляются только тогда, когда отрицают себя. Напротив, наивысший интерес представляет то, что дело поняли, истину узнали, и то, что в тщательном исследовании познано, как истина признана таковою, и становится общим убеждением. То, что было, нам интересно не потому, что оно было, а потому, что оно ещё в некотором смысле есть, ещё действует, поскольку оно взаимосвязано с вещами, которые мы называем исторический, т. е. нравственный мир, нравственный космос. То, что мы знаем этот великий космос и нас в нём, составляет нашу духовную жизнь и наше образование; и мы можем его знать и иметь в нас,

1 МИМЕСИС (греч. mimesis - подражание) - термин древнегреческой философии, характеризующий сущность человеческого творчества, в т. ч. искусства.

2 Дройзен И. Г. ИСТОРИКА. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. С. 395.

только здесь, в настоящем, в эпитоме¹ мыслей, которые являются его содержанием и его истиной.²

Таким образом, мы получаем третью форму изложения, которую мы называем **назидательной, дидактической**.

Так мы видим, здесь мы получаем принципиальную точку зрения, чтобы употребить все имеющееся в прошлом для объяснения нашего настоящего и для его более глубокого понимания. Мы будем излагать это настоящее по его идейному содержанию, его истине, и подходящая для этого форма есть та, что мы указываем становление этого настоящего и его идейного содержания.

Но в массе ставшего и теперь сущего есть непрерывное движение, которое всегда может пойти в ту или иную сторону. История ещё позавчера и вчера работала и сегодня работает среди этой неистовой борьбы и столкновения тысяч интересов и страстей. Но история дает нам уверенность, что то, что работает и определяет труд человека и властвует над ним, суть идеи, те же самые великие идеи нравственного мира,— сегодня, как и всегда,— все действуют одновременно, постоянно обуславливая друг друга.

Кто хотел бы судить, исходя из момента «Здесь и Теперь» вещей, и принимать решения, тот очень скоро бы понял, как неглубоко он судит, какие поверхностные решения принимает на основании мгновенных импульсов, не связывая всё в один контекст. Глубоко мыслящий человек почувствует потребность понять себя не только в общем контексте, но и во всяком важном моменте и непрерывности событий. Он употребит знание прошлого, чтобы уяснить себе этот момент настоящего и по его обусловленности, каковую он имеет в предшествующем, сделает основательно и уверенно выбор, который требует от него решения.

Так, прилагая результаты исторического исследования к данному случаю, изложение как бы поворачивает назад. Ибо исходя из момента «Здесь и Теперь» и полученных в нём материалов, чтобы уяснить прошлое и заставить его вновь вспыхивать язычками пламени, оно собирает эти отблески и сияния, чтобы увидеть или показать настоящее при более ярком и пронизывающем освещении, объяснить исследуемое сущее его историей и продемонстрировать его во всём его значении. Эту форму изложения мы можем назвать **дискуссионной**.³

Согласно утверждению И.Г. Дройзена в этих четырех формах исчерпываются все возможности исторического изложения, но тем самым для различных задач исторического исследования даны необходимые формы.

¹ ЭПИТОМА (греч. Epitome) — краткое извлечение из труда более обширного, составленное епитоматором. Многие сочинения древних авторов известны нам только в сокращенных Э.; так сохранилось, например, большинство декад Тита Ливия (см.) или все обширное сочинение Трога Помпея (см. Юстин, историк).

² Дройзен И. Г. ИСТОРИКА. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. С. 396.

³ Дройзен И. Г. ИСТОРИКА. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. С. 397.

Распространение новых теорий и приёмов критики на анализ собственно исторических произведений в XX веке было связано с концептуальными разработками американских гуманитариев, прежде всего с так называемой тропологической теорией истории признанного лидера постмодернистского теоретического и методологического обновления историографической критики **Хейдена Уайта**.

Х. Уайт определил несколько уровней концептуализации в историческом сочинении: (1) хроника; (2) история; (3) тип построения сюжета [emplotment]; (4) тип доказательства [argument]; (5) тип идеологического подтекста [ideological implication].¹

Согласно его концепции раскрытие формальной связности различных событий и явлений в историческом сочинении достигается: (1) объяснением посредством построения **сюжета**, (2) объяснением посредством **доказательства** и (3) объяснением посредством **идеологического подтекста**.²

Следуя линии рассуждений, обозначенной Нортропом Фраем в его «Анатомии критики», он выделил, четыре разных типа построения сюжета: **Роман, Трагедия, Комедия и Сатира**. Возможны и другие, такие как **Эпос**, а конкретное историческое изложение, как правило, содержит истории, выполненные по одному типу, как стороны или фазы целого набора событий, построенных по другому типу. Но конкретный историк вынужден строить целый набор историй, создавая своё повествование в одной исчерпывающей или архетипической форме истории. Например, Мишле выполнил все свои истории как Роман, Ранке – как Комедию, Токвиль – как Трагедию, а Буркхардт использовал Сатиру.

Трагедия и Сатира – способы построения сюжета, которые соответствуют интересам тех историков, которые за сумбуром событий, содержащихся в хронике, или в самом этом сумбуре усматривают сохраняющуюся структуру отношений или вечное возвращение Того-Же-Самого в Различном. Роман и Комедия подчеркивают возникновение новых сил или условий на основе процессов, которые на первый взгляд казались в своей сущности неизменными или изменяющимися только в своих феноменальных формах. Но каждая из этих архетипических сюжетных структур имеет своё значение для когнитивных операций, посредством которых историк стремится «объяснить» то, что «действительно случилось» в ходе процесса, образ истинной формы которого эти операции создают³.

Следуя анализу Стивена Пеппера в его «Мировых гипотезах», Х. Уайт выделил четыре парадигмы формы, которую может принимать историческое объяснение, рассматриваемое как дискурсивное доказательство: **Формистскую, Органицистскую, Механистичную и Контекстуалистскую**.⁴

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. – С. 26.

² Уайт Х. Указ. соч. – С. 27.

³ Уайт Х. Указ. соч. – С. 30.

⁴ Уайт Х. Указ. соч. – С. 33.

Формистская теория истины нацелена на идентификацию уникальных характеристик объектов, обитающих в историческом поле. Соответственно **Формизм** считает объяснение законченным, когда должным образом идентифицирован данный набор объектов, определены его класс, общие и специфические атрибуты и ему придано наименование, удостоверяющее его специфичность. Рассматриваемые объекты могут быть индивидуальностями либо коллективами, частными либо общими, конкретными сущностями или абстракциями. Это предопределяет задачу исторического объяснения – рассеять понимание тех сходств, которые, по-видимому, объединяют все объекты поля. Если историк установил уникальность определённых объектов поля или разнообразие типов или феноменов, которые это поле проявляет, он дал Формистское объяснение поля как такового.

Формистский тип объяснения следует искать у Гердера, Карлейля, Мишле, романтических историков и великих исторических рассказчиков, таких как Нибур, Моммзен и Тревельян, – в любой историографии, в которой изображение разнообразия, красочности и живости исторического поля считается главной задачей работы историка.

Органицистские мировые гипотезы и соответствующие им теории истины и доказательства сравнительно **более «интегративны»** и поэтому в своих операциях более редуктивны¹. Органицист пытается изобразить детали исторического поля как компоненты синтетического процесса. В сердце Органицистской стратегии лежит метафизическая приверженность парадигме отношений «микрокосм–макрокосм»; и историк-органицист склонен руководствоваться желанием видеть индивидуальные сущности в ролях компонентов процесса, образующего целое, которое более значимо, или качественно отлично, от суммы своих частей. Историки, работающие в рамках этой стратегии объяснения, такие как Ранке и многие «националистические» историки середины XIX столетия (фон Зибель, Моммзен, Трайчке, Стабс, Мэтлэнд), склонны структурировать свои повествования таким образом, чтобы изобразить консолидацию или кристаллизацию из совокупности представляющихся разрозненными событий некоторой интегрированной сущности, важность которой значительнее, чем важность любой из тех индивидуальных сущностей, что анализировались или описывались в процессе повествования.

Такой подход к объяснению процессов, различаемых в историческом поле, представлен идеалистами в целом, а в особенности такими диалектическими мыслителями, как Гегель.

Для Органицистской стратегии объяснения свойственно воздерживаться от поиска законов исторического процесса, когда термин «законы» сконструирован в смысле универсальных и инвариантных причинных взаимосвязей на манер физики Ньютона, химии Лавуазье или биологии Дарвина. Органицист склонен говорить о «принципах» или «идеях»,

¹ РЕДУКЦИЯ [латин. *reductio* – отведение] – Переход, приведение сложного к более простому виду (науч.).

определяющих индивидуальные процессы, усматриваемые в поле, и все процессы, взятые как целое. Эти принципы или идеи увидены как намечающие цель, к которой стремится процесс как целое. Они не функционируют как причинные агенты или силы, кроме тех случаев, когда историки решительно придерживаются мистической или теологической ориентации, и в этих случаях принципы обычно трактуются как проявления замысла Бога о его создании. Фактически для Органициста такие принципы и идеи функционируют не как ограничения способности человека достигнуть в истории специфически человеческой цели, как могли бы действовать «законы» истории по мысли Механициста, но как гаранты фундаментальной человеческой свободы.

Механистичные мировые гипотезы также интегративны по своей цели, но они скорее редуктивны, чем синтетичны. Выражаясь в терминах Кеннета Бёрка, Механицизм склонен рассматривать «поступки» [«acts»] населяющих историческое поле «действующих лиц» как проявления сверхисторической «силы», происходящей из «сцены», на которой разворачивается «действие», изображенное в повествовании. Механистичная теория объяснения обращается к поиску причинных законов, определяющих последствия процессов, открытых в историческом поле¹. Объекты, которые считаются находящимися в историческом поле, конструируются как существующие в модальности отношений «часть–часть», их специфические конфигурации определены законами, которые предполагаются в качестве управляющих их взаимодействиями. Поэтому такие Механицисты, как Бокль, Тэн, Маркс и Токвиль, изучают историю с целью разгадать законы, действительно управляющие её действиями, и пишут историю с целью показать в нарративной форме следствия этих законов.

Существенная предпосылка **Контекстуализма** – события могут быть объяснены в рамках того «контекста», в котором произошли. Почему они произошли именно таким, а не иным образом, должно быть объяснено посредством открытия их специфических отношений с другими событиями, происшедшими в окружающем их историческом пространстве. Здесь, как и в Формизме, историческое поле понимается как «спектакль» или богатый деталями гобелен, которым, на первый взгляд, может не хватать связности и видимой фундаментальной структуры. Но, в отличие от Формиста, который склонен просто рассматривать сущности в их конкретности и уникальности, то есть в сходстве и отличии с другими сущностями поля, Контекстуалист настаивает на том, что то, «что случилось» в поле, может быть объяснено только на основе уточнения функциональных взаимосвязей, существующих между действующими лицами и силами, занимающими поле в данное время².

Определение этой функциональной взаимосвязи выполняется с помощью операции, которую некоторые современные философы, такие как У. Х. Уолш и Исайя Берлин, называли «связыванием». Цель объяснения в этой операции – определить «нити», соединяющие изучаемых индивидуума или институт с их

1 Уайт Х. Указ. соч. – С. 36.

2 Уайт Х. Указ. соч. – С. 37.

специфическим социокультурным «настоящим». Примеры такого рода объяснительной стратегии могут быть найдены у любого стоящего историка, от Геродота до Хейзинги, но как доминирующий принцип объяснения в XIX веке он находит выражение в работах Якоба Буркхардта. Как стратегия объяснения Контекстуализм стремится избежать и радикально рассеивающей тенденции Формизма, и абстрагирующих тенденций Органицизма и Механицизма. Вместо этого он стремится к относительной интеграции феноменов, найденных в ограниченных областях исторического совершения, **с точки зрения «тенденции» или общей физиономии периода и эпохи.**

По-видимому, в каждом историческом описании реальности действительно существует нередуцируемый идеологический компонент. То есть просто потому, что история не есть наука, или в лучшем случае, есть **протонаука с определёнными ненаучными элементами своей конституции**¹. Сама по себе претензия на отыскание некоторого типа формальной связности в историческом источнике привносит с собой теории природы исторического мира и самого исторического знания, которые имеют идеологический подтекст, ибо пытаются понять «настоящее», как бы это «настоящее» ни определялось. Иначе говоря, сама претензия на разграничение прошлого мира социальной мысли и практики от его настоящего и на определение формальной связности этого прошлого мира предполагает представление о том, какую форму должно принять это знание о современном мире, предполагает постольку, поскольку он непрерывен с этим прошлым миром. **Приверженность к определённой форме знания предопределяет типы обобщений,** которые делаются о современном мире, типы знания, которые о нем можно иметь и как следствие – типы проектов, которые можно оправданно рассматривать в целях изменения этого настоящего или, напротив, его увековечения².

Всякое значительное историческое произведение демонстрирует **целостное видение исторического мира**, а с другой стороны, философии истории используют те же средства артикуляции, что и значительные исторические произведения. Вот почему в своей большой работе «Metahistory» Х. Уайт без колебаний ставит в один ряд Мишле, Ранке, Токвиля, Буркхардта и Гегеля, Маркса, Ницше, Кроче.³

Интрига как способ построения целостного видения истории и есть специфический метод исторической дисциплины.

В работе Хейдена Уайта процедуры построения интриги впервые были отнесены к нарративной структуре историографии, хотя они и не охватывают всей этой сферы.

Сильную сторону исследований Х. Уайта составляет та ясность, с которой он эксплицирует допущения своего анализа великих исторических текстов и определяет сферу дискурса, где, в свою очередь, находят место эти допущения.

1 Уайт Х. Указ. соч. С. 41.

2 Уайт Х. Указ. соч. С. 42.

³ Поль Рикёр. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 187.

«Писание истории» (так называется книга Мишеля де Серто) – не есть нечто внешнее по отношению к концепции истории и к историческому произведению; оно не является вторичной операцией, которая связана только с риторикой коммуникации и которую можно было бы игнорировать как нечто принадлежащее лишь к сфере литературного оформления. Оно конститутивно для исторического способа понимания.¹

Следуя анализу Карла Манхейма в «Идеологии и утопии», Уайт постулировал четыре основные идеологические позиции: **Анархизм, Консерватизм, Радикализм и Либерализм**².

Имеются, конечно, другие метаполитические позиции. Манхейм³ ссылается на Апокалиптизм раннебуржуазных религиозных сект, Реакционную и Фашистскую позиции. Но эти позиции в своей сущности авторитарны, таким образом, какой не свойствен перечисленным выше формам идеологии XIX века. **Апокалиптик** основывает свои предписания к действию на авторитете божественного откровения, **Реакционер** – на авторитете классовой или групповой практики, рассматриваемой как вечно действенная система социальной организации, и **Фашист** – на неоспоримом авторитете харизматического лидера. И хотя ораторы, представляющие каждую из этих позиций, могут вступить в полемику с представителями других позиций, они не считают это необходимым для установления авторитета своих когнитивных позиций на рационалистических или научных основаниях. Поэтому, хотя они могут предложить особые теории общества и истории, эти теории не рассматриваются как ответственные перед другими позициями, перед «фактами» вообще, перед контролем со стороны логических критериев последовательности и связности.

Консерваторы стремятся рассматривать социальное изменение по аналогии с ростом растений, в то время как **Либералы** (по крайней мере, XIX века) склонны рассматривать его по аналогии с подгонкой, или «тонкой настройкой», механизма. В обеих идеологиях фундаментальная структура общества предполагается прочной, некоторые изменения – неизбежными, но само изменение рассматривается как наиболее эффективное тогда, когда изменяются скорее отдельные части тотальности, чем ее структурные отношения. Между тем **Радикалы** и **Анархисты** убеждены в необходимости структурных трансформаций, первые – в интересах переустройства общества на новой основе, вторые – в интересах упразднения «общества» и замены его «общностью» индивидуумов, объединённых вместе общим чувством их общей «человечности».

Что касается скорости рассматриваемых изменений, **Консерваторы** настаивают на «естественном» ритме, в то время как **Либералы** отдают предпочтение тому, что может быть названо «социальным» ритмом парламентских дебатов или ритмом образовательного процесса и

¹ См.: Certeau M. de. L'operation historique // Le Goff J., Nora P. Faire de l'histoire. I: Nouveaux Problemes. Paris: Gallimard, 1974. P. 19-68. Idem. L'Ecriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975.

² Уайт Х. Указ. соч. – С. 42.

³ См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

электоральной конкуренции между партиями, которым вверено наблюдение установившихся законов правления. Напротив, **Радикалы** и **Анархисты** допускают возможность трансформаций-катаклизмов, хотя первые склонны больше значения придавать власти, необходимой для произведения таких трансформаций, более чувствительны к инерционной тяге унаследованных институтов, а потому более, чем вторые, озабочены разработкой средств достижения таких трансформаций.

Консерваторы склонны представлять историческую эволюцию прогрессивной разработкой институциональной структуры, которая преобладает в последнее время, эту структуру они рассматривают как «утопию» – то есть как лучшую форму общества, на которую человек может «реалистически» надеяться или оправданно ожидать для временного бытия. Напротив, **Либералы** представляют время в будущем, когда эта структура будет улучшена, но они проецируют это утопическое условие в отдаленное будущее таким образом, что расхолаживают любые попытки ускоренно реализовать его в настоящем «радикальными» средствами. С другой стороны, **Радикалы** склонны рассматривать утопическое состояние как неминуемое, что вдохновляет их озабоченность обеспечением революционных средств воплощения этой утопии сейчас. Наконец, **Анархисты** склонны идеализировать отдалённое прошлое естественно-человеческой невинности, из которой люди впоследствии выпали в испорченное «социальное» состояние, в каком и находятся в последнее время. Они, в свою очередь, проецируют эту утопию во вневременную плоскость, рассматривая её как возможное человеческое достижение в любое время, если человек получит доступ к контролю над своей человеческой сущностью либо посредством акта воли, либо посредством акта сознания, который разрушит социально заданное убеждение в законности существующего социального истеблишмента.

Радикал разделяет с **Либералом** убеждение в возможности «рационального» и «научного» изучения истории, но их представления о том, из чего могла бы состоять рациональная и научная историография, различны. Первый ищет законы исторических структур и процессов, второй – общие тенденции или основное направление развития ¹.

Историографический стиль представляет собой особую комбинацию типов построения сюжета, доказательства и идеологического подтекста. Но различные типы построения сюжета, доказательства и идеологического подтекста в конкретной работе не могут быть объединены без помех. Например, Комическое построение сюжета не совместимо с Механистичным аргументом, как и Радикальная идеология несовместима с Сатирическим построением сюжета. Имеет место как бы избирательное сродство между различными типами, которое может быть использовано для получения объяснительного эффекта на разных уровнях композиции. И это избирательное сродство основано на структурных гомологиях, которые можно обнаружить

1 Уайт Х. Метаистория: Указ. соч. – С. 45.

среди возможных типов построения сюжета, доказательства и идеологического подтекста. Это сродство графически может быть представлено следующим образом ¹:

<i>Тип построения сюжета</i>	<i>Тип доказательства</i>	<i>Тип подтекста</i>
Романтический	Формистский	Анархический
Трагический	Механистичный	Радикальный
Комический	Органицистский	Консервативный
Сатирический	Контекстуалистский	Либеральный

Исторические описания оказываются **вербальными моделями**, или иконами, **отдельных сегментов исторического процесса**. Однако такие модели нужны потому, что документальная запись не создаёт сильного и ясного образа зафиксированных в ней событий.

Число возможных объяснительных стратегий не бесконечно. Фактически имеется четыре принципиальных типа, соответствующих **четырем главным тропам поэтического языка**. ²

В соответствии с этим, мы находим категории для анализа различных типов мысли, репрезентации и объяснения, встречающихся в таких ненаучных областях, как историография, в модальностях самого поэтического языка. Короче говоря, теория тропов даёт основу для классификации глубинных

¹ Уайт Х. Указ. соч. – С. 50.

² СТРУКТУРНАЯ ПОЭТИКА – направление в литературоведении начала 1960-х — конца 1970-х гг., взявшее основные методологические установки, с одной стороны, у классической структурной лингвистики де Соссюра и, с другой стороны, у русской формальной школы 1920-х гг.

С. п. имела три основных географических центра: Париж, Тарту и Москву. Французская школа (Клод Леви-Строс, Ролан Барт — см. также постструктурализм, отчасти Р. О. Якобсон — см. семиотика) была наиболее философски ориентированной, и структурализм здесь довольно быстро перешел в постструктурализм.

С. п. была тесно связана с семиотикой (в определенном смысле для России это даже было одно и то же), но в политическом смысле на советской почве она была поневоле интеллектуальным движением антиофициозного, внутриэмигрантского толка. Зародившись в оттепель 1960-х гг., она сумела пережить 1968 г., а к концу 1970-х гг. приобрела черты модной респектабельности, чего-то вроде отечественного товара, предназначенного на экспорт.

Основным тезисом С. п. был постулат о системности художественного текста (и любого семиотического объекта), системности, суть которой была в том, что художественный текст рассматривался как целое, которое больше, чем сумма составляющих его частей. Текст обладал структурой, которая мыслилась в духе того времени как похожая на структуру кристалла (говорили, что в начале своего пути литературоведы-структуралисты изучали основы кристаллографии, чтобы лучше понять то, чем они занимаются сами).

Историческая поэтика - наука, до сих пор находящаяся в процессе становления и не получившая окончательного статуса, хотя основы ее были заложены более ста лет назад великим ученым А. Н. Веселовским (1838-1906). Несмотря на исследования отечественных и зарубежных ученых, специально посвященные проблемам исторической поэтики, ее общие очертания еще только вырисовываются.

структурных форм исторического воображения в конкретный период его эволюции¹.

И традиционные поэтики, и современная теория языка в целях анализа поэтического, или фигуративного, языка выделяют четыре основных тропа: **Метафору, Метонимию, Синекдоху и Иронию**². Эти тропы обеспечивают характеристику объектов в различных типах непрямого, или фигуративного, дискурса.

Ирония, Метонимия и Синекдоха – это типы Метафоры³, но они **отличаются друг от друга по типу редукций или интеграции**, которые они обуславливают на буквальном уровне своего значения и по типу пояснений, для которых они предназначены на фигуративном уровне. Метафора по существу репрезентативна, Метонимия – редукционистична, Синекдоха – интегративна, Ирония – негативна.

Построение интриги – нечто гораздо большее, нежели один уровень наряду с другими: именно оно осуществляет переход от рассказа к объяснению. Кодирование информации в данном случае в большей мере определяется ожидаемым смысловым эффектом, чем самим изученным материалом.

Смысловой эффект состоит главным образом в превращении неизвестного в известное. **Кодирование способствует этому в той мере, в какой историк разделяет со своей аудиторией понимание форм, в которые должны облечься значимые ситуации человеческой жизни** благодаря участию историка в специфическом процессе формирования смысла и в силу которых он является участником скорее данного культурного наследования, нежели другого.⁴

Структуры – не застывшие правила. Это – формы культурного наследия. Если можно сказать, что ни одно событие само по себе не является трагическим и только историк показывает его таковым, определённым образом кодируя его, то это потому, что произволу кодирования ставится предел не рассказанными событиями, а надеждой читателя встретить известные ему формы кодирования: «кодирование событий применительно к той или иной структуре интриги – один из имеющихся в распоряжении культуры способов придания смысла личному или общественному прошлому»⁵.

Метафорическое выражение «моя любовь – роза» утверждает адекватность розы как репрезентации любимой, а именно то, что между двумя объектами существует сходство, несмотря на явные между ними отличия. Но идентификация любимой и розы утверждается только буквально. Фраза

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. – С. 52.

² См.: Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975; Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба Разума после Фрейда. М., 1997. С. 54 – 87.

³ МЕТАФОРА, метафоры, ж. [греч. metaphora] (лит.). Троп, оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-н. аналогии, сходства, напр. (из Пушкина): говор волн; змеи сердечной угрызенья. Блестящие метафоры. Неудачная метафора.

⁴ Поль Рикёр. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 195.

⁵ Поль Рикёр. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 195.

предназначена для образного восприятия, как указание на качества красоты, драгоценности, изысканности и так далее, которыми обладает любимая.

Сходный тип **репрезентации**¹ содержится в **Метонимическом** выражении «пятьдесят парусов», когда оно используется для обозначения «пятидесяти кораблей». Но здесь термин «парус» заменяет термин «корабль» так, чтобы свести целое к одной из его частей.

Посредством Метонимии, далее, можно одновременно различить два феномена и свести один к статусу проявления другого. Это сведение может принять форму отношения «действующее лицо–действие» («гром гремит») или «причина – следствие» («грохот грома»). И на основе такой редукции, как указывали Вико, Гегель и Ницше, феноменальный мир может быть населён множеством агентов и действий, которые предполагаются существующими за ним. Поскольку мир феноменов разделён на два порядка бытия (с одной стороны, действующие лица и причины, с другой – действия и следствия), примитивному сознанию даны чисто языковыми средствами концепции (действующие лица, причины, духи, сущности), необходимые для теологии, науки и философии цивилизованной рефлексии².

Внешние отношения, которые призваны характеризовать два порядка феноменов во всех Метонимических редукциях, могут – на основе **Синекдохи** – быть истолкованы по типу внутренних отношений общих качеств. Метонимия утверждает отличие между феноменами, истолкованное в духе отношений «часть–часть». «Часть» опыта, понимаемая как «следствие», связана с той «частью», которая понимается как «причина» в рамках редукции. Тем не менее, посредством тропа Синекдохи, возможно, истолковать две части в духе интеграции в рамках целого, то есть качественно отличного от суммы частей таким образом, что эти части есть не что иное, как микрокосмические повторения целого.

Чтобы проиллюстрировать, что представляет собой использование Синекдохи, можно проанализировать выражение «он весь – сердце». В этом выражении есть нечто, напоминающее Метонимию – то есть название части тела используется для того, чтобы охарактеризовать всего индивида. Но термин «сердце» должен пониматься фигурально как обозначение не части тела, но качества характера, традиционно символизируемого термином «сердце» в западной культуре. Термин «сердце» предназначен не для понимания в качестве обозначения анатомической части тела, функция которой может использоваться для характеристики функции всего тела, как в «пятидесяти парусах» для «пятидесяти кораблей». Скорее он должен быть истолкован как символ качества, то есть характеристика всего индивида, рассматриваемого как

¹ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, репрезентации, мн. нет, ж. [латин. repraesentatio] (книжн.). Представительство кого -, чего-н.

² Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. – С. 54.

комбинация физических и духовных элементов, вместе участвующих в этом качестве в модальности отношений «микрокосм-макрокосм»¹.

Поэтому в выражении «он весь – сердце» Синекдоха накладывается на Метонимию. Понятое буквально, выражение было бы бессмысленным. Прочтенное Метонимически, оно было бы редуцирующим, поскольку только предполагало бы признание центрального положения сердца для функционирования организма, чтобы быть фигурально более внушительным. Но прочтенное Синекдохически – то есть как предложение, предполагающее качественные отношения между элементами целого, – оно скорее интегративно, нежели редуктивно. В отличие от Метонимического выражения «пятьдесят парусов», используемых как фигура для «пятидесяти кораблей», оно призвано обозначать не просто «изменение имени», но изменение имени, обозначающего целостность («он»), обладающую некоторым качеством (щедрость, сочувствие и т. п.), которая заменяет и конституирует сущность всех образующих её частей. Как Метонимия, оно предполагает отношения между различными частями тела, которые следует понимать с точки зрения центральной функции сердца для этих частей. Однако как Синекдоха это выражение предполагает отношения между частями индивидуума, рассмотренного как комбинация физических и духовных атрибутов, которая является качественной по своей природе и в которой участвуют все части индивидуума.

Метафора репрезентативна так же, как это можно сказать о Формизме. Метонимия редуктивна Механистичным образом, в то время как Синекдоха интегративна по типу Органицизма. Метафора санкционирует префигурацию мира опыта в объект-объектных терминах, Метонимия – в терминах «часть-часть», и Синекдоха – в терминах «объект-целое». Каждый троп предполагает также культивирование уникального языкового протокола. Эти языковые протоколы могут быть названы языками тождества (Метафора), внешности (Метонимия) и внутренней сущности (Синекдоха).

Такие мыслители, как Вольтер, Гиббон, Юм, Кант и Робертсон, в конечном итоге пришли к Ироническому, по существу, взгляду на историю. Предшественники романтиков – Руссо, Юстус Мозер, Эдмунд Бёрк, швейцарские поэты природы, движение «Буря и натиск» и особенно Гердер – противопоставили этому Ироническому представлению об истории её осознанно «наивного» двойника. Принципы такого представления не были ни последовательно разработаны, ни применены критиками Просвещения в едином ключе, но всех их объединяла антипатия к рационализму Просвещения. Они верили в «эмпатию» как метод исторического исследования и культивировали симпатию к тем сторонам истории и человеческой природы, к которым деятели Просвещения относились презрительно или снисходительно. В результате этого противостояния в историческом мышлении произошел подлинный кризис, глубокое несогласие по поводу должного отношения к изучению истории.

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. – С. 54.

Этот раскол неизбежно породил интерес к исторической теории, и к первому десятилетию XIX века «проблема исторического познания» переместилась в центр интересов философов этого периода.

Философом, который сформулировал проблему наиболее глубоко, был Гегель. В период между его «Феноменологией духа» (1806) и «Философией истории» (1830–1831) он верно определил принципиальную причину раскола: неустранимые различия между Ироническим и Метафорическим типами понимания исторического поля. Больше того, в своей философии истории Гегель предложил резонное обоснование рассмотрения истории по типу Синекдохи¹.

В течение того же периода и французские позитивисты пересмотрели рационализм Просвещения в Органицистском направлении. В работах Огюста Конта, «Курс позитивной философии» которого увидел свет в 1830 году, просвещенческие Механистичные теории объяснения были соединены с Органицистской концепцией исторического процесса. Это позволило Конту представить историю как Комедию, растворяя тем самым Сатирический миф, который отразил пессимизм историографии позднего Просвещения.

Поэтому в течение первой трети XIX века сформировались три отдельные «школы» исторического мышления: «Романтическая», «Идеалистическая» и «Позитивистская». И хотя между ними не было согласия относительно должного метода изучения и объяснения истории, их объединяло отрицание Иронического отношения, с каким рационалисты позднего Просвещения подходили к изучению прошлого. Эта общая антипатия к Иронии во всех её формах по большей части объясняет энтузиазм по поводу исторических исследований, который был характерен для этого времени, и превалировавший, несмотря на радикальные отличия в вопросах «методологии», самоуверенный тон ранней историографии XIX века.

Это объясняет также и особенный тон исторического мышления на протяжении его второй, «зрелой» или «классической» фазы, продолжавшейся с 1830-х по (примерно) 1870-е годы. Этот период характеризовался непрерывными дебатами по поводу исторической теории и интенсивным производством объёмных повествований о прошлых культурах и обществах. Именно в течение этой фазы создали свои основные работы четыре величайших «мастера» историографии XIX века – Мишле, Ранке, Токвиль и Буркхардт².

В историографии этой фазы наиболее примечателен уровень теоретического самосознания, на котором её представители проводили свои исследования прошлого и создавали о нем свои повествования. Почти все они были вдохновлены надеждой создания такого видения исторического процесса, которое было бы столь же «объективным», как у естествоиспытателей, и столь же «реалистичным», как у государственных деятелей, управлявших судьбами наций в этот период. Поэтому в течение этой фазы обсуждение обратилось к вопросу о критериях, на основании которых можно было бы судить о подлинно

¹ Уайт Х. Указ. соч. – С. 58.

² Уайт Х. Указ. соч. – С. 58 – 59.

«реалистической» концепции истории. Как и их современники-романисты, историки того времени были озабочены созданием таких образов истории, которые были бы свободны как от абстрактности их просветительских предшественников, так и от иллюзий их Романтических предтеч. Но так же, как их современники-романисты (Скотт, Бальзак, Стендаль, Флобер и братья Гонкуры), они преуспели лишь в создании стольких различных видов «реализма», сколько имелось модальностей конструирования мира в фигуративном дискурсе. Против Иронического «реализма» Просвещения они направили ряд соперничающих с ним «реализмов», каждый из которых представлял собой проекцию того или иного из типов Метафоры, Метонимии и Синекдохи. Фактически, как я продемонстрирую, «исторический реализм» Мишле, Токвиля и Ранке представлял собой критическую разработку взглядов, задаваемых этими тропологическими стратегиями переработки опыта специфически «поэтическими» способами. А «реализм» Буркхардта свидетельствует о впадении в то самое Ироническое состояние, от которого «реализм» намеревался освободить историческое сознание того периода.

Расслоение этих различных способов исторической концептуализации сопровождалось, а в значительной степени и обусловило дальнейшие размышления о философии истории. В ходе этой второй фазы философия истории тяготела к отторжению гегелевской философии, но, в общем, она не продвинула мысль об историческом сознании дальше той точки, в которой Гегель его оставил. Исключением из этого обобщения является, конечно, Маркс, пытавшийся объединить Синекдохические стратегии Гегеля с Метонимическими стратегиями политической экономии своего времени с тем, чтобы создать историческое видение, которое было бы вместе «диалектическим» и «материалистическим», то есть «историческим» и «механистичным» одновременно¹.

Сам Маркс представляет собой наиболее упорное стремление XIX века превратить историческое исследование в науку. Более того, его усилия проанализировать отношения между историческим сознанием, с одной стороны, и реальными формами исторического существования – с другой, были самыми последовательными. В его работах теория и практика исторической рефлексии тесно связаны с теорией и практикой общества, в котором они возникли. Больше, чем любой другой мыслитель, Маркс был чувствителен к идеологическому подтексту любой концепции истории, которая претендовала на статус «реалистического» видения мира. Собственная концепция истории Маркса была какой угодно, только не Иронической, но он преуспел в раскрытии идеологического подтекста каждой концепции истории. Тем самым он создал более чем достаточные основания для перехода к Иронии, который был характерен для исторического сознания последней фазы исторической рефлексии века, я разумею так называемый кризис историцизма, развившийся в течение последней трети столетия.

¹ Уайт Х. Указ. соч. С. 59 – 60.

Но исторической мысли не было нужды в Марксе для того, чтобы пережить свою третью, кризисную фазу. Сам по себе успех историков второй фазы был достаточен, чтобы повергнуть историческое сознание в состояние Иронии, каковое является истинным содержанием «кризиса историцизма». Последовательная разработка множества равно всеобъемлющих и правдоподобных, хотя очевидно взаимоисключающих концепций для одних и тех же наборов событий была достаточна для того, чтобы подорвать уверенность в претензии истории на «объективность», «научность» и «реализм».

Для квалификации в качестве науки история должна обеспечить себя специальным языком, чтобы посредством него сообщать полученные результаты. Без такого языка общий синтез, подобный произошедшему в физических науках, будет невозможен. Несмотря на это, нет единого языкового протокола, продержавшегося хотя бы день среди историков (или в социальных науках в целом), протокола, каким обладают физические науки со времён Ньютона в лице математики и логики. Так как история сопротивлялась любой попытке формализации дискурса, историки были обречены на множественность интерпретативных стратегий, содержащихся в употреблении обыденного языка на протяжении XIX века.

Нет такой теории истории, которая была бы убедительной и неопровержимой для некой аудитории только по причине адекватности её как «объяснения данных», содержащихся в повествовании, поскольку в истории, как и в социальных науках в целом, не существует способа предварительного установления [pre-establishing] того, что будет считаться «данными» и что будет считаться «теорией», «объясняющей» то, что эти данные «означают». В свою очередь, не существует никакого соглашения по поводу того, что будет считаться собственно «историческими» данными. Решение этой проблемы требует метатеории, которая установит на метаисторическом уровне различие между просто «природными» явлениями и явлениями собственно «историческими»¹.

Вся вторая половина 1970-х гг. была в мировой историографии временем поиска научно-исторической альтернативы как сциентистской парадигме, опиравшейся на макросоциологические теории, так и её формировавшемуся постмодернистскому антиподу.

Концепция Хейдена Уайта показала, что невозможность прямого восприятия реальности не означает полного произвола историка в её «конструировании».

Таким образом, Уайт дал начало формированию средней позиции. Средняя позиция исходит, с одной стороны, из существования реальности вне дискурса, не зависящей от наших представлений о ней и воздействующей на эти представления. Однако её приверженцы переосмысливают свою практику в свете новых перспектив и признают благотворное влияние «лингвистического

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. – С. 495.

поворота» в истории постольку, поскольку он не доходит до того крайнего предела, за которым факт и вымысел становятся неразличимыми, и отрицается само понятие истории, отличное от понятия литературы.

Подвергая критическому пересмотру собственные концепции, историки, склоняющиеся к средней позиции по существу, артикулировали эпистемологические принципы тех версий социальной истории, инновационность которых долго оставалась неопознанной. Будучи одним из проявлений всеобщего культурного сдвига, «лингвистический поворот» воплотил в себе всё, что длительное время оставалось неостребованным и казалось утраченным, но постепенно вызревало в самой историографии, а также то, что было переработано ею в лоне междисциплинарной «новой истории». Так, всплеск интереса к микроистории в 1980-е гг. был реакцией на **истощение эвристического потенциала макроисторической версии социальной истории**, что вызвало потребность по-новому определить её предмет, задачи и методы, используя теоретический арсенал микроанализа, накопленный в современном обществоведении.¹

Признание активной роли языка, текста и нарративных структур в созидании и описании исторической реальности является базовой характеристикой культурологического подхода к истории, под которым обычно понимают совокупность некоторых наиболее общих теоретических и методологических принципов «новой культурной истории». Последняя сформировалась, если можно так сказать, в болевых точках «новой социальной истории», ставших – в процессе переопределения самой, категории социального и мобилизации всего наиболее жизнеспособного в арсенале социокультурной истории – точками роста. Усвоив уроки постмодернизма и переосмыслив историографический опыт недавнего прошлого в условиях эпистемологического кризиса первой половины 1990-х гг., ведущая часть мирового научного сообщества оказалась способной взглянуть на свою практику со стороны и, используя теоретический арсенал микроанализа, накопленный в современном обществоведении, разработать новые модели, призванные избавить социальную историю от ставших тесными форм, ассимилировать новые идеи и выйти в новое исследовательское пространство.²

¹ Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. Пособие для вузов. М.: «Дрофа», 2004. С. 248.

² Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. Пособие для вузов. М.: «Дрофа», 2004. С. 248.

Комплексный подход в исторической науке. История как объяснение и история как понимание. Историческая герменевтика.

Комплексный подход сформировался окончательно, когда произошел отказ от противопоставления изучения в истории индивидуального общему, когда история не рассматривается как знание, основанное исключительно на исследовательских процедурах понимания, интуиции, тогда как социология – на процедурах подведения под закон. Иными словами, герменевтика превратилась, точнее, превращается в направление, базирующееся на когнитивном картировании, базах и банках данных, на методах формальной логики и искусственного интеллекта ¹.

Теоретическим обоснованием герменевтики служат работы **М. Хайдеггера, Х. Г. Гадамера, П. Рикёра** и др.

Х. Г. Гадамер предложил изучать «мир истории» прежде всего на основе внутреннего переживания, непосредственных данных сознания, являющихся условием общечеловеческой коммуникации, которая обеспечивает индивидуальному сознанию «подъём над собой к всеобщему». **В данном случае препятствием к субъективистскому истолкованию истории является историчность человеческого сознания**, наличие в нём культурно-обусловленных «пред-рассудков», «пред-убеждений». «Истинный исторический предмет является вовсе не предметом, но единством того и другого – отношение, в котором коренится действительность, как истории, так и исторического понимания. Понимание по существу своему является действенно-историческим решением» ².

Герменевтика, применяемая в исторической науке – теория операций понимания, последовательное осуществление интерпретаций, дисциплина второго порядка, применяемая к общим правилам истолкования. **Под пониманием следует иметь в виду искусство постижения значения законов передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение (жесты, позы, символы и, разумеется, речь).**

Понимание – основное понятие герменевтики ³. Категориальный статус приобрело у Ф. Шлейермахера, переориентировавшего герменевтику с разработки правил истолкования конкретных текстов на исследования общих принципов их понимания. Не вдаваясь здесь в критический анализ концепций его последователей и в том числе Риккерта, воспроизведём его принцип

¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 72.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 355.

³ Философский словарь / Под. ред. И.Т. Фролова. 7-е изд. М.: Республика, 2001. С. 436 – 437.

понимания в познании: «Познание это не может быть воспроизведением объективного, оно есть скорее преобразующее их понимание»¹. Другой основатель неокантианской методологии **В. Дильтей** к этому еще добавлял: «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем»². В философии **Хайдеггера** «понимание» из метода познания превращается в специфически человеческое отношение к действительности: понимание – способ бытия человека в мире и имеет онтологический характер, предваряя всякую человеческую активность в качестве предпонимания. Прежде чем действовать мы на основе своего чувственного опыта (причём этот опыт – не только наш опыт, но и социальный опыт, который был воспринят нашим сознанием прежде, поэтому он существует как бы независимо от индивидуального сознания) строим с помощью воображения идеальные модели, планируем и проектируем в уме, а затем уже действуем. Чтобы понять людей определённой эпохи надо погрузиться в тот уровень социального опыта, который существовал в изучаемую историком эпоху. В данном случае становятся понятны мотивы, которыми руководствовались участники исторических событий, субъекты истории.

Введение понятия «понимание» направлено на **изучение роли субъективного, индивидуального в познавательном процессе**. О гносеологическом смысле проблемы индивидуального, идеографического в историческом познании по существу говорит и современная философская герменевтика³. Она содержит представление о роли индивидуальной интерпретации и понимания в истории, а также признает правомерность сложнейших объяснительных процедур типа методов когнитивной психологии, структурного анализа текстов, связанного с математическим моделированием, формальным анализом аргументации. Идеография – это принцип организации познания истории, исторического знания, отражающая внимание к общему в единичном, включающая в качестве важнейшей проблемы рефлекссию относительно сложного механизма сочетания объяснительных и интерпретационных методик во всей их многоаспектной специфике. Иными словами, понимание идеографии в духе современной герменевтики отличается от представлений Г. Риккерта, который противопоставлял идеографию номотетике (то есть тому, что обычно называют наукой).

Понимание также предполагает анализ. Весь этот анализ осуществляется с помощью логики, охарактеризованной К.В. Хвостовой как **логика аргументации** и, точнее, той её части, может быть названа **логикой доверия**. Её назначение состоит в обосновании на основе не фальсифицируемых рассуждений достаточности имеющихся в источниках сведений для реконструкции фактов и нахождении между ними связей. В работах В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса мы уже встречаем серьёзные обоснования

1 Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С.167, 80.

2 Дильтей В. Описательная психология. М.: Русский книжник, 1924. С.8.

3 Хвостова К.В. Вопросы исторического познания // Новая и новейшая история. 1993. №3.

логики доверия по отношению к историческому исследованию¹. Дело в том, что не только субъект-объектная корреляция, но и то, что исторические свидетельства носят подчас разрозненный и разнородный характер, порождает постановку специальных проблем достоверности источника и применение при его критике логики доверия. Теоретическую основу критики источника в значительной мере составляет учение Шлейермахера, Гадамера и других представителей философской герменевтики (герменевтика – истолкование, интерпретация)².

Понимание не сводится только к поиску мотивов. **Понимание распространяется на поступки, наделённые смыслом облечённые ценностями**, даже тогда, когда это происходит неосознанно и люди просто адаптируются к сложившейся ситуации. Есть разница между действиями, которые субъективно направляются намерениями или верованиями индивидов, преследующих свою цель – или осуществляющих свою мечту – независимо от реальных условий (так называемая субъективная целерациональность), и действиями, которые направляются разумом и адекватны сложившейся ситуации (объективная рациональность правильности)³.

Вписывание исторического явления в некую временную реальность не может быть чертой, которая абсолютно отличала бы его от других типов явлений. История начинается там, где одни события являются причиной последующих событий. Важно не следование, а сцепление. Для истории недостаточно, чтобы факты располагались в хронологическом порядке; необходимо влияние одних фактов на другие.

Есть факты человеческой истории, в которых роль намерений весьма мала – настолько ограничена в них свобода действия: таковы, например, зерновые кризисы, а отсюда повышение цен на хлеб, голод и увеличение смертности сами по себе не относятся к области мотивов и доводов в противоположность вызвавшим их причинам, но это ситуации, к которым современники вынуждены приспособляться и которые они должны осмысливать.

Суть понимания состоит в его укорененности в жизненном опыте субъекта⁴. Об этом писал Вильгельм Дильтей: «Созидание (наук о духе) исходит из жизненного опыта, оно идёт от реальности; оно состоит в том, чтобы проникать всё глубже в историческую реальность, чтобы подробнее исследовать её, приобретать всё более широкий взгляд на неё. Сюда не включают никакие гипотезы, которые не предполагали бы нечто сверх данного.

¹ См.: Ланглуа В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб, 1899; особенно раздел 1: Внутренняя подготовительная критика – и 2 раздел: Внутренняя критика (с.55 – 168).

² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 95.

³ Вебер М. Понимающая социология // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 500.

⁴ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 159.

Ибо понимание проникает в формы выражения чужой жизни благодаря перемещению, совершаемому на основе полноты личного опыта».

«Это понимание означает не только специфический методологический приём, который мы применяем в отношении таких объектов; речь идёт не только о разнице (для наук о духе и наук о природе) в положении субъекта относительно объекта, о типе подхода, о методе; но, кроме того, приём понимания объективно основывается на том, что внешний элемент, составляющий объект наук о духе, абсолютно отличен от внешнего элемента наук о природе. В этих внешних реальностях объективировался дух, в них отвердели цели, в них реализовались ценности, и именно это вписанное в них духовное измерение схватывается пониманием. Между мной и этими реальностями существует жизненная связь. Их целенаправленный характер находит своё обоснование в моей способности ставить цели, то прекрасное и хорошее, что в них есть, основывается на моём умении устанавливать ценности, а их доступность пониманию обуславливается моим интеллектом».

«Во внешней природе взаимосвязь явлений выводится из связи абстрактных понятий. Наоборот, в мире духа внутреннее единство переживается и понимается исходя из пережитого. Гармоническое единство природы абстрактно, а психические и исторические сцепления являются живыми, проникнутыми жизнью»¹.

В отличие от Дильтея **Поль Рикёр** считает герменевтику не только философской дисциплиной, основанной на использовании данных психологии. Рикёр переносит вопрос в онтологическую плоскость, стремясь таким образом преодолеть крайности объективизма и субъективизма, натурализма и антропологизма, сциентизма и антисциентизма. Для исторической науки (точнее было бы сказать – историографии) это означает решение проблемы репрезентации прошлого в истории.

Проникновение в другое сознание осуществляется не непосредственно путём «переживания», а опосредованно, путём воспроизведения творческого процесса исходя из внешнего выражения. Этот процесс возможен потому, что знаки имеют материальную основу, моделью которой является письменность. Расхождение между пониманием и интерпретацией порождает конфликт методов.

С этой теорией связано в частности использование методов искусственного интеллекта в политологии (Н. Латес, А. Джордж, Р. Абельсон). Расшифровка образов применяемых в текстах базируется на теориях общности смысла языковых и знаковых структур. Формализация и компьютеризация интерпретации, в частности, используемой в аргументации, имела в политологии важное значение в разработке основ системы принятия решений.

¹ Dilthey W. L'Édification du monde historique dans les sciences de l'esprit / Traduit et présenté par S. Mesure. Paris: Éd. du Cerf, 1988. P. 72 – 73.

В истории подобные исследования важны для выявления исторических альтернатив поведения индивидуумов и социальных групп, для оценки принятых ими решений с точки зрения исторической перспективы ¹.

Место и роль принципа понимания в историческом познании – дискуссионная проблема. Одни методологи науки признают её необходимость и плодотворность, другие же приносят в её истолкование преимущественно негативные суждения, придают ему отрицательные оттенки, упрекают сторонников этого принципа в излишнем психологизме, приносимом в познание. Важным в данном случае является утверждение о том, что понимание как принцип исторического познания включает в себя интерпретацию как метод познания. Оно пронизывает весь сложный познавательный процесс, и не может не быть востребованным в науке, где выполняет важную эвристическую функцию ².

История – поджанр повествования, который может претендовать на статус науки. Воображение в данном случае и есть способность к созданию новых логических видов, которые можно подвергать критике (фальсификации). История – есть весьма своеобразный вид понимания. В данном случае историческое объяснение с помощью законов, регулярных причин, функций, структур соучаствует в повествовательном понимании. Можно сказать, что в историческом сочинении, чем лучше объяснено, тем лучше рассказано. «Понимать» для историка, означает – каждый раз проделывать заново лежащую в основе семантической ³ инновации дискурсивную операцию.

Дискурс (рассуждение, довод) – понятие современной лингвистики, семиотики и философии, получившее широкое распространение в англо – и особенно франкоязычных странах (в России проблемами изучения дискурса занимался **Ю.М. Лотман** ⁴, крупнейший представитель семиотики в нашей стране). Дискурс понимается как создание «вторичных моделирующих систем» на основе «первичных моделирующих систем», каковыми являются естественные языки, ⁵ а именно они согласно концепции Рикёра являются выражением человеческого опыта. С речью дискурс сближает то, что он также является процессом и деятельностью. Однако в отличие от речи дискурс

¹ См.: Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences. Cambridge, 1981; Таллер М. Что такое «источничко-ориентированная обработка данных. Что такое историческая информатика?» // История и компьютер. С. 5-18.

² Садыков М.Б. Интерпретация как метод исторического познания // Clio moderna. Зарубежная история и историография: сборник научных статей. Выпуск 4. Казань: Мастер-Лайн, 2003. С. 10.

³ Семантика – раздел языкознания и логики, в котором исследуются проблемы, связанные со смыслом, значением и интерпретацией знаков и знаковых выражений. В широком смысле семантика, наряду с синтактикой и прагматикой, является частью семиотики – комплекса философских и научных теорий, предметом которых являются свойства знаковых систем, естественных языков, искусственных языков науки, различных систем знаковой коммуникации и сигнализации в человеческом обществе, языков программирования ЭВМ. Содержательная интерпретация таких языков есть основной предмет логической семантики, раздела современной логики, в котором изучается смысл и значение понятий и суждений как выражений определённой логической системы и который ориентирован на содержательное обоснование логических правил и процедур, свойств непротиворечивости и полноты такой системы.

⁴ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.

⁵ Философский словарь. С. 161 –162.

предполагает систему, он обладает свойством целостности, имеет специфическую внутреннюю организацию, форму, к нему применимы понятия вида, типа, жанра и стиля. Дискурс – это речь, наделённая социокультурным измерением, или язык, преобразованный говорящим субъектом и включённый в конкретный социокультурный контекст (В философском словаре под редакцией И.Т.Фролова указывается, что историки используют метод дискурсивного анализа при изучении архивных документов).

Объяснение не первично, а вторично по отношению к пониманию. Объяснение, представленная как знаковая комбинация, то есть как некая семиотика, строится на базе понимания первого уровня, основанного на дискурсе в качестве нераздельного и способного к инновации акта. Ещё Марк Блок объяснил, что ценнее всего свидетельства непредумышленные, невольные¹. Рикёр согласен и с ним и с Реймоном Ароном: «Теория предшествует истории». Прежде всего, историк осуществляет «разумный анализ»: по выражению Марка Блока, выбирает историю как определённое познание на базе определённых обобщений, то есть также как современная физическая наука. Этот специфический рационализм роднит историю и физику. «Истории не пристало иметь дело с явлениями более низкого порядка»².

Историк рассуждает по аналогии с настоящим, он переносит в прошлое способы объяснения, доказавшие свою пригодность в каждодневном опыте всех и каждого.

Проблематика заключается в недостаточной связности исторического дискурса. Можно сосредоточить своё внимание на разнообразии способов объяснения в истории. Именно в этой связи говорится об отсутствии собственного метода у истории. Она лишь удобным образом сочетает объяснительные методы и законы, позаимствованные из естественных наук (это особенно очевидно на примере истории экономической), и объяснения с помощью фактов, почерпнутых из истории политической, военной или дипломатической, или же – если речь идёт о микроистории – объясняет события поступками протагонистов³. **В истории между объяснением и пониманием нет неустранимого противоречия.**

Объяснение и понимание исторических явлений имеют некоторую аналогию с пониманием и объяснением литературных текстов. Как отмечает П. Рикёр, бессмысленно противопоставлять непосредственное, интуитивное понимание текста структурному анализу, которому можно его подвергнуть, ибо как можно быть уверенным, что текст понят правильно, если не был произведён его анализ, и зачем, с другой стороны, производить анализ, если нет того, что

1 Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1973. С.36 –45.

2 Рикёр П. Истина в познании истории // Рикёр П. История и истина. СПб., 2002. С. 40.

3 Рикёр П. Историописание и репрезентация прошлого / Анналы на рубеже веков. Антология. М., 2002. С.33.

надо понять. Точно так же и в истории: одного понимания недостаточно, и оно рискует быть ошибочным, если мы не удосужимся выстроить на его основе более систематическое объяснение, прибегнув для этого к анализу первоначальной ситуации, выявив разнообразные факторы и взвесив все причины¹.

Другими словами, по мнению Рикёра, можно анализируя тексты с помощью опыта накопленного семиотикой, понимать логику рассуждений и действий людей, действовавших в определённую эпоху и в определённой ситуации. Таким образом, появляется возможность объяснения действий больших и малых групп людей и анализа роли субъективного фактора исторического процесса во взаимосвязи с социальными процессами. Субъективное с этой точки зрения получило относительно объективную основу для объяснения.

Личность согласно концепции Поля Рикёра есть место рождения значений, дающих начало культурным смыслам. Понять её можно, только осознав её укоренённость в бытии, и определив тенденции её движения в будущее.

В данном случае в рассуждение о причинах человеческой деятельности вводится понятие – «интенциональность».

Интенциональность – понятие в феноменологии, означающее смыслообразующую устремлённость сознания к миру, смыслоформирующее отношение сознания к предмету, предметная интерпретация отношений. Она выражает постоянное напряжение между человеческой реальностью и миром, их нераздельность и взаимную несводимость, которая обнаруживает онтологическую значимость человеческого бытия.² Интенциональность как акт придания смысла (значения) предмету при постоянной возможности различения предмета и смысла, означает, что структура переживания не зависит от того реален предмет или нет. «Жизненный мир» (как предметный мир) предстаёт в своём бытии как основанный на смыслах, а значение становится универсальным посредником между субъектом и «его» миром. Человеческая субъективность оказывается творческим духом, созидаящим всё многообразие культуры. Личность способна создать то, чего ещё не было, исходя из своей способности к идеализации действительности. И это творение может стать вполне реальным и объективным. «Желание быть и усилие быть» проявляются через то, что мы сначала имеем бытие в мире, затем понимаем его, затем интерпретируем и уже, затем говорим о нём. Сфера «говорения» не только выражает «сферу бытия», но и сама относится к ней, взаимодействует с нею; между ними происходит постоянный процесс взаимопроникновения.

1 См.: Ricoeur P. Expliquer et comprendre: Sur quelques connexion remarquables entre la théorie du texte, la théorie de l'action et la théorie de l'histoire // Revue philosophique de Louvain. 1977. T.75, févr. P. 126 – 147.

2 Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд. М., 2001. С. 211–212.

Любое явление человеческой культуры, согласно Рикёру, имеет своё прошлое, укоренённое в желании быть и способе его удовлетворения. Изначальное условие человеческого опыта имеет языковой характер: восприятие, желание, воображение, так или иначе, проговариваются. Поэтому всякое культурное творчество символично. Язык изначально обладает символической функцией, то есть язык – вторичное понимание реальности и только в языке может быть выражена зависимость от того, что ему предшествует. Онтологическая герменевтика Рикёра позволяет понять существование до языка и видеть в языке средство, с помощью которого человек создаёт «второй мир». Человек как субъект культурно-исторического творчества и есть та точка, в которой осуществляется связь времён, основанная на активной деятельности индивида. Таким образом, создаётся концепция интерпретации, основанная на диалектическом восприятии времени.¹

История зависит от различных уровней понимания причинности, согласно которому причина означает то «недавнее, ещё не устоявшееся, исключительное явление в общем порядке мира» (Марк Блок), то концентрацию сил в ходе постепенной эволюции, то постоянную структуру. В этом отношении труд Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» знаменует собой рождение метода, нацеленного на распутывание причинных связей и последующего овладения ими.... Но это упорядочение всегда будет оставаться непрочным, поскольку целостная композиция не вполне однородных причинных зависимостей, установленных в ходе анализа и конституированных им, ставит проблему, которая едва ли получит решение. Как бы то ни было, в причинности необходимо внедрить психологические мотивы, непременно несущие на себе следы обыденной психологии»².

Ещё одна черта этой неполной объективности исторической науки – необходимость давать название тому, что упразднилось. Как сделать понятными уже не существующие институты с помощью современного языка? Вот почему исторический язык с необходимостью является многозадачным.³ Перенесение в «другое настоящее» с помощью воображения неизбежно. Поэтому труд историка всегда будет носить печать субъективности, личностного подхода к решению проблем даже при условии использования методов психоанализа и вживания в образ человека другого времени.

Историк идёт к людям прошлого со своим специфическим человеческим опытом. Момент, когда субъективность историка приобретает способность постигать, наступает тогда, когда история воспроизводит ценности прежней человеческой жизни вне всякой критической хронологии. Это восстановление в памяти ценностей, которое, в конечном счете, является единственным

¹ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд. М., 2001. С. 493.

² Рикёр П. История и истина. СПб., 2002. С.41.

³ Там же. С. 42.

доступным нам способом возрождения людей, если не считать нашей способности переживать то, что они переживали, невозможно без кровной «заинтересованности» историка в этих ценностях. Учитывая, что прежде жившие люди являются частью одного и того же человечества, можно выделить те общие для всех людей ценности, которые объединяют их сейчас и объединяли раньше. Поэтому и сегодня историк может ставить вопросы о значимости давно прошедших событий.

Принцип историзма, требующий рассмотрения объекта в конкретных исторических условиях и связях при сохранении им неизменной сущности, сменяется **принципом историчности**, в соответствии с которым история есть способ существования всего сущего, и, прежде всего, человека. Стремление постичь «план» истории, её «замысел», «идею», как находящиеся в сфере трансцендентного, уступает место поискам смысла истории в сфере «имманентного», то есть внутри самой историчной по существу человеческой деятельности с присущей ей способностью к порождению новых смыслов.¹

В современном понимании «хорошая» субъективность историка проявляется в «открытости иному», способности понять мотивы поведения тех людей, деятельность которых он исследует. Историческое сознание – способ выявления субъективного аспекта истории одновременно способ выявления причинно-следственных связей в развитии общества. Все упоминавшиеся выше детерминизмы создают условия для реализации человеческих желаний или игры его воображения. Будут ли они реализованы и как они будут реализованы, зависит от людей, у которых всегда есть свобода выбора – концепция лежащая в основе научных поисков Поля Рикёра, ведущая своё начало от персоналистских исследований 1930-х годов

Субъект исторического познания находится не отстранённо от объекта. Любое высказывание историка лежит корнями в предыдущем опыте. В основе такого подхода лежит теория информации. Актор – тот, кто кодирует информацию. Читатель – тот, кто раскодирует информацию. Соответственно, реципиент – тот, кто воспринимает информацию. К любому тексту можно обращаться с разными вопросами. Надо учитывать, что читатель – тоже субъект высказывания. Историческая реальность текстуальна. На бытовом уровне каждый слышит то, что хочет услышать. Это используется политиками. Они «переходят из регистра в регистр» в зависимости от аудитории, желая, заручится поддержкой зала. Историки в отличие от политиков должны осознавать временную дистанцию, контекст изучаемого события. Поэтому их обращение с текстом ограничено жёсткими правилами. У профессионала-историка то же есть обыденное сознание. Его то и преодолевает профессионал в попытке достичь более адекватного отражения исторической реальности.

Слова, которые выбирает автор, зависят от его жизненного опыта. Профессиональный язык консервативен и отстаёт от непрофессионально знания. Историк может задавать новые вопросы своему тексту, так как

¹ Сергейчик Е.М. Философия истории. СПб., 2002. С.595.

меняется его жизненный опыт. Меняется не вещь, а отношение к вещи. Описывается отношение к тому, что было увидено в источнике, но не произвольно, а по правилам внутренней и внешней критики.

Эти идеи изложены в работе Поля Рикёра «Время и рассказ». М., 1999. Т. 1. (Ricoeur P. Temps et récit.), которая считается одним из самых фундаментальных трудов по этой теме во Франции¹. Поль Рикёр показал разницу между историей как литературным жанром и историей как исследованием: история является видом нарратива (литературного описания событий), претендующим на научность.

Описание зависит от того научного языка, который сложился на данное время. Документы написаны на языке, которым сейчас не пользуются, одни и те же символы могут иметь разный смысл. Другому времени присуща другая модель мышления. Не зная этой модели нельзя понять, как думали люди другого времени. Для древних греков «боги» – реальность, для нас – мифология. Поэтому всё, что было связано с мифологическими представлениями древних греков нашими историками всерьёз не воспринималось. Нужна генетическая критика и изучение текстов с точки зрения того, как они писались, как думали люди их писавшие, почему использовались эти слова, а не другие.

Достаточно трудно отличить историческую реальность и вымысел, исходя из текста документов и таким образом реконструировать историческое прошлое. Историк должен как следователь всё время искать улики. Как пишет Карло Гинцбург: в труде историка преобладает «уликовая парадигма».

Главной задачей историка стал анализ так называемого «дискурса», т. е. правил и функций образа мышления и его взаимосвязь с устной и письменной формами репрезентативности. В частности, такой позиции придерживался известный французский постструктуралист М. Фуко.

Язык понимается как нечто, посредством которого люди воспринимают и переживают экономические и политические процессы. Всё зависит от умения историка выбирать теорию и методы исследования в соответствии с избранным предметом исследования. Избранные методы исследования должны соответствовать уровню исследования. Историк должен осознавать свою зависимость от существующей на данный момент системы представлений об обществе и процессах изменения системы общественных отношений изучаемого им периода истории. Он должен обратиться к самому себе и выяснить, как он делает своё дело. Так достигается оптимальное соотношение

¹ См.: Рикёр Поль. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / Пер. с франц. И.С.Вдовиной. М.: Искусство, 1996. - 270 с.; Рикёр Поль. Время и рассказ / Пер. с франц. М.; СПб.: Университет. книга и др., 2000. – 313 с. Т.1. Интрига и исторический рассказ; Рикёр Поль. История и истина / Пер. с франц. И.С.Вдовиной и А.И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. - 400 с.; Рикёр Поль. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с франц. И.С.Вдовиной. М.: «Канон-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. - 624 с.; Ricoeur P. Philosophie critiques de l'histoire: Recherche, explication, ecriture // Philosophical problems today. Dordrecht etc., 1994. Vol. 1. - P. 139 – 201; Ricoeur P. L'ecriture de l'histoire et la representation du passe // Annales: Histoire, sciences sociales. - P., 2000. - A.55. - №4. - P.731 -747; Ricoeur P. Le memoir, l'histoire, l'oubli. - P.: Seuil, 2000. (5), IV, 685 p.; Рикёр П. Историописание и репрезентация прошлого // «Анналы» на рубеже веков – антология. Пер. с франц. М., «XXI век: Согласие» 2002. С.23 – 41.

между субъективностью историка и объективностью самого исторического процесса для данного этапа развития исторической мысли.

Воззрения Поля Рикёра отличаются от взглядов представителей научных направлений, отрицающих возможность познания смысла истории. Рикёр, как представитель «религиозной феноменологической герменевтики» по определению, данному в Философском словаре под редакцией И. Фролова, стоит на тех же позициях, что и современные неотомисты. Сторонники неотомизма и других направлений католической мысли выступают **против крайнего исторического релятивизма**, предлагают систему религиозно-нравственных ценностей для спасения современной цивилизации.

Религиозные интерпретации истории успешно конкурируют со светскими западными нашего столетия, ибо обосновывают целостное толкование всемирно-исторического процесса, утверждают его гуманистическое содержание¹. Религиозно-критическое осмысление общественной жизни основано на выявлении утраты людьми не только личной, но и общественной перспективы существования, порождённых утратой религиозно-нравственных ценностей. Современные христианско-либеральные взгляды основаны на уверенности в действенности возврата к христианским ценностям как средству преодоления общего духовного кризиса. Основное требование этой теории – создать особый лик «человека понимающего», который был неведом предшествующей неотомистской философии с её равнодушием к культурно-исторической деятельности².

Различные **трактовки всемирной истории** с позиций современного неотомизма основаны на представлении, что **в основе её лежит процесс постоянного роста активности субъекта**, всё более отчуждающегося от тотальности бытия, отделяющегося от неё спектром навыков культуры и технических средств. В ней выделяются три этапа. На первом из них, именуемом «предысторией», люди лишь борются за существование, вся сеть используемых ими инструментов служит именно этой цели. Здесь господствует мифологический язык, фиксирующий неразрывность человека и целостности бытия. Следующий этап, этап «истории», связан со стремлением больших групп людей к счастливому существованию и «автономии», предполагающей поиск неповторимой культурной самоотождествлённости, самоопределения во всех сферах социального бытия. Это период создания многообразия языков, культуры, кода человек ещё не изведal полного отчуждения от своих бытийных корней. А вот эпоха «послеистории», эпоха отчуждения человека видится представителям этого направления, приводящей к печальным последствиям. Здесь разрушается групповая потребность поиска средств

¹ Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. С. 5.

² Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. С. 164.

самоотождествлённости, создания уникального исторического мира и торжествует единый научно-технический язык ¹.

Эволюция **неотомистской интерпретации проблемы смысла истории** свидетельствует о смене теоретических установок, принимаемых католическими авторами в различных социальных обстоятельствах. «Классический» вариант её трактовки полон христианско-либеральной веры в прогрессивное торжество религиозно-нравственных ценностей, идеала «интегрального гуманизма» в культуре человечества. Кризисные явления конца XX столетия, рост консервативных умонастроений, сопутствовали становлению иной версии неотомистского подхода к постижению смысла истории, органично впитавшей **установки герменевтики и критический пафос «неомарксизма»**, отвергающей любые схемы социального развития и «внутримирских утопий» в свете абсолютного гуманизма христианства. Характерно, однако, что столь рациональная трансформация ориентиров не означает отречения от видения человечества как единого целого, в многообразии культур которого обретают воплощение абсолютные ценности – истина, красота и благо. Взывая к ним, неотомисты пытаются указать религиозно-нравственную перспективу решения актуальных вопросов наших дней. Обращение к общегуманистическим ценностям выгодно отличает их воззрения от многих западных светских концепций смысла истории ².

Кризис западных нерелигиозных философско-исторических теорий, порождённый торжеством релятивизма, открыл путь к возвращению «на круги своя». В современных условиях только религиозная философия смогла предложить путь преодоления «мировоззренческого вакуума», основанный на общегуманистических ценностях, которые передаются культурной традицией и служат ориентиром постижения смысла истории ³.

Как возможен анализ интерпретации как общенаучного метода, положенного в основу изучения исторической парадигмы?

Проблему интерпретации применительно к исторической науке в методологическом подходе одним из первых рассмотрел К.Поппер: «Историческая интерпретация является по преимуществу точкой зрения, ценность которой состоит в её плодотворности, в её способности пролить свет на имеющийся исторический материал, побудить к открытию нового материала, помочь осмыслить и обобщить его» ⁴. Воздавая должное интерпретации как методу исторического познания, Поппер вместе с тем высказывает и определённый скепсис по отношению к нему, поскольку он не обладает необходимой научной строгостью и проверяемостью, так как

¹ Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. С. 170.

² Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. С. 174.

³ Губман Б.Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. С. 190.

⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1991. Т.1. С.216.

интерпретация выражает точку зрения историка. Поэтому этот метод не может не нести в себе наивности и нескритичности¹. Следуя своему принципу критики историцизма, Поппер, по сути, отвергает интерпретации всеобщей истории, называет их общими интерпретациями. Интерпретации же, имеющие своим содержанием осмысление отдельных фактов, событий и т.д., в принципе проверяемых, верифицируемых и, следовательно, получающих статус научности, он квалифицирует «конкретными или специфическими интерпретациями»². Поппер не отрицает необходимости интерпретации в историческом познании. Более того, специфические интерпретации он образно сравнивает с прожектором, направленным в прошлое для того, чтобы лучше увидеть настоящее в его отраженном свете³.

Интерпретация в историческом познании является не неким формально-логическим методом осмысления получаемых значений, а особым способом активизации историка-исследователя, перенесения его интересов на познавательный объект. Историк, находясь в лоне громадного, беспредельного богатства фактов, не может игнорировать необходимости их отбора, упорядочивания, сопоставления в пространственных и временных интервалах. Историк, таким образом, вносит в исторические знания свое видение, дает им свои оценки, придает фактам значения, переводит их в статус ценностных восприятий, воплощает их в предмет собственных знаний и понимания.

Необходимость интерпретации порождается различными познавательными условиями, обстоятельствами и факторами в исторической науке. Прежде всего, фактография этой науки, составляющая её основную эмпирическую основу, не может замыкаться в самой себе. Факт – содержательная сторона истории, более того, её несущая, стержень и форма знаний. Но вместе с тем факт всегда предстает как отдельная, дискретная единица, своего рода квант знаний. А главное состоит в том, что факт, несущий в себе то или иное значение, вовлекается в дискурсивный процесс. Историк не только регистрирует и описывает открытые им факты, но и стремится обнаружить – что же находится за ними, как они были порождены, найти мотивы деятельности субъектов истории, вскрыть тенденции в исторических процессах, связи между фактами и наступившими последствиями и результатами и т.д. Все эти познавательные составляющие и включаются в «канву», в тело исторической интерпретации, способствуя превращению эмпирических знаний в системно-комплексные, теоретические знания.

Воображения занимают при этом свое особое место, как бы заполняя или замещая в русле познавательного процесса недостающие звенья, и придают знаниям наглядность, образность давно минувшим, опосредствованно данным явлениям, событиям, ситуациям.

Приёмы исторического познания в рамках воображаемых форм выполняют скорее вспомогательную роль, их значение нельзя преувеличивать:

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1991. Т.1. С.305.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1991. Т.1. С.310.

³ Там же. С.310.

ведь все они обусловлены недостаточным массивом проверяемых, аргументированных знаний. Воображаемые знания не свободны и от крайнего субъективизма и поэтому могут содержать значительные дозы иллюзорных представлений, которые, естественно, по мере обогащения исторических знаний либо отбрасываются, либо же становятся научными знаниями, если они получают доказательное обоснование и приобретают тем самым признание научного сообщества. С другой стороны, признание наличия таких форм познания требует для установления истины познания не только исторических фактов, но и самих историков, эти факты изучающих.

В данном случае мы имеем дело с таким методом познания как **аналогия**. Разумеется, рассуждение по аналогии предполагает одновременно преемственность времени и его объективацию. Это рассуждение основано на постулате о проходящей сквозь века глубинной преемственной связи между людьми. Оно предполагает обращение к предшествующему опыту деятельности и жизни людей в обществе. Весь этот опыт является связующим звеном между пониманием и пережитым ¹.

Такой приём естественен для человека, исходящего из мысли, что до него жили люди похожие на него самого. Он, естественно не может быть беспристрастным, и не давать оценок, иначе он напишет мёртвую историю, которая ничего не поймёт и никого не заинтересует. Эмоциональность историка ставит перед нами три проблемы. Первая из них – **проблема моральных границ**.

По этому поводу Примо Леви высказал сомнение: «Ни один нормальный человек никогда не сможет отождествить себя с Гитлером, с Гиммлером... и многими другими» ². Поэтому понимание как его понимают многие поклонники герменевтики не может быть основным методом познания прошлого.

Вторая проблема – **проблема объективности, или лучше сказать, беспристрастности**. Долг историка демонстрировать широту взглядов, ясность мысли, вытекающую из глубокого понимания всей совокупности партнёров и ситуаций, которые он исследует. Именно это определяет ценность исследования.

Третья проблема, бесспорно, самая трудная: это **проблема легитимности перестановки**. Поставить себя на место того, кого ты изучаешь, замечательно. Но как удостоверится, что тебе это удалось? Понимание – вещь ненадёжная: никогда нельзя быть уверенным в том, что тебя правильно поняли.

Люсьен Февр предостерегал от «психологического анахронизма – худшего и коварнейшего из всех видов анахронизма»:

«Ибо существует проблема исторической психологии. Когда в своих статьях и трактатах психологи говорят нам об эмоциях, о чувствах, рассуждениях «человека» вообще, они на самом деле имеют в виду наши

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.С. 162.

² Levi P. Appendice écrit en 1976 pour l'édition scolaire de Si c'est un homme. Paris Julliard, 1995. P. 261.

эмоции, наши чувства, наши рассуждения – словом, нашу психическую жизнь...Каким же образом мы, историки, должны пользоваться психологией, основанной на изучении людей XX века, для объяснения поступков людей далёкого прошлого»¹.

Опасность в том и состоит, что мы говорим о самих себе, полагая, что это говорят люди прошлого. Но что это: опасность или неотъемлемая составляющая любой истории?²

Истории учатся так же, как учатся столярному делу, работая в мастерской подмастерьем. Историком можно стать, только занимаясь историей³.

Тот, кто не жил в обществе, не может понять истории. Наличие связи между вовлечённостью историка в общественно-политическую жизнь и развитием научных изысканий – несомненно. Чем шире сфера личного опыта историка, тем легче ему понять различные исторические ситуации. Для Блока таким опытом стала война 1914 – 1918 годов, а для Лабрусса участие в социалистическом движении. Однако историк не может опираться только на свой личный опыт. Поэтому он вынужден опираться на опыт других. Историк нуждается в проводниках, которые указали бы ему путь к пониманию незнакомого универсума. Объяснение прошлого основывается на аналогиях с настоящим, но же в свою очередь, питает объяснение настоящего. Именно это обстоятельство служит оправданием необходимости преподавать историю детям и подросткам⁴.

А.-И. Марру писал:

«Мы понимаем другого только через его сходство с нашим «Я», с имеющимся у нас опытом, с нашим собственным умственным климатом или универсумом. Мы можем понять только лишь то, что в достаточной мере уже является нашим собственным братским; если бы другой был совершенно непохожим на нас, чужим на все сто процентов, неясно, каким образом было бы возможно понимание.

А раз так, то познание другого может существовать лишь в том случае, если я делаю усилие, чтобы пойти ему навстречу, забыв на мгновение, кто я такой. ... Это дано не всем: каждый из нас встречал в своей жизни людей, которые оказывались неспособными открыться, уделить внимание другому (тех людей, о которых говорят, что они не слушают, когда с ними разговаривают): из таких людей получились бы плохие историки».

Иногда это происходит в силу ограниченности, и тогда это – недостаток ума (едва ли это можно назвать эгоизмом: настоящий эгоцентризм утончённее); однако чаще всего речь идёт о людях, которые согнувшись под тяжестью своих забот, отказывают себе в роскоши: открыться людям.... историк... тот, кто

¹ Февр Л. Бои за историю: (Сборник статей)/Пер. с франц. – М.: Наука, 1991. С. 102.

² Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 168.

³ Про А. Указ. соч. С. 150.

⁴ Про А. Указ. соч. С. 164.

согласен дать волю своей мысли, отправиться в долгие странствия, где всё будет для него непривычным, потому что он знает, какое расширение рамок «Я» может обеспечить этот кружной путь, пролегающий через открытие другого»¹.

Сложность истории как практики является отражением сложности её объекта. Чтобы понять других людей надо самому жить активной общественной жизнью, чтобы осуществлять интерпретацию исторических событий надо научиться сопереживать, понять чувства, которые доминировали в ту эпоху, которую изучает исследователь-историк. Это возможно при условии, что за минувшее время природа человека, его чувств в принципе не изменилась. Соответственно, чем богаче личный опыт участия в общественной жизни самого историка, тем легче ему понять эмоции людей прошлого.

Об этом писал **Люсьен Февр**: «Чтобы творить историю, повернитесь спиной к прошлому. Прежде всего – живите. Вмешивайтесь в жизнь. Во всё многообразии духовной жизни»².

Люди осуществляют деятельность, результатом деятельности становится опыт, который фиксируется в языке и в культуре. Не из будущего исходит историк и не из прошлого, но из настоящего и, прежде всего из самого себя. Он ориентирует познаваемое им историческое бытие и развитие к тому, что наиболее полно и ярко выражено в его эпохе и культуре»³.

Современные методы исторической герменевтики позволяют **выявлять чувства и ощущения, которые побуждают историков-исследователей выбирать ту или иную научную парадигму**, открывать связь нарративных механизмов с внутренним опытом времени, который, конечно же, не сводим к лингвистическому опыту.

Микроистория

Важнейшие изменения в исторической науке произошли в результате её контактов с этнографией, исторической и культурной антропологией. **Этнокультурные исследования** способствуют пониманию образа повседневной жизни людей определённого географического ареала, выявлению основных универсалий культуры, куда вошли не только знания и духовные достижения, но и казавшиеся ранее экзотическими традиции, стереотипы, верования и ритуалы. Возникает качественно новое, междисциплинарное по

¹ Marrou H. – I. De la connaissance historique. Paris: Éd. du Seuil, 1954. P. 88 – 90.

² Февр Л. Бои за историю: (Сборник статей) / Пер. с франц. – М.: Наука, 1991. С. 37.

³ Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., М., 1922. – С. 254.

своей сути, научное направление, которое можно дефинировать¹ как микроистория.

Развитие исторической мысли также проявляет все признаки диалектического развития: сначала изучается событийная история, затем социальная, затем снова событийная. **Переключение на микроисторию отражает требования сегодняшнего дня: уяснение роли личности в истории.** Простое изучение смены событий, эволюции социальных структур, изменения ментальностей не даёт результата, удовлетворяющего современным требованиям. Поэтому появляется микроистория. История всё чаще исследует то, что человекомерно. Если раньше ставился вопрос – почему произошли те или иные события? То теперь ставится вопрос – почему и как люди в своей деятельности приходили к тому или иному результату?

Исследовательская модель микроистории – статья Симоны Черутти «Социальный процесс и жизненный опыт: индивиды, группы и идентичности в Турине XVII века»². Отличие подхода заключается в понимании того, что социальные структуры сами по себе не существуют: они создаются и трансформируются в процессе деятельности; в зависимости от ситуации мы идентифицируем себя по-разному. Один и тот же человек, живший в средневековом городе, был горожанином, членом религиозного братства, семьянином и так далее. Всякое социальное взаимодействие – процесс.

В научном труде – другая логика, исходящая из определённой модели исторического исследования. Отсюда неизбежная схематизация общественных отношений, отрыв одних сторон жизни от других. «Микроисторики» предложили нетрадиционную модель исследования, направленную на преодоление этого недостатка. Например: от изучения семьи к более широким процессам: место, семья, приход, взаимодействие на среднем уровне. Изменяется и характер изложения: если раньше историк при оценке событий исходил из знания конечного результата, то теперь предъявляется требование следовать процессу изменений во взаимодействии людей, чтобы проследить их действия **с точки зрения их представлений о происходящем.** Получается своеобразная игра историка с самим собой, проистекающая из нежелания заранее загонять своё исследование в определённую схему.

Микроистория – «пилюля» от модернизации, от попыток представить исторический процесс как однонаправленный и заранее предопределённый. Пример – отношение к изучению английской революции XVII века. События не были запрограммированы изначально, были альтернативы. По выражению Ю.Л. Бессмертного произошло **отторжение предопределённости.** Историки не должны становиться рабами собственных классификаций. Любые разграничения носят вспомогательный характер. Необходимо научиться по возможности

¹ ДЕФИНИЦИЯ (лат. definitio), то же, что определение.

² См.: Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории // Под общей редакцией М. Крома, Т. Зоколлы, Ю. Шлюмбама. СПб.: Алетейя, 2003. Ей же принадлежит исследование, изданное во Франции: Симона Черутти. Социальный процесс и жизненный опыт: группы и идентичности в Турине XVII века. Микроисторическое исследование на примере Турина, столицы Савойского герцогства. (Книга «Город и его ремёсла: рождение корпоративного языка. Турин в XVII – XVIII веках». Париж, 1990.).

полно восстанавливать образ «другого», не приписывать ему свои суждения и оценки. Отсюда, из этой посылки началось становление «иной» социальной истории. Лепети, Жак Ревель и Роже Шартье (современные представители школы «Анналов») занимаются сегодня **«социокультурной историей»**.

Центральной проблемой для классической социальной истории был анализ социальной стратификации: по каким критериям относить жителей данного региона или города к тому или иному социальному слою или социoproфессиональной группе? Каковы были размеры каждого слоя или класса?

Симона Черутти подступает к проблеме с противоположной стороны. Она отправляется от биографий отдельных индивидов и задаётся вопросом об их социальных связях, об их месте в производственных и торговых структурах, в сообществе соседей и родственников, в городской политической жизни. Она пытается выяснить, что приводило ремесленников и купцов к тому, чтобы объединяться в корпорации, цеха, гильдии; как они создавали и трансформировали эти институты; каким образом и с какими целями они объединяли свои действия.

Динамика активности корпораций не была связана с ритмами экономического и производственного развития города. Речь идёт не об отрицании связи между совершенствованием техники работы и изменением структуры общества, а о признании того, что отношения между ними не настолько прямые, как заставляет думать наша «старая рыночная психология». Разделение на основе техники работы долгое время играло лишь очень ограниченную роль в определении личной идентичности горожан и их социального статуса. Лишь на определённом этапе истории города оно превратилось в «идиому стратификации».

Изменение подходов к решению проблемы происходило постепенно. Первоначально критерием классификации считались различные социально-экономические переменные. Сфера занятий, уровень дохода, значимость или восторженность отдельных профессий.

Критики отмечали **неспособность социoproфессиональных категорий отразить региональные особенности**, которые оказываются сведены к общим понятиям и лишены своей уникальности. Так парижские мастера как квалифицированные ремесленники не имели ничего общего с лондонскими мастерами, занимавшимися торговлей. Дело не в формализации как таковой, но скорее в формализации при помощи понятий, совершенно чуждых опыту людей прошлого. Стала очевидной необходимость реконструировать социальную стратификацию с учётом языка людей того времени.

Натали Земон Дэвис смогла увеличить количество действующих лиц путём углублённого изучения источников. Возраст и пол больше не рассматривались как социальные категории, не имеющие отношения к производственной деятельности. Язык людей прошлого был выбран отправной точкой анализа социальной стратификации.

Изучение мыслительных категорий людей прошлого превратилось в нечто само собой разумеющееся. В этом случае используются подходы

американской культурной антропологии, и особенно **Клиффорда Гирца**. Главный постулат интерпретативной антропологии – **инаковость предмета изучения может быть постигнута историком через расшифровку систем значений, заключённых в поведении, текстах, во всякой форме жизненного опыта**. Поэтому во многих работах внимание фокусировалось на использовании людьми прошлого языка и на том, как они называли предметы окружающего мира.

Анализ представлений стремится замкнуться на них самих. В основе этого подхода лежит убеждение, что каждое отдельно взятое явление общественной жизни может создать доступ в особый культурный мир, который необходимо воссоздать в его целостности путём углублённого изучения источников. Источники анализируются, но без учёта породивших их социальных процессов. В результате изучение «представлений» превращается в средство превращения «дискурсов» в реальность, в слепое следование за источником без попытки широких обобщений.

Одно лишь принятие в качестве инструмента анализа языка действующих лиц, не позволяет приблизиться к изучаемому обществу. Понятия, которыми пользуются и люди прошлого и историки возникли в результате переосмысления окружающего их мира, и с определённого момента они начинают применяться к реальности, которая уже стала другой. Отказываться от рассмотрения возникновения классификационных схем в динамике – значит способствовать сохранению неподвижной картины. **Профессиональные и социальные группы не могут быть описаны до того, как будет описана сеть породивших их межличностных отношений.**

Вместо того чтобы рассматривать принадлежность индивидов к социальным группам как самоочевидную надо исследовать, как социальные отношения создают социальные общности, объединения и группы.

Ролан Мунье одним из первых пытался выявить социальную стратификацию на основе систематического анализа карт, на которых были графически отображены брачные связи.

Анализ системы связей может стать путём описания, позволяющего увидеть такие интересы людей, которые не были связаны с профессиональными занятиями и социальным статусом. Такой анализ позволит избежать смешения индивида и группы, которое может возникнуть при использовании социопрофессиональных понятий; одновременно это позволяет сделать предметом обсуждения то, что допускает такое смешение: понятие интересов которое сужается использованием классификации лишь по профессиональному признаку. Именно это понятие оправдывает идею неразрывности индивида и группы и таким образом делает классификацию инструментом достоверного отображения общества.

Понятие интерес гораздо шире, чем стремление к наживе или власти. Об этом писал **Альберт Хиршман** в книге «Страсти и интересы» (Париж, 1980). Интересы людей средневековья тем более не сводились к ним, так как это были люди верующие. Только на рубеже XVII –XVIII веков **понятие интереса** утратило широкий спектр значений и стало рассматриваться лишь как

получение материальной и экономической выгоды. Этот семантический сдвиг создал новое моральное оправдание для обогащения: «Едва «интерес» появился на свет, как стяжательство под этим новым именем вновь вступило в состязание с другими страстями, добилось успеха и даже было призвано искоренить другие склонности, долгое время считавшиеся гораздо менее пагубными». Использование понятия «интерес» для интерпретации человеческих поступков было воспринято со всеобщим воодушевлением прежде всего потому, что оно обладало необычайной способностью внушать людям уверенность в себе: они полагали, что открыли наконец, реальное основание управляемого общественного порядка». Этот порядок основывался на том, что поступки людей предсказуемы, поскольку они должны вести себя одинаково в схожих ситуациях. Идея, что поведением руководят интересы, должна была стать формулой успеха, позволяющей преодолеть беспорядок чувств, делающих людей неуправляемыми. Даже если слово «интерес» не используется в тексте, оно имплицитно подразумевается в используемой классификации: «адвокат», «должностное лицо», «торговец». Уравнивание профессионального, жизненного опыта людей и их личных интересов является точной интерпретацией общественной жизни и отношений между нормами и поведением. Оно постулирует существование нормативных структур, то есть профессиональных групп или социальных статусов, в рамки которых вписывается поведение индивида и которыми это поведение определяется. Таким образом, индивидуальный опыт становится субъективным переживанием объективных условий жизни, в которых находятся все члены одной группы. Такой подход характерен для всех трудов, в которых «класс» рассматривается как «вещь». Получается, что «класс» присутствует в структуре экономики независимо от того, обладают ли трудящиеся классовым сознанием.

Попытка **иначе взглянуть на процесс классовобразования** – статья **Е.П. Томпсона** «Представление английской толпы о моральной экономике» в №50 за 1971 год журнала «Паст оф Презант». Народу были присущи свои представления о «справедливой цене». Другой пример – статья Ренаты Аго о функционировании рынка зерна в Риме XVIII века (1985). Наибольшая часть населения выступала и в роли продавцов и в роли покупателей попеременно. Принятие одной из ролей определяло поведение человека на рынке. Моральная экономика была в этом случае не выражением опыта социальной группы, а требованием, которое кажется обоснованным или нет в зависимости от положения человека на рынке в данный момент. Люди придерживаются определённых практик, которые могут меняться в течение их жизни и даже одного дня. Законы рынка не существуют вне конкретного опыта рыночных отношений. Они зависят от нестабильных и меняющихся связей между покупателями и продавцами, хотя воздействие этих связей трудно поддаётся научному описанию и предвидению.

Ограничения или, лучше сказать правила игры, возникают в самих социальных отношениях, даже если люди не желают или не осознают силы и последствий этих обстоятельств.

Обнаружение этого является важным достижением процессуального анализа, и именно здесь «интерпретативная парадигма» оказалась противопоставлена в социологических и этнологических дискуссиях 1950-х годов «нормативной парадигме». Р. Дарендорф и Э. Гидденс утверждали даже, что борьба этих двух моделей исследования на Западе изменила социальную теорию в целом.

Человек может быть рассмотрен как рациональное и социальное существо, преследующее свои собственные цели; его возможности выбора имеют ограничения и пределы, однако они являются составной частью поддерживаемых социальных связей. Их можно найти в связывающих людей нитях обещаний, ожиданий, взаимных обязательств, которые характерны для жизни общества. С такой точки зрения в центре анализа оказывается, прежде всего, социальный процесс. С такой точки зрения в центре внимания оказывается социальный процесс, то есть индивидуальные взаимодействия в различных сферах жизни общества, а не одни лишь социальные институты. От структур и институтов внимание смещается к процессам и взаимодействиям. Преодолевается то, что считалось основным противоречием западной науки, а именно тенденция к выделению ложных единиц анализа индивидуального: отдельных индивидов, а не важных для индивидов систем отношений или же статичных объединений людей, а не систем связей между их составляющими, а также между ними и окружающим их миром.

Такой подход, имеющий в своей основе анализ связей, позволяет переосмыслить существующие отношения между нормами и поведением. Прежде всего, он расширяет наше понимание норм, которые не определены раз и навсегда формальным положением индивидов в социальной иерархии, а возникают и изменяются в отношениях этих людей. Воссоздание взаимоотношений подразумевает невозможность априорного разделения уровней исследования (на одни лишь производственные отношения или на рыночные отношения и т.д.); анализ ситуации будет зависеть от поведения индивидов в различных сферах жизни общества (работа, рынок, но также семья или круг общения). Необходимо пересмотреть понятия нормы и опыта. В конечном счете, необходимо включить понятие «интерес» в контекст конкретной ситуации.

Как общество организуется вокруг профессиональных объединений на примере Турина. Значение корпораций определялось их отношениями с другими объединениями. Исследователи ограничивались сферой производства и экономики. Однако в корпорациях присутствовала социальная мобильность, члены одной социальной группы могли принадлежать и к другой.

Люди, прибывая в город, создавали объединения, следуя не логике профессиональных связей, а тем возможностям, которые предоставляются в городской жизни. Большая часть семей горожан включала в себя представителей разных и даже соперничающих друг с другом профессий. Живя в условиях многолетнего конфликта между центральным правительством и местными властями, семьи стремились к тому, чтобы их члены обладали и теми профессиями, которые защищались герцогскими привилегиями, и теми которые

поддерживались привилегиями городских властей. Возникали группы, основанные на общности имеющихся возможностей, специфические группы, которые остались бы незамеченными, если придерживаться анализа на основании социoproфессиональных категорий. Поэтому **анализ любого конфликта должен учитывать логику поведения смешанных по профессиональному признаку семей.**

Такая стратификация объясняла слабость корпораций: нечёткое профессиональное разделение делало ненужным поддержку основанных на общности ремесла организаций. Любая попытка введения ремесленных корпораций грозила разделить организм, считавший и представлявший себя единым. В этом случае надо говорить о группах, основанных на общности имеющихся возможностей, что гораздо ближе опыту жизненному опыту людей того времени, чем понятия «богатство» или «профессия». Поэтому были обречены на провал все попытки герцога создать ремесленные объединения.

Социальное поведение и институциональное развитие не совпадают по времени. Они не были симметричны. Жизнеспособность корпораций проявляется в тот момент, когда корпорации становятся для торговцев и ремесленников носителями политической власти, а другие институты утрачивают для них былое значение. Неспособность социологических теорий совместить анализ межличностных отношений с исследованием социальных групп послужила причиной успеха культурной антропологии среди историков.

Настоящая проблема заключается в том, чтобы понять, как индивиды, судьбы и жизненный опыт которых различны, могут решить объединиться, и более того, начать осознавать себя как составную часть общности.

Разделение исторических явлений по их функциям или же по функциям, которыми их наделяют исследователи, при ближайшем рассмотрении исчезает, особенно если мы исследуем их возникновение. Именно в этом заключаются возможности процессуального анализа. Чтобы проанализировать возникновение социальных групп С. Черутти проследила за тем, в каких ситуациях выбора оказываются люди во внутригородской жизни, воссоздать их опыт, а не приписать им его, исходя из положения в социальной и экономической иерархии. В этом смысле социальные связи стали контекстом, в который вписывались индивидуальные биографии.

В случае Туринских торговцев производственные и экономические связи не были достаточным условием для возникновения группового сознания. Социальный опыт этих людей был шире и неоднозначней. Групповое сознание у них проявлялось лишь перед угрозой ограничения их прав. Социальная стратификация в этом случае выглядит, таким образом, не как шкала, структура которой является раз и навсегда определённой, а как непрекращающееся соперничество за определение её формы и составляющих. При этом социальные процессы, вызванные уменьшением возможностей представлять свои интересы в старых органах власти, не были результатом воздействия каких-либо внешних по отношению к действующим лицам сил; их не предвидели и к ним не стремились, жертвой их стали как раз те люди, в ходе соперничества которых они возникали.

Групповая идентичность у туринских торговцев формировалась постепенно. По мере сокращения возможности участвовать в управлении городом в семьях стало сокращаться число людей не занятых в торговле. Единство семей сменилось стремлением к индивидуализации, расширением системы патроната, в вертикализации прав наследования. Появилось стремление отстраниться от социальной группы, не быть больше отождествляемым с ней.

Макро- и микроподходы в историографии.

Ситуация постмодерна заканчивается. Государство перестаёт быть универсальным субъектом исторического процесса. Меняется восприятие истории. Если раньше главным заказчиком для историков было государство, то теперь надо ответить на социокультурный запрос. Десять лет назад писали историю «без белых пятен». Сейчас пишут об истории «в мелкий горошек». Знак ситуации – путаница на идеологическом фронте: партии должны представлять интересы социальных групп, а мы имеем «Единую Россию» и «Идущих вместе», которые идут неизвестно куда. Привычный мир политических пристрастий исчезает, идеологии прошлого не находят отклика в умах обывателя. Какой тип социальной памяти нужен современному обществу? Изменения типов социальной памяти связано с изменениями историографии.

Практически вплоть до середины XX в. основными объектами исследований были, **макроуровневые процессы в обществе**. Такое положение дел сложилось благодаря тому пути, который проделала историческая мысль¹.

В самом деле, от наивного нарративизма, «описаний» поступков исторических героев, извлечения моральных уроков из истории историки повернулись лицом к изучению тех сил, действие которых, как казалось, определяет историю. В академическую науку вошли исследования, посвященные экономическому развитию стран, становлению городов, политическим интересам и их взаимосвязям с экономикой и т. д.

Однако во второй половине XX в. многие историки пришли к осознанию того факта, что подходы социальной истории привели к изменению предметной области исследований, причем не всегда в сторону её расширения, а, напротив, в сторону сужения. Так, из поля зрения историков ускользали сами люди в истории. В исследования оказались вовлеченными «производительные силы и производственные отношения», между тем «люди» остались без внимания. Как и «политическая история» XIX в., **социально ориентированная история XX в. не изучала людей, тем более «маленьких людей»²**.

¹ Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 195.

² Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С.

Именно с таким признанием было связано становление новой истории, ориентированной на изучение микроуровневых объектов. **История должна была повернуться к условиям повседневной жизни, таким, какими их испытывали простые люди.**

Со второй половины XX в. предметная область исторической науки переместилась с «центра» власти к её «границам», к жизни многих людей, в большинстве своем эксплуатируемых и тем более «забытых» историей. Уже с середины 1970-х – начала 1980-х гг. под влиянием культурной антропологии в социальной истории происходит сдвиг исследовательских интересов от изучения макроуровневых структур, предполагавшего оперирование такими понятиями, как, например, «производительные силы», «производственные отношения», «народ», «государство», «институты права» и др., к культуре, причем одновременно происходит и изменение понимания термина «культура».

«Антропологизация» понимания культуры расширяет её определение, включая «реальное содержание обыденного сознания людей прошлых эпох, отличающихся массовым характером и большой устойчивостью ментальных представлений, символические системы, обычаи и ценности, психологические установки, стереотипы восприятия, модели поведения». Кроме того, в это же время происходит расширение самого понятия «социального» – **в социальной истории наряду с классами, сословиями начинают изучаться социальные микроструктуры – семья, община, приход и т. д.**

Такой переход от макроистории, анализирующей крупные структуры, к микроистории, направляющей усилия на изучение малых сообществ и «маленького человека», знаменовал переключение исследовательского интереса на историю повседневной жизни. При этом новые историки повседневности не идентифицировали себя с той «историей повседневности», которую предлагал в 1960-е гг. Ф. Бродель («Структуры повседневной жизни». В 3 т. «Материальная цивилизация и капитализм»). Их внимание было обращено не на материальные условия повседневности, а на то, как эти условия испытывались людьми.

Для становления микроистории знаковыми становятся работы Э. Томпсона «Формирование рабочего класса», К. Томаса «Религия и упадок магии: изучение народных верований в Европе XVI – XVII вв.», П. Берка «Народная культура в Европе начала Нового времени», Н. З. Дэвис «Общество и культура во Франции начала Нового времени», К. Гинзбурга «Сыр и черви: космос мельника, XVI в.», раскрывавшие индивидуальный опыт людей, повседневную жизнь «многих», делавшие акцент на «народной культуре».

Многие исследователи сегодня следуют этой новой парадигме: не История, а истории, с множеством индивидуальных центров.

Создание общества массового потребления, процессы демократизации в целом ведут к перестановке акцентов и в предметной области истории. Объектами изучения социально-ориентированной истории становятся не

столько социальные структуры и процессы, сколько повседневный опыт людей, условия, в которых они жили. Таким образом, наблюдается сближение позиций культурной и социальной истории¹.

«Антропологический поворот».

Смена ориентиров в исторической науке происходит в результате острых дискуссий 1980-х гг. и носит название **«антропологического поворота»**. В результате, с одной стороны, акцент в исторических исследованиях перемещается на изучение собственно «человека в истории», причем не столько созданных им и довлеющих над ним «структур», сколько его непосредственного опыта в историческом процессе. С другой стороны, для изучения неосознанных социокультурных представлений людей прошлого, включённых теперь в понятие «культура», историки стали широко использовать методы, заимствованные ими из культурной антропологии.

Новыми идеологами **«культурной истории»** становятся представители деконструктивистского, антропологического направлений (**П. Берк, К. Гирц, Ю. Кристева, П. Бурдьё, Э. Хобсбаум** и другие). В своей работе историки всё больше заимствуют методы и подходы такой дисциплины, как антропология.

Предметная область антропологии – примитивные общества, язык и искусство, традиции и обряды, повседневность, физическая природа человека и его окружение – безусловно, оказала огромное влияние на становление новых направлений в исторической науке, предоставив ей ценный и разнообразный материал своих практических исследований и теоретических разработок. Среди них особенно выделяется концепция культуры, которая «проглатывала» и делала своей составной частью не только экономические и социальные отношения, но и другие сферы культурной практики и производства. Представители школы «Анналов» добавили к этому свое понимание смысла культуры, включая в него и те нормы, ценности, идеи, которые бытовали в ту или иную историческую эпоху, социальное поведение и его символичность².

Представление о символичности в человеческой культуре становится одним из фундаментальных в историографии. «Все цивилизации создавались и сохранялись только при использовании символов...**Все человеческое поведение состоит из символов или зависит от них. Символ является космосом человечества**»³. В связи с этим особое внимание в историографии

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 197.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 198.

³ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 199.

уделяется отныне исследованиям ритуалов, различных клише и словоформ, форм поведения, матримониальной сфере, так называемым «ментальностям» и др.

В связи с этим необходимо особо выделить признание историками необходимости исследовать так называемую «карнавальную культуру». М. Бахтин, преимущественно литературовед по характеру объектов своих исследований, но, по сути, большой историк, считал одной из задач историографии показать именно народную, «смеховую» культуру¹. И это не случайно. Именно в образах, символике народного смеха в моменты «карнавалов», когда привычная жёсткая иерархия ослабляла свои тиски норм поведения и морали, была представлена информация о реальной народной культуре. В этих символах смеховой культуры были зашифрованы глубокие философские размышления о космосе, потоке, плодородии, идущие ещё со времен первобытности. Феномен «снижения» высоких символов христианской веры и светской морали, властных отношений и т. п. открывает историкам возможность исследовать образы мышления и переработки действительности людьми прошлого. Надо лишь уметь увидеть и раскодировать эти источники.

Такая давно существовавшая сфера историографии, как история культуры, в корне отличается от «культурной истории».

И не только подходом к самому определению понятия «культура», о чём уже говорилось выше, но и перемещением акцентов в изучении культурного содержания. Высшие достижения человеческой культуры являлись и достижениями верхних слоёв общества. А то, как жили и как перерабатывали свою материальную реальность в культуру, создавая «вторую реальность», огромное большинство человечества – так называемые «простые люди», оставалось за кадром. Именно поэтому сегодня историки заявляют о необходимости **изучать народную культуру** (popular culture). Использование здесь английского термина вызвано реальной необходимостью подчеркнуть, что акцент в данном случае делается одновременно на понимании культуры как «низовой», «народной», «популярной». Это, безусловно, не означает, что культурные историки не исследуют проявления культуры «верхов». Так, история повседневности, например, изучает и жизненную реальность людей из высших эшелонов власти, аристократии, и рутину крестьян и ремесленников. И всё-таки приоритеты многих культурных историков сегодня лежат в сфере исследования «народной культуры». «Культурных историков» зачастую обвиняют в смешении понятий «история» и «культура», в том, что они изучают «культуру человечества», подводя под неё все проявления его деятельности. Однако подобные обвинения не совсем оправданны. **История не может быть «прошлым» сама по себе. Она есть продукт осмысления сегодняшним историческим сознанием людей исторического опыта прошлого.** Культура же являет нам «вторую реальность», т. е. ментальные представления,

¹ Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

стереотипы поведения и восприятия, модели мышления, символические системы, обычаи, ценности, в которых воспринималась и передавалась людьми прошлого современная им жизнь. Выбор приоритетов определяет и уровни исторических исследований¹.

Аргументом в пользу культурологического подхода являются слова Шарля Сеньобоса:

«Людские дела, составляющие предмет социальной науки, могут быть поняты лишь посредством сознательной мозговой деятельности. Таким образом, мы неизбежно приходим к мозговой (т. е. психологической) интерпретации социальных фактов. Огюст Конт надеялся избежать этого, строя социологию на наблюдении внешних фактов; но эти внешние факты суть не что иное, как продукт внутренних состояний; изучать их изолированно, без знания тех психологических состояний, которыми они мотивированы, – все равно, что хотеть понять движения танцора, не слыша музыку, под которую он танцует»².

История повседневности

Решение ряда теоретических проблем современной исторической науки, расширение её источниковой базы, выработка более эффективного исследовательского инструментария и другие стали возможными благодаря развитию новых направлений. К ним относится и история повседневности.

В настоящее время достаточно убедительно определено место истории повседневности в истории исторической мысли как попытки переосмысления традиционных представлений о прошлом человечества³. Это стало результатом «антропологического поворота» в мировой историографии, т. е. переноса акцентов изучения с глобальных структур на уровень повседневности, что предполагает совершенно иную оценку феномена человека и его роли в историческом процессе.

За прошедшие десятилетия во многих странах (Англия, Германия, США, Франция, Швеция и др.) сложилась довольно обширная историография по вопросам повседневности, а в некоторых – предпринимаются лишь первые шаги в этом направлении. Для историографической традиции, с одной стороны, характерна несомненная общность подходов, с другой – более или менее национальные особенности.

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 204.

² Seignobos Ch. La Methode historique appliquee aux sciences sociales. Paris: Felix Alcan, 1901. P.109.

³ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 205.

Первоначально в становлении истории повседневности определённую роль сыграли инициативные движения – «**мастерские истории**». Например, в ФРГ в конце 80-х гг. существовало около 40 таких подвижнических групп, насчитывающих свыше 300 человек. В Западной Европе в целом к началу 80-х гг. насчитывалось 1600 научных исторических кружков, члены которых изучали подобного рода проблемы, в том числе условия труда на различных предприятиях, жилищный и другие вопросы¹.

В России одним из первых начал изучать эту проблематику **И.Я. Биск**. Он ввёл в учебную программу Ивановского университета спецсеминар по этой тематике. Тема семинара «Повседневная жизнь в странах Запада в 1871 – 1914 гг.» была обусловлена интересом к ней студентов, её важностью для понимания жизни народных масс, значением для яркости изложения материала любой лекции (как и рассказа школьного учителя истории), местом «новой социальной истории» в мировой историографии второй половины XX века. На вводном занятии рассматривались вопросы: 1) понятие и термин «повседневная жизнь», 2) значение и трудности изучения истории повседневной жизни, 3) специфика источников по истории повседневной жизни, 4) место истории повседневности в современной мировой историографии.

Положительной стороной изучения повседневности при ограниченном доступе к первоисточникам в зарубежных странах являлось, по его мнению, то, что при изучении истории повседневности можно использовать как источники произведения искусства и литературы. Новые результаты становятся возможны благодаря, во-первых, нетрадиционности изучения быта и нравов народов, во-вторых, широкой доступности и необычности источников по истории быта и нравов – мемуаристики и художественной литературы (вышедшей из-под пера современников), которые при изучении повседневной жизни становятся источниками перворазрядными².

И.Я. Биск выпустил одну из первых в России работ о повседневной жизни в Веймарской республике. Он пишет в своей автобиографической работе:

«Читая курс методологии истории, я знал, естественно, об интересе «новых социальных историков» к быту и нравам. Так что вышедшая в 1990 году моя книга о повседневной жизни веймарских немцев³ находилась, как впоследствии писали рецензенты, в русле мирового историографического процесса. Но и независимо от веяний мировой историографии я всегда интересовался социально-экономической жизнью стран больше, чем их политической жизнью. В этом смысле я был последователем Ключевского, который не любил и в лекциях не жаловал дипломатические и батальные сюжеты, а не Ранке, для которого внешняя политика и войны являлись

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 205.

² Биск И. Я. Мой XX век: Записки историка. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – С. 319.

³ Биск И. Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Иваново, 1990.

приоритетной темой. Я сочувственно относился к историкам-бытописателям Англии, в частности к Маколею, утверждавшему, что историк должен показать своих героев «со всеми их особенностями языка, нравов, одежды; провести нас по их жилищам, посадить с ними за стол, обшарить их старомодные гардеробы, объяснить нам употребление их тяжеловесной домашней утвари»¹. И я с удовольствием перечитывал **тревельяновскую «Социальную историю Англии»**², автор которой под социальной историей понимал повседневную жизнь страны в прошлые времена. Был ещё один мотив, способствовавший написанию книги о быте и нравах веймарских немцев. Известно, что мемуаристика и произведения художественной литературы и искусства, которые в силу их особенностей принято считать второстепенными или даже третьестепенными источниками, при изучении истории повседневности превращаются в важнейшие (произведения литературы и искусства – в том случае, если они созданы современниками изображаемых событий)³.

Ситуация постмодерна не так сильно затронула историческую науку Германии, как это имело место в других западных странах. Хейден Уайт вырос на традициях английского эмпиризма. Во Франции доминировали структуралистские исследования. В Германии же сохранялись старые традиции, идущие от Дильтея, Риккерта, Вебера. С точки зрения немцев лингвистический поворот подменяет изучение человека изучением дискурсов (рассуждений, словесных образов, понятий, символов, характерных для той или иной эпохи). С точки зрения немецких историков **история должна изучать человека, познающего и изменяющего мир**. Главная отличительная сторона человека – способность к творчеству. Отсюда – интерес к истории памяти. Память – опыт. Опыт – основа творческой активности человека, основа, без которой невозможно действие. Надо изучать, как упорядочивается действительность в сознании различных общественных групп. Произведения искусства можно задавать те же вопросы, которые историк задаёт текстам, используемых как традиционные источники исторической информации. Весь опыт, накапливаемый людьми можно рассматривать как информацию, зафиксированную различными способами.

Макс Вебер обосновал неокантианскую теорию заново. С этой точки зрения архивах лежат государственные отчёты, а не факты. Когда Ранке говорил о факте, то под словом «фактум» подразумевалось «деяние господ», указание путей спасения свыше. Факты как таковые не существуют вообще. Историки обращают внимание только на то прошлое, которое существует при их жизни. Поэтому познание не может быть точным восприятием действительности. Исходный пункт познания – исторический вопрос. Мы исследуем остатки памяти. Именно поэтому Дройзен на первый план в процессе познания ставил «Я» историка. В основе исторического познания лежит рефлексия «Я» как исторического субъекта. Объективность покоится на

¹ Маколей Т. Б. Галлам / Полн. собр. соч. СПб., 1860. Т. 1. С. 111.

² Тревельян Д. М. Социальная история Англии. М., 1959.

³ Биск И. Я. Мой XX век: Записки историка. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – С. 386.

эмпирическом материале осознанной субъективности. Именно на этой почве стала развиваться история памяти. **Память – место, где соединяются деятельность и сознание.** Основной вопрос философии о первичности бытия или сознания решается через изучение памяти: **в человеческой памяти сливаются воедино сознание и деятельность.** Историческая память – часть исторического сознания. Память есть начало возникновения мотивов поведения людей.

Слияние социальной истории, истории ментальностей и этнологии. В Германии этот процесс начался позже, чем во Франции. Социальная история в Германии изучалась как история общественных институтов. Особую роль в разработке проблем социальной истории сыграла **белефельдская школа (Р. Козеллек¹)**. Представители данной школы «вновь открыли» Маркса и Вебера и на этой основе начали разрабатывать проблемы микроистории. Благодаря этому возникло новое явление в немецкой историографии: социологизированная история. Идеи заимствовались преимущественно не у французов, а у американцев.

Специфика западногерманской социальной истории проявилась в произведении **Рейнхарта Козеллека (1923 г.р.) "Пруссия между реформой и революцией" (1967)**. Он исходит из того, что Пруссия оказалась единственным европейским государством, в котором в XIX веке одновременно совпали процессы индустриализации страны и её превращения в великую державу. А это имело далеко идущие последствия для будущего. Ключом к исследованию представляется Козеллеку анализ прусского законодательства, права и системы административного управления. В реформаторской политике прусской бюрократии находит автор корни последующих социальных и политических противоречий. Прусские реформы начала XIX в. расчистили дорогу буржуазному социально-экономическому устройству и ликвидировали крепостнические отношения в деревне.

Но ломка старой патриархальной системы привела и к тому, что неимущие и бедные слои населения Пруссии потеряли ту защиту, которую обеспечивали им прежде крупные землевладельцы, цеха и прочие сословные организации. Предоставленные самим себе, они оказались в состоянии конфронтации с государством, вступившим в это время на путь промышленного переворота. Все это вызвало быструю радикализацию масс и привело к революции 1848-1849 гг. Время для проведения реформ, как это было в начале века, на сей раз оказалось упущенным.

Книга Козеллека отразила стремление автора выйти за пределы политико-биографической истории и обратиться к анализу долговременных структур, сочетая при этом традиционные "историко-филологические методы" с новыми системно-структурными.

¹ Антуан Про пишет, что для получения представления о современной модели теории и методологии истории совершенно необходимо прочесть «Очерки по теории науки» Макса Вебера, а из современных авторов – Р. Козеллека «Прошлое будущее» и «Метаисторию» Хейдена Уайта. См.: Koselleck R. *Le Futur passé, contribution a la sémantique des temps historique*. Paris: EHESS, 1990 [1-re ed. en allemand, 1979]; Уайт, Хейден. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.

Такая умеренная форма социальной истории обязана своим происхождением **специфической традиции немецкой герменевтики**, т.е. искусству толкования текстов как источников. Необходимым условием для этого служит точное определение смысла и содержания исторических понятий. Показателем усиленного внимания к этой проблеме стала созданная под руководством В. Конце, О. Брукнера и Р. Козеллека семитомная энциклопедия **"Основные исторические понятия"** (1972 – 1985). Там подробно проанализировано около трехсот понятий, начиная от самого возникновения того или иного термина и его семантического значения и до наших дней. При этом история понятий не является тождественной истории языка, или идей, она раскрывает, прежде всего, социальную и политическую функцию понятия, устанавливает его точное содержание и сферу возможного применения. История понятий пользуется классическим историко-критическим методом герменевтики, но, рассматривая понятия в их социальном контексте, она становится интегральной частью общей социальной истории.

Представители белефельдской школы по-своему ответили на вопрос **"Нужна ли ещё история?"** Развитие социальной истории, представлявшее шаг вперед, повлекло за собой на рубеже 60-х – 70-х гг. неожиданное последствие. Соглашаясь с тем, что в современном технологическом обществе многие связи с прошлым оказались прерванными, часть учёных стала выражать сомнение в ценности и значимости изучения прошлого вообще. Неясным оставался вопрос о месте истории среди других социальных наук и её соотношении с ними. Тем более что последние переживали бурный подъем. Социология, политология, быстрее реагировали на политико-идеологические потребности общества. Они были менее отягощены грузом старых теоретико-методологических и идейно-политических традиций.

Под вопрос была поставлена не только способность исторической науки играть в обществе активную роль, но даже правомерность её существования как научно-учебной дисциплины. Тревожным сигналом для историков прозвучала ликвидация в начале 70-х гг. преподавания истории и замена её курсом социального обществоведения в старших классах гимназий таких земель как Гессен, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, где у власти стояли социал-демократические правительства. Реформа вызвала резкий протест Союза историков, заявившего, что исторические знания необходимы для ориентирования в реальности. Их отсутствие влечет за собой "некритичное восприятие псевдонаучных и недемократических идеологий". Протест был поддержан фракцией ХДС в гессенском ландтаге, потребовавшей принятия специального закона о преподавании истории. Через несколько лет это было восстановлено в полном объеме.

Конкуренция и критика со стороны представителей социальных наук, считавших историю "метафизической тоской по прошлому", вызвали ответную реакцию, хотя заметной была растерянность историков. На съездах в Кельне (1972) и Регенсбурге (1974) были сделаны пленарные доклады под характерными названиями "Нужна ли ещё история?" и "Жить без истории?". Оживились и перешли в наступление на этих съездах и приверженцы

идеалистического историзма. Они усматривали причины кризиса в том, что социальная история очутилась в опасной близости к марксизму и перестала быть наукой.

Пессимизм чувствовался и на Мангеймском съезде в 1976 г., прошедшем в атмосфере вялых и бесплодных теоретических дискуссий. Пресса упрекала историков в недостатке мужества к постановке острых проблем и констатировала наличие пропасти между исторической наукой и ожиданиями общественности. Выступивший при открытии съезда президент ФРГ Вальтер Шеель призвал историков осознать свою ответственность перед обществом. Подчеркнув их высокую роль, он заявил, что судьба Германии XX века могла бы сложиться более счастливо, если бы учебники истории создавали такие учёные как Леопольд Ранке. И на Гамбургском съезде 1978 г. канцлер Гельмут Шмидт выразил пожелание, чтобы историки писали свои работы в привлекательной, интересной и доступной для широкого читателя форме.

В связи с таким положением развернулась широкая дискуссия о роли и задачах исторической науки и её теоретико-методологических основах. Выяснилось, что умеренный вариант социальной истории, оставлявший в неприкосновенности многие элементы идеалистического историзма, не привёл к подлинной модернизации исторического исследования. Обозначилось отставание западногерманской историографии от развития исторической науки в США, Великобритании, Франции, где сформировались крупные научные школы, изучавшие социально-экономические процессы и их воздействие на общество. Развитие полемики привело к размежеванию внутри неолиберального направления. От него отделилась сравнительно небольшая, но чрезвычайно активная группа историков, образовавших новую школу.

Социально-критическая школа. Специфичной чертой новой школы явились две отличительные особенности. Она провозгласила своей задачей "анализ социальных слоев, политических форм господства, экономического развития и социокультурных феноменов". Это означало, что следует не просто выделять и изучать социальные аспекты исторических явлений, а брать эти явления в комплексе составляющих их социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных факторов. **Понятие социальной истории следует интерпретировать так широко, чтобы из него не оказались выброшенными событийно-личностные аспекты.** Отсюда следовал важный вывод о том, что структурно-исторический принцип не может быть монополией лишь социально-экономической истории, а должен применяться ко всем сферам исторической действительности. Социальная история в этом расширенном варианте исследует социальные структуры, процессы и действия, развитие классов, слоев и групп, их взаимоотношения и конфликты. Но поскольку вся эта проблематика есть не что иное, как история человеческого общества, то такую историю можно назвать "общественная история". При этом писать её необходимо с критической точки зрения. Только в этом случае историческая наука может внести весомый вклад в создание "рационально-гуманного общества", которого пока не сложилось окончательно ни в одном государстве на земном шаре.

Центром социально-критической школы стал Билефельдский университет, а её рупором выпускаемый с 1975 г. журнал "История и общество. Журнал исторической социальной науки"¹.

Несмотря на то, что между отдельными представителями этой школы существуют определенные идейно-политические и теоретико-методологические расхождения, в главном они придерживаются одинаковых позиций.

Их объединяет убеждение в необходимости взаимосвязи научного исследования с общественной практикой, проведения реформ с целью улучшения и определённого изменения существующих общественных отношений, опоры исторического исследования на прочные теоретические основы.

Они подчеркивают, что предметом изучения исторической науки должны стать не отдельные явления или личности сами по себе, а широкие общественные процессы, которые большей частью не осознаются их участниками. Поэтому, историю нельзя интерпретировать как науку о духе, ибо нельзя исследовать эпоху, исходя из её собственного самопонимания. **Анализ и теория, а не вчувствование и описание должны быть главным инструментом исторического познания.** Значимость последнего определяется не антикварным интересом, а потребностями сегодняшнего дня, поэтому историческая наука приобретает функцию "критического просвещения" и выполняет роль "политической педагогики".

Настаивая на необходимости преодоления дефицита теории, социально-критические историки стремятся к тесной кооперации системно-социальными науками, в том числе и к широкому использованию диалектико-материалистического метода. Касаясь последнего, социально-критическая школа подчеркивает, что марксистская историческая теория не может быть единственным инструментом исторического познания, её необходимо применять в сочетании с другими методами и принципами. Представители школы убеждены в том, что ни одна историко-философская теория не может служить универсальной отмычкой ко всему богатству истории в целом. Марксистская теория, с этой точки зрения, образцовый пример научного познания процессов XVIII – XIX вв., но не более того. Для изменившихся условий XX века она пригодна лишь частично, наряду с другими теориями "среднего радиуса действия", т. е. теориями, ограниченными определенными пространственно-временными рамками.

Одно из основных мест среди них занимает теория модернизации, суть которой состоит в следующем.

Модернизация (общепринятого определения этого слова не существует) обозначает содержание истории нового времени с возникновения капиталистической общественной системы. Европейский и североамериканский капитализм понимается как норма и образец процесса

¹ Историческая наука в XX веке. Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учебное пособие для студентов // Под ред. И.П. Дементьева, А.И. Патрушева. – М.: Простор, 2002. – С. 341.

модернизации, которому в иных, своеобразных и причудливых вариантах последовали прочие регионы, в том числе социалистические и развивающиеся страны. Критериями модернизации выступают индустриализация, научно-техническая революция, развитие системы образования и просвещения, социально-политическое переоформление традиционных структур власти в направлении парламентарно-демократической системы.

Для исторического познания теория модернизации в глазах социально-критической школы имеет первостепенное значение в силу нескольких обстоятельств. Она привлекательна как раз из-за своего многозначного и многовариантного характера без претензий на роль жестко завершенной схемы, что дает возможность плюралистического толкования истории. Понятие модернизации охватывает не только экономические аспекты, но включает в себя социальные, политические и культурные феномены, не настаивая при этом на примате какого-то одного из этих факторов. Поэтому теория модернизации отбрасывает откровенный вульгарно-материалистический технологический детерминизм концепции индустриального общества. Она стремится осмыслить исторический процесс в его комплексности и целостности.

Что касается марксистской схемы общественно-экономических формаций или теории "пяти стадий роста" У. Ростоу, то их основной недостаток социально-критическая школа усматривает в том, что ни одна из них не дает удовлетворительного ответа и объяснения причин расхождения путей развития стран с примерно одинаковым экономическим уровнем и аналогичными социальными отношениями. Отказалась школа и от трехступенчатой схемы истории, легшей в основу теории индустриального общества, сократив её до двух типов обществ: традиционного и современного¹.

Переход общества из традиционного в современное состояние происходит путем рационализации всех сфер общественной жизни. В этом отношении социально-критическая школа стоит на плечах Макса Вебера, который интерпретировал процесс всемирно-исторического развития именно как **процесс возрастания рационализации в экономике, политике и культуре**. Школу нельзя назвать веберовской в полном смысле, но её представители в наибольшей степени стремятся использовать многие идеи Вебера и в теоретическом, и в конкретно-историческом отношении.

В духе Вебера многомерная модель объяснения прошлого социально-критическими историками основывается на принятии трёх принципиально равноправных осей исторического развития: экономической, политической и культурной. В своем многообразном переплетении в различные исторические периоды каждая из этих осей приобретает различный вес и влияние. Задача исторического исследования как раз и состоит в том, чтобы точно определить, какая из них доминировала и в соответствии с этим дать анализ и объяснение конкретного исторического феномена в его неповторимости и своеобразии, но с учетом его включения в более общие исторические взаимосвязи. В отношении

¹ Историческая наука в XX веке. Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учебное пособие для студентов // Под ред. И.П. Дементьева, А.И. Патрушева. – М.: Простор, 2002. – С. 342 – 343.

современного мира эти оси конкретизируются в индустриальном капитализме, бюрократизированном государстве, рациональной науке и культуре.

Вплоть до второй половины 70-х гг. XX в. программа, ориентированная на исследование повседневности, была способна заинтересовать немногих. Наиболее чуткими в этом вопросе оказались историки, осознавшие недостаточность надысторических законов для объяснения поступков отдельных людей и эффективно использующие знания традиционных норм, стереотипов поведения, господствующих в ту или иную эпоху¹.

Категорию повседневности можно охарактеризовать как соотношение индивидуальности и социальной реальности, её основные атрибутивные свойства выражаются в следующем: субъективные переживания чётко противопоставляются объективным процессам и структурам, индивидуальные действия – типичным практическим действиям, однократные эпохальные события – длительным ритмам, подвижные формы рациональности – идеальным конструкциям².

В отношении повседневности на первый план выходит **проблема детерминации личности внешними факторами**. На проблеме повседневности можно видеть, как индивид оказывается перед необходимостью буквально каждый день принимать то или иное решение, делать свой выбор. Естественно, люди воспринимают правила, общественные установки, традиции и институты как данность, которая предшествовала человеку. Каждый человек более или менее следует общественному этикету, соблюдает многочисленные нравственные установки, политические нормы.

Однако не только политическими решениями, институциональным взаимодействием держится мир, но и тем, как ведёт себя человек в повседневной жизни. Ведь многообразие ситуаций, сказывающихся в повседневной жизни, необычайно велико. С другой стороны, относительная свобода индивидуальных решений здесь, как правило, шире, чем в любой иной сфере. Поэтому повседневность представляет очень удобное поле исследований для изучения взаимоотношений между общепринятыми стереотипами и индивидуальными интенциями. Германские историки изучали, например, разнообразие стратегии поведения заключённых в нацистских концлагерях, где практиковался делёж рационами горячего супа, что укрепляло совместное желание выжить³.

Через призму повседневности ученые попытались раскрыть феномен тоталитаризма. Несмотря на наличие огромного количества исследований в этой области, до сих пор не выяснено главное – социальная поддержка режимов. Историки повседневности считают, что тоталитарный гитлеровский режим опирался не только на террор и пропаганду, но и на значительный

¹ Марков Б. Философская антропология. СПб., 1997. С. 232.

² Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности / Социологос. М., 1991. с. 39.

³ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 170 – 171.

уровень общественного консенсуса германского общества 30-40-х гг. Значительный процент общественного настроения приходился на долю осознанной поддержки власти.

В то же время историки склонны считать, что нацистская идеология не всегда «срабатывала» на уровне повседневности и усилия пропагандистов давали часто «совершенно иные результаты»¹. Имели место явления внутреннего неподчинения и нонконформизма, выражавшиеся в появлении субкультуры в молодёжном движении, различных неформальных группировок. Их члены собирались на тайных квартирах, обсуждали политические проблемы. Субкультура была также направлена против насаждаемого повседневного аскетизма, табуирования сексуальности и др. Иначе говоря, фашистская идеология не вживалась неизменно, а воспроизводилась в сознании в модифицированном виде.

Многие исследователи сегодня следуют этой новой парадигме: не История, а истории, с множеством индивидуальных центров.

Создание общества массового потребления, процессы демократизации в целом ведут к перестановке акцентов в предметной области истории. Объектами изучения социально-ориентированной истории становятся не столько социальные структуры и процессы, сколько повседневный опыт людей, условия, в которых они жили. Таким образом, наблюдается сближение позиций культурной и социальной истории².

Эта смена ориентиров в исторической науке происходит в результате острых дискуссий 1980-х гг. и носит название **«антропологического поворота»**. В результате, с одной стороны, акцент в исторических исследованиях перемещается на изучение собственно «человека в истории», причем не столько созданных им и довлеющих над ним «структур», сколько его непосредственного опыта в историческом процессе. С другой стороны, для изучения неосознанных социокультурных представлений людей прошлого, включённых теперь в понятие «культура», историки стали широко использовать методы, заимствованные ими из культурной антропологии.

Интересы и исторический опыт «маленького человека», которые были оставлены без внимания как политической историей XIX в., так и социальной историей XX в., условия его повседневной жизни и то, как эти условия испытывались, стали приоритетными объектами изучения для ведущих историков современности. П. Берк, К. Гинзбург, Н. Дэвис, К. Томас, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, К.-Г. Фабер, И. Рюзен и многие другие авторитеты «новой

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 214.

² Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Мн., 2002. С. 197.

истории» ориентируются на написание культурной истории, где нарратив и индивидуум, микроподход играют центральную роль.

Появление истории повседневности дало **шанс преодолеть сложившуюся привычку к широким умозрительным обобщениям, в которых нивелировались асинхронность, социальная противоречивость и разнородность картины мира в сознании человека.** Через изучение отдельных «сегментов», многообразных форм восприятия людьми своего опыта, отношений на производстве и в быту открывались возможности понимания специфики групповых и личностных идентификаций в обществе. В конечном счете, такой подход давал основание германской историографии по-новому реализовывать её потребность в достижении идеала исторического синтеза¹.

Новые направления в историографии: гендерная и устная истории.

Тенденция к развитию новых теоретических направлений в настоящее время особенно наглядно проявляется в разработке вопросов **гендера** как фундаментального структурирующего принципа исторического анализа². Катализатором этих исследований в начале 1980-х гг. стало растущее понимание необходимости новой социальной базы для эффективной политической деятельности левых, а также изменения в области феминистской мысли.

Первоначально феминистская историография была нацелена на историческое обоснование самой идеи, сбор документальных свидетельств женского опыта и достижений. При всех успехах в выявлении скрытых или отрицаемых фактов подобная «женская» история имела существенную ограниченность. Она стремилась восстановить отдельный женский мир — «его историю» — в противоположность традиционной историографии, но не имела эффективного плана действий по изменению этого традиционного взгляда (а в некоторых случаях и особой заинтересованности в таком изменении).

Как зрелое научное направление, история женщин сегодня характеризуется тремя принципами, которые в совокупности открывают путь для создания целостной исторической теории. Во-первых, «женщина» уже не рассматривается как одна неразделимая социальная категория. Классовые, расовые и культурные представления о различиях между полами оказывали

¹ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я. С. Яскевич В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин и др.; Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. — Мн., 2002. С. 215.

² Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 212.

огромное влияние на восприятие женщин — и на восприятие женщинами самих себя, — и в большинстве научных исследований рассматриваются отдельные группы, а не «женский пол» в целом. Даже при попытках создания общих работ по истории женщин центральное место занимают культурные и социальные различия. И, во-вторых, такому же переосмыслению, как и категория «женщин», подвергся и стандартный тезис об их постоянном угнетении мужчинами. Термин «патриархат» подвергся критике как предполагающий, что разделение по половому признаку является основополагающим принципом стратификации человеческого общества, присутствует во всех периодах и тем самым оказывается «вне» истории; объясняя все, он не объясняет ничего. Понятие «патриархат» можно и сейчас успешно использовать для обозначения половой иерархии в рамках домохозяйства, особенно там, где мужчины руководят своеобразным домашним производством, как это имело место в доиндустриальной Европе. Но история демонстрирует гигантское разнообразие уровней угнетения, сопротивления, адаптации и сотрудничества в отношениях между мужчиной и женщиной, и задача историка состоит в том, чтобы объяснить это разнообразие, а не затушевывать его универсальным принципом подавления одного пола другим. В-третьих, — и это главное, — «женская» история стала всё больше заниматься и историей мужчин: не в традиционном восприятии как абстрактных бесполок существ, а в их взаимосвязи с другой половиной человечества. Это значит, что исторический образ мужчины — это образ мужа и сына, а исключение им женщины из сферы общественной жизни является предметом исследования, а не аксиомой. Как выразилась Джейн Льюис, «наше понимание системы отношений между полами/гендерами не будет иметь и намека на полноту, если мы не поймем всю структуру «мужского» мира и формирования «мужественности»¹.

Гендерные исследования являются теоретической попыткой учесть проблемы обоих полов и их сложные взаимоотношения, вписав в картину прошлого, и тем самым модифицировать историческую науку вообще. Кроме гендерных исследований в истории женщин существуют и другие течения, но именно они представляются наиболее многообещающими с точки зрения дисциплины в целом. Термин «гендер» в общеупотребительном смысле означает **социальную организацию различий между полами**. Он воплощает тезис о том, что большинство различий между полами, которые считаются естественными (или «богом данными»), на самом деле формируются обществом и культурой, а значит, их следует воспринимать как результат исторического процесса. (Конечно, именно эта путаница между понятиями природы и культуры придала стратификации по гендерному признаку такую долговечность, и стала причиной отсутствия её следов в большинстве исторических источников.) Гендерные исследования сосредоточены не столько на угнетенном положении одного из полов, сколько на всей сфере отношений между полами. А эта сфера включает не только очевидные контакты вроде

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 213.

брака и секса, но и все социальные отношения и политические институты, которые, согласно этой точке зрения, в разной степени структурируются гендером: исключением женщин, поляризацией мужских и женских качеств и т.д. Мужчины формируются гендером не меньше, чем женщины. И социальную власть мужчин, и их «мужские» качества можно понять лишь в качестве аспектов гендерной системы: они не являются «естественными» или неизменными, но определяются изменчивым характером отношений с женщинами. Такой подход характерен для последних исследований сложной эволюции термина «мужественность», начиная с раннего нового времени, и лучших работ по истории семьи. Поскольку правильно понять каждый из полов можно лишь во взаимосвязи с другим, **гендерные исследования обладают концептуальным инструментарием для охвата общества в целом, и на этой основе – потенциалом для создания теории структуры общества и исторических перемен**¹.

Представители немарксистской и нефеминистской историографии едины во мнении, что попытки убеждённых сторонников какой-либо теории применить её к конкретным событиям прошлого приводят к односторонней интерпретации, искажающей подлинную сложность исторического процесса. Но все историки, кроме непримиримых традиционалистов, признают, что теория – весьма продуктивный стимулятор гипотез. Её ценность, утверждают они, состоит не в её способности объяснять события, а в постановке интересных вопросов и привлечении внимания ученых к новым источникам, то есть теория – это ценный эвристический инструмент. **Исторические исследования обычно показывают, что теории не выдерживают проверки всем богатством подлинных событий, но в процессе такой проверки могут обнаружиться новые области для изучения**².

Задачей историков является проверка теорий, их совершенствование и выработка новых всегда на основе фактов в самом широком понимании. И делают они это не в погоне за теорией в последней инстанции или «законом», который «решит» ту или иную интерпретационную проблему, но потому что без теории они просто не могут подступиться к действительно значимым вопросам истории³.

Историк часто пользуется данными археологов и искусствоведов, и он может считать себя достаточно подготовленным, чтобы делать выводы на основе изучения широкого круга предметов материальной культуры – например, облика и внутреннего устройства норманнских замков или характера образов, воссозданных на прижизненных портретах Елизаветы I и монетах периода её царствования; но такие данные рассматриваются большинством

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 215.

² Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 216.

³ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 218.

историков как «вспомогательные», периферийные элементы их дисциплины. За последние 30 лет диапазон источников, которыми историки, по их собственному утверждению, овладели, несомненно, расширился. Он теперь включает топонимику, топографию и – что касается новейшей истории – кинодокументы. И, тем не менее, изучение истории почти всегда основывалось непосредственно на том, что историк может вычитать из документов и услышать от очевидцев. С тех пор как исторические исследования были поставлены на профессиональную основу (а этим мы обязаны Ранке)¹, упор, за редкими исключениями, делался на письменные, а не на устные источники, хотя, в последнее время «устная история» стала вновь привлекать внимание исследователей.

Растущий интерес историков к культурному смыслу породил одно новое научное направление, заслуживающее более детального ознакомления. Речь идет о выработке **методологии интерпретации устных свидетельств**. Долгое время не привлекавшие внимания историков, устные материалы теперь активно используются. Они подразделяются на две разновидности, и работа с каждой из них является отнюдь не простым делом для исследователя с традиционной подготовкой. Первую, более известную категорию составляют устные воспоминания – то, что люди излагают в ходе интервью, которые берёт у них историк. Такие материалы обычно называются устной историей. И, во-вторых, существует устная традиция, то есть описания людей и событий прошлого, передающиеся из уст в уста от поколения к поколению. Практически утраченная в высокоразвитых странах устная традиция продолжает существовать там, где грамотность ещё не пришла на смену традиционной устной культуре; с 1950 г. она все активнее изучается исследователями истории Африки. Первоначально устная история и устная традиция ценились, прежде всего, как способ прямого доступа к прошлому. Теперь они всё больше рассматриваются как данные о том, каким образом не относящиеся к элите группы конструируют и модифицируют культурные представления во временной перспективе.

Лишь совсем недавно профессиональные историки приобрели некоторый опыт сбора устных свидетельств. Даже сегодня представители основного направления исторической науки относятся скептически, а часто и просто не готовы принять участие в дискуссии о явных преимуществах и недостатках исследований в области устной истории. Во всеобъемлющем списке первоисточников, который приводит Артур Марвик в своей «Природе истории» (1970), устные источники даже не упоминаются². Уже в 1995 г. Джон Винсент заметил, что «историческая наука не занимается обществами, не обладающими письменностью». Однако именно из устных источников обоих видов черпали большинство сведений те, кто сейчас считается первыми историками – Геродот и Фукидид. Средневековые летописцы и историки, пожалуй, в не меньшей

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 58.

² Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 262.

степени зависели от устных свидетельств; и хотя значение письменных источников стало быстро возрастать, начиная с эпохи Возрождения, старые методы всё же сохранились как ценное дополнение к исследованию документов. Лишь в XIX в., с возникновением исторической науки в её современном виде, использование устных источников было полностью прекращено. Усилия новых профессионалов ранкеанского склада были направлены на изучение письменных документов, на котором и оттачивались их технические навыки, и их работа проходила в основном в библиотеках и архивах.

Интервью стали важным исследовательским инструментом общественных наук. В антропологии, которая достигла зрелости в 1920-х – 1930-х гг., исследователь, как правило, играет роль участника-наблюдателя. Он стремится насколько возможно вести тот же образ жизни, что и члены изучаемой общины, и чтобы понять приобретенный ими опыт, находится в постоянном диалоге с ними, включающем и сбор устных рассказов. Социологи, изучающие современное западное общество, стараются по возможности избегать личного соприкосновения с предметом исследования, но глубокое интервьюирование и здесь остаётся важным источником информации наряду с более распространенными социальными опросами. Методы интервьюирования, разработанные социальной антропологией и социологией, оказались полезными для историков, хотя, как мы увидим, им потребовался свой особый подход к собранному материалу.

То, что методы устной истории нашли хоть какой-то отклик у профессиональных историков, связано, прежде всего, с неполнотой традиционных письменных источников по ряду тем, привлекающих сегодня большое научное внимание. Одной из них является политическая история последних десятилетий. Если в XIX – начале XX в. общественные деятели, как правило, вели обширную служебную и личную переписку, то сейчас они в основном пользуются телефоном, а если и пишут письма, то у них редко находится время писать подробно. Некоторые крупные общественные деятели недавнего прошлого вообще не оставили личных архивов, заслуживающих упоминания – например, Герберт Моррисон, один из руководителей лейбористской партии в 1930-х – 1940-х гг.¹ Чтобы заполнить пробелы в источниках необходимыми для научной биографии данными, исследователям пришлось заняться сбором воспоминаний ныне живущих коллег и сотрудников таких политиков. То же самое относится и ко многим не столь крупным фигурам в политике и других сферах. Для сбора подобных материалов в систематическом порядке при Лондонской школе экономики в 1980 г. был создан Британский устный архив политической и административной истории. Другую подобную тему можно определить как социальную историю повседневной жизни последних десятилетий, особенно бытовых и производственных аспектов жизни рабочего класса, которые редко являлись

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 263.

предметом наблюдения или исследования со стороны современников. В Британии сторонниками устной истории являются в основном специалисты по социальной истории, чей интерес к этим проблемам во многом связан с их социалистическими убеждениями, что становится очевидным, стоит лишь заглянуть в их специальный журнал **«Устная история»**. Третья научная область, буквально требующая нетрадиционного подхода, – это история обществ, не обладающих грамотностью, не породивших почти никаких собственных письменных источников. Сведения о них содержатся в документах, составленных на основе свидетельств владеющих грамотой – но обычно предубежденных – сторонних наблюдателей. Если говорить об Африке, то не только повседневную жизнь самих африканцев невозможно исследовать иными способами; более узкие аспекты истории континента, например развитие торговли и предпринимательства или эволюция политических институтов, также во многом нуждаются в сборе устных данных. Из трёх перечисленных областей именно в двух последних был достигнут наибольший прогресс, существенно влияющий на общее развитие исторической методологии.

Проблемы, возникающие при сборе устной информации, пожалуй, с наибольшей силой проявляются в ходе исследований, проводимых профессиональными историками. Было бы наивным предполагать, что получаемые свидетельства – это впечатления прошлого в чистом виде, ведь в ходе интервью каждая из сторон влияет на другую. Историк выбирает интервьюируемого и определяет интересующую его область; даже если он только слушает и не задает вопросов, присутствие постороннего воздействует на атмосферу, в которой информатор вспоминает прошлое и рассказывает о нем. Конечный продукт обусловлен как социальной позицией историка по отношению к информатору, так и его представлениями о прошлом, которые вполне могут передаваться информатору. Другими словами, историки должны осознавать свою долю ответственности при участии в создании нового источника.

Но и без участия историка трудности не исчезают. Ведь даже информатор не имеет прямого контакта с прошлым. Его (или ее) воспоминания, какими бы живыми и точными они ни были, уже отфильтрованы последующим опытом. Они могут быть подвержены влиянию других источников (особенно средств массовой информации), окрашены ностальгией («раньше было хорошее время») или искажены возникшим уже в зрелые годы негодованием за испытанные в детстве лишения. Для слушателя именно эмоции и субъективизм – скажем, любовь к одному из родителей или недоверие к профсоюзным функционерам – зачастую придают устным свидетельствам убедительность, но они могут быть эмоциональным продуктом позднейшего опыта, а не обсуждаемого периода. Как выразился один из критиков о книге Томпсона,

«В конце концов, его «эдвардианцы» продолжали жить дальше, став «георгианцами», а теперь и «елизаветинцами». За прошедшие годы некоторые воспоминания поблекли или как минимум испытали влияние последующего

опыта. Какие из их детских воспоминаний были на самом деле рассказами старших? Какие прочитанные ими позднее мемуары или романы могли усилить одни впечатления и вытеснить другие? Какие фильмы и телепередачи повлияли на их сознание? ... До какой степени успехи лейбористской партии в первое послевоенное десятилетие могли оживить их ретроспективные представления о своем классовом статусе и классовых противоречиях?»¹

Идея о прямом контакте с прошлым, на чём бы она ни основывалась, является иллюзией: тем более, если речь идет о ретроспективных свидетельствах. «Голос прошлого» неизбежно является и голосом настоящего.

Но даже если предположить, что устные свидетельства каким-то образом приобрели абсолютно достоверный и незамутненный характер, их все равно будет недостаточно для воспроизведения прошлого. Ведь историческая реальность – это больше, чем сумма индивидуальных опытов. Нисколько не желая принижать роль личности, заметим, что в жизни мы в основном сталкиваемся с ситуациями, которые мы, с нашей субъективной точки зрения, не в состоянии полностью осознать. Наше представление об окружающем мире может соответствовать или не соответствовать нашим жизненным потребностям, но оно никогда не соответствует реальности во всей её полноте. Одна из задач историка – как можно полнее понять реальность прошлого; доступ к гораздо более широкому кругу источников по сравнению с любым современником изучаемых событий и дисциплинированное научное мышление позволяют историку раскрыть влияние глубинных структур и процессов на жизнь людей. Живость личного восприятия, составляющая главное достоинство устных источников, таким образом, обуславливает и их ограниченность, и историкам следует быть настороже, чтобы не попасть в плен категорий мышления своих информаторов. Дело не в том, что эти категории всегда неверны, а в том, что они слишком ограничены.

«Близкий контакт помогает лучше слышать голоса; но не ...проясняет смысл сказанного. Для этой цели мы должны вернуться от «их» смысла к своему и к тому, что мы о них знаем, а они или не знают, или не говорят»².

Вот к каким выводам приходит Дэвид Хениг:

«В обществе, в котором социально-политическая деятельность требует гибкости и двусмысленности (а это, конечно, относится к любому обществу) устная традиция способна освободить настоящее из плена прошлого, поскольку она позволяет воспоминаниям об определенных аспектах этого прошлого – например, последовательности действий прошлых правителей – соответствовать вечно меняющимся представлениям общества о самом себе»³.

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 269.

² Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 270.

³ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 277.

Таким образом, при использовании устной традиции для реконструкции истории возникают серьёзные проблемы. Дело не только в том, что они в основном представляют собой нарративы, составленные в назидание потомкам, а значит, занимают одно из низших мест в научной иерархии источников. Они еще и подвергались постоянной переработке с целью более четкого прояснения их смысла, а порой и его изменения. В отличие от документальных первоисточников, устная традиция не передает слова и значения в их первоначальном виде, с помощью которых историк смог бы воссоздать духовный мир прошлого. На самом деле имеет смысл рассматривать устную традицию как вторичный источник, все предыдущие версии которого к тому же были стёрты из памяти; как если бы публикация каждой новой научной монографии сопровождалась уничтожением всех экземпляров предыдущей работы по данной теме.

Историки теперь с большой осторожностью подходят к интерпретации устных преданий, претендующих на изложение событий, происшедших несколько сот лет назад. Они поняли, как опасно принимать на веру то, что вполне может быть лишь сегодняшним представлением общины о самой себе, помещенным во временную ретроспективу. Более того, здесь проявляются признаки тех же проблем, что занимают опытных специалистов по устной истории. Неудивительно, если небольшие изменения, вносимые обычными людьми в реинтерпретацию собственного жизненного опыта позволяют проникнуть в процесс формирования исторического сознания, то насколько богатый материал о том, как прошлое подвергается манипуляциям по социальным мотивам, предоставляет постоянно повторяемая устная традиция целой общины. В этом плане устная традиция представляет особый интерес не в качестве носителя исторической информации, а как средство для раскрытия культурного и политического контекста, в рамках которого формируются образы прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропологическая история: подходы и проблемы: Материалы росс. – французского научного семинара. / Рос. гос. гум. ун-т, Росс. – франц. центр исторической антропологии им. М.Блока. – М., 2000. – Ч. 2.
2. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории: Пер. с франц. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 543 с.
3. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М.: Наука, 1984. 342 с.
4. Белл Д. Возобновление истории в новом столетии. // Вопросы философии. – М. – 2002. – №5. – С.
5. Бессмертный Ю.Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // Вопросы истории. №9. – С. 152-158.
6. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. – Прага: Пламя, 1925. 338 с.
7. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. 2-е изд. – М.: Наука, 1986. 254 с.
8. Борицова Л.В., Виноградова Н.А. Пишем реферат, доклад, выпускную работу: Учебное пособие. – М., 2000.
9. Бородин Л.И. Методы прикладной математики и информатики в исторических исследованиях: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. – М.: МГУ, 1993. 48 с.
10. Бродель, Фернан. Материальная цивилизация и капитализм. XV-XVIII вв.: (В 3 т.) / Пер. с франц. – Т. 3. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – 679 с. Методы истории и осознание исторических событий. (История и философия истории).
11. Будущее искусственного интеллекта. – М.: Наука, 1991. 301 с.
12. Валеев Г.Х. Методология научной деятельности в сфере социогуманитарного знания. М.: Наука, 2004. – 234 с.
13. Варшавский К.Ю. Организация труда научных работников. – М., 1975.
14. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. 804 с.
15. Вевелков Ф.С., Нинчиев К.Х. Методическое пособие по написанию и защите дипломных работ. – СПб., 1996.
16. Вжосек В. Метаморфозы метафор. Неклассическая историография в кругу эпистемологии истории // Вопросы методологии. – М., 1995. – №1 – 2. – С. 84-101.
17. Винограй Э.Г. Общая теория организации и системный подход. Томск, 1989.
18. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. – М.: 1911. 284 с.
19. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
20. Глинский Б.А. Философские и социальные проблемы информатики. – М.: Наука, 1990. 105 с.

- 21.Гречихин А. Л., Здоров И.Г. Информационные издания: Типология и основные особенности подготовки. – М.: Книга, 1988.
- 22.Губман Б.Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций./ АН СССР. – М.: Наука, 1991.-189с.
- 23.Гулыга А.В. Эстетика истории.- М.: Наука, 1974. 128 с.
- 24.Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. 279 с.
- 25.Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
- 26.Гуревич А.Я. История ментальностей и социальная история. //Вестник Рос. гуманит. научногфонда.-М.,1999.-№3.-С.94-101.
- 27.Гуревич А.Я. К пониманию истории как науки о человеке.//Историческая наука на рубеже веков. – М., 2001. – С. 166 – 174.
- 28.Гуревич А.Я. Теория формации и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С.31-43.
- 29.Демидова А.К. Пособие по русскому языку: Научный стиль. Оформление научной работы. – М.: Русский язык, 1991;
- 30.Дильтей В. Описательная психология / Пер. с нем. – М.: Русский книжник, 1924. 118 с.
- 31.Доорн П. Историческая информатика: статистические программные средства для историков. – Нидерланды, 1992 (на англ. яз.). 120 с.
- 32.Ерофеев Н.А. Что такое история? – М.: Наука, 1976.136с.
- 33.Жуков Е.М. Очерки методологии истории. – М.; Наука, 1980. 247 с.
- 34.Захаров А.А., Захарова Т.Г. Дневник аспиранта: в помощь студентам, аспирантам, докторантам, научным сотрудникам. – 3-е изд. М.: Московский философский фонд, 2003. – 47 с.
- 35.Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. – М.: Высш. шк., 1981. 296 с.
- 36.Ивин А.А.Основы теории аргументации. Учебник. – М.,1997.
- 37.Иениш Е.В.Библиографический поиск в научной работе: Справочное пособие – путеводитель. М,1982.
- 38.Информатика для гуманитариев. Вводный курс. Учебное пособие / Под ред. Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. М.: Изд-во УРАС, 1997. – 220 с.
- 39.Историческая наука: Вопросы методологии /Под. ред. Ю.В.Бромлея. – М.: Мысль, 1986. 259 с.
- 40.История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества: Материалы международной интернет-конференции, проходившей 20.03-14.05.2001.на информационно-образовательном портале www.AUDITORIUM.ru/Межвузовский науч. Центр ..., историко-антропологич. исслед.; Под общ. ред. В.В. Керова. – М.: Моск. обществ. научн. фонд, 2001. – 413.
- 41.История и компьютер: Новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. Сб. статей / Под ред. Бородкина Л.И. и Леверманна В. – Германия, Геттинген, 1993. 278 с.

42. История ментальностей. Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. / РАН, Ин-т всеобщей истории; Рос. гос. гум. ун-т. – М., 1996.-254 с.
43. К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / Под. Ред. Могильницкого Б.Г. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. – 226 с.
44. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки / Итоги XX столетия: Учебное пособие ... М.: Логос, 2000.-319 с.
45. Каракозова Э.В. Моделирование в общественных науках. Философско-методологические проблемы. – М.: Высш. шк., 1986. 101 с.
46. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – СПб., 1913.320с.
47. Ключевский В.О. Методология русской истории // Соч. В 9 т. Т.6. – М.: Мысль, 1989. 476 с.
48. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 438 с.
49. Козаков В.А. Самостоятельная работа студентов и её информационно – методическое обеспечение: Учебное пособие.- Киев,1990
50. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. – М.: Наука, 1980. 485 с.
51. Коммеджер Г.С. Природа и изучение истории. – Колумбия, Огайо, 1966 (на англ. яз.). 160 с.
52. Коршунов А.М., Шаполов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании.- М.: МГУ, 1984.192 с.
53. Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Шк. «Яз. русс. культуры», 1998. – 191 с. (Пер. с итальянского).
54. Кузнецов ВТ. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: МГУ, 1991. 191 с.
55. Кузнецов И.Н. Интернет в учебной и научной работе: Практическое пособие. М., 2002. – 192 с.
56. Кузнецов И.Н. Научное исследование: Методика проведения и оформление. М., 2004. – 432 с.
57. Кукушкин В.Л.,Неволин Н.Ф.,Бушуев В.С.Организация умственного труда. Курс лекций. – М.,1966.
58. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
59. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1 . – Ч. 1-2. – СПб., 1910-1913. 292 с.
60. Лотман Ю.М.Внутри мыслящих миров: человек-текст-семиосфера-история.-М.,1996.
61. Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории / Пер. с нем.- М., 1904. 66 с.
62. Методологические проблемы исторической науки. Сб. статей / Под ред. В.Н.Сидорцова и В.Ф.Кушнера.
63. Мизес Людвиг фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. М.: ЮНИТИ, 2001. – 259 с. (Пер. с англ.)

64. Милови́дова И. Проверьте свою грамотность. – М., 1995.
65. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. 151 с.
66. Михайлова С.Ю., Нефёдова Р.М. Учимся писать конспекты, рефераты, изложения. Пособие с текстами и ключами. – М., 1998.
67. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. – 174 с.
68. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. / Могильницкий Б.Г. – Томск: Изд-во Томск. ун-та. Вып.1: Кризис историзма.-2001. – 210с.
69. Нечухрин А.Н. Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е гг. XIX в.-1917 г.). – Гродно, 1992 / Депонир. в ИНИОН РАН № 47748 от 22.02.93/.
70. Парэн Ш. Структурализм и история. // Философия и общество = Philosophy a.society. – М., 1998. – №2. – С. 221 – 243.
71. Патнэм Х. Разум, истина и история/Хилари Патнэм; Пер.с англ. М.: Праксис, 2002. – 294 с.
72. Петров Ю.А., Захаров А.А. Общая методология мышления. – М., 2001.
73. Петров Ю.А., Захаров А.А. Практическая методология. – М., 1999.
74. Петров Ю.Л. Культура мышления: Методологические проблемы научно-педагогической работы. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
75. Пихоя Р.Г. О некоторых аспектах "историографического кризиса" или о "непредсказуемости прошлого". // Новая и новейшая история. – М., 2000. -№4. – С. 15-28.
76. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
77. Поппер К. Историческое объяснение // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М., 2000.-С.330-339.
78. Поппер К. Ницета историцизма: (Пер. с англ.) – М.: Прогресс, VIA, 1993. – 185 с.
79. Портреты историков: Время и судьбы. Т.2: Всеобщая история. – 464с.-М.: Иерусалим: Унив. кн.: Gescharim, 2000.
80. Примаковский А.П. О культуре чтения. – М., 1969.
81. Про, Антуан. Двенадцать уроков по истории: Пер. с франц. / Рос. гос. гум. ун-т. – М., 2000. – 334 с. – (История и память). / (Пер. с изд. 1996 г.)
82. Проблемы исторического познания: Материалы международной конференции, Москва, 19-21 мая 1996 года. / РАН, Ин-т всеобщей истории; Редкол.: М.С. Бобкова и др.-М.: Наука, 1999. – 300с.
83. Проблемы методологии истории. // Новая и новейшая история. – М., 1996.-№6.-С.60-75.
84. Программа справочник по русскому языку (научный стиль речи). – М., 1998.
85. Радаев В.В. Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил. М., 2001.
86. Раки́тов А.И. Историческое познание. – М.: Политиздат, 1982. 302 с.

- 87.Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов». // Новая и новейшая история. – М., 1998. – №6. – С.64-87.
- 88.Ренир В.С. История. Ее цель и метод. – Лондон, 1950 (на англ. яз.). 320 с.
- 89.Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. /РАН, Ин-т всеобщей истории. – М.: ИВИ РАН, 1998.-278с.
- 90.Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. / РАН, Ин-т всеобщей истории. М.: ИВИ РАН, 1998. – 278 с.
- 91.Рикёр Поль. История и истина. /Пер. с франц. И.С.Вдовиной и А.И. Мачульской/.-СПб.: Алетейя,2002.-400 с./(Изд-е 1955 г.)
- 92.Риккерт Г. Философия истории / Пер. с нем. – Спб.,1908. 196с.
- 93.Розенталь Д.Э. Секреты хорошей речи. – М.: Международные отношения, 1993.
- 94.Розов Н.С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера. // Вопросы философии. – М., 1995. – №12. – С. 55 – 69.
- 95.Рузавин Г.И.Логика и методология научного поиска: Обзор англо – американской литературы. М., 1986.
- 96.Садовский В.Н. Карл Поппер и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- 97.Сапер П. Основы искусства речи: Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.
- 98.Сенкевич МЛ. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. школа, 1984.
- 99.Серова Г.А.Компьютер – помощник в оформлении диссертации. Практическое руководство. М., 2002
100. Сиденко В.П.,Грушко И.Я. Основы научных исследований.-Изд. 2-е, стереот. – Харьков, 1979.
101. Смоленский Н.И. О разработке теоретических проблем исторической науки // Новая и новейшая история. – М., 1993. – №3.-
102. Смоленский Н.И. Об исследовании британским учёным Д. Тошем проблем методологии истории // Новая и новейшая история. – М., 2002. – №6. – С. 176 – 190.
103. Составление библиографического описания. Краткие правила // Междувед. каталогизац. комис. при Гос. б-ке СССР им. В.И Ленина. – 2-е изд доп. – М.: Кн. палата, 1981.
104. Споры о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы "Анналов": (Сб. статей), РАН, Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 1993. – 207с.
105. Справочная книга редактора и корректора: Редакционно-техническое оформление изданий. 2-е изд., перераб. – М.: Книга, 1985.
106. Таллер М., Kleio 4. Система управления банком данных / Пер. с нем. – М.: МГОА, 1995. 279 с. (на англ. и нем. яз.).
107. Тойнби А.Д. Постижение истории / Пер. с англ. -М.: Прогресс, 1990. 730 с.
108. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995.

109. Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. – 295 с.
110. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М.: Юрист, 1994. – 719 с.
111. Усачёва И.В., Ильясов И.И. Формирование учебной исследовательской деятельности. Обучение чтению научного текста. – М., 1986.
112. Февр, Люсьен. Бои за историю: (Сборник статей)/Пер. с франц.- М.:Наука,1991.-629 с.
113. Филлипс Э., Пью Д. Как написать и защитить диссертацию: Практическое руководство / Пер. с англ. – Челябинск: Урал LTD, 1999.
114. Философия и методология истории. – М.: Прогресс, 1977. 334 с.
115. Философия и методология науки. Части 1 и 2. – М., 1994.
116. Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. 319 с.
117. Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – 7-е изд., перераб и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
118. Филюшин А.И. Методологические инновации в современной исторической науке.//Actio nova 2000. – М., 2000. С. 7 – 50.
119. Фуко, Мишель. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук./Пер. с франц. – СПб.: Асад, 1994. – 406 с. / (Изд-е 1966 г.)
120. Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1914. 315 с.
121. Хьюз Г.С. История как искусство и как наука. - Нью-Йорк, Эванстон, Лондон, 1964 (на англ. яз.). 107с.
122. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1.- М. - Пг., 1923. 468 с.
123. Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: Учебно-методическое пособие. М.,2001.
124. Эхо Ю.Практическое руководство для всех, кто пишет дипломные, курсовые, контрольные, доклады, рефераты, диссертации: успех без лишних проблем. М.,1996.
125. Юрганов А.А. Опыт исторической феноменологии. // Вопросы истории. – М., 2001. – №9. – С. 36-52.
126. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем.- М.: Политиздат, 1991. 527 с.

САЙТЫ В ИНТЕРНЕТЕ (КАТАЛОГИ, ТЕКСТЫ)

- copac.ac.uk - каталог университетов Великобритании и Ирландии
- cs.muohio.edu – экономическая история Огайо
- dissertation1.narod.ru - библиотека диссертаций
- elibrary.ru - электронная научная библиотека
- <http://eserver.org> – EServer – художественные, научные тексты.
- <http://www.cordis.lu/> – Информационная система по науке и технологиям Европейского Сообщества.
- <http://www.eu.spb.ru> – Европейский университет в Санкт-Петербурге..
- <http://www.rsl.ru/> – Российская государственная библиотека (РГБ). Каталоги. Диссертации с 1995. Книги с 1994. Русск. язык.
- <http://abuss.narod.ru/> – сайт по философии истории.
- <http://abuss.narod.ru/Biblio/febvre1.htm> – Л. Февр. Историзирующая история. О чуждой для нас форме истории.
- <http://allbest.ru/nauch2.htm> – бесплатные библиотеки сети. Русск. язык.
- <http://alledu.eup.ru/> – Бесплатная электронная библиотека (монографии, диссертации, книги, статьи, новости и аналитика, конспекты лекций, рефераты, учебники). Тематика: общеобразовательные дисциплины, с точки зрения специальности 060805 - история, философия, психология, география, физика, математика, журналистика, политология, химия, экология, и т.д.
- <http://elibrary.ru/defaultx.asp> – научная электронная библиотека.
- <http://filosof.historic.ru/> – «Электронная библиотека по философии».
- <http://goya.ceu.hu/> – Central European University Library.
- <http://kleio.dcn-asu.ru/internet/> – Каталог исторических ресурсов "InterHistory" поддерживаемый Ассоциацией "История и компьютер".
- <http://kleio.den-asu.ru/aik/> – сайт ассоциации «История и компьютер».
- <http://larousse.compuserve.com/larousse/dico.htm> – Le Petit Larousse
- <http://lcweb.loc.gov/catalog> OPAC97 <http://opac97.bl.uk> – [Независимый библиотечный форум - Post reply](#).
- <http://lib.ru/MEMUARY/> – Библиотека Максима Мошкова (28000 файлов).
- <http://liberte.newmail.ru/> – сайт «Великая французская революция».
- <http://news8.thdo.bbc.co.uk/hi/russian/news/default.stm> – BBC на русском языке: новости и аналитика.
- <http://nobles.narod.ru/> – сайт «Генеалогия дворян Европы».
- <http://opac97.bl.uk> – Британская библиотека – онлайн-библиографический каталог открытого доступа OPAC 97. Описания на всех европейских языках с 1975 года. WWW.
- http://perso.infonie.fr/origan/histoire/index_1.html – Архивы Второй мировой войны.

- <http://portico.bl.uk/gabriel/en/welcome.html> – сайт «Национальные библиотеки Европы» на английском, французском и немецком языках.
- <http://russian.people.com.cn/> – газета «Жэньминь жибао» на русском языке.
- http://viscult.by.com/uploads/kharkov_history.doc – Усманова А. Визуальный поворот” и гендерная история.
- <http://www.revues.org/vlib/> – Виртуальная библиотека (сборный каталог различных европейских и американских университетов).
- <http://www.unesco.org/general/infoserv/db/dare.html> – Указатель по социальным наукам – организации, специалисты, периодические издания (ЮНЕСКО). Англ., франц. языки..
- <http://www.biblio.polito.it/it/documentazione/biblioeu.html> – Biblioteche europee.
- <http://www.bl.uk/> – The British Library.
- <http://www.bnf.fr/> – Bibliotheque Nationale de France.
- <http://www.bsb-muenchen.de/index2.htm> – Bayerische Staatsbibliothek.
- <http://www.census.gov/> – Сайт Департамента коммерции США (экономическое положение, структура правительства, статистика, данные по зарубежным экономическим связям)
- <http://www.copac.ac.uk/> – COPAC - свободный доступ к 24-м университетским электронным библиотекам Великобритании и Ирландии, к ресурсам Британской библиотеки и Национальной библиотеки Шотландии.
- <http://www.countries.ru/library/antropology/krom/> – Библиотека по культурологии.
- <http://www.encyclopedia.ru/> – проект «Мир энциклопедий».
- <http://www.gazeta.ru/> – электронное периодическое издание «Газета.Ру»
- <http://www.gender-cent.ryazan.ru:8101/school/chikalova.htm> – Летняя школа «Общество и гендер».
- <http://www.gnpbu.ru> – Государственная публичная историческая библиотека.
- http://www.hero.ac.uk/sites/hero/uk/reference_and_subject_resources/resource_s/opacs_in_britain_and_ireland_3795.cfm – Библиотеки Великобритании и Ирландии (каталог ссылок).
- http://www.hero.ac.uk/sites/hero/uk/reference_and_subject_resources/resource_s/worldwide_library_resources3796.cfm – Worldwide library resources.
- <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/PICT/modern.htm> – Исторические источники по Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки на русском языке в Интернете (Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).
- <http://www.historia.ru/> – российский электронный журнал «Мир истории».
- <http://www.historial.org> – История Первой мировой войны.
- <http://www.history.machaon.ru/index.html> – Международный исторический журнал.

- <http://www.history.ru/hist.htm> – Ресурсы WWW по истории.
- <http://www.ieras.ru/> – Институт Европы РАН.
- http://www.igh.ru/inet_res/index.html – сайт Института всеобщей истории РАН.
- <http://www.inion.ru/> – Институт научной информации по общественным наукам РАН
- <http://www.inosmi.ru/> –Иностранная пресса: статьи о России и о положении в мире.
- <http://www.lafrance.ru/general/artpage.htm> – МГУ, истфак, французская секция.
- <http://www.lcweb.loc.gov/> – Library of Congress.
- <http://www.lib.cam.ac.uk/> – Cambridge University Library.
- <http://www.libfl.ras.ru/> – Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы
- <http://www.nationalsecurity.ru/> – Электронная библиотека содержит материалы по вопросам национальной и государственной безопасности Российской Федерации: учебные планы, монографии, сборники, статьи, диссертации, рефераты и курсовые работы и другие труды по социологии, политологии и смежным дисциплинам. <http://www.n-t.org/ri/> – электронная библиотека «Путь к знаниям». Русск. язык.
- <http://www.novist20w.narod.ru> – Филюшкин А.И. «Новое в исторической науке в XX в.». Курс лекций.
- <http://www.nypl.org/index.html> – New York Public Library.
- <http://www.openweb.ru/nnh/> – Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН, Журнал «Новая и новейшая история».
- <http://www.oslo2000.uio.no/> – Страница XIX Международного конгресса исторических наук. Осло, 6 - 13 августа 2000 года.
- <http://www.owl.ru/gender/022.htm> – Словарь гендерных терминов
- <http://www.owl.ru/library/> – Гендерные исследования
- <http://www.rfh.ru/> – Российский гуманитарный научный фонд.
- <http://www.ruthenia.ru/logos/> – философско-литературный журнал «Логос».
- http://www.seeq.com/lander.jsp?referrer=http%3A%2F%2Fwww.tellur.ru%2F%7Ehistoria%2Farchive%2F01%2F_source.htm&domain=crispinius.com&cm_mmc= – Большая систематизированная база данных журналов по истории.
- <http://www.shpl.ru/> – Государственная публичная историческая библиотека России
- <http://www.students.ru/05/index.html> – Сервер Российского Студенчества. Научно - образовательный портал.
- <http://www.vvsu.ru/gender/bblg/19.html> – Центр гендерных исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.
- <http://zens.inalf.cnrs.fr/academie.htm> – Dictionnaire de l'Academie Française.

- liber.rsuh.ru - библиотека Российского Государственного Гуманитарного Университета
- [ODP/Google EText Links](#) – ссылки на электронные библиотеки и архивы.
- orb.rhodes.edu – средние века
- orel.rsl.ru - "Open Russian Electronic Library"
- ota.ox.ac.uk. – Oxford Text Archive (FTP).
- sunsite.unc.edu – электронный музей
- www.1.kleio.fr – Encyclopedie Larousse (\$20 в год)
- www.chem.uva.nl/sts/guid/node_1-ct/html – Научно – исследовательская деятельность: программы, проекты исследования. Указатель по исследованиям в области науки, техники и инноваций в Европе. Англ. язык.
- www.cl.spb.ru/iptill/library – Текстовые ресурсы Рунета от Кузнецова.
- www.club-internet.fr/encyclopedia – Encyclopedie Hachette
- www.cnet.com – ZDNet новости.
- www.cs.cmu.edu/books.html
- www.etext.org – электронные тексты.
- www.gutenberg.net - Project Gutenberg
- www.hist.msu.ru – сайт исторического факультета МГУ.
- www.inion.ru - Институт Научной Информации по Общественным Наукам
- www.lib.msu.su - библиотека Московского Государственного Университета
- www.lib.ru - библиотека Максима Мошкова
- www.libfl.ru - Всероссийская Государственная Библиотека Иностранной Литературы
- www.loc.gov - библиотека конгресса США
- www.loc.gov.
- www.louvre.fr – История и коллекции музея в Лувре.
- www.nlr.ru - Российская Национальная Библиотека
- www.rsl.ru - Российская Государственная Библиотека
- www.rsl.ru/resours/ – Электронные каталоги и базы данных.
- www.shpl.ru - Всероссийская Государственная Историческая Библиотека
- www.textology.ru - библиотека "Текстология"
- www.ucr.edu/history/seaman
- www.w3.org/vl – www Virtual Library.
- www.inion.ru/product/db_2.htm – библиографические базы данных по социальным и гуманитарным наукам Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук (ИНИОН РАН).
- yanko.lib.ru - электронная библиотека "Fort / Da"

Сайт «Всемирная история: Единое научно-образовательное пространство»

Для историков занимающихся историей зарубежных стран Институт всеобщей истории РАН создал сайт **www.worldhist.ru**.

Сайт **«Всемирная история: Единое научно-образовательное пространство»** задуман как единый сетевой ресурс для координации научно-исследовательской и преподавательской деятельности историков России. Идея создания сайта была сформулирована и поддержана представителями 62-х университетов РФ – участниками Всероссийского научно-методического совещания деканов и заведующих кафедр исторических факультетов госуниверситетов (Москва, 29-31 января 2003 г.).

Сайт адресован научным сотрудникам, аспирантам, преподавателям вузов, студентам, учителям средней школы и всем, кто проявляет заинтересованное внимание к дискуссионным проблемам истории и жизни современного профессионального сообщества историков. Его создание представляется особенно важным и в силу того, что многие историки из различных регионов лишены возможности систематически работать в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга и крупнейших зарубежных исследовательских центрах, участвовать в научных конференциях, проводимых в других регионах России и за рубежом. С данного сайта можно выйти на сайты крупнейших зарубежных библиотек.

Задача создателей сайта – представить максимально полную информацию, необходимую историку для проведения научных исследований, налаживанию контактов со своими коллегами в России и за рубежом, овладения современными исследовательскими методами и методиками, обсуждения животрепещущих проблем и реализации уже имеющихся инноваций в преподавании истории. Он представляет возможности для интенсивного обмена опытом, координации взаимодействия в осуществлении научно-исследовательских программ, развитии новых направлений исторической науки.

Планируется создание эффективно действующего всероссийского электронного ресурса по истории при поддержке и активном участии всех заинтересованных, открытых к сотрудничеству преподавателей, ученых, кафедр исторических факультетов вузов, научных отделов РАН. На этом сайте можно размещать материалы собственных исследований.

Электронный почтовый адрес: **info@worldhist.ru**

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ¹

Абстрагирование – мысленное отвлечение от каких-то черт и свойств конкретного, выделение в изучаемом объекте отдельных, особенно интересующих исследователя черт.

Аксиология – философское учение о природе ценностей, их месте в реальности и структуре ценностного мира.

Аксиоматический метод – способ построения научной теории, при котором в основу кладутся некоторые исходные постулаты (аксиомы); последующие утверждения этой теории выводятся логическим путем.

Амбивалентность – двойственность чувственного переживания, когда один и тот же объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства (напр., симпатии и антипатии).

Анализ – логический прием мысленного расчленения явления или процесса (предмета) на части (признаки, свойства, отношения).

Аналогия – (греч. analogia – соответствие – сходство), сходство предметов (явлений, процессов) в каких-либо свойствах. Умозаключение по аналогии – знание, полученное из рассмотрения какого-либо объекта, переносится на менее изученный, сходный по существенным свойствам, качествам объект; такие умозаключения – один из источников научных гипотез.

Антропология – учение о природе (сущности) человека, который служит исходной точкой и центральным объектом рассмотрения.

Архетип – первообразы, заложенные в каждом из нас образцы поведения; в «аналитической психологии» Г. Юнга – изначальные, врожденные психические структуры, содержащиеся в т.н. коллективном бессознательном.

Архивоведение – научная дисциплина, занимающаяся разработкой методов сбора, систематизации и хранения документов, изучением истории организации архивного дела.

База данных – совокупность сведений, хранящихся в запоминающих устройствах ЭВМ и выступающих в качестве исходных данных при решении различных задач.

Банк данных – совокупность всех массивов информации длительного хранения в автоматизированных системах обработки данных (АСОД), а также программных и технических средств, обеспечивающих ее накопление, обновление, корректировку и использование.

Биогенетический закон – закон, в соответствии с которым индивидуальное развитие организма (онтогенез) в сжатой форме повторяет основные стадии развития всего вида (филогенез); сформулирован З.Фрейдом.

¹ Методология истории: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. А.Н. Алпеева и др. Минск: НТООО «ТетраСистемс», 1996. С. 221 – 236.

Бифуркация – точки ветвления процесса, порождающие новую линию эволюции; термин введён бельгийской школой И. Пригожина.

Возможность – объективная тенденция, выражающая в наличии условий для возникновения или развития исторического объекта или процесса.

Восхождение от абстрактного к конкретному – общенаучный метод познания, позволяющий перейти от ограниченного знания, полученного посредством восхождения от конкретного к абстрактному, к более полному, конкретному теоретическому знанию.

Всемирноисторический – понятие, в котором выражается единство и целостность человеческой истории, скрытые за внешним многообразием локально-исторического.

Герменевтика – искусство и теория истолкования текстов исходя из их содержания, а не из их объяснение через контекст.

Гипертекст – свертхтекст (дополнительный текст); используется в компьютерных системах представления знания.

Гипотеза – (греч. основа, предположение) – система умозаключений, посредством которой на основе ряда фактов делается вывод о существовании объекта, связи или причины явления, причем вывод этот нельзя считать абсолютно достоверным. Г. также называют содержание этого вывода. Потребность в Г. возникает в науке, когда неясна связь между явлениями, причина их, хотя известны мн. обстоятельства, предшествовавшие или сопутствовавшие им, когда по некоторым характеристикам настоящего нужно восстановить картину прошлого или на основе прошлого и настоящего сделать вывод о будущем развитии явления. Однако выдвижение Г. на основе определенных фактов – это только первый шаг. Сама Г. в силу своего вероятностного характера требует проверки, доказательства. После такой проверки Г. или становится научной теорией, или видоизменяется, или отбрасывается, если проверка дает отрицательный результат. Основные правила выдвижения и проверки Г. следующие: 1. Г. должна находиться в согласии или, по меньшей мере, быть совместимой со всеми фактами, которых она касается. 2. Из мн. противостоящих друг другу Г., выдвинуты для объяснения серии фактов, предпочтительнее та, которая единообразно объясняет большее их число; конечно, для объяснения отдельных фактов этой серии можно выдвигать т. наз. рабочие Г. 3. Для объяснения связной серии фактов нужно выдвигать возможно меньше различных Г., и их связь должна быть возможно более тесной. 4. При выдвижении Г. необходимо сознавать вероятностный характер её выводов. 5. Г., противоречащие друг другу, не могут быть вместе истинными, за исключением того случая, когда они объясняют различные стороны и связи одного и того же объекта. Современные позитивисты, эмпирики, «всеиндуктивисты» и т. п. считают, что наука призвана протокольно регистрировать факты, а не строить Г. о закономерностях объективного мира, т. к. Г., по их мнению, играют лишь «рабочую» роль и не имеют объективного содержания. Однако факты превращения Г. в научно доказанные теории свидетельствуют об обратном. Поскольку Г. всегда

базируется на определенных объективных данных, она имеет возможность быть развитой до степени теории.

Гносеология – см. Теория познания.

Дедукция (лат. выведение) - один из основных способов рассуждения умозаключения; и методов исследования. Под Д. в широком смысле понимается любой вывод вообще, в более специфическом и наиболее употребительном смысле - доказательство или выведение утверждения (следствия) из одного или нескольких др. утверждений (посылок) на основе законов логики, носящее достоверный характер. В случае дедуктивного вывода следствия содержатся в посылках в скрытом виде, и они должны быть извлечены из них в результате применения методов логического анализа. Современное понятие о Д. является далеко идущим обобщением аристотелевского истолкования Д. как вывода от общего к частному и показывает его односторонность.

Диахронный метод – способ научного исследования, построение во времени разнообразных по природе процессов.

Дискурс (рассуждение, довод) – понятие современной лингвистики, семиотики и философии, получившее широкое распространение в англо – и особенно франкоязычных странах (в России проблемами изучения дискурса занимался Ю.М.Лотман, крупнейший представитель семиотики в нашей стране). Дискурс понимается как создание «вторичных моделирующих систем» на основе «первичных моделирующих систем», каковыми являются естественные языки. С речью дискурс сближает то, что он также является процессом и деятельностью. Однако в отличие от речи дискурс предполагает систему, он обладает свойством целостности, имеет специфическую внутреннюю организацию, форму, к нему применимы понятия вида, типа, жанра и стиля. Дискурс – это речь, наделённая социокультурным измерением, или язык, преобразованный говорящим субъектом и включённый в конкретный социокультурный контекст.

Идеализация – общенаучный метод познания, при помощи которого свойства и признаки объекта исследования доводятся до крайнего предела; применяется с целью более полного и глубокого проникновения в сущность изучаемых процессов и явлений.

Идеальный тип – мысленный образ-схема, представляющий исследовательскую конструкцию для упорядочения и систематизации конкретно-исторического материала; введен М.Вебером.

Идеографический метод – метод, состоящий в описании индивидуальных особенностей исторических фактов, на основе «отнесения к ценности» (действительно «существенным» событиям и явлениям); разработан баденской школой неокантианства.

Идеология – система идей, выражающая мировоззрение, интересы, идеалы того или иного класса, общества или социального движения.

Изоморфизм – отношения типа одинаковости равенства объекта и его модели.

Имманентное – внутренне присущее тому или иному предмету, явлению или процессу свойство (закономерность).

Индукция (лат. *inductio* - наведение) – один из типов умозаключения и метод исследования. Вопросы теории И. встречаются уже в работах Аристотеля, но особенно большое внимание начинает уделяться ей с появлением эмпирическое естествознания в 17-18 вв. Большой вклад в разработку вопросов И. вносят Ф. Бэкон, Галилей, Ньютон, Дж. Гершель и Дж. С. Милль. Как форма умозаключения И. обеспечивает возможность перехода от единичных фактов к общим положениям. Обычно выделяют три основных вида индуктивных умозаключений: полную И.; через простое перечисление (популярную И.); научную И. (два последних вида образуют неполную И.). Полная И. представляет вывод общего положения о классе в целом на основе рассмотрения всех его элементов; она дает достоверный вывод, но сфера ее применения ограничена классами, число членов которой легко обозримо. В случае популярной И. наличие к.-л. признака у части элементов класса служит основанием для заключения о том, что и все элементы данного класса обладают этим признаком. Популярная И. обладает неограниченной сферой применения, но её выводы образуют лишь вероятные положения, нуждающиеся в последующем доказательстве. Научная И. тоже представляет вывод от части элементов данного класса ко всему классу» но здесь основанием для вывода служит раскрытие у исследуемых элементов класса существенных связей, необходимо обуславливающих принадлежность данного признака всему классу. Основное место в научной И. занимают поэтому приёмы раскрытия существенных связей. Последнее предполагает сложный анализ. В традиционной логике сформулированы некоторые из таких приёмов - т. наз. индуктивные методы исследования причинной связи: метод единственного сходства, метод единственного различия, соединенный метод сходства и различия (метод двойного сходства), метод сопутствующих изменений и метод остатков. В качестве метода исследования И. понимается как путь опытного изучения явлений, в ходе которого от отдельных фактов совершается переход к общим положениям, отдельные факты как бы наводят на общее положение. В реальном познании И. всегда выступает в единстве с дедукцией.

Интенциональность – понятие в феноменологии, означающее смыслообразующую устремлённость сознания к миру, смыслоформирующее отношение сознания к предмету, предметная интерпретация отношений. Она выражает постоянное напряжение между человеческой реальностью и миром, их нераздельность и взаимную несводимость, которая обнаруживает онтологическую значимость человеческого бытия.

Интерпретация – толкование, попытка сделать непонятное понятным. В наше время интерпретация рассматривается феноменологической герменевтикой как средство для улавливания формирования смысла в человеке.

Информатизация – совокупность процессов, происходящих во всех сферах общества и связанных с качественно новым уровнем производства, переработки и передачи информации.

Информация (в исторической науке) – совокупность сведений источников, которая вовлечена в научный оборот и используется для изучения тех или иных конкретных явлений или процессов.

Искусственный интеллект – совокупность автоматических методов и средств целенаправленной переработки информации (знаний) в соответствии с приобретаемым в процессе обучения и адаптации опытом.

Историзм – принцип подхода к действительности как изменяющейся и развивающейся во времени.

Историко-генетический метод – способ изучения исторических явлений в процессе их развития от зарождения до гибели или современного состояния.

Историко-системный метод – углубленный анализ общественно-исторических систем, раскрытие внутренних механизмов их функционирования.

Историко-сравнительный метод – метод сопоставления исторических объектов в пространстве и времени и выявления сходства и различия между ними.

Историко-типологический метод – средство выявления общих черт в пространственных группах исторических событий и явлений или выделения однородных стадий в непрерывно-временном их развитии.

Историософия – философия истории, осмысление истории, теоретическое знание об истории; термин введен А. Цешковским.

Историческая информатика – направление в исторической науке, возникшее на стыке источниковедения, информатики и количественной истории; в его основе лежит формализация и компьютерная обработка исторических источников, разработка и использование новых компьютерных технологий исследования, создание компьютерных программ обучения.

Исторический закон – объективно существующая и повторяющаяся связь этапов исторического процесса, обобщающая эмпирические данные и носящая в реализации вероятностный характер.

Историческое – философская категория, обозначающая процесс становления и развития объекта.

Источник – продукт целенаправленной деятельности людей, включающий все объекты природы, с которыми взаимодействовал человек в процессе своей жизнедеятельности.

Категории – наиболее общие понятия, концентрирующие знания о важнейших отношениях, свойствах и связях окружающего мира.

Количественная история (клиометрия) – область исторической науки основанная на применении количественных методов исследования.

Кластерный анализ – метод классификации объектов при отсутствии заранее заданной информации о характере их распределения внутри группы.

Когнитивный – познаваемый, соответствующий познанию.

Количественные методы – совокупность приемов и методов описания, преобразования и получения нового исторического знания с использованием современных методов математики и информатики.

Колориметрия – учение о способах математического решения проблем систематики, классификации, гармонии и эстетической оценки цвета.

Компьютерное источниковедение – научное направление в источниковедении, основанное на применении компьютерных технологий.

Контент-анализ – метод, основанный на сведении текста источника к ограниченному набору определенных элементов, которые легко подвергнуть количественной обработке.

Концепция всемирной истории – рассмотрение исторического процесса исходя из взаимосвязи «всемирно-исторического» и «локально-исторического».

Концепция культурного плюрализма – признание исторической индивидуальности каждого народа как высшей ценности и несравнимости индивидуальных культур; получил развитие в романтической историографии конца XVIII—XIX вв.

Культура историческая – целостный исторический феномен (культурно-исторический тип, локальная культура), возникающий на базе территориальной, этнической, языковой, политической, экономической и психологической общности, проходящий этапы зарождения, развития и упадка.

Логическое – философская категория, основанная на теоретическом воспроизведении развивающегося или развитого объекта во всех его существенных связях и отношениях.

Массовые источники – объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами; к ним относится вся совокупность статистических источников.

Машиночитаемые документы – документы, пригодные для автоматического (машинного) считывания содержащейся в них информации.

Менталитет (ментальность) – особый набор «привычек мышления», обнаруживающихся как нечто самоочевидное для человека данного типа культуры на определенном историческом промежутке времени.

Метафора [греч. *metaphora*] (лит.) – троп, оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства, напр. (из Пушкина): говор волн; змеи сердечной угрызенья.

Метод (греч. *methodos* – буквально «путь к чему-либо») в самом общем значении – способ достижения цели, определённым образом упорядоченная деятельность. Метод как средство познания есть способ воспроизведения в мышлении изучаемого предмета. Сознательное применение научно обоснованных методов является существенным условием получения новых знаний.

Метод классового анализа – рассмотрение любого общественного явления через призму наличия определённых классов и классовой борьбы.

Метод обоснования научного знания, совокупность приёмов и операций, при помощи которых достигается цель научного исследования.

Методология (эпистемология) – система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе.

Методы многомерного статистического анализа (МСА) – набор математико-статистических методов, ориентированных на исследование статистических совокупностей, в которых объекты характеризуются набором определенных признаков.

Многомерное шкалирование – метод МСА, целью которого является описание матрицы близости расстояний между точками объектов и представление данных об их сходстве в виде системы точек в пространстве.

Многомерность – единство двух основных видов информации: внутреннего (теоретические, формально-логические, концептуальные модели) и внешнего (текстуальные и знаково-символьные формы).

Множественная регрессия – метод МСА, посредством которого устанавливается зависимость одного признака (результатирующего) от набора независимых факторных признаков.

Моделирование – метод исследования объектов познания на их моделях, воспроизводящих или отражающих эти объекты; в основе метода лежит теория подобия.

Моделирование иммитационно-прогностическое – конструирование подражательных моделей с целью определения оптимального характера функционирования общественных систем и проведения прогнозирования.

Моделирование отражательно-измерительное – метод, основанный на создании математических моделей, характеризующих процессы, происходившие в реальной исторической действительности.

Модель – искусственно созданная система, анализ которой позволяет получить информацию о реальной системе.

Мультимедиа – расширения – пакеты программ, дающих возможность дополнить традиционные документы (таблицы, тексты, иллюстрации и т.д.) такими элементами, как звуковое сопровождение, видеовставки и т.д.

Необходимость – философская категория, которая представляет отражение внутренних, устойчивых, повторяющихся, всеобщих отношений действительности; используется для определения поведения исторических субъектов, а также хода исторических процессов.

Номотетический метод – метод естественных наук, состоящий в обобщении материала и установлении законов; разработан И. Кантом и представителями баденской школы неокантианства.

Обобщение – переход на более высокую ступень абстракции путем выявления общих признаков (свойств, отношений, тенденций развития и т. п.) предметов рассматриваемой области; влечёт за собой появление новых научных понятий, законов, теорий.

Объективность – принцип, обеспечивающий получение истинного знания о прошлой реальности, адекватное ее понимание и описание.

Объяснение – функция научного исследования, состоящая в раскрытии сущности изучаемого объекта; осуществляется через постижение определённого закона, которому подчиняется данный объект.

Описание – этап эмпирической стадии научного исследования, состоящий в фиксировании знания об исторической реальности с помощью системы обозначений, принятых в науке.

Парадигма – теория или модель постановки проблемы, принятая в качестве основы для решения исследовательской задачи.

Познание историческое – форма отражения объективной действительности, основанная на соблюдении принципов историзма, объективности и ценностного подхода.

Понятие научное – мысль, отражающая в обобщенной форме связи между предметами и явлениями действительности посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов, явлений и отношения между ними.

Постмодернизм – совокупное обозначение наметившихся в конце XX века тенденций в культурном самосознании развитых стран Запада. Собственно философии постмодернизма не существует. Причина этого в том, что постмодернизм возник из радикального сомнения в возможности философии быть основой мировоззренческого и жанрового единства. Постмодернизм – ситуация в философии, обозначающая отказ от попыток систематизации, от попыток представить мир в виде жёстких, замкнутых систем.

Прагматика – раздел семиотики, посвященный изучению отношения интерпретатора-пользователя какой-либо знаковой системы к самой знаковой системе.

Представление – чувственно-наглядный, обобщенный образ предметов и явлений действительности, сохраняемый и воспроизводимый в сознании и без непосредственного воздействия самих предметов и явлений на органы чувств. В П. у человека закрепляется и сохраняется то, что объективно становится его достоянием благодаря практике. Хотя П. является формой индивидуального чувственного отражения, у человека оно неразрывно связано с общественно-выработанными значениями, опосредствовано языком, наполнено общественным содержанием и всегда осмыслено и осознано. П. – необходимый элемент сознания, т. к. оно постоянно связывает значение и смысл понятий с образом вещей и в то же время даёт возможность сознанию свободно оперировать чувственными образами предметов.

Прогресс – направление развития, характеризующееся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному.

Психогенетическая теория истории – подход, основанный на передаче из поколения в поколение психической структуры как главной составляющей в распространении и развитии культурных элементов общества; разработан Л. де Мозе.

Психоистория – совокупность научных направлений, использующих психологические методы исследования для исторического объяснения или рассматривающих психологические аспекты исторического процесса.

Психофизиологические методы – методы, позволяющие выявить психическую мотивацию исторических процессов и создать психологическую концепцию личности в истории.

Редукция [латин. *reductio* – отведение] – переход, приведение сложного к более простому виду.

Реконструкция историческая – восстановление изучаемой исторической реальности (событий прошлого) на основе извлечения из исторических

источников скрытой информации путем использования логических приемов, чувственного опыта, интуиции, научного воображения.

Релевантность – смысловое соответствие, условное соответствие – релятивизм. В философии науки термин «релевантность» используется для обозначения критериев соответствия наших суждений о научной теории её собственным критериям истинности.

Репрезентативность – свойство выборочной совокупности объектов представлять характеристики генеральной совокупности.

Ригоризм – бескомпромиссность, неприятие любых утверждений, не вписывающихся в определённую систему ценностей или рассуждений, суровое, непреклонное, мелочное соблюдение каких-либо принципов, правил.

Семантика – раздел семиотики, посвященный анализу комплекса связанных между собой понятий, центральными из которых являются понятия смысла и значения. Выдвигая теории, учёные неизбежно сталкиваются с проблемами языка: как описать то или иное явление, чтобы быть правильно понятым? Семиотика – дисциплина, занимающаяся анализом способов передачи информации. Семиотика оказывает активную помощь науке, разъясняя смысл практического приложения научных достижений. Семантика, в свою очередь, – раздел языкознания и логики, в котором исследуются проблемы, связанные со смыслом, значением и интерпретацией знаков и знаковых выражений. В широком смысле семантика, наряду с синтактикой и прагматикой, является частью семиотики – комплекса философских и научных теорий, предметом которых являются свойства знаковых систем, естественных языков, искусственных языков науки, различных систем знаковой коммуникации и сигнализации в человеческом обществе, языков программирования ЭВМ. Содержательная интерпретация таких языков есть основной предмет логической семантики, раздела современной логики, в котором изучается смысл и значение понятий и суждений как выражений определённой логической системы и который ориентирован на содержательное обоснование логических правил и процедур, свойств непротиворечивости и полноты такой системы.

Семантическая карта – объединение вербальной и символической информации, позволяющее создать системное представление о предмете в его абстрактных и конкретных понятиях.

Семиотика – теория, исследующая свойства знаковых систем или систем знаков, каждому из которых придается определённое значение.

Синтез – логическая операция, состоящая в соединении различных элементов предмета или явления в единое целое.

Синхрония – понятие, характеризующее историческую последовательность как сосуществование, состояние её явлений в определённый момент времени.

Система – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях одного с другим и образующая определённую целостность, единство.

Системный подход – общенаучный метод, в основе которого лежит исследование объектов как целостных систем, выявление их внутренних и внешних связей.

Системный подход – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях одного с другим и образующая определенную целостность, единство.

Слот – составная часть фрейма, «ячейка», которую нужно заполнить конкретными данными (в компьютерных системах представления знания).

Случайность – философская категория, служащая для отражения внешних, неустойчивых связей действительности.

Социально-психологический подход – изучение исторического процесса путем рассмотрения психологических аспектов событий или явлений с использованием психологических методов для объяснения.

Структура – совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях.

Структурная лингвистика – совокупность воззрений на язык и методы его исследования, в основе которых лежит понимание языка как знаковой системы с четко выделенными структурными элементами.

Структурная поэтика – направление в литературоведении начала 1960-х — конца 1970-х гг., взявшее основные методологические установки, с одной стороны, у классической структурной лингвистики де Соссюра и, с другой стороны, у русской формальной школы 1920-х гг. С. п. имела три основных географических центра: Париж, Тарту и Москву. Французская школа (Клод Леви-Строс, Ролан Барт — см. также постструктурализм, отчасти Р. О. Якобсон — см. семиотика) была наиболее философски ориентированной, и структурализм здесь довольно быстро перешел в постструктурализм. С. п. была тесно связана с семиотикой (в определенном смысле для России это даже было одно и то же), но в политическом смысле на советской почве она была поневоле интеллектуальным движением антиофициозного, внутриэмигрантского толка. Зародившись в оттепель 1960-х гг., она сумела пережить 1968 г., а к концу 1970-х гг. приобрела черты модной респектабельности, чего-то вроде отечественного товара, предназначенного на экспорт. Основным тезисом С. п. был постулат о системности художественного текста (и любого семиотического объекта), системности, суть которой была в том, что художественный текст рассматривался как целое, которое больше, чем сумма составляющих его частей. Текст обладал структурой, которая мыслилась в духе того времени как похожая на структуру кристалла (говорили, что в начале своего пути литературоведы-структуралисты изучали основы кристаллографии, чтобы лучше понять то, чем они занимаются сами).

Историческая поэтика - наука, до сих пор находящаяся в процессе становления и не получившая окончательного статуса, хотя основы ее были заложены более ста лет назад великим ученым А. Н. Веселовским (1838-1906). Несмотря на исследования отечественных и зарубежных ученых, специально посвященные проблемам исторической поэтики, её общие очертания ещё только вырисовываются.

Сублимация – психический процесс преобразования и переключения энергии аффективных влечений на цели социальной деятельности и культурного творчества; понятие введено З.Фрейдом.

Сущность – внутреннее содержание исторического объекта, выражающееся в единстве всех его многообразных форм.

Теоретическое – полученное в результате идеализации отдельных сторон предмета или явления, знания полученные посредством анализа, синтеза и обобщения.

Теория (греч. наблюдение, рассматривание, исследование) – система обобщенного достоверного знания о том или ином «фрагменте» действительности, которая описывает, объясняет и предсказывает функционирование определенной совокупности составляющих его объектов. Термин «Теория» имеет различные значения, позволяющие отличить её от практики или же противопоставить гипотезе (как непроверенному, предположительному знанию). Теория. отлична от практики, т. к. является духовным мысленным «слепок», отражением и воспроизведением реальной действительности. Вместе с тем она неразрывно связана с практикой, которая ставит перед познанием назревающие задачи и требует их решения. Поэтому практика и её результаты в обобщенном виде входят в качестве органического элемента в Теорию. Каждая Теория имеет сложную структуру. Напр., в физических Т. можно выделить две части: формальные исчисления (математические уравнения, логические символы, правила и пр.) и «содержательную» интерпретацию (категории, законы, принципы). Благодаря возможности представить в символической форме содержательные элементы Т. достигается более четкое понимание ее формальной структуры, логических связей, т. е. ее аксиоматизация. Единство содержательного и формального аспектов Т. - один из источников ее развития и совершенствования. Построение и трактовка содержательной части Т. связаны с философскими взглядами, мировоззрением учёного, с определенными методологическими принципами подхода к действительности. Как естественнонаучные, так и общественнонаучные Т. обусловлены исторической обстановкой, в которой они возникают, исторически данным уровнем производства, техники, эксперимента, науки.

Теория игр – изучение математических моделей принятия оптимальных решений в условиях конфликта (под конфликтом понимается всякое явление, в котором участвуют различные стороны, называемые множествами игроков и наделенные несовпадающими интересами).

Теория нечётких множеств – теория, в которой осуществляется формализация нечеткости путём введения понятия степени принадлежности элемента нечеткому множеству (нечеткое или размытое множество – это совокупность элементов, относительно которых нет однозначного ответа на вопрос, принадлежит ли данный элемент этому множеству).

Теория познания, или **гносеология**, – раздел философии, изучающий взаимоотношение субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности, отношение знания к действительности, возможности познания мира человеком, критерии истинности и достоверности знания. Т. п. исследует сущность познавательного отношения человека к миру, его исходные и всеобщие основания. Являясь философским учением о познании, любая Т. п. с

неизбежностью исходит из определенного решения основного вопроса философии. Поэтому все варианты Т. п. прежде всего, делятся на материалистические и идеалистические. Хотя Т. п. выступает как относительно самостоятельная часть философии, теоретико-познавательные представления всегда связаны с др. философскими представлениями – о природе бытия, этическими и эстетическими взглядами. В частности, даже те направления Т. п., которые сводят к ней всю философию и отказывают в праве на существование к.-л. онтологии, неявно исходят из определённых взглядов на природу бытия. История Т. п., по существу, начинается с постановки в философии вопроса о том, что такое знание (диалог «Теэтет» Платона), хотя сам термин «Т. п.» появляется значительно позже. В истории философии проблематика Т. п. всегда играла существенную роль и иногда даже занимала центральное место. Для ряда направлений буржуазной философии характерно сведение философии к Т. п. (кантианство, махизм). Бурное развитие специально-научных методов исследования познания (математическая логика, семиотика, теория информации, психология и т. д.), с т. зр. некоторых позитивистов и позитивистски мыслящих ученых, ведет к ликвидации Т. п. как философской науки.

Тип человеческой личности – обобщенный образ, свойственный тому или иному обществу, соединяющий воедино все конкретные проявления человеческой активности.

Типология – метод познания, в основе которого лежит разъединение объектов и их группировка с помощью обобщенной идеализированной модели или типа.

Тотальная история – история жизнедеятельности людей в конкретном пространственно-временном промежутке, рассматриваемая историком со всех доступных ему аспектов; термин введен представителями французской школы «Анналов».

Умеренный историзм – подход, отвергающий претензии на непогрешимость знаний, но в то же время ориентированный на получение достоверного отражения прошлого как главной цели исторического познания; характерен современной американской историографии.

Факт исторический – объективное понятие по отношению к создателям исторических источников и историкам; инвариантно и неизменно в своей пространственно-временной и сущностной завершенности.

Факторный анализ – выявление наибольшего числа существенных признаков через наименьшее количество емких и исчерпывающих характеристик.

Фальсификация (лат. ложный и делать) – один из способов проверки истинности теоретических утверждений (гипотез, теорий) посредством их опровержения путём сопоставления с полученными в результате опыта эмпирическими данными. В основе Ф. лежит формальнологическое отношение, согласно которому теоретическое высказывание является опровергнутым, если его отрицание логически следует из множества совместимых между собой утверждений наблюдения. Опираясь на это логическое отношение, Поппер ввел в противовес неопозитивистскому принципу верификации (Верифицируемости принцип) принцип Ф., который

был истолкован им не как способ определения осмысленности научных утверждений, а как метод отделения науки от ненауки. Согласно Попперу, статусом научности обладают лишь такие высказывания, которые в принципе могут быть фальсифицированными, принципиально же нефальсифицируемые утверждения лишаются его.

Формализация – совокупность познавательных операций, обеспечивающих отвлечение от значения понятий с целью исследования их логических особенностей, дедуктивных и выразительных возможностей.

Фрейм – структура компьютерной системы представления знаний, которая при заполнении её элементов-слотов определенными значениями превращается в описание конкретного факта, события, процесса.

Функция – роль, выполняемая исторической наукой в обществе и определяющая в своей совокупности ее социальную ценность.

Холизм – термин, используемый для обозначения принципа целостности, который трактуется как высшее философское понятие, синтезирующее в себе объективное и субъективное; введен Я. Смэтсом.

Ценностный подход – аксиологический метод познания, основанный на соотнесении изучаемых объектов с теми или иными общепризнанными ценностями.

Цивилизация – общество самобытного типа, характеризующееся наличием определенных признаков, основными из которых являются: урбанизация, социальная стратификация, хозяйственная и политическая активность, типизация человеческой личности, внешняя жизнедеятельность и др.

Циклизм – одна из концепций «всемирности», в соответствии, с которой история – это совокупность последовательно расположенных замкнутых циклов, между которыми нет связей и переходов; разработана Д.Вико.

Эмпирическое – философская категория, характеризующая исследование, направленное непосредственно на объект и опирающееся на данные наблюдения и эксперимента.

Эпистемология (греч. знание и учение, слово) – теория познания, гносеология. Термин «Э.» употребляется в англ., и амер., реже во фр. и нем. буржуазной философии. Введение термина «Э.» приписывается шотландскому философу Дж. Ф. Ферье («Основы метафизики», 1854), делившему философию на онтологию и эпистемологию.

Этнология – область науки, изучающая генезис, сущность, функции и закономерности в развитии различных народов.

Явление – внешняя форма существования исторического объекта.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.....	2
СОВРЕМЕННОЕ НАУКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА.....	6
Как возникла наука?.....	8
Можно ли всё-таки считать гуманитарные науки науками в полном смысле слова?	10
Особенности процесса научного познания.	13
Научные революции, парадигмы и сообщества.	14
Парадигма в исторической науке.	15
Традиции и новации в развитии науки.	17
Кризисы общества и кризисы исторической науки. Почему происходит смена парадигм на рубеже XX – XXI веков?	21
Теоретические методы.....	26
ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	34
Историко-генетический метод.....	40
Историко-сравнительный метод.....	42
Историко-сравнительный метод – критический метод.....	44
Сравнительный метод как средство разработки и верификации гипотез. Ретроальтернативистика.....	45
Историко-типологический метод.	47
Метод историко-типологического анализа.	50
Принципы исторического познания.....	51
Принцип историзма.....	53
Системный подход.	57
Принцип объективности.....	57
Ценностный подход в истории	60
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ (СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ).	66
Онтологический и гносеологический подход к изучению истории	67
Критика Карлом Поппером концепции «историцизма».	73
СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ИЛИ СИТУАЦИОННАЯ ЛОГИКА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ.	83
Неверно считать, что объективность науки зависит от объективности учёного	85
Задачи построения исторических объяснений.....	86
В чём же состоит суть ситуационного анализа, или ситуационной логики? .	86
«Теория должна помогать действию, должна помогать нам изменять наши действия».....	88
Проблема единства естественнонаучного и гуманитарного знания.....	88
Дискурс – логическое основание исторической науки?	91
МАРКСИЗМ, ЕГО КРИТИКА И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ПРОШЛОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	93

Системный подход	94
Существенные свойства системы:	96
Регулятивные требования принципов материалистической диалектики.....	98
Критика марксизма и появление новых концепций общественного развития.	100
Догматическое восприятие марксизма и его последствия	105
Возможность синтеза формационного и культурологического (цивилизационного) подходов: концепция В.Д. Жигунина	106
Концепция всеобщей истории И.М. Дьяконова.....	108
Синергетическое видение истории.....	124
Есть ли в истории повторяемость?	128
РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО МЕТОДА ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛОЙ «АННАЛОВ». НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА.....	130
Идея множественности социального времени.	133
Цель и задачи исторической науки	134
Структурализм. Междисциплинарные исследования	135
Социальный заказ и работа историков	136
Кризис структуралистской методологии	137
«История в осколках»	138
Критика структурализма. Вызов постмодерна.	138
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.: ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА.....	143
Ситуация постмодерна	144
Ситуация постмодерна заканчивается	152
Природа исторического творчества: субъектно-объектные отношения	161
Реальность прошлого удостоверяется через переживание настоящего	164
Исторический образ прошлого по своей природе никогда не является завершенным.....	167
Проблема междисциплинарности	168
Междисциплинарность как фактор самовоспроизведения истории, её развития вширь и вглубь	169
Историческое знание определяется не одним научным направлением, а системой или совокупностью социальных наук.....	170
Семиотика и история. Культурфилософия Ю.М. Лотмана. Характеристика гуманитарного знания. Концепция Р. Барта.	175
Теория тропов Хейдена Уайта. Взаимодействие истории и литературоведения.	188
Комплексный подход в исторической науке. История как объяснение и история как понимание. Историческая герменевтика.....	206
Микроистория.....	221
Макро- и микроподходы в историографии.	228
История повседневности	232
Новые направления в историографии: гендерная и устная истории.....	242
ЛИТЕРАТУРА	251
САЙТЫ В ИНТЕРНЕТЕ (КАТАЛОГИ, ТЕКСТЫ)	257

Сайт «Всемирная история: Единое научно-образовательное пространство»	261
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	262